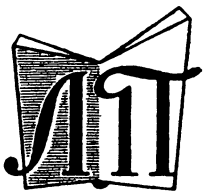
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники



شاہنامۂ فردوسی

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ ЦАРСТВОВАНИЯ ЛОХРАСПА ДО ЦАРСТВОВАНИЯ ИСКЕНДЕРА

ПЕРЕВОД Ц. Б. БАНУ-ЛАХУТИ
КОММЕНТАРИИ В. Г. ЛУКОНИНА
РЕДАКТОР ТЕКСТА А. АЗЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, В. В. Виноградов, И. Н. Голенищев-Кутузов,
А. А. Елистратова, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад
(председатель), *Д. С. Лихачев, Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь),
Ю. Г. Оксман, Ф. А. Петровский, А. М. Самсонов,
С. Д. Сказкин, С. Л. Утченко

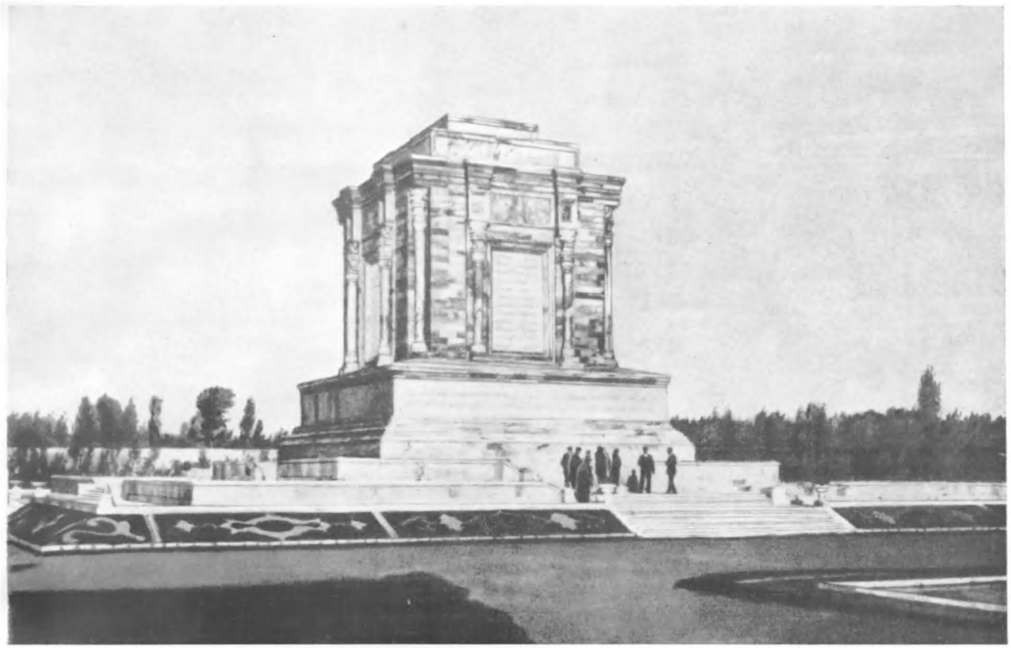
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Н. БОЛДЫРЕВ

7-3-4
178—68 (I)

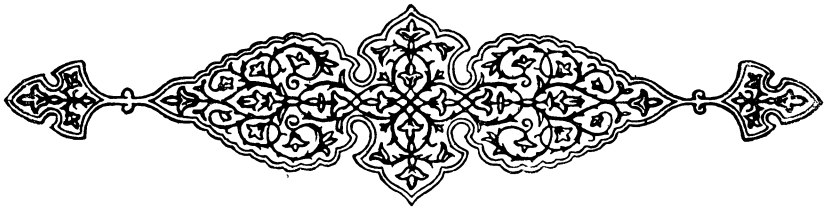
От редакции

Предшествующий том полного перевода «Шахнаме» вышел в 1965 г. Работу над четвертым томом коллектив осуществил в прежнем составе.

Предлагаемый том содержит стихотворный перевод «Шахнаме» от начала царствования Лохраспа до царствования Искендера, выполненный Ц. Б. Бану-Лахути под редакцией А. Азера;
комментарии В. Г. Луконина и Ц. Б. Бану-Лахути;
географический, именной и предметный указатели.



Гробница Фирдоуси в г. Тусе (Иран)



ЛОХРАСП

[Царствование Лохраспа
длилось сто двадцать лет]

[49959] Во славу владыки, чья доля светла *,
Чья воля — источник и блага, и зла,
Кто благ не жалеет для верных друзей,
Чьей кары жестокой страшится злодей.
У властного рока обычай такой:
Возносится им то один, то другой.
Когда тебе счастье судьбой не дано —
Пей: ржавчину сердца смывает вино.
Тому, кто почувствовал старости гнет,
Вино многолетнее младость вернет,
Расправиться мигом согбенной спине *
Поможет — волшебная сила в вине!
За чашею не утаишь от людей —
Добро ли, порок ли в природе твоей.
Познай свою суть, и откроешь, поверь,
Любую закрытую наглухо дверь.

Кто лиса трусливей — и тот, захмелев,
Бросается в бой, словно яростный лев.
Кто бледен от горя и жизни не рад,
Пригубив, зардеется, словно гранат.
Свирели и лютни за чашей вина
Мы просим — весельем душа зажжена.
Поведаю ныне о прошлых годах,
О славных властителях, мудрых мужах.
Послушай дехканом записанный сказ *,
От древних времен донесенный до нас.

[Лохрасп строит храм Огня в Балхе]

Когда справедливый Лохрасп на престол
В венце властелинов верховных взошел, —
Восславил, возблагодарил он творца,
Хваленья ему воздавал без конца.
«Нам должно, — сказал, — судии своего
Бояться и все ж уповать на него.
Извечно небесный вращает он свод,
Отраду смиренным рабам своим шлет.
И сушу он создал, и водный простор,
Над миром небесную твердь распростер,
Движением своды небес одарил,
Но землю недвижною он сотворил.
Беспечны мы, смерть же коварства полна *,
Вдруг прянет, как тигр разъяренный, она.
Мы тайн бытия разгадать не смогли,
Что проку цепляться за блага земли!
Неверен, невечен земной наш приют *,
Так пусть нас добром, а не злом помянут.
Венчаясь на царство, сказать мне пора:
Хочу правосудия, мира, добра.
Заветы Хосрова, и те превзойду,

Из сердца исторгну корысть и вражду.
О войнах забудьте, пусть правда царит —
Лишь мир благоденствие людям дарит».
Лохраспа воители превознесли,
Его величая владыкой земли.
Покой и отраду венчанный вкусил,
Желания чистой души утолил.
По свету гонцов разослал властелин * —
И в Хинд, и в румийскую землю, и в Чин.
И вскоре умельцы из каждой страны,
Которые в зодчестве изощрены,
К владыке Ирана явились на зов,
Вершить его замыслы каждый готов.
И к Балху затем вместе с ним поспешив,
Немало познаний и сил приложив *,
Построили новый блистательный град
Со множеством улиц, базаров, палат,
И храмы Огня засияли везде *,
Куда собирались на праздник Седе.
Святилище-диво возвел властелин *,
Назвав его именем славным — Борзин.

[Гоштасп в гневе покидает Лохраспа]

Царь двух сыновей луноликих растил *,
Достойных венца, преисполненных сил —
Гоштаспа с Зериром. Гласила молва:
В борьбе одолеть им под силу и льва,
Умом и Лохраспа они превзошли,
Затмить и храбрейшие их не могли.
Еще двух царевичей тою порой *
Возвысил Лохрасп, венценосный герой.
Они среди знатных иранской земли
Свой род от царя Кей-Кавуса вели.
Лохрасп этих юношей предпочитал

Гоштаспу, все более их отличал,
И тем был царевич Гоштасп уязвлен*,
Горел с юных лет честолюбием он.
В душе с каждым днем возмущенье росло,
И время немалое так протекло.
Порою весеннею в Парсе был трон
Под древом, роняющим цвет, водружен.
Спешат по веленью Лохраспа созвать
Вождей именитых, иранскую знать.
Вот подали чаши, налив дополна,
И тешит владыку сверканье вина.
Поднялся Гоштасп, лишь хмельного испил,
«О царь добродетельный, — он возгласил, —
Будь благословенна держава твоя,
Да множится добрая слава твоя!
Йездан всемогущий тебя на престол*
Хосрова, царя-правдолюбца, возвел.
Я верный слуга твой, притом не чужак,
Чту свято державный венец твой и стяг.
На поле войны, в богатырской борьбе
Не знаю противников равных себе.
Не в счет лишь внук Сама, сын Заля — Ростем,
Не сладит никто с грозным витязем тем.
Когда Кей-Хосров охладел к бытию,
Тебе передал он корону свою,
А ныне меня ты венцом удостой
И мне уступи свой престол золотой.
Клянусь тебе царский почет воздавать,
Тебя властелином и впредь называть».
«О сын мой, — Лохрасп отвечает юнцу, —
Горячность достойным мужам не к лицу.
Когда-то меня поучал Кей-Хосров, —
Мудрей, справедливей не слышал я слов,
Быть может, они и тебя вразумят:

„Рви сорные травы, проникшие в сад,
Весною — не то напоит их вода,
Разросшись, весь сад они сгубят тогда".
Ты молод, возвыситься не торопись,
От суетных, дерзких речей воздержись!»
Все выслушал молча Гоштасп; побледнев,
Покинул отца — в сердце горечь и гнев.
«Добро! — повторял он, — чужим лишь даруй
Свою благосклонность, а с сыном враждуй!»
Гоштаспу служили три сотни бойцов,
Отважных в бою верховых удальцов.
Созвал приближенных и, гневом палим,
Открыл затаенные замыслы им:
«Умчимся в ночи! От царева дворца
И взоры свои отвратим, и сердца!»
Мужи вопрошают: «Куда же пойдешь,
Убежище верное где обретешь?»
Ответил Гоштасп: «Проявили ко мне
Любовь и почтение в хиндской стране.
Царь Хинда недавно письмо мне прислал,
Он мускусом так на шелку написал:
„Тебя приглашаю пожаловать я,
Верь, будет законом мне воля твоя"».
В ночи, тяжкой палицей вооружась,
С дружиной в дорогу пустился Гоштасп.
Побег его в горе Лохраспа поверг,
И радости свет для владыки померк.
Вождей умудренных венчанный созвал,
О том, что постигло его, рассказал.
«Что сделал со мною мой сын! — говорит, —
Я в сердце им ранен, позором покрыт.
Гоштаспа взрастил, воспитал я таким,
Что в мире никто не сравнился бы с ним.
Я чаял — созреют благие плоды,

Но сад опустел, я во власти беды.»
И долго в раздумье владыка сидел,
Потом он Зерира призвать повелел,
Сказал: «Десять сотен бойцов отбери,
С тобою пусть выступят богатыри
В путь к Хинду далекому; эта страна —
Приют колдунов, да погибнет она!»
В Рум двинулся славный герой Гостехем,
И в Чин Горазе устремился затем.

[Встреча Гоштаспа с Зерирoм]

Царевич нахмуренный едет, в слезах,
Конь быстрый вздымает копытами прах.
Достигли Кабула и там цветники
Увидели, рощу и луг у реки.
Сказал бы, река молока и вина *
Пред ними, долина газелей полна.
На этом приволье устроив привал,
Царевич с дружиной весь день пировал.
Пируют и ночью, при свете огней,
За чашей веселье все жарче, шумней.
Лишь солнце взошло, устремились на лов,
Взяв гончих с собой, зорких взяв соколов.
Зерир той порою несется вдогон,
В пути остановок не делает он.
Заслышав далекое ржанье коней,
Покинула место охоты своей
Дружина Гоштаспа. Прислушавшись, так
Бойцам говорит именитый вожак:
«Зерира скакун, не иначе, летит,
Не ржет, а как яростный тигр он рычит.
Но брат не один устремился вдогон,
Ведет закаленных воителей он».

Еще не умолк, а уж в темной пыли
Стяг слоноголовый явился вдали *.
И мчится, как будто бы вихрем гоним,
Царевич Зерир перед войском своим.
Лишь только Гоштаспа вдали различил,
Зерир со слезами к нему поспешил.
Хваленья всевышнему он воздавал,
О мире, прощении к брату взывал.
Рыдая, они горячо обнялись
И рядом на резвых конях понеслись.
Достигнув стоянки, созвали мужей
Знатнейших и чтимых владыкой царей *.
Гоштасп пред собой им места указал
И долго совет с мудрецами держал.
Ему из мужей именитых один
Сказал: «В золотом кушаке исполин *!
Припомни: гадатели нашей страны,
Что знаньем и мудростью одарены,
Сулили тебе Кей-Хосрова удел,
Ты б, верно, иранской державой владел.
Ужели властителю Хинда слугой
Ты станешь? Нет, полно, твой жребий другой!
Не чтут здесь Йездана священный завет,
К владыкам Ирана почтения нет.
Не слышал никто о подобных делах,
Чтоб был у раджи в подчинении шах.
Отец тебя пестовал, нежно любя,
Не знаю, чем мог он обидеть тебя».
«О славный,— Гоштасп отвечает ему, —
Я, знай, неугоден отцу своему.
Кавусовым внукам он троны дарит,
Почет воздает и короны дарит.
Когда мне уступит иранский венец *,
Чтить буду его, словно идола — жрец.

А коль не отдаст, — мне того не простить,
Звезда его мне уж не станет светить *.
Исчезну, умчусь я в чужую страну,
Лохраспу оставлю и трон, и казну».
Сказал и в дорогу пустился опять,
Чтоб перед Лохраспом венчанным предстать.
Узнав, что домой возвращается сын,
Навстречу с дружиной спешит властелин.
С седлом разлучившись, искатель венца
Склонился, лишь только увидел отца.
Царь, видя покорность его, просиял
И крепко Гоштаспа в объятиях сжал.
Сказал он: «Величьем затмивший луну!
Коварного прочь отгони сатану —
Он жаждет тебя по дурному пути,
Как злобный дестур властелина, вести *.
Владыкой лишь будут меня называть,
Ты ж будешь державою повелевать».
«О царь, — отвечает Гоштасп, — пред тобой,
Ты видишь, предстал я смиренным слугой.
Исполни желанье мое, и клянусь *,
Как преданный сын пред тобою склонюсь!»
Дружины Гоштасповой каждый боец
Доволен и рад, все спешат во дворец.
Наполнились чаши душистым вином,
Алмазы в чертоге горят расписном,
Огнями он блещет, подумал бы ты —
Дождь звездный осыпал его с высоты.
Мужи захмелели, на сердце светло,
И розами каждый венчает чело.
Царь все о Хосрове-царе́ говорил,
Вниманье лишь внукам Кавуса дарил.
Гоштасп удручен, слезы горькие льет,
К себе на совет приближенных зовет

И так говорит им: «Не знаю, как быть,
Как видно, мне горькой судьбы не избыть.
Коль с войском уйду я, — дойдет до царя,
Вслед вышлет с дружиною богатыря,
Начнут уговаривать, увещевать,
Уловкой вернуться заставят опять.
А здесь мой удел — униженье и стыд.
Мне сердце Лохрасп ранит сотней обид!
Он к сыну не благоволит своему,
Лишь племя Кавусово мило ему.
Один я умчусь! Не узнают куда,
Владыка меня не воротит тогда».

[Бегство Гоштаспа в Рум]

Конюшен Лохрасповых конь вороной *
В Гоштасповой сбруе. Порою ночной,
В венце, озаренном Хомая пером,
И в мантии, затканной сплошь серебром,
Динаров и царских алмазов с собой
Взяв вдоволь, царевич, гонимый судьбой,
В Рум двинулся. Царство осталось отцу,
Мытарства достались ему, беглецу!
Услышав, что скрылся бесследно Гоштасп,
Утратил покой, омрачился Лохрасп.
Старейших, мудрейших мужей он зовет *
И речь об исчезнувшем сыне ведет.
Сказал он: «Венчанные головы в прах
Повергнет Гоштасп, равный тигру в боях.
Такою угрозой нельзя пренебречь.
Как быть, как себя от беды уберечь?»
«О шах! — речь такую советник повел, —
Знай, держится богатырями престол.
Мир равных Гоштаспу досель не видал,

В сказаньях и то о таких не слыхал.
Послать во все стороны должно гонцов,
Испытанных, знающих свет храбрецов.
Коль сына воротишь, — с ним милостив будь,
Лишь блага ищи, о корысти забудь.
Не первым же носишь ты царский венец.
И каждого ждет неизбежный конец.
Ты сыну короной чело увенчай,
Ему под начало дай войско и край.
Ведь, кроме Ростема, наездников нет
Подобных Гоштаспу— пройди хоть весь свет.
Любуются люди обличьем его,
Никто не затмил бы величьем его.»
Царь множество знатных мужей разослал,
Царевича долго по свету искал,
Но поиски не приносили удач,
Гонец за гонцом возвращается вскачь.
Печаль, покаянье — Лохраспа удел,
Скитанья, страданья — Гоштаспа удел.

[Прибытие Гоштаспа в Рум]

До берега моря Гоштасп доскакал
И, спешась, пред сборщиком пошлин предстал.
Тот звался Хишуем, правдивый был муж
И доблестный, и прозорливый к тому ж.
Услышал Гоштаспа приветствие он:
«Пусть разумом будет твой дух озарен!
Я славу стяжавший в Иране дебир *,
В стремлении к знанью изъездивший мир.
Коль дашь мне до Рума на судне твоем
Добраться, — вовек не забуду о том!»
Ответ был: «Нет, ты сотворен для венца,
Для яростных сеч и доспехов бойца.

Не думай, что тайну сумеешь ты скрыть,
Безданно-беспошлинно к Руму поплыть.
Дар нужен мне, правда нужна, а не ложь,
Ведь ты на дебира совсем не похож».
Царевич в ответ на Хишуеву речь
Сказал: «Больше тайну не стану беречь.
Проси все, что хочешь, теперь у меня —
Венец мой, динары, кинжал иль коня».
Он в сердце Хишуя веселье вселил,
Динарами щедро его наделил.
Тут парус Хишуй поспешил натянуть
И по морю держит с царевичем путь.
Румийскую путник увидел страну,
Град на три фарсанга простертый в длину *.
Построенный Сельмом, прекрасен, велик
Град стольный кейсаров, могучих владык *
Лишь только царевич в тот город попал *, —
Работу искать и пристанище стал.
Уж роздал и прожил он все, что имел,
И в горе оплакал свой тяжкий удел.
Устав от скитаний, тоской обуян,
Идет во дворец, где кейсара диван *,
И так говорит он, склонясь пред главой:
«Дебир я, в Иране воспетый молвой.
Пришел я услуги свои предложить,
Хочу твоим рьяным помощником быть».
Взглянули писцы на того чужака
И переглянулись: такая рука
Пергамент касанием испепелит,
И сталь под рукою заплачет навзрыд!
Такому б коня да аркан на луке,
Скакать бы ему с добрым луком в руке!
«Дебиров у нас, — отвечают ему, —
Избыток, нам нового брать ни к чему.»

Бледнея, отказу внимает Гоштасп,
И царский диван покидает Гоштасп.
Стеная, дав волю горючим слезам,
К кейсаровым держит он путь табунам.
А главный табунщик — достойный Нестар,
Он мудр, искушен, хоть годами не стар.
Хвалу воздавая, склонился пред ним
Гоштасп, затаенной тревогой томим.
Приветливым взглядом Нестар наградил
Пришельца и рядом с собой усадил,
Спросил его: «Кто ты? Мне правду скажи.
Ты с виду, как царского рода мужи».
«О славный! — Гоштаспа ответ был таков, —
Мое ремесло — объезжать скакунов.
В подмогу возьми, я тебе пригожусь,
Опорою буду— труда не страшусь.»
«Увы, чужестранец! — он слышит в ответ, —
Друзей у тебя здесь и родичей нет.
У водных зыбей, на просторе степей
Могу ль незнакомцу доверить коней?»
Уходит Гоштасп, на душе тяжело,
Раскаянье сердце ему обожгло:
Злосчастен, кто отчий нарушил завет,
Еще не таких он натерпится бед!
В тоске сожалений, терзающих грудь,
К царевым погонщикам держит он путь,
Хваленья главе их воздав, говорит:
«Вовек да не ведаешь бед и обид!»
В Гоштаспа вглядевшись, погонщик почет,
Какой подобает, ему воздает.
Ковры расстилает, сажает его,
И лучшей едой угощает его.
«О муж благородный, — такие слова
Услышал погонщиков царских глава, —

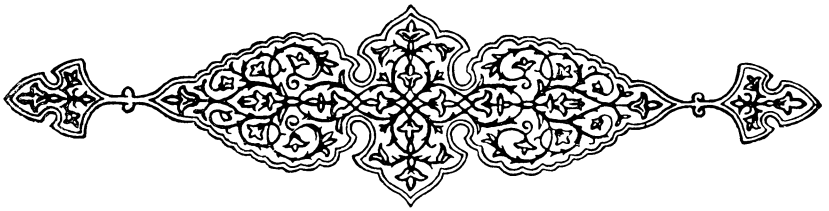
Дозволь мне вести караваны, за труд
И мзды не прошу я, лишь корм да приют.»
«О доблестный муж! — был ответ пришлецу, —
Занятье такое тебе не к лицу.
Ты нашей едва ль подчинишься судьбе,
К престолу кейсара припасть бы тебе:
Избавит лишь он от невзгод и тревог,
Ты лучшей защиты найти бы не мог.
Дороги страшишься — она далека, —
Дам быстрых верблюдов и проводника.»
Хвалою ответил Гоштасп и ушел,
В отчаянье к городу снова побрел.
Подавленный бременем тяжких забот,
К базару кузнечному путник идет,
Там видит Бураба; удачлив и смел,
Своим ремеслом он отменно владел.
Подковывать царских коней лишь ему
Давали — к кейсару был вхож потому.
Подручных имел при себе тридцать пять,
Без отдыха им приходилось ковать.
Так долго в Бурабовой лавке сидел
Гоштасп, что уже кузнецу надоел.
Воскликнул ремесленник: «Муж из мужей,
Чего тебе в кузнице надо моей?»
Гоштасп отвечает: «Работы хочу,
Твой молот тяжелый и мне по плечу.
Дозволишь остаться — в трудах помогу,
Поверь, с наковальнею сладить смогу».
Речь путника выслушал, видит: не слаб,
И взять уж согласен в ученье Бураб.
Он, брус раскаливши железный, тотчас
Направился с ним к наковальне. Столпясь,
Глядят кузнецы, чтобы вынести суд.
Вот молот тяжелый пришельцу несут.

Удар наковальню и брус расколол.
О путнике слух все ряды обошел.
«Нет, полно, — сказал устрашенный кузнец, —
Руки столь могучей, хоть ты и юнец,
Ни камень с железом, ни горн и меха
Не́ стерпят!» Как доля Гоштаспа лиха!
Отбросил он молот, но голод все злей.
Ни пищи, ни крова. В мелькании дней
Невзгоды не вечны, минуют, как сон,
Не вечно и счастье — таков уж закон.
То радуясь, каждый живет, то скорбя, —
Мудрец, да не точит забота тебя!

[Дехкан уводит Гоштаспа
в свой дом]

Гоштасп, истомившись в бесплодной борьбе,
Рыдает, стенает, пеняет судьбе,
Ему подносящей один только яд.
Из города вышел, и тут его взгляд
Селеньем, мелькнувшим вдали, привлечен.
Услышав ручья многоводного звон,
Увидев тенистый платан, над водой
Раскинувший ветви, беглец молодой
В тени приютился, взывая: «Творец*!
Когда же страданьям наступит конец!
Скитаюсь без помощи, с мукой в груди
И вижу лишь беды одни впереди».
Тем временем мимо дехкан проходил, —
Селенья того кедходою он был*.
Глядит: подперев подбородок рукой,
Льет юноша горькие слезы рекой.
Воскликнул: «Рожденный блистать средь мужей!
Открой мне причину печали своей.
Последуй за мною, мой дом посети,

Заботы забыв, у меня погости.
Быть может, к тебе возвратится покой
И больше не станешь томиться тоской».
«О славный, — Гоштасп вопрошает его, —
Поведай, ведешь ты свой род от кого?»
Ему кедхода отвечает: «К чему
Меня ты об этом спросил, не пойму?
К царю Феридуну восходит мой род,
Который издревле великим слывет».
Услышал ответ кедходы и, тотчас
Поднявшись, пошел за почтенным Гоштасп.
Тот гостю в жилище войти предложил,
Почетом и лаской его окружил,
Ему не давал омрачаться, о нем
Заботясь, как будто о брате родном,
Жалея пришельца из дальней земли.
Недели и месяцы так протекли.



[СКАЗ О КЕТАЮН, ДОЧЕРИ КЕЙСАРА]

Так было кейсарами заведено *,
Которым иметь дочерей суждено:
Лишь станет кейсарова дочь расцветать
И время придет ей супруга искать,
Красавицы той венценосный отец
Зовет отовсюду к себе во дворец
Прославленных доблестью знатных мужей,
Румийцев, достойных супружества с ней.
Царевна избранника ищет средь них,
Скрываясь сама меж рабынь молодых,
И даже короны ее золотой
Не видно за девичьей пестрой толпой.
В ту пору наследник румийских царей
Отцом был прославленных трех дочерей.
Сестер Кетаюн затмевала: она *
Прекрасна, разумна, к тому же скромна.
Царевне привиделось как-то во сне,

Что солнце над краем взошло в вышине
И витязи с разных сторон собрались, —
Сказал бы ты — на небе звезды зажглись *.
В собрании том появился пришлец,
С печалью в очах молодой удалец,
Осанкою — тополь и месяц — лицом,
Как будто он царь, осиянный венцом.
С поклоном царевне цветы он поднес,
И сам награжден был охапкою роз.
Ночь минула, солнце в сиянье лучей
Взошло и от сна пробудило мужей.
Румийской столицы достойных сынов
Немало к царю поспешило на зов.
Собранье с волнением радостным ждет,
И вот ясноликая дева идет
С охапкой нарциссов; вкруг тесным кольцом
Десятки невольниц, прекрасных лицом.
Избранника дева устала искать —
Никто ее взгляда не смог приковать.
В покой сокровенный вернулась в слезах,
О милом приснившемся друге в мечтах.
Вновь стала земля, как воронье крыло,
Вновь ясное солнце над нею взошло,
И вновь обнародован царский указ.
Владыка страны предложил в этот раз,
Чтоб все во дворец на смотрины пришли
Знатнейшие люди румийской земли.
Молва лишь успела по краю разнесть
О новом указе властителя весть, —
Гоштаспу сказал покровитель его:
«В глуши оставаться тебе для чего?
В чертоге царя побывай меж людей,
Рассейся и грустные думы развей».
В путь вышел Гоштасп вместе с другом своим.

И вот уж кейсара дворец перед ним.
Вошел он, собранье мужей оглядел
И грустно от всех в отдаленье присел.
Выходит царевна, от взоров чужих
Скрываясь за роем рабынь молодых;
Цветущим, пленительным, — нет им числа.
Собранье мужей Кетаюн обошла
И мыслит, Гоштаспа узрев пред собой:
«Сон сбылся, мне послано счастье судьбой!»
Царевна ему увенчала чело
Своею короной, сиявшей светло.
И тут же дестур умудренный бегом
К кейсару пустился поведать о том:
«Знай, мужа избрала она — тополей
Стройней нѐ увидишь в просторе полей.
Дивит величавой осанкой, на лик
Посмотришь и вспомнишь весенний цветник.
На нем словно божья лежит благодать,
Но только не ведаем, как его звать».
Ответил кейсар: «Лучше б сгинула дочь!
Снести поношенье такое невмочь.
Безвестному дочь уступив чужаку,
Позору навеки себя обреку.
Ей, дерзкой, с избранником вместе тотчас
Отрубят пусть головы — вот мой приказ!»
Ответ был: «Мир видел немало владык,
Гордыни чуждайся, хоть ты и велик.
Ты дочери друга избрать повелел,
А не властелина, чей славен удел,
Избрала желанного. Ей не грози,
Держись осененной Йезданом стези!
Таков был закон твоих славных отцов —
Достойных и праведных тех мудрецов,
На этом обычае держится Рум.

Поступков, которым противится ум,
Поддавшись горячности, не совершай,
Обычаев древности не нарушай!»

[Кейсар отдает Кетаюн
в жены Гоштаспу]

Царь, выслушав это, не стал возражать
И дочь согласился Гоштаспу отдать,
Сказав ей при этом: «Не жди от отца
Ни перстня теперь, ни казны, ни венца!»
Решением этим Гоштасп удручен,
В смятенье взывает к создателю он
И молвит царевне: «Ты в холе росла *,
Зачем венценосцам меня предпочла!
Я — странник, и если за мною пойдешь,
Одни злоключения ты обретешь.
Судьбу свою с ровнею соедини,
Отцовское благоволенье верни!»
Ответила: «Мрачные мысли к чему?
На жребий как можешь роптать, не пойму.
Поверь, мое счастье в одном лишь тебе,
Не в царском венце, не в державной судьбе».
Покинули двор властелина страны *,
К дехкану явились, тревоги полны;
Тот в доме простом молодых поселил,
Ковры свои лучшие там расстелил.
Сказал он: «Причины печалиться нет.
Живите, не ведая горя и бед!»
Стократ за добро, что для них сотворил,
Гоштасп благодетеля благодарил.
Когда Кетаюн покидала дворец,
Немало взяла и серег, и колец;
Избрав меж каменьев алмаз дорогой,

Чьи грани дивили волшебной игрой,
Купцу его в лавку относит, и тот
С большою охотою камень берет,
Шесть тысяч динаров отдав золотых, —
И это спасло от нужды молодых.
Домашнюю утварь купили они,
Довольствуясь малым. За днями шли дни.
Живут, как живется, с судьбой примирясь,
Порою горюя, порой веселясь.
Гоштаспа в ту пору охота влекла,
С ним дружен колчан, неразлучна стрела.
Однажды охотясь, глядит: поворот
Дороги к Хишуеву дому ведет.
Немало косуль заарканил в тот день
Ловец; лишь упала вечерняя тень, —
Покончил с охотой удачной своей
И мчится к Хишую с добычею всей —
И крупной и мелкой. Его узнает
Хишуй и довольный навстречу идет.
Спешит он для гостя ковер разостлать
И скатерть со снедью обильной подать.
Гоштасп отдохнул, подкрепился едой
И вихрем умчался к жене молодой.
С той встречи стал дружбу с Хишуем водить
Достойный Гоштасп — их водой не разлить*.
С охоты на ланей домой возвратясь,
Он долю добычи относит тотчас
Хишую, другую дарит кедходе —
Тому, кто помог ему первым в беде,
И людям старейшим деревни. Но в ней
Нет ближе ему кедходы, нет родней.

[Мирин просит у кейсара
в жены его вторую дочь]

Жил некий румиец, он звался Мирин —
Богатый, прославленный муж-исполин.
Сказал он кейсару такие слова:
«Меня до небес превозносит молва.
Дай в жены мне дочь, зятем, царь, назови
И славой моею свою обнови».
Ответ был: «Достойный мне надобен зять.
Как прежде, союз не хочу заключать.
Об этом и думать мне стало невмочь
С тех пор, как безродного выбрала дочь.
Отныне кто хочет со мною в родство
Вступить, пусть во имя союза того
Великого мужества подвиг свершит
И станет средь знатных мужей знаменит.
Пускай прогремит он в румийской стране
Отвагой и будет опорою мне.
Пусть мчится, готовый к кровавым боям,
В дремучую чащу Фаскунскую. Там
Волк рыщет огромный — не волк, а дракон,
А силою с Нилом сравнился бы он.
Рогатый, клыки, что у вепря, торчат,
Такого и слон одолел бы навряд.
Доселе вступить в тот опасный предел
Ни лев, ни воитель могучий не смел.
Кто сможет с чудовищем тем совладать,
Тот будет мне друг и соратник, и зять».
Мирин же во власти сомнений и дум:
«С тех пор, как создателем создан был Рум,
В бой с палицей шли наши предки не раз,
Но битвы с мужами вели, а сейчас
Кейсар непосильную мне задает
Задачу: моей, знать, погибели ждет.

Пойду поразмыслю, что делать, как быть,
Как это чудовище мне победить».
В раздумье вступил в свой чертог расписной
Муж доблестный, чтимый родною страной.
Велит поскорее скрижали принесть,
Где можно грядущие судьбы прочесть,
И вот что прочел: «В предназначенный час
Прославленный муж, из Ирана примчась,
Немало знатнейших румийцев затмит,
Три дела труднейших подряд совершит:
Кейсаровым зятем он станет сперва,
Гордиться им будет державы глава.
Потом двух зверей, устрашающих Рум,
В печаль и тревогу ввергающих Рум,
Убьет именитый — ему ведь мечом
Сильнейших из сильных сразить нипочем».
Судьба Кетаюн тут на память пришла
Мирину: он знал, что пришельца взяла
В мужья, знал и то, что Хишуй с кедходой —
Защитники этой четы молодой.
К Хишую Мирин устремился тогда,
Про все, что в грядущем сулила звезда
Румийскому краю, поведал со слов
Философов Рума, седых мудрецов.
На это ему отвечает Хишуй:
«Со мною сегодня, как друг, попируй.
Пришлец, о котором ты речи ведешь, —
Муж рода великого, это не ложь.
Но занят охотой одной его ум,
Что Запада царь ему, что ему Рум!
Вчера не успел он меня навестить,
Веселье в печальное сердце вселить,
А нынче, с охоты вернувшись домой,
Сомнения нет, в дом заглянет он мой».

И все уж для пиршества принесено,
И в золоте чаш заалело вино.
Как дело дошло до четвертой, — вдали
Гоштасп на коне показался в пыли.
Поспешно Хишуй и Мирин поднялись
И в поле навстречу верхом понеслись.
Вглядевшись в Гоштаспа, воскликнул Мирин:
«Второй не рождался такой исполин!
Он, верно, из рода владык — не сыскать
Такую осанку и силу, и стать».
Ответил Хишуй: «Он героев глава,
На поле сраженья отважнее льва.
В нем больше достоинств еще, чем сулит
Его величавый и царственный вид».
Но вот уже близко подъехал Гоштасп,
И оба к нему поспешили тотчас.
Расстелены мигом ковры у ручья
Для нового пира. Воссели друзья,
И старое их опьянило вино,
И новую дружбу скрепило оно.
Вино ярче лала и лица — что лал *.
Гоштаспу Хишуй осмелевший сказал:
«Мне, витязь, доверься — недаром, о друг,
Меня одного среди всех, кто вокруг,
Ты другом зовешь. За советом ко мне
Явился Мирин — муж, известный стране.
Сравнятся немногие с ним по уму,
Небесные тайны открыты ему.
Философы Рума ему помогли
Проникнуть в грядущее нашей земли.
А род его к Сельму восходит. Назвать
Он может всех предков — древнейшую знать.
Наследственный, им сохраненный булат
Служил еще Сельму столетье назад.

Храбрец повергает мужей и коней,
Орла настигает стрелою своей.
Но этого мало еще для него —
С кейсаром вступить он задумал в родство:
Царевну он в жены просил и ответ
Услышал такой, что не мил ему свет.
„В Фаскуне есть волк, — так кейсар отвечал, —
С ним рядом верблюд показался бы мал.
Коль будет повержен рукою твоей, —
Тебя вознесу среди знатных мужей,
И князем ты станешь и зятем моим, —
И буду я жребием счастлив своим."
Такое условье ему властелин *
Поставил. Твоей ждет подмоги Мирин.
Помог бы — он братом тогда б тебе стал,
Весь век свой и я бы тебя почитал».
Воскликнул пришлец: «Это дело по мне!
Где ж лес тот, скажите, в какой стороне?
Увидим, что это за хищник такой,
Отнявший у знатных и бедных покой».
Ответ был: «Ему сила дивья дана *,
Он выше верблюда, с клыками слона.
Страшна его черная, жадная пасть;
Глаза цвета крови, что индиго—масть;
Рога — две эбеновых балки, не раз *
Он ими коня протыкал, разъярясь.
С ним часто мужи выходили на бой,
Тяжелою вооружась булавой,
Но рок одоления им не давал,
Лишь сердце стыдом, что огнем, обдавал».
Промолвил Гоштасп: «Сельмов дайте мне меч,
Коня огневого, что годен для сеч!
Коль ростом с верблюда тот хищник, то он
Не волк — обернувшийся волком дракон».

Мирин, это выслушав, с места вскочил,
Вернуться в жилище свое поспешил,
В конюшне избрал вороного коня;
Шлем выбран румийский, стальная броня,
Острее алмаза булат — закален
И кровью и ядом губительным он.
Мирин и дары не забыл отобрать:
Пять ярких алмазов и яхонтов пять.
Лишь солнце покров смоляной прорвало
И светлое миру явило чело, —
Владений своих он покинул предел
И к дому Хишуя, как вихрь, полетел.
Вернулся с охоты меж тем и Гоштасп.
Мирина завидев, навстречу примчась,
Дивятся друзья и мечу, и коню,
Чей бег быстротою подобен огню.
Из княжьих даров, ослепляющих взгляд,
Взял только доспехи, коня и булат,
А прочим Хишуя Гоштасп одарил,
Отрадою сердце его озарил.
И вот уж на витязе блещет броня,
Мечом опоясался он, на коня
Вскочил, на луку намотал свой аркан,
Конь гордый, и гордый на нем великан.
Но в путь выступает Гоштасп не один —
Хишуй с ним и честолюбивый Мирин.
Несутся к Фаскуну, а сердце сверлит
Тревога, и кровь от волненья бурлит.

[Гоштасп убивает волка]

Приблизились к лесу, где волк обитал, —
Тут страх несказанный Мирина объял;
Он логово зверя дрожащей рукой

Гоштаспу спешит указать и, тоской
Томимый, охваченный жгучим стыдом,
Пускается в бегство с Хишуем вдвоем.
В унынье Хишуй восклицает: «Беда!
Не свидеться с витязем нам никогда,
Ему уже впредь на земле не блистать,
Все сгинет — и доблесть, и сила, и стать».
Гоштасп, темный лес увидав пред собой,
Смутился, хоть сердце звало его в бой.
Коня придержал он, спустился с седла,
Простерся и, не поднимая чела,
К Йездану взывает: «Пречистый творец!
Краса бытия, мирозданья венец!
Мне в подвиге этом на помощь приди,
Лохраспа седого, молю, пощади!
Коль оборотень, нагоняющий дрожь,
Который на волка совсем непохож,
Осилит меня, — слух дойдет до отца,
И жалобный стон, леденящий сердца,
Раздастся; искать меня старый пойдет,
Слезами, в безумие впав, изойдет.
А если на волка напасть устрашусь, —
Как людям в глаза посмотреть я решусь?»
И вот уж пригнулся к седельной луке,
С воинственным кличем, с булатом в руке,
Тугою свой лук оснастил тетивой
И с бьющимся сердцем кидается в бой.
Уж чащи дремучей успел он достичь,
И слышен окрест громовой его клич.
Волк витязя видит, проникшего в лес,
И вой поднимает до самых небес;
И лапами роет неистово прах,
Подобный голодному тигру в степях.
Гоштасп лишь на чудище это взглянул —

Свой лук богатырский потер, натянул,
Стрелу, и другую, и третью пустил —
В весеннюю тучу он лук обратил.
От этого ливня Гоштасповых стрел
Зверь, кровью облившийся, рассвирепел.
В мученьях упал, но поднялся тотчас;
Вперед, словно буйный верблюд, устремясь,
Пустить приготовился в ход он рога,
Терзаемый болью, взревев, на врага
Накинулся; голову низко нагнув,
Из всех своих сил вороного боднув,
Вспорол ему брюхо; конь раненый пал,
Но всадник вскочил и отважно напал
На волка, мечом его острым разит;
Рассеченный надвое, хищник убит.
Гоштасп, удалившись, воззвал: «Судия *
Единственный, правый, творец бытия!
Ты — высший из высших, предел высоты,
Стезю указуешь заблудшему ты,
Нам в тяжкой борьбе одоленье даришь,
И мужество и разуменье даришь!»
Вернувшись, у зверя два острых клыка
Извлек, хоть задача была нелегка,
И, чащу покинув, шагает один.
Вот к берегу моря пришел исполин.
Хишуй и Мирин там сидят у воды,
В печали твердят: «Не избег, знать, беды
У зверя в когтях наш бесстрашный боец.*
О горе, погиб молодой удалец!»
Вдруг видят: Гоштасп перед ними стоит
В крови, лик — желтее цветка шенбелид *.
Вскочили, своим не поверив глазам,
В волненье дав волю горячим слезам, —
Так тучи рыдают в весенние дни.

Героя в объятьях сжимают они
И просят: «Начни же скорее рассказ!
Ведь кровью сердца обливались у нас!»
«Эх, витязи!— слышен Гоштаспа ответ, —
Знать в Руме у вас страха божия нет.
Чудовище сеяло ужас и смерть, —
Расправиться с дерзостным как не суметь!
Как видно, кейсар с целым войском своим
Был горсточки пепла ничтожней пред ним.
Я зверя булатным мечом пополам
Рассек и принес избавление вам.
Взгляните — во прахе валяется он,
С разодранной шкурою мертвый дракон.
Сказал бы, не волка — слона я сразил,
Всю чащу он тушей своей завалил.»
И, духом воспрянув, к той чаще вдвоем
Хишуй и Мирин устремились бегом.
Увидели волка — он впрямь со слона,
Когтистый, как тигр, шкура сине-черна.
Его пополам меч разрезал стальной —
Сказал бы, два чудища в шкуре одной!
Бойцу дань восторга они воздают,
Хвалу ему, солнцу земному, поют.
К герою потом воротились они,
От радости так и светились они.
Немало даров заслужил исполин,
Ему преподнес их счастливый Мирин,
Но принят лишь конь быстроногий; стрелой
Понесся на нем богатырь удалой,
И вот уж примчал его к дому скакун.
С порога увидев его, Кетáюн,
Дивясь, вопросила: «Откуда броня?
Ты, помню, седлал для охоты коня».
Гоштасп отвечает подруге своей:

«Приехало несколько знатных мужей
От близких моих, из далекой земли
Мне эти доспехи они привезли».
Вот чаши несет Кетаюн и вино,
Как розовый сок, благовонно оно.
Вдвоем пировали, уснули вдвоем,
Но вдруг просыпаясь во мраке ночном,
В смятении вскакивал с ложа герой —
Все грезился славному с чудищем бой.
Спросила жена: «Средь ночной темноты
С чего так метался и вскрикивал ты?»
Ответил Гоштасп: «Ночь я дурно провел.
Приснилось мне счастье, приснился престол».
И тут догадалась подруга, что род
Гоштасп от владык именитых ведет,
Но это скрывает: умом наделен,
Не ищет кейсаровых милостей он.
«Моя среброгрудая, — слышит она, —
Чьи кудри — как мускус, лицо — как луна!
Решайся, поедем с тобою в Иран,
Увидишь героев воинственных стан, —
Мой край, несравненный в величье своем,
Возглавленный праведным, щедрым царем».
Она ж: «Не обдумав, ты речи ведешь.
Так скоро на родину не попадешь.
Помедли: путь долгий лежит впереди.
Сначала с Хишуем ты все обсуди,
Тогда на его уплывешь корабле,
И новую жизнь ты начнешь на земле.
А мне лишь разлуки достанется боль,
Расставшись, нам свидеться вновь суждено ль?»
И плачут они, расставанье кляня,
От горя заране горя без огня.
Лишь солнце сверкнуло, весь мир ослепив,

Супруги, надеждой сердца укрепив,
Покинули ложе, по саду бредут,
Но все об одном только речи ведут,
Гадают: что ждет их? Загадочный рок
К ним милостив будет иль будет жесток? . .
Тем временем вихрем примчался Мирин
К дворцу, где румийский царил властелин.
«Великий владыка! — Мирин говорит, —
Зверь лютый уже никому не грозит,
Упав, завалил он собою весь лес,
Увидеть не хочешь ли чудо чудес?
Меня бы тот хищник лесной растерзал,
Но встретил его мой булатный кинжал,
И рухнул, разрубленный надвое, он —
Ударом таким был бы див устрашен!»
Ликует кейсар от рассказа того,
И радостно вспыхнул лик бледный его.
Быков запряженных велит привести,
Чтоб из лесу волка того привезти.
Средь чащи увидели тушу — она
Поистине величиной со слона.
Как вывезли в степь, грянул будто бы гром —
Сказал бы ты, горы трясутся кругом.
Сбежался народ, всюду слышится толк:
«Да это чудовище — див, а не волк!»
Кейсар как увидел, что зверь умерщвлен,
В ладоши захлопал от радости он.
Епископа тотчас призвал властелин *,
Супругом царевны стал витязь Мирин.
И в путь снаряжаются тут же гонцы,
Посланья во все полетели концы *:
Мол, витязь румийский, Мирин-удалец
От волка избавил страну, наконец!

[Эхран просит в жены
третью дочь кейсара]

Меж витязей Рума муж доблестный жил,
Годами моложе Мирина он был.
Из рода могучих и сам великан,
А витязя этого звали Эхран.
Посланье такое кейсару он шлет:
«Владыка, которого славит народ!
Со мною Мирин не сравнится ни в чем —
Богаче я, лучше владею мечом.
Дай в жены мне младшую из дочерей,
И славу свою приумножишь моей».
«Ужели не слышал, — таков был ответ, —
Какой вседержителю дал я обет?
Плох старый устав, я нарушил его,
Смотрины отринул, отверг сватовство.
Лишь подвиг свершив, молодой исполин,
Соратником станешь моим, как Мирин.
Дракон есть ужасный в горах Сокейла,
Румийцам немало содеявший зла.
Не меньше, чем в волке сраженном, в нем сил,
Дыханьем он дива бы испепелил.
Когда от дракона избавишь страну, —
Вручу тебе княжество, дочь и казну.»
И слышит он: «Жизнью своею клянусь —
Исполню веление, не уклонюсь».
А близким сказал: «Волка видел я, — он
Мог быть лишь могучим героем сражен.
Мирин бы такого не смог победить,
Кейсар о мужах не умеет судить.
Я к витязю все же теперь поспешу,
В ход средство какое пустил он — спрошу».
Как вихрь полетел он к Мирину потом,
И раб доложил господину о нем.

Мирину и месяц завидовать мог —
Так дивно сиял его светлый чертог.
В нем гордо владетельный князь восседал,
Венец над челом честолюбца блистал.
Раба донесенье услышал Мирин:
Мол, прибыл с мужами Эхран-исполин.
Спешит он своих приближенных созвать,
Чтоб должное знатному гостю воздать.
С почетом хозяин встречает его,
Приветствует и величает его.
Всех лишних Мирин удаляет потом
И с гостем своим остается вдвоем.
Промолвил Эхран: «На вопросы мои
Правдиво ответь, ничего не таи.
Просил я — ты должен об этом узнать —
Кейсара дочь младшую в жены мне дать.
Ответил сурово в немногих словах:
„Сразись, мол, сначала с драконом в горах!“
Как с волком сражался — ты мне расскажи,
Путь к счастью желанному мне укажи».
Услышал Мирин тот нежданный вопрос,
И множество дум в голове пронеслось:
«Хотя б от Эхрана мной был утаен
Воителя подвиг, — откроется он.
Поведаю правду, как должно мужам,
Путь лжи — это путь, приводящий к слезам.
Пусть ныне пришелец воинственный тот
Эхрану в подмогу дракона убьет,
И станет мне предан Эхран, словно брат,
Не страшен двоим никакой супостат.
Пришельца же мы вслед за тем изведем,
Никто никогда не узнает о том».
Ответил Мирин: «Я готов рассказать
Всю правду, но клятву мне должен ты дать,

Что в тайне мои сохранятся слова,
Что не разнесет их по свету молва».
Эхран нерушимый приносит обет,
Миринову исповедь слышит в ответ.
И тут же с пергаментом слился калям *.
И пишет Мирин, дав свободу словам,
Хишую: «С посланием этим придет
Эхран, от кейсаров ведущий свой род.
Просил он, мечтая о славной судьбе,
Кейсара дочь младшую в жены себе,
Тот ставит ловушки ему на пути:
Как видно, задумал его извести.
Ко мне за советом Эхран поспешил,
И я в нашу тайну его посвятил,
Поведал о витязе доблестном том,
Что волка поверг закаленным мечом.
Ведь так же, как горю помог моему,
Воитель тот мог бы помочь и ему.
Пусть витязям счастье подарит двоим —
Они, как два солнца, сверкнут перед ним».
Эхран у Мирина послание взял,
К Хишую с посланием тем поскакал,
До берега моря домчался верхом.
Навстречу Хишуй устремился бегом,
Эхрану, как должно, хваленья воздав
И полное ласки письмо прочитав,
Сказал откровенно: «Мой гость молодой!
Того не хочу, чтоб постигнут бедой
Был муж благородный из дальних краев;
На смерть за Мирина пошел он без слов,
Но если теперь на дракона пойдет, —
Спасенья, быть может, уже не найдет.
В гостях у меня эту ночь проведи
И морем при факелах взор услади,

А завтра, лишь витязь меня навестит,
Откроешь ему все, что сердце таит».
Морская волна отразила огни,
Вино принесли для мужей, и они
Дотоль пировали, пока над горой
Топаз не сверкнул за багряной зарей.
Вдруг с берега моря, где он восседал,
Столб пыли Эхран вдалеке увидал,
Бойца на коне различает уж взгляд,
И гость и хозяин навстречу спешат.
Проворно с седла богатырь соскочил,
Усталый, вина и еды попросил.
Насытился он, и с почтеньем Хишуй
Речь начал: «О славный, весь век торжествуй!
Вот витязь, он род от кейсаров ведет —
Им мог бы гордиться и сам небосвод,
Потомок мужей именитых, к тому ж
Богатый, прославленный доблестью муж;
Взять в жены он хочет кейсарову дочь,
Быть может, ему согласишься помочь.
Кейсар приближенным и ночью, и днем *
Толкует теперь о Мирине одном,
Его лишь достойным наследником счел,
Ему завещал и казну, и престол.
Такое родство и Эхрану под стать:
Герой, богатырь — чем кейсару не зять!
Дочь младшую в жены он просит, а тот
Задачу нелегкую вновь задает.
Эхрану сказал он: „С драконом сразись,
Не то от мечты о родстве откажись!“
Крутая гора есть в округе, и вид
Ее благодатный усладу сулит.
Но страшный живет на вершине дракон,
Румийцев приводит в отчаянье он.

Орла на лету совлекает с высот,
Акулу легко извлекает из вод.
Где сжег он отравой сады и поля —
Чернеет забытая небом земля.
Когда от руки твоей лютый падет, —
Всю землю молва о тебе обойдет.
Я верю, создатель поможет тебе,
И счастье твоей улыбнется судьбе.
И будет тебе, удальцу, нипочем
Повергнуть дракона булатным мечом».
Ответ был: «Кинжал прикажи ты сковать —
Стальной пятерней чтоб была рукоять,
Весь в острых зубцах, наподобье шипов
Иль гибель несущих змеиных зубов,
Чтоб ядом смертельным к тому же он был
Напитан, закалкой своею слепил.
Еще мне нужны булава и броня,
Индийское платье доставь и коня *.
Повешу на дереве вниз головой
Дракона — придет его час роковой!»

[Гоштасп убивает дракона]

Домой возвратившись, Эхран приказал
Все то изготовить, что витязь желал.
И вот уж для битвы Гоштасп снаряжен,
В путь, страха не ведая, двинулся он.
Хишуй, Сокейлу вдалеке увидав,
Безмолвно бойцу на нее указав,
Умчался с Эхраном. Тут солнце взошло,
Блестящие копья свои вознесло.
Гора, где живет огнедышащий змей, —
Пред взором бойца, он приблизился к ней,
Шелом свой снимает, на подвиг решась,
Отравы и смерти душой не страшась.

И хлынули стрелы, и клич прогремел *
Такой, что сначала дракон онемел,
Но тут же очнувшись, свирепо напал
На недруга — пламя и дым изрыгал.
И все же не дрогнул Гоштасп удалой *;
Спасенья ища от погибели злой,
Воззвав о защите к творцу своему,
Рванулся к дракону и в глотку ему
Вонзает булат. Стиснул зубы дракон,
И взвыл от зубцов раздирающих он,
И вот уже ядом и кровью истек —
Сказал бы, всю гору затопит поток!
Тут меч свой булатный Гоштасп обнажил,
С размаха чудовище он уложил
И череп его размозжил о гранит.
Спуститься с коня победитель спешит,
Извлек — в знак победы своей боевой —
Два зуба драконьих, водой ключевой
Омылся, Йездана возблагодарил:
«Победу мне ты, мой творец, подарил!
Ты волка и змея помог мне сразить, —
Не станут народу бедою грозить.
Лохрасп и Зерир, — так герой продолжал, —
Гоштаспа презрели, он им досаждал,
Но чист я душою и чужд мне порок,
Коль чудище это повергнуть я смог.
Мне мир не бальзам изготовил, а яд,
Мне годы одни лишь невзгоды сулят.
Коль век мой продлится и волей творца
Венчанного снова увижу отца,—
Узнает он, что мне злой жребий судил —
Я счастье, гонясь за венцом, упустил!»
Вскочил на коня, и в раздумье, в тоске
Несется с клинком закаленным в руке.

И вскоре герой пред друзьями предстал,
О битве с чудовищем им рассказал,
Закончив словами: «Свирепый дракон
Моим смертоносным булатом сражен.
Зверь чащи Фаскунской вам ужас внушал,
Дракон огнедышащий вас устрашал,
Мне ж против воинственных богатырей,
Вздымающих палицы, было б трудней
Сражаться, чем против чудовищ таких —
Драконов крылатых иль гадов морских.
Немало их видывал я, оттого
Пред змеем не дрогнул, осилил его» *.
Эхран и Хишуй, что, внимая ему,
Дивились и скромности той и уму,
Почтительно оба склонились пред ним,
Не знающим страха бойцом молодым.
«Муж доблести львиной! — сказали в ответ, —
Подобный тебе не рождался на свет.
Да вознаградит тебя праведный бог!
Ты мощью своею в беде нам помог».
Эхран ему резвых привел скакунов,
Немало поднес драгоценных даров,
Но взял богатырь только длинный аркан
Да лук, да стрелами набитый колчан,
А все остальное Хишую вручил —
Динары, парчу дорогую вручил.
И спутникам так богатырь говорит:
«Пусть каждый из вас нашу тайну хранит —
Я будто дракона того не видал,
О волке свирепом вовек не слыхал».
И вот уж героя уносит скакун,
Довольный, спешит он к своей Кетаюн.
Эхран же, призвав приближенных своих,
Доставить велит на быках упряжных

Дракона пред взоры царя самого,
Пред взоры бойцов именитых его.
Сам мчится, быков обгоняя, вперед,
И вскоре достиг он дворцовых ворот.
Весь край облетела отрадная весть;
Собравшихся витязей славных не счесть.
При виде быков подоспевших весь Рум
Наполнил восторга и радости шум.
Дивятся — кто думал, что столь велики
Драконы! Под ношею гнутся быки,
Им груз непосильный везти привелось;
Что галочьи крики — скрипенье колес.
Кто видел, каков был убитый дракон,
Какой был дракону удар нанесен,
Твердил: «То ударил мечом не Эхран,
Удар тот нанес, видно, сам Ахриман! *»
Чертог свой покинув, спешит властелин
И с ним предводители славных дружин
На празднество. Хлынули реки вина,
И длится торжественный пир дотемна.
Когда над горами лик солнечный встал,
Светлей золотого щита заблистал,
Гонца за епископом царь отрядил,
Дождался и рядом с собой усадил.
Призвал и священников он, и вождей,
И всех именитых почтенных людей,
Призвал и советников мудрых своих,
И брачный обряд совершился при них.
И час наступил молодых сочетать,
И благословляет их старая мать.
Покинули гости кейсаров чертог.
От счастья уснуть повелитель не мог,
Шептал: «Для меня нынче солнце взошло,
От милостей неба на сердце светло!

Герои — зятья, в том сомнения нет,
Подобных доселе не видывал свет!»
И к каждому князю, чей славен венец,
С посланием тотчас помчался гонец:
Мол, змея и волка, отвагой горя,
Убили два доблестных богатыря!

[Гоштасп отличается
на ристалище]

Балкон, разукрашенный словно престол,
Кейсар, чтоб ристалище видеть, возвел.
Зятья состязались там, теша царя, —
Два ловких наездника-богатыря,
Пред всеми являя искусство свое,
То мяч избирая, то лук, то копье.
Как вихрь они мчались — сказал бы про них,
Что созданы оба для игр удалых.
Шло время. Однажды Гоштаспу жена,
Что мудрой недаром была рождена,
Сказала: «Почто удрученный сидишь,
Сердечные раны зачем бередишь!
Два витязя славятся в нашей стране,
Не знают нужды ни в венце, ни в казне;
Один в поединке дракона убил,
Пред грозной опасностью не отступил,
Другой волка лютого острым мечом
Сразил — так молва повествует о нем;
На царском ристалище, знай, в эти дни
Пыль до́ неба скачкой вздымают они.
Собраться к царю и тебе не пора ль —
Тоску позабыть, поразвеять печаль!»
«Красавица, — слышен ответ, — на беду
В немилости я, царской ласки не жду.
Давно ли изгнал он из города нас,

Ужели приветливо встретит сейчас?
Но если желанье твое таково, —
Готов я немедля исполнить его».
Велел оседлать боевого коня,
Что в беге быстрей грозового огня;
Достигнув ристалища, долго глядел,
Как мяч то катился, то в небо летел.
Смешавшись с толпой удальцов верховых,
Мяч вместе с човганом он просит у них *.
Все так и застыли средь поля того —
Так бурно погнал он коня своего.
Мяча, что послал он, несущийся вскачь,
Не видно нигде: скрылся в воздухе мяч.
Напрасно мужи выбивались из сил,
Мяча ни один не настиг, не словил.
Шум в поле поднялся. Бледны от стыда,
Воители Рума схватились тогда
За луки и стрелы; берут на прицел
Мишени, и слышится пение стрел.
Лишь это увидел, подумал Гоштасп:
«Себя покажу, наступает мой час!»
Оставив човган, стал из лука стрелять,
Румийцев поверг в изумленье опять.
Владыка, увидевший издалека
Проворного, полного силы стрелка,
Спросил: «Кто, откуда он, тот великан,
Что носится по полю, как ураган?
Немало я всадников видел лихих,
Но даже не слышал досель о таких.
Спрошу — лишь предстанет смельчак предо мной —
Он с неба пришелец иль житель земной?»
И витязя тут же владыка призвал,
И недругов витязя страх обуял.
Услышал Гоштасп, поспешивший на зов:

«Краса состязаний, глава удальцов!
Откуда ты? Имя и род свой открой».
Но не дал прямого ответа герой,
Лишь молвил: «Ты видишь пришельца того,
Что изгнан из города был твоего.
Стал зятем твоим, и меня ты изгнал,
В сердцах даже имени не поминал.
И также родную отринул ты дочь
За то, что скитальца избрала. Невмочь
Ей было веленье любви преступить,
И горькую чашу пришлось ей испить.
Ни зверь, что внушал твоим подданным страх,
Ни чудище злое в пустынных горах
Теперь не страшны — я обоих убил,
Хишуй мне полезным советчиком был.
Страшилищ поверг мой каленый булат,
Клыки и досель в моем доме лежат.
Спроси у Хишуя, сомненья рассей, —
С тех пор ведь немного прошло еще дней».
Явился Хишуй и клыки показал,
Про все, что свершил исполин, рассказал.
Кейсар на Мирина с Эхраном сердит *,
«Не скроется правда от мира!» — твердит.
И просит смиренно прощенья кейсар:
«Я тяжкий нанес вам обоим удар.
Вы звать меня вправе злодеем, в беде
Я вашей повинен. Но дочь моя где?»
Быстрейшего выбрав из быстрых коней,
Царь к дочери мчится любимой своей.
«Достойная счастья! — он ей говорит, —
Вовек да не ведаешь бед и обид!
Зеницей очей моих будешь ты впредь,
Хочу непрестанно тебя лицезреть.
Ты друга, прошу, расспроси своего,

Узнай сокровенную тайну его --
Ведь нам не откроет он правды: свой род
Герой от кого и откуда ведет?»
«Уже вопрошала я, — слышен ответ, —
Да только к признаниям склонности нет
У друга. Досель не открыл ничего,
Не хочет, чтоб вызнали имя его.
Уста его тайну упорно таят,
А звать он себя повелел Феррохзад.
Но мнится, из рода великого он —
И в силе, и в доблести непревзойден».
Простилась с родителем. Время течет,
Еще оборот совершил небосвод.
От крепкого сна пробудившись с зарей,
К кейсару направился славный герой.
Царь зятя безмолвно встречает, стыдясь
Былого, сажает с собой; и тотчас
Приносит по воле его казначей
Корону и пояс, и перстень царей.
Владыка отважного облобызал
И тут же короной его увенчал.
В беседе все прошлое вспомнил, потом
Воскликнул: «Богатые светлым умом!
Вы все, стар и млад, Феррохзаду должны
Покорны и преданы быть, и верны».
И вестники этот наказ повезли
Всем витязям знатным румийской земли.

[Кейсар требует дани от Ильяса]

Тревожил кейсара хазарский сосед *,
Источником был огорчений и бед.
В ту пору владыкой хазар был Ильяс,
Потомок царей, чей родитель — Мехрас.

Посланье Ильясу кейсар написал, —
Ты скажешь, он кровью перо напитал.
«Ты краем хазарским владел, но истек
Теперь твоего полновластия срок.
Отныне мне дань ежегодную шли,
Заложников — витязей вашей земли,
Не то Феррохзад, словно яростный слон,
Нагрянет, и будет ваш край разорен».
Посланье прочел и ответил тотчас,
Перо словно в яд обмакнувши, Ильяс.
«Я прыти подобной, — он так отвечал, —
Досель за румийцами не замечал.
Довольно и той уже милости вам,
Что дани от вас я не требую сам.
Вам духу придал — это ведомо мне —
Герой, очутившийся в вашей стране.
Но пусть Ахримана сильней исполин,
Будь он хоть железный, — он все же один.
На гибель его обречете вы зря —
Повергнуть недолго мне богатыря!»
Дошла до зятьев властелина молва
О том, что задумал хазаров глава,
И пишет кейсару посланье Мирин:
«Хазар предводитель, Ильяс-исполин, —
Не волк, что от яда падет, не дракон,
Что может уловкою быть побежден.
Знай, кровь у противника брызнет из глаз,
Коль ринется в бой разъяренный Ильяс!
Увидишь, им будет в грядущих боях
Наш доблестный витязь повергнут во прах.»
Кейсар от письма омрачился того,
Злокозненный отнял покой у него.
Зовет Феррохзада и молвит: «Внемли,
Краса и надежда румийской земли!

Ильяс поражений не знает — коней
Он губит, на смерть обрекает мужей.
Под силу ль такого тебе одолеть?
Без гордости ложной на это ответь.
Когда не под силу, признайся, пути
Сумею тогда к примиренью найти,
Почтение выкажу богатырю,
Словами и златом ублаготворю».
На это Гоштасп отвечает ему:
«К чему колебанья, расспросы к чему?
Скакун мой, стелясь по земле, полетит,
С хазарами битва меня не смутит.
Мирина с Эхраном лишь в бой посылать
Не должно, как выведем на поле рать, —
От них, знай, измены одной да вражды
Дождаться тебе в пору бранной страды.
Коль вторгнутся в край наш хазары, я в путь
Отправлюсь, ты с сыном оплотом мне будь.
С подмогой подателя благ и побед
В бой ринусь, за мной мои ратники вслед.
Хазарское войско предам я мечу,
Ильяса с престолом его разлучу,
С седла совлеку и подброшу до туч,
И оземь хвачу, как бы ни был могуч!»
На утро, лишь солнце взошло в вышине,
Как щит золотой отразившись в волне,
Труб медных хазарских пронзительный рев
Донесся, пыль вздыбилась до облаков.
Гоштаспа торопит владыка: «Не жди,
Из крепости рать на простор выводи!»
И двинул из града Гоштасп удальцов,
Могучих, не знающих страха бойцов;
Прибрежного тополя станом стройней,
Скача с булавой бычьеглавой своей,

Пыль к тучам взметая, стал поле искать
Для битвы. Взглянув на румийскую рать,
Увидев, как храбр ее вождь боевой,
Как грозно вращает своей булавой, —
Смутился Ильяс и гонца к нему шлет,
Обмана коварного сети плетет.
Гонец говорит: «О прославленный вождь,
Надеешься зря на кейсарову мощь!
Лишь ты из всего его войска один —
Оплот и надежда его, исполин!
Ты лучше покинул бы поле, к чему
Так яростно рвешься ты в бой — не пойму.
Знай, лютому тигру подобен Ильяс,
Пыль к небу в сраженьях вздымает, ярясь.
Коль ищешь сокровищ — у нас они есть,
Не тратя усилий, их можешь обресть.
Любой избери из уделов, и в нем
Ты будешь всевластным и чтимым вождем.
Союз нерушимый с тобой заключим,
Ильяс будет другом, слугою твоим».
Гоштасп отвечает: «Я слушать устал,
Слова бесполезные ты расточал.
Не сам ли войну он затеял начать,
И что ж: устрашась, обращается вспять!
Что проку теперь от журчанья речей —
Час битвы настал и бряцанья мечей!»
Посланец коня что есть силы погнал
К Ильясу; примчавшись, ту речь передал.
Но поздно сражаться — желтей янтаря
Вершины, и вот уж погасла заря,
И ночь вознесла из эбена шатер *
Над степью широкой, над склонами гор.

[Битва Гоштаспа с Ильясом]

Свод неба свершил предначертанный круг *,
И мрака завеса разорвана вдруг.
В созвездье Стрельца встало солнце — взошел,
Ты скажешь, владыка владык на престол.
Но ратною пылью окутался Рум,
Завыла труба, всюду грохот и шум,
Оружия неумолкающий звон,
Кровь льют, нападая с обеих сторон.
Взывает кимвал со слоновьей спины *.
На правом крыле сам владыка страны
Не знающих страха бойцов возглавлял,
Зятьям же обоз прикрывать приказал.
А левым крылом управлял исполин
Секиль, венценосца румийского сын.
Степь ярыми кликами оглашена —
Сказал бы, у месяца с солнцем война!
Промчался Гоштасп перед войском своим,
Дракон в его длани, слон грозный под ним *.
К дружине тогда обратился Ильяс:
«Недаром кейсар, возгордившись, от нас
Потребовал дани: не витязь — дракон
Служить ему стал, вот и чванится он!»
Как только Ильяса Гоштасп увидал,
Сказал: «Час помериться силой настал!»
Два всадника съехались, каждый с копьем,
Их стрелам железо пробить нипочем.
Ильяс, хоть известен как меткий стрелок,
Противника грозного ранить не смог.
Напал тут Гоштасп на врага своего,
Кольчугу пробив, тяжко ранил его,
В беспамятство впавшего, наземь стащил,
И, за руку крепко схватив, повлачил

К кейсару. У всадников всех на глазах
Врага пред владыкой поверг он во прах.
Вперед устремившись, напав на хазар,
Обрушил на них смертоносный удар:
Нет счета убитым и взятым в полон;
Весь стан был отвагой его изумлен.
Поняв, что ведет он дорогой побед,
За ним и румийцы нагрянули вслед.
Душою ликуя от бранных удач,
К кейсару Гоштасп возвращается вскачь,
И тот, в окружении знати своей,
Вождя торжествующей рати своей
Встречает, целует его; и светло
На сердце, от счастья сияет чело.
Ведут победителя в царский дворец,
Сверкает на доблестном княжий венец.
Собрался весь Рум, и не молкнет хвала,
И нет подношеньям богатым числа.

[Кейсар требует дани
от Лохраспа]

Свой бег нескончаемый длит небосвод,
Но тайны грядущего не выдает.
Гоштаспу сказал покоритель земель:
«Взять больше от жизни — живущего цель *.
Вот замысел мой — не опасен ли он,
Как мыслишь, с рассудком согласен ли он?
Посла снарядить я задумал в Иран,
Такого, что опытен, предан и рьян.
Лохраспу он скажет: „В чертогах своих
Хранишь половину сокровищ земных.
Мне дань посылай, коли хочешь и впредь
Величьем гордиться и царством владеть,
Не то на земле твоей бой закипит,

Она почернеет от конских копыт“»:
Гоштасп отвечает: «Что ж, воля твоя,
Над миром господствовать — доля твоя».
Калус меж румийцами славился, он
Был знатен и мудростью был одарен.
Того мудреца повелитель призвал:
«К владыке Ирана скачи, — приказал, —
Скажи: „Коль заплатишь мне дань за Иран,
Признаешь меня повелителем стран, —
Оставлю тебя на престоле твоем,
Пребудешь Ирана счастливым царем;
Не то поведу я своих удальцов,
А также степных копьеносных бойцов,
Возглавит их доблестный вождь Феррохзад,
Страну твою клики бойцов огласят,
Ее обездолю и порабощу,
В пустыню, убежище львов обращу!“»
В путь двинулся мудрый посланец, вперед
Горячий скакун его вихрем несет.
Примчался в Иран и дворца он достиг,
Где правил Лохрасп, повелитель владык.
Везиру двора доложили о том,
И молвит везир, преклонясь пред царем:
«Почтенный кейсаров гонец у ворот,
Тебя повидать дозволения ждет.
С ним вместе немало мужей верховых,
Все с копьями, в панцирях все боевых».
Лишь это услышал, в венце на престол
Из кости слоновой владыка взошел.
У царского трона горды, веселы
Мужи восседают, их лица светлы.
Раздвинув завесы, с почетом ввели
Посланца владыки румийской земли.
Вот к царскому трону подводят посла,

Лохраспу его прозвучала хвала,
Потом передал он кейсара наказ —
И речь умудренного плавно лилась.
Когда венценосец ту речь услыхал,
В уныние впал, на судьбу возроптал.
Для пира чертог повелел он убрать,
Вина принести, музыкантов призвать.
Несут златотканные чудо-ковры,
Одежду послу и другие дары.
Пир кончен, но гложет тревога всю ночь
Лохраспа, забыться владыке невмочь.
Лишь залили кровью, как в битве мечи,
Лик ночи бледнеющий солнца лучи,
Поднялся владыка, призвать приказал
Зерира и долго совет с ним держал.
На утро другое румийский посол
Просить о свиданье с владыкой пришел.
Чертог от свидетелей освободив,
Калуса напротив себя усадив,
«О муж благородный, — промолвил Лохрасп, —
Привержен будь истине, чуждой прикрас,
А с ложью и кривдой вовек не дружи!
В ответ на вопрос мой лишь правду скажи.
Рум прежде отваги такой не являл,
Кейсара смириться любой заставлял,
А ныне владыкой себя он зовет,
Оп сборщиков дани к властителям шлет.
Ильяса, что был меж хазарских мужей
Известен невиданной силой своей,
Пленил, рагромивши воителей тьму.
Что ж дерзость такую внушило ему?»
И слышит: «О славный, за данью кейсар
Меня посылал и в пределы хазар.
Вопросов таких я от них не слыхал,

И там нашей тайны я не открывал.
Но ты соизволил меня обласкать,
Тебе не могу, о владыка, солгать:
Кейсару теперь служит витязь такой,
Что свалит и льва богатырской рукой,
И чашу глубокую в пору пиров
Шутя одолеет, и в битве — врагов.
В веселье, в бою, на охоте ему
Нет равных, его не сломить никому.
Дал в жены кейсар ему дочь — для отца
Милей она жизни, дороже венца.
Прославился в Руме воинственный муж:
Дракона в бою одолел он, к тому ж
Чудовищный волк, пред которым дрожал
Кейсар, в поединке с тем витязем пал;
Клыки у чудовища вырвал герой,
Избавил он Рум от напасти лихой».
«О правдолюбивый! — Лохрасп говорит, —
Скажи мне, каков тот воитель на вид?»
Ответ был: «Красой, удивляющей мир,
Таков он, как сын твой — царевич Зерир;
И ликом, и статью, и быстрым умом —
Зерир да и только! Похожи во всем».
Лишь это услышал, лицом прояснясь,
Явил благосклонность румийцу Лохрасп —
Рабынь и монет кошели подарил
И так, отпуская его, говорил:
«Готов я — царю доложи своему —
Послать свое войско навстречу ему».

[Зерир едет к кейсару
послом от Лохраспа]

И долго в раздумье один пребывал
Владыка, затем он Зерира призвал,

Сказал: «В Руме брат твой, ты в это поверь,
Немедля ты действовать должен теперь.
Бедою грозит промедление. В путь! *
Коня огневого возьми. Отдохнуть
Себе и коню не давай ни на миг,
Мчись к брату с престолом иранских владык,
Вези сапоги золотые, кушак,
Венец и Каве ослепительный стяг.
Готов ему царство вручить хоть сейчас,
Чтоб в сердце его благодарность зажглась.
Бойцам же скажи, что идут воевать,
Веди до Халеба иранскую рать!»
В ответ властелину Зерир говорит:
«Надежду одну мое сердце таит —
Веленьям герой покорится твоим,
И каждый владыка склонится пред ним».
С отцом распростился царевич. В поход
Мужей родовитых с собой он ведет:
Кавус и Гудерз, чей родитель Гошвад,
Их предки, в стране имена их гремят;
Потомки Зереспа за ними вослед —
Бехрам и Ривниз, два любимца побед;
А также Биженовых два удальца *,
Прославленных, неустрашимых бойца;
Гив славный, их дед, исполин Эрдешир,
И с ним Шируйе, удивляющий мир.
Помчались герои быстрее огня,
За каждым вели запасного коня.
Равнины от гула кимвалов тряслись,
Без отдыха так до Халеба неслись.
И вот среди поля стан ратный разбит,
Пестреют шатры, знамя гордо парит.
Бехраму, бесстрашному витязю, рать
Вверяет Зерир, чтоб вперед ускакать,

Как вестник летит, ветра буйного брат,
Как скачут послы, что к владыкам спешат.
С ним пять приближенных отважных мужей,
Испытанных, с ясным рассудком вождей.
Достигли дворца, где кейсар обитал.
Прибывших послов саларбар увидал *,
О том доложил он, представ пред царем,
Сидевшим в раздумье с Гоштаспом вдвоем.
Воспрянул Гоштасп от услышанных слов,
Кейсар же принять не замедлил послов.
И входит Зерир, кипариса стройней,
Кейсара приветствует, славит вождей.
Воссел и умолк умудренный, и вот
Кейсар изумленный вопрос задает:
«О славный, где твой Феррохзаду привет?
Иль в сердце твоем справедливости нет?»
«Узнай же, — царевич ответил ему, —
Что это — изменник царю своему.
От шаха бежав, здесь нашел он приют,
И почести, вижу, ему воздают!»
Ни слова на это Гоштасп не сказал,
Как будто про шаха вовек и не знал *.
Невольно смутился державы глава *:
Мол, что если эти правдивы слова?
Тут с места достойный посол поднялся *,
Посланье Лохраспа читать принялся,
А грозное это посланье гласит:
«Знай, если утратил ты совесть и стыд, —
Нагряну с иранской дружиною всей,
Рум станет второю столицей моей.
Решайся же: без промедленья ко мне *
Приди на поклон иль готовься к войне, —
Ведь мы не хазары, и я не Ильяс,
Зря рвешься к владычеству, силой кичась!»

Ответ и решителен был, и суров:
«В войну хоть сегодня вступить я готов.
Ты, шахский посол, возвращайся домой,
Мы ж воинов выведем в поле на бой».
Ответом кейсара Зерир удручен,
Покинув чертог, вскачь уносится он.

[Гоштасп возвращается
с Зериром в Иран]

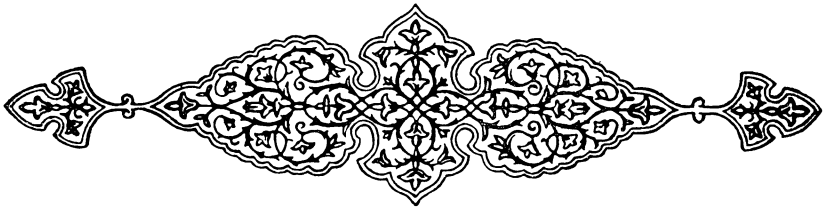
Спросил у Гоштаспа кейсар: «Отчего
Молчанием встретил ты речи его?»
И слышит признание богатыря:
«Да, жил я в Иране, у трона царя,
Меж витязей славных, и каждый из них
Слыхал о делах богатырских моих.
Быть может, мне лучше их стан посетить
И в переговоры прямые вступить?
Пред волей твоею склонится Зерир,
И славой твоей озарится весь мир».
«Что ж, действуй, — ответил кейсар, — ты мудрей,
Путь к цели желанной отыщешь скорей».
Услышав слова, что сказал властелин,
К Зериру помчался верхом исполин;
Венец на чело возложив золотой,
Летит, споря с вихрем степным быстротой.
Предстал пред дружиной Гоштасп-исполин,
Лохраспа, царя благородного, сын,
И все к именитому бросились тут,
И жаркие слезы в волнении льют,
Склонились пред ним, ликованью сердец
Нет меры — пришел испытаньям конец!
Теперь не до битвы — желаннее мир!
К Гоштаспу приблизился пеший Зерир,
И брата он крепко в объятиях сжал,

Просить горячо о прощении стал.
Воссели на троне меж знатных мужей,
Иранских прославленных богатырей.
Достойный Зерир речь такую повел:
«Да будет с тобой неразлучен престол!
Отец поседел, ты же юн, для чего
Тебе оставаться вдали от него?
Отцу опостылел на старости лет
Престол — в помышленьях один лишь Изед.
Венец и казну тебе шлет он, и впредь
Не должно обидой и гневом гореть.
Ираном велит он тебе управлять,
Твои с этих пор и держава, и рать.
В глуши уголка с него хватит, поверь.
Ты землю родную возглавишь теперь.»
Речь кончил и к трону слоновой кости
Венец с ожерельем велел принести.
В венце и уборе кеянском взошел
Счастливый Гоштасп на отцовский престол.
Потомки Кавуса, благого царя,
Гудерза, великого богатыря,
Отважных и сильных семья во главе *
С Биженовым сыном, героем Саве,
Шапур и Ривниз, и достойный Бехрам,
Чья ратная доблесть — опора мужам,
И прочие витязи, счастьем лучась,
К нему на поклон поспешили тотчас;
На царство они увенчали его *,
Владыкой земли величали его.
Любовью дружины Гоштасп окрылен,
Шлет без промедленья послание он
Кейсару: «Желания, знай, твоего
Иран не отвергнет, даст больше того!
А ныне иранская знать и Зерир

Тебя призывают, в их помыслах мир.
Мы сердце в залог нашей дружбы вручим
Тебе, и союз мы с тобой заключим.
За труд не сочти посетить нас теперь,
Твои упования сбудутся, верь!»
Услышав от вестника эти слова *,
К иранскому стану румийцев глава
Спешит. Лишь упал на престол его взгляд,
Где в царском венце восседал Феррохзад,
Открылось кейсару, что это Гоштасп,
Чьей славой престол свой украсил Лохрасп.
Склонился пред ним и хваленья воздал,
В чертог свой, исполнен почтенья, призвал.
Предстало пред ним все былое опять *,
Спешит он владыку-героя обнять;
Причудами рока смущен, изумлен,
Винится, в содеянном кается он.
Гоштасп его к сердцу прижал своему,
Простив от души заблужденья ему,
И просит: «О славный, лишь станет темнеть
И время настанет огням пламенеть,
За тою пошли, что любимым зовет
Меня и за то натерпелась невзгод».
Царь вышел, раскаяньем жгучим горя,
Себя за горячность былую коря;
Дары Кетаюн поспешил он послать:
Весь в ла́лах венец, алых яхонтов пять,
По тысяче юных рабынь и рабов,
Еще драгоценную нить жемчугов,
Парчи пять тюков караван ей везет,
С ним царь казначея ученого шлет.
Немало породистых резвых коней *,
Доспехов, которых нет в мире прочней,
Из Хинда, и Рума, и чинской земли,

Алмазные перстни, монет кошели
Послал он Гоштаспу, владыке царей;
По счету все принял его казначей.
Оружие, золото роздал бойцам,
Иранской дружины лихим удальцам.
И каждого из родовитых мужей,
Прославленных доблестью богатырей
Десницею щедрой кейсар одарил —
Заветных сокровищниц двери раскрыл.
Воздал благодарность великую он
Творцу мирозданья, владыке времен.
И снова свою Кетаюн увидал
Гоштасп. У дворца тут забили в кимвал.
К Ирану стремительно войско летит,
Степь кроется мглою от конских копыт.
Кейсар две стоянки бойцов провожал,
Но тут за узду скакуна удержал
Гоштасп, заклиная кейсара назад
Вернуться в прославленный стольный свой град.
Сказал он: «От Рума, доколе я жив,
Брать дани не стану, твой край возлюбив».
Мчась вихрем, он вскоре Ирана достиг,
Где правил мужами владыка владык.
Лохрасп, услыхав, что несется Зерир
С Гоштаспом — бойцом, изумляющим мир,
Навстречу повел именитых мужей —
Отважных иранских бойцов и вождей.
С коня торопливо Гоштасп соскочил,
Царя славословием жарким почтил.
Дивится причудам судьбы шахиншах *,
Царевича к сердцу прижал он в слезах.
И каждый, вступая в чертог, ликовал,
Как солнце в созвездии Рыбы, сиял.
«Меня не вини! — молвит царства глава, —

Знать, воля владыки миров такова.
Начертано было всесильной судьбой,
Чтоб край наш на время расстался с тобой».
При всех возложив на Гоштаспа венец,
Его обнимает и славит отец.
Гоштасп восклицает: «Весь век будь со мной,
Иначе мне свет опостылит дневной!
Ты будь властелином, я буду слугой,
Врагов же смету, мой владыка благой!
Поверь, без тебя свет мне стал бы немил.
Заката не знай!» — так Гоштасп говорил.
Жить вечно, увы, не дано никому,
А кто заживется, не сладко тому, —
Такая уж смертному доля дана.
Так будем же сеять добра семена!
Я только молю об одном судию * —
Непрочную жизнь да продлит он мою,
Пока не поведаю в звучных строках
Правдивую повесть о древних веках.
А там срок придет мое тело зарыть,
Поющей душе в небеса воспарить.



ГОШТАСП

[Царствование Гоштаспа длилось сто двадцать лет]

[Фирдоуси видит во сне Дакики]

Песнь эту сложивший увидел во сне,
Как будто забвенья он ищет в вине,
И вдруг Дакики перед взором предстал *,
За чашей с поэтом беседовать стал.
Услышал от юноши Фирдоуси *:
«Торжественно чашу к устам поднеси,
Пей, чествуя, данью восторга даря
Уклад и обычай Кавуса-царя,
Воскресший с тех пор, как в коронс взошел
Великий Махмуд на кеянский престол.
Ему, покорителю градов и стран,
Чьей милостью щедрой наш край осиян,
Годов до восьмидесяти и пяти
Не ведать невзгод на державном пути.
А там свое войско он двинет на Чин,
И каждый склонится пред ним властелин.
И слова худого нигде не сказав,
Он станет верховным владыкой держав.
Над книгой своей ты трудился не зря,

Тебя ожидают щедроты царя.
Но книге начало положено мной —
Ты зависти не поддавайся дурной!
Лишь в тысяче бейтов воспеть я успел
Гоштаспа с Эрджаспом, — и дух отлетел *.
Коль будут те бейты царю вручены,
Душа вознесется моя до луны».
Дам место тем бейтам: ведь я еще жив,
А он уж не встанет, в земле опочив.

[Начало стихов Дакики. Уход Лохраспа в Балх и воцарение Гоштаспа]

Воссел на престол кеянидов Гоштасп *
И стал собираться в дорогу Лохрасп.
Он двинулся в Балх, к Новбехару, что был *
Для тех, кто Йездана бессмертного чтил,
Святынею; в нынешние времена
Так Мекку арабские чтут племена.
Туда устремился он, рвеньем гоним,
И стан опоясал хейкелем благим *.
Один в благодатной обители той
Он дни проводил за молитвой святой.
Сменил власяницей парчу и багрец —
Так дань благочестию платит мудрец!
Снял перстень и серьги, власы отпустил,
К Йездану пречистому лик обратил.
В моленьях и бденьях прошло тридцать лет —
Так чтить подобает создавшего свет!
Он солнце без устали славил, как встарь
Джемшид, осиянный величием царь.
Гоштасп между тем на отцовский престол
В отцовском венце величаво взошел,
Лучась благодатью, как славный отец:
Пристал благородному царский венец!

Сказал он: «Я царь, чья опора Йездан,
Кеянский венец мне создателем дан.
Престол для того мне доверил творец,
Чтоб хищников я отгонял от овец.
А праведный нами не будет гоним,
Мы чистых душой притеснять не хотим.
Должны и неверных мы к вере своей
Привлечь, соблюдая обычай царей».
В краю, где владыка шел правды тропой,
Шел волк рядом с серною на водопой.
Гоштаспа жена — дочь кейсара, Нахид * —
Так имя царицы для мира звучит, —
Но шах ее звал Кетаюн, как и встарь.
Имел от нее двух сынов государь:
Один — полный доблести Исфендиар,
Вождя и воителя дан ему дар;
Другой — Пешутен, молодой исполин,
Воспетый молвой победитель дружин.
Стал властвовать миром супруг Кетаюн,
Сказал бы ты, ожил в нем царь Феридун!
Владыки почтительно дань ему шлют,
Сердца доброхотов к великому льнут.
Один лишь владыка Турана Эрджасп,
Которому дивы служили не раз,
Гоштасповым данником верным не стал,
Его увещаниям мирным не внял,
Сам дань с него даже дерзает взымать;
Дань должен ли равный от равного брать?

[Появление Зердешта
и принятие Гоштаспом его веры]

Немалое время меж тем протекло *,
И в царстве Гоштасповом древо взросло,
Его осеняя священной листвой,

Вознесшись до неба нетленной главой.
Оно принесло благодетельный плод —
Вкусивший его никогда не умрет!
Зердешта завет — имя древу тому,
Сломить Ахримана под силу ему.
Владыке вещает Зердешт: «Я пророк,
За мною идти повелел тебе бог.
Горящие угли принес я, их жар —
Небесного рая спасительный дар.
Создатель изрек: „Веру в сердце внедри!
На землю взгляни, небеса обозри —
Без глины, без влаги, из небытия,
Ты видишь, воздвигла их воля моя.
Признай, что лишь я совершить это мог,
Лишь я, всемогущий, всеведущий бог!
Коль истину эту познаешь, поймешь,
Создателем мира меня назовешь".
Я послан творцом, — так пророк продолжал, —
Чтоб веру в него от меня ты приял.
Так следуй отныне заветам моим,
Добро предпочти бренным благам земным
И веру прими, возвещенную мной:
Не сыщешь спасения в вере иной».
И принял ту веру священную шах,
Почуял он истину в вещих речах.
За ним приобщился к той вере Зерир,
Герой, удивлявший отвагою мир.
Тогда благодать на страну снизошла *,
Злодеи и те отвернулись от зла.
Гробницы божественный свет озарил,
И радостью каждый он род одарил.
Поднялся Гоштасп венценосный на трон,
Войска разослал во все стороны он.
Повсюду мобеды молились о нем *

В безмолвии храмов, пред вечным огнем.
Построив блистательный Мехри-Борзин *,
Прославил себя на века властелин.
Могучее древо, прообраз надежд *,
Взрастил пред воротами храма Зердешт,
На древе такие слова начертал:
«Гоштасп правой веры поборником стал!»
По свету о том разлетелась молва,
И память о прошлом осталась жива.
Немалое время еще протекло,
И древо все крепло, все выше росло.
Не мог уж его охватить и аркан —
Столь мощным вознесся тот ствол-великан.
Листва необъятным шатром разрослась,
И светлый возвел над ней замок Гоштасп.
В длину сорок рашей и столько же вширь *,
Не глину с водою тот царь-богатырь,
А чистое золото зодчему дал,
Настлать он серебряный пол приказал,
И стены, сияньем слепившие взор *,
Хитро изукрасил алмазный узор.
Царей живописец там изобразил:
Вот гордый Джемшид, почитатель светил,
А вот Феридун, повелитель благой,
Вздымающий палицу с бычьей главой.
Царь многих прославленных древних вождей
Велел воплотить к вящей славе своей.
Вкруг замка железную стену возвел,
И в нем водрузил он свой царский престол.
Наказ разослал: «Обойди хоть весь свет —
Кешмарскому древу подобного нет *,
Его мне всевышний творец даровал,
Меня же под райские кущи призвал.
Внемлите завету теперь моему,

Придите к священному древу тому.
Зердешт поведет вас стезею добра,
Кумиров китайских отвергнуть пора!
Прочь все заблуждения предков, вас ждет *
Кешмарское древо — приют и оплот.
Во имя державы иранской под ним
Сойдясь, опояшьтесь хейкелем благим.
Вас к храму Огня призывает пророк.
Ступите же все на священный порог!»
До всех, кто в Иране уделом владел,
Наказ властелина царей долетел,
И все венценосцы по воле его
Сошлись вкруг священного древа того.
Они, словно рай, изукрасили храм.
Див злобный Зердештом повержен был там.
Ты древо кешмарским привык называть,
Но более было бы древу под стать,
Когда бы ты райским его окрестил, —
Кто в мире второе такое взрастил?

[Гоштасп отказывается платить дань Эрджаспу]

Немалое время еще протекло,
Звезда властелина сияла светло.
Так молвил Зердешт престарелый царю:
«Внемли, ибо истину я говорю:
Ты веры бы нашей завет преступил,
Коль дань бы, как прежде, Эрджаспу платил.
Покорностью этою дух возмущен,
Ведь наши владыки с древнейших времен
Турану платить и не думали дань,
Соседской была не слабее их длань!»
Гоштасп согласился, сказав: «С этих пор
Забудут туранцы взимать с нас побор!»

Проведал про то некий дерзостный див,
К властителю Чина тотчас поспешив,
Ему говорит: «О владыка земли!
Все страны покорность тебе принесли.
Вожди — стар и млад — примирились с судьбой
Подвластной, не смеют тягаться с тобой.
И только Гоштасп, сын Лохраспа, один
Дерзнул повести свое войско на Чин,
С владыкой столь грозным заспорить посмел,
Возвысить себя над тобой захотел!
Под властью моей — сотни тысяч бойцов,
Тебе под начало отдать их готов.
Давай же приступим к жестокой борьбе,
Страшиться Гоштаспа негоже тебе».
Услышав коварного дива слова,
С престола спустился Турана глава;
Мучительный страх пред владыкой царей
Его обуял, стал он тучи мрачней.
Мобедов тогда поспешил он призвать,
О вести услышанной им рассказать.
«Узнайте, — сказал он, —покинул Иран
Стезю, по которой ведет нас Йездан.
Там некий колдун к новой вере зовет,
Себя за пророка ее выдает.
Твердит притворившийся ангелом бес:
„Йезданом я послан на землю с небес.
В раю был, Йездана я там созерцал,
Он мне Зенд-Авесты слова начертал *.
Потом Ахримана в аду я узрел,
Да только спознаться с ним не захотел.
И к шаху творец мне велел поспешить,
Ему новой веры закон возвестить“.
Иранских мужей молодой властелин,
Лохраспа, царя именитого, сын,

Чье имя Гоштасп, был с пути совращен,
Хейкелем тогда опоясался он.
Зерир, брат родной властелина, к тому ж
Прославленный воинской доблестью муж,
И прочие витязи шаху вослед *
Решились принять новой веры завет;
Пошли за коварным седым колдуном,
Ему покорились и в нем лишь одном
Спасение видят. Так ложный пророк
Опутать сердца легковерные смог!
Пощады Гоштаспу, строптивцу тому,
Не дам. Напишу я сначала ему
Посланье, и будут даянья щедры —
Нежданные сердцу отрадны дары!
„Покинь, — напишу я, — неправедный путь,
Побойся творца, заблужденья забудь
И, прочь нечестивого старца изгнав,
В стране воскреси древней веры устав!“
Коль добрых моих не отвергнет он слов —
Моих не изведает тяжких оков,
А если отвергнет себе на беду
И старую возобновит он вражду, —
Рать кликну я с многих сторон, той порой
Здесь неисчислимый растянется строй.
Помчимся в Иран, супостата того
Осилим, не станем страшиться его.
Догнав и схватив, не повергнем мечом —
Повесим, позору его обречем!»

[Послание Эрджаспа Гоштаспу]

На том порешили туранцы. Из них *
Царь выбрал потом двух вождей боевых.
Бидрефшем один прозывался — то был

Колдун искушенный, исполненный сил;
Намхаст — кличка дива другого была,
Казалось, на свет он родился для зла.
Владыке, что веру благую приял,
Посланье искусное царь написал;
Вначале восславил создавшего свет,
Для коего тайн в мироздании нет,
Потом начертал: «Из державы своей
Посланье сие по уставу царей
Герою Гоштаспу, владыке владык,
Что трона достоин, могуч и велик,
Лохраспа венчанному сыну, тому,
Кто славу престолу принес своему,
Пишу я, Эрджасп, о котором молва
Несется по свету, — туранцев глава».
Так сказано было в послании том *,
Что тюркским Эрджасп написал языком:
«Владыка, отмеченный славной судьбой,
Украсивший трон шахиншахов собой!
Не старься, не блекни во веки веков,
Пребудь и душою, и телом здоров!
Слыхал я, свой дух осквернил ты — свернуть
Решился на ложный, губительный путь.
К тебе некий старец — бессовестный лжец —
Явился, смутил твою душу хитрец!
Про ад и про рай тебе басни внушил,
Свет радости в сердце твоем потушил.
Коварною речью его обольщен,
Ты принял неправедной веры закон.
Из предков твоих, из кеянских владык
Был каждый могуществен, мудр и велик,
Но ты их священный завет преступил * —
О как безрассудно ты, царь, поступил!
Припомни, избранника славного сын:

Трон отдал отцу твоему властелин —
Его из достойных достойнейшим счел,
Потомкам Джемшида и то предпочел.
Подобно Хосрову, меж славных царей
Ты всех был почтенней, сильней и мудрей.
Дано тебе все, что владыкам под стать —
Величье, могущество и благодать,
Знамена, в богатом убранстве слоны,
Несметная рать и богатства казны.
Дивясь твоей славной и гордой судьбе,
Мужи родовитые льнули к тебе.
Как солнце весною в созвездье Овна,
Сиял ты. Соседние все племена
С вождями своими покорность несли
Тебе, властелину иранской земли.
Но неблагодарностью ты отвечал
Творцу — нечестивую веру избрал.
На царский престол возведенный творцом,
Ты ныне обманут презренным лжецом.
Лишь весть эта злая дошла до меня —
Увидел я ночь вместо белого дня.
Посланье сие от души тебе шлет
Друг давний, испытанный твой доброхот.
Посланье прочтя, омовенье сверши,
Зердешта отвергни и впредь не греши.
Кушак оскверняющий сбрось и потом
На радостях чашу наполни вином.
Обманом себя ты опутать не дай,
Путь прежних властителей не покидай!
Коль примешь ты этот разумный совет —
Не станут туранцы чинить тебе вред,
И будут тебе — что родной твой Иран —
И Чина земля, и Кушан, и Туран.
Сокровищ немало отдать я готов,

Добытых ценою тяжелых трудов.
Ретивых коней боевых обретешь,
В попонах, расшитых алмазами сплошь,
Красавиц, чьи убраны кудри хитро,
Невольников, золото и серебро.
Но если призыв мой отвергнешь, — клянусь,
Изведаешь тяжких оков моих груз.
Двух месяцев даже не минет, и я
Нагряну, со мною дружина моя.
Твой край разорим! Столько хлынет бойцов,
Турана и Чина лихих удальцов,
Что впору земле изнемочь. Бурдюки
Сплошь вытеснят воды Джейхуна-реки.
Дворца твоего разукрашенный свод
Обрушим и с корнем мы вырвем твой род.
Богатый ваш край разорим мы вконец,
Стрелами немало пронзим мы сердец.
Иранских мужей — тех, кто стар, изможден,
Поверь, уводить мы не станем в полон —
Таких ведь не сбудешь нигде нипочем.
Велю обезглавить их острым мечом,
Одних только жен и детей полоню,
На вечное рабство в Туран угоню,
А землю безжалостно опустошу,
Ее и садов, и посевов лишу.
Длить речи не стану, советом моим
Не пренебрегай, поразмысли над ним!»

[Посольство Эрджаспа к Гоштаспу]

Окончив письмо, пред собраньем мужей
Свернул его, царской печатью своей,
Согласно обычаю, свиток скрепил
И без промедленья Бидрефшу вручил.
«Держитесь достойно, — велит он послам, —

Вступите в палату все вместе и там,
Как учит обычай, поклоном земным *
Приветствуйте шаха, представ перед ним.
Глядеть вам не следует по сторонам,
Не должно к другим обращаться мужам.
Воссев и к владыке лицо обратив,
Дождитесь ответа, посланье вручив,
И, выслушав царский ответ до конца,
Склонившись, покиньте пределы дворца».
Походный свой стяг не замедля взметнуть,
Бидрефш, мести жаждущий, двинулся в путь.
И спутником верным Намхаст ему был,
Что славолюбивых немало сгубил.
До Балха домчались они, наконец,
И вот перед ними Гоштаспа дворец.
Вступают посланцы в высокий чертог
И царский, склонясь, лобызают порог.
Гоштасп на престоле своем восседал,
В венце, словно ясное солнце, сиял.
Смиренно хваленья послы вознесли
Властителю славной иранской земли,
Царево посланье вручили потом,
Что тюркским написано было письмом.
Когда распечатал посланье Гоштасп,
Над ним он раздумывать стал, омрачась.
Потом за Джамаспом послать поспешил,
Что шахским ближайшим советником был,
Еще мудрецов повелел он призвать,
Князей и вождей — всю верховную знать.
Собрав и мобедов, и богатырей,
Авесту раскрыл повелитель царей.
Пророк, чьею славою полнился мир,
Сел рядом с владыкой, а также Зерир,
Бойцов предводитель, любимый страной,

Прославленный муж, брат Гоштаспа родной;
Он званье «джехан-пехлевана» носил * —
Тогда Исфендьяр еще юношей был.
Надеждою рати своей был Зерир,
Опорою богатырей был Зерир,
Страну от неверных и злых ограждал,
Бесстрашно с копьем на врагов нападал.
Старейшинам мудрым такие слова
Сказал на совете Ирана глава:
«Вот что написал мне, рассудка лишась,
Владыка Турана и Чина Эрджасп!»
И тут же посланье прочесть приказал *,
Которое тюркский владыка прислал.
«Как мыслите вы? — государь говорит, —
Что это посланье в грядущем сулит?
От друга добра ты не жди, коли он
И знанья, и мудрости вовсе лишен.
Мой пращур — владыка достойный Иредж,
Эрджасп — правнук Тура нечистого. Речь
Я мог ли вести с ним о мире? Но я
Вел все же, благие надежды тая.
Кем добрая слава заслужена, тот
Для каждого доброе слово найдет».

[Ответ Зерира Эрджаспу]

Лишь только окончил ту речь властелин,
Зерир и за ним Исфендьяр-исполин,
Мечи обнажив, возгласили: «Когда
Отыщется в мире лишенный стыда,
Что не пожелает пророка признать,
Отвергнет святую его благодать,
Веленье высокое дерзко поправ,
Сюда не придет пред владыкой держав
Смиренно склониться, принять от него

Священную веру пророка сего, —
С душой разлучим его тело мечом,
Позору на виселице обречем!»
Зерир, многочисленной рати глава,
Что в жарких сраженьях отважнее льва,
«О славный! — властителю мира сказал, —
Когда бы ты мне дозволение дал,
Я б диву Эрджаспу составил ответ».
Гоштаспу понравился этот совет.
«Ступай, — говорит он, — его пред людьми *
Туранского стана унизь, посрами!»
Во гневе ушли Исфендьяр и Зерир,
И с ними Джамасп, умудренный везир.
Обидный — посланью Эрджаспа под стать * —
Ответ поспешили они написать,
И ранее, чем запечатать ответ,
Отнес его шаху Зерир-сипехбед *,
Ему прочитал, и дивится Гоштасп * —
Как мудры Зерир, Исфендьяр и Джамасп!
Письмо запечатав, на нем написал
Он имя свое и посланцам сказал:
«Скачите, чинить вам не станут вреда,
Но путь позабудьте ко мне навсегда!
Когда б не учил нас Авесты закон,
Что должен посол быть от зла огражден, —
От сладкого сна пробудил бы я вас —
Я всех повелел бы повесить тотчас,
Чтоб злому ослушнику этому знать,
Как против владыки владык восставать!»
Им бросив посланье, воскликнул: «Ему
Отдайте, туранскому диву тому!
Скажите: „Конец твоей жизни настал,
По крови и праху ты, знать, заскучал!
Тебя обезглавят! Дух сгинет во мгле,

А жалкие кости истлеют в земле".
С Йездановой помощью в месяце Дей *,
Закованный в латы, с дружиной своей
Пойду я в поход на враждебный Туран,
Падет под ударами Кергесаран!»

[Возвращение посланцев Эрджаспа с ответом Гоштаспа]

Лишь речи той царственной гром отгремел,
Владыка Зерира призвать повелел.
Тот после привета услышал приказ:
«Послы да покинут Иран сей же час!»
Так, изгнаны шахом иранской земли *,
С позором посланцы Турана ушли.
Из Балха благого вернулись в Халлох
Сказать, что конец их посольства был плох.
Лишь замок владыки глазам их предстал,
Где башни стяг черный, как ночь, осенял,
Послы соскочили с усталых коней —
Разбиты сердца и в глазах все темней.
Вступают в чертог властелина страны,
И видит он: лица посланцев бледны.
Склонились и шахский вручили ответ,
Который составил Зерир-сипехбед.
Печати с посланья срывает дебир,
И к чтенью тотчас приступает дебир.
А в этом посланье такие слова
К врагу обращает Ирана глава:
«Ко мне, властелину иранской земли,
Твои недостойные строки дошли,
Мне их прочитали. Тебе не под стать
Такие послания мне посылать,
Тебе не писать бы, а мне не читать!
Их даже нельзя никому показать —

Такие ты дерзкие речи ведешь:
Мол, вскоре на царство мое нападешь,
Срок даже назначил. Про это забудь! *
Сам раньше с бойцами я выступлю в путь.
Тебя мы не станем просить ни о чем,
Казну твою сами на свет извлечем.
Знай, вторгнутся тысячи тысяч мужей
В твой край, полных доблести богатырей.
Не от Афрасьяба они рождены —
Все родом иранцы, Иреджа сыны.
Как месяц красивы, по-царски стройны,
Их речи правдивы, их длани сильны.
Им равных не сыщешь нигде удальцов —
Достойны престолов, достойны венцов
И царских запястий, и царских серег *,
Их вера незыблема, разум высок.
От острых клинков их пощады не жди,
Ведь все ратоборцы и ратей вожди.
У каждого — молнией блещет копье,
На перстне у каждого — имя мое.
Лишь выйдет с кимвалом гремящим мой слон —
Их кони сравняют с землей каждый склон.
Бронею железною облачены,
Поднимут воители пыль до луны.
Они, что гранитные скалы в седле,
От натиска их рухнуть впору скале.
Зерир среди них, чей ужасен удар,
И витязь воинственный Исфендиар.
Под силу им солнце с луной одолеть,
Лишь стоит шеломы и латы надеть.
Им, воинам неустрашимым, всегда
Сопутствует ратного счастья звезда.
Свой взор прикуешь против воли ты к ним,
Как только промчатся пред войском своим.

Их царственный блеск свету солнца под стать,
Сказал бы — почиет на них благодать.
Узнай — таковы сипехбеды мои,
Избранники славы, мобеды мои.
Джейхун не осушат твои бурдюки,
Я раньше собью с твоих кладов замки.
В день битвы, коль будет угодно творцу,
Клянусь, твои дни приведу я к концу!»
Владыка Турана посланье прочел
И в тяжком раздумье с престола сошел,
Сказал своему сипехбеду: «С зарей
Все войско мое собери и построй!»
Сошлись именитые богатыри,
Прославленных чинских дружин главари,
Кохрем появился и Эндериман —
И каждый страшнее, чем сам Ахриман.
Дал братьям владыка слонов и кимвал,
Стяг желто-багряно-лиловый им дал
И рать в триста тысяч отважных бойцов.
Испытанных в битве лихих удальцов.
Казной, как положено, их наградил,
Трубить повелел и обоз снарядил.
Призвал повелитель Кохрема — одно
Крыло боевое ему вручено,
Другого же Эндериман стал вождем,
Царь сердце дружины возглавил потом.
Был славен Горгсар меж туранцами, он
Годами и опытом был умудрен, —
Сказал бы, что он порождение зла!
Дана ему рать под начало была.
С ним брат именитый, Бидрефш-великан,
Стяг волчьеголовый свирепому дан *.
Явился на зов и Хешаш-исполин,
Что с тигро́м и пеший бы сладил один,

Дозоры он передовые ведет,
Со знаменем поднятым мчится вперед.
А витязь, что звался Гушдив, послан был
Владыкой Эрджаспом тем полчищам в тыл, —
Владыка велит ему бдительным быть *,
Кто вспять обратится — на месте казнить.
Венчанного мщения жажда ведет,
Эрджасп свои полчища двинул в поход,
Жег замки, сады на пути корчевал,
Селенья и грады огню предавал.
Стремительно, гневом слепым обуян,
Владыка неверных ворвался в Иран.

[Гоштасп собирает войско]

Известья до шаха Гоштаспа дошли
О том, что владыка туранской земли
Войной на иранское царство идет,
Хешаша с дозорами выслав вперед.
И слышит веленье царя сипехбед:
«Построй и слонов, и дружину чуть свет!»
Посланья владыка князьям разослал:
«Эрджасп изменил нам. Пусть каждый вассал
Примчится ко мне, повелителю стран, —
Враждебные полчища вторглись в Иран».
Лишь только посланья владыки владык
Дошли до князей — стали мал и велик
Дружины властителю слать второпях:
Не меньше бойцов, чем травинок в степях.
И витязей тысячи тысяч стеклись
На поле войны; как один поднялись,
Услышав призыв властелина царей *,
Желавшего блага державе своей.
Покончив со смотром бойцов удалых,
Сильнейших, достойнейших выбрав из них,

На эти несметные рати Гоштасп
Взирает, и радуясь им и дивясь.
С зарею собрав сипехбедов своих,
Советников мудрых, мобедов седых,
Бойцам из казны, что оставил Джемшид,
Раздать двухгодичную мзду он спешит.
Доспехами воинов всех оделив
И ратный обоз вслед затем снарядив,
Державный свой стяг водрузить повелел
И с войском покинул столицы предел,
Чтоб с недругом вторгшимся ринуться в бой.
Не видывал свет грозной рати такой!
Пыль тучей вздымалась до самых небес,
Свет солнца в ней скрылся и месяц исчез.
Не слышно кимвала за ржаньем коней,
За ярыми кликами ратных мужей.
Пестреют знамена несметных полков *
И копья вздымаются до облаков —
Как тополи горные, как тростники,
Возросшие вешней порой у реки.
Так, воле Гоштаспа покорная, шла
От града до града та рать без числа.

[Джамасп предсказывает Гоштаспу исход сражения]

Бойцы, до Джейхуна от Балха дойдя,
Раскинули стан по веленью вождя.
Спустился с коня властелин и взошел
В державном шатре на высокий престол.
Джамаспа потом он призвать поспешил,
Что царским ближайшим помощником был, —
Повсюду вожди прославляли его,
Светильником разума звали его.
Все ясному было доступно уму

И тайное все открывалось ему.
Испытанным был звездочетом к тому ж
Тот мудрый, богатый познаньями муж.
Джамаспа приветствовал царь и сказал:
«Тебе нѐ одно благочестие дал —
Дал мудрость провидца небесный творец!
Где сыщется в мире подобный мудрец?
Ты истину должен по звездам прочесть
И мне принести из грядущего весть:
Чем кончится эта война? Одолеть
Кому и кому здесь во прахе истлеть?»
Джамасп омрачился, владыки вопрос
Услышав, и с грустью в ответ произнес:
«О лучше б всевышний творец наших дней
Мне не дал пророческой силы моей!
Когда б этим даром я не обладал,
Меня б вопрошать о грядущем не стал
Мой царь. Умолчу ли, отвечу ли я —
Быть, видно, казненным судьбина моя».
Гоштасп отвечает: «Благим судией
И тем, кто зажег пламень веры святой,
Зериром, испытанным в битвах вождем,
И сыном моим, Исфендьяром-бойцом,
Клянусь я тебе не чинить никакой
Беды — ни своей, ни чужою рукой.
Поведай же все, что открылось глазам.
Владеешь бальзамом, мне ж нужен бальзам».
«О славный владыка! — ответил мудрец, —
Пусть вечно блистает твой царский венец!
Узнай, что тебя, венценосного, ждет:
Час битвы два войска на поле столкнет,
И кличем таким огласится оно,
Которому сдвинуть и горы дано.
И взору предстанет земля твоему *

Объятою пламенем, небо — в дыму;
Увидишь ты: движется войско стеной,
И пыльной окутана высь пеленой,
А копья и палицы громче стучат,
Чем в кузнице молот, кующий булат.
В ушах у воителей грохот и звон,
И ржаньем неистовым слух оглушен.
Повозки расколоты, раздроблены,
Знамена изодраны, обагрены.
Останется много сынов без отцов,
Останется много отцов без сынов.
Всех раньше прославленный муж Эрдешир,
Сын царский, чьей славою полнится мир,
Помчится вперед на коне боевом,
Врагов на пути повергая мечом.
Так много туранцев низвергнет с седла,
Что им, словно звездам, не будет числа.
Но в битве кровавой падет удалец,
И жизни и славе наступит конец.
Сын царский Шидасп вороного коня
В бой двинет тогда, супостатов кляня.
В неистовом гневе даст волю клинку
И недругов многих сразит на скаку.
Но будет и он ниспровергнут судьбой,
Простится венец с венценосной главой.
Тут сын мой, в моем боевом кушаке,
В бой ринется грозно с булатом в руке.
Подобно Ростему, строй вражий косить
Он станет, спеша за Шидаспа отмстить.
Немало героев, прославивших Чин,
На смерть обречет молодой исполин,
Немало опасностей встретит в бою.
О царь властелинов, ты повесть мою
Припомнишь в ту пору, как дерзостный враг

Повергнет во прах ослепительный стяг!
Увидит мой сын Герами издали *
Державное знамя в крови и в пыли
И, спешившись, ринется смело вперед,
И знамя Каве у врага отобьет.
Булат свой занесши одною рукой,
Заветное знамя сжимая другой,
Он станет бесстрашно его защищать,
Врагов нечестивых с душой разлучать.
Но недруг подкравшийся руку потом
Отрубит воителю острым мечом.
Зубами тут вцепится в знамя мой сын *,
И недругов многих еще исполин
Одною рукою сразит наповал —
Подобного подвига мир не знавал!
Пронзит его вражья стрела под конец,
И голову сложит герой, и венец.
Тогда на коне бурно ринется в бой
Нестур, сын Зе́рира, воспетый молвой.
С победою к войску воротится он,
Им враг не один будет жизни лишен.
Помчится за храбрым воителем вслед
Нивзар, сын владыки, любимец побед.
Дела богатырские он совершит,
Десятки туранских бойцов сокрушит,
Но вражья стрела и Нивзара найдет,
В бою исполин бездыханный падет.
Воитель на недругов кинется тут,
Которого славным Зериром зовут.
Под ним золотистый скакун-ураган,
В могучей руке — сыромятный аркан.
В горящей, как солнце, броне золотой,
Пленяя осанкой весь воинский строй,
Помчится, и тысячу богатырей

Пошлет он, связав, к властелину царей.
Куда ни поскачет — от взмахов клинка
Прольется тотчас вражьей крови река.
Никто пехлевийского богатыря
Не сдержит: смутит он степного царя;
Найдет Эрдешира — водителя войск,
Чей лик почернел, тело желто, как воск *,
И горько заплачет, душой омрачась,
И тронет коня огневого тотчас.
Бесстрашно напав на враждебную рать,
Хакана в неистовстве станет искать *.
Как только завидит Эрджаспа-царя,
Восславит он громко Гоштаспа-царя,
Зердештова „Зенда“ слова возгласит *,
Творцу всеблагому себя поручит.
Смятенья не ведая, к смерти готов,
Сметет он с дороги немало врагов.
Но сникнет Зерирова счастья звезда,
И срубленным древом он рухнет тогда.
Примчится Бидрефш разъяренный потом,
Стяг темный подняв на копье боевом.
Свирепый, как бешеный слон, супостат *,
Чей ядом смертельным напитан булат,
Напасть не дерзнет, устрашит его князь;
Засядет Бидрефш на пути, притаясь.
Увидя, что с поля несется Зерир,
Беспечный, как будто спешащий на пир,
Туранец стрелу из засады своей
Метнет, и настигнет он князя князей.
Великого низкий Бидрефш сокрушит,
Иранскую землю героя лишит,
Умчится с его скакуном и седлом.
На мщенье твой сын устремится потом *.
В бой ринется воинство, рассвирепев, —

Так яро на волка кидается лев,
И схватится с богатырем богатырь,
И кровью степная окрасится ширь.
И ужас возникнет в храбрейших сердцах,
И лица воителей выбелит страх.
Пыль ратная вздыбится до облаков,
Светил не увидят глаза ездоков.
Заблещут кинжалов и копий лучи,
Как звезды сквозь облако блещут в ночи.
Презренный Бидрефш в этот горестный час
Вперед, словно хищник свирепый, помчась,
Вздымая булат ядовитый, коня
Безудержно, неутомимо гоня,
Немало сразит в бурной скачке своей
Избранников шаха, достойных мужей.
Тогда Исфендьяр устремится вперед
С дружиной. Йездан ему верный оплот!
На злого Бидрефша, несущего смерть,
Залитого кровью, нагрянет, как смерч,
Индийским булатом удар нанесет
И разом его пополам рассечет.
Потом Исфендьяр, уподобившись льву,
Железную вскинет свою булаву,
Нагрянет, рассеет туранскую рать,
Рассеяв, не даст ей сомкнуться опять.
Копьем, словно сокол голодный, склюет
Туранцев, погибели их обречет.
В той схватке прославленный князь победит,
Туранского в бегство царя обратит.
Слезами облившись, тоской обуян,
Владыка с вождями отступит. В Туран,
Спасаясь, умчится пустынею он.
В бою одолеешь, враг будет сражен.
Поверь, о верховный властитель земной,

Все сбудется так, как предсказано мной.
Клянусь тебе, лживых не слышал ты слов,
Не будь же, владыка, со мною суров!
Ведь правду о будущих днях говоря,
Я лишь исполнял повеленье царя.
Как мог промолчать я, о мой властелин,
Когда ты про бездну грядущих годин
Спросил! Чтоб была моя совесть чиста,
Раскрыть я дерзнул для пророчеств уста».
Лишь это услышал владыка владык —
Откинулся он на престоле, поник.
Его булава золотая из рук
Упала. Как будто лишившийся вдруг
И силы, и мужества, горем убит,
В безмолвии он недвижимый лежит.
Когда же вернулось сознание — пал
В отчаянье наземь, в тоске зарыдал.
«На что мне, — взывает, — венец и престол!
Мой день злополучный и черный пришел.
Угаснут сыны молодые мои,
Герои, бойцы удалые мои.
К чему мне держава и счастье мое,
Дружины мои, полновластье мое,
Коль те, что всех ближе душе и милей,
Храбрейшие витязи рати моей,
Иранских дружин молодые вожди
Падут, вырвав сердце мое из груди!»
Сказал он Джамаспу: «Коль этот исход
Меня в предстоящих сраженьях ждет,
Не стану я брата любимого звать,
Не ввергну в печаль престарелую мать.
Зерир во главе удальцов не пойдет,
Пусть войско Горезм искушенный ведет.
А тех ненаглядных героев моих,

Кеянского рода вождей боевых
К себе призову, близ себя посажу,
На битву кровавую не снаряжу.
В стенах крепостных, среди горных громад,
Стрелой не настигнет их злой супостат».
Ответил мудрец властелину: «Внемли,
О благословенный владыка земли!
Когда не появятся эти вожди
В железных шеломах у войск впереди —
С героями Чина кто выйдет на бой,
Кто станет защитником веры святой?
Пора, о великий, с земли тебе встать,
Ты царскую не омрачай благодать!
То воля господня, — не спорить же с ней!
Всевышний владыка миров — не злодей.
Напрасно скорбеть и рыдать — все равно
Того не минуем, что нам суждено.
Печалью напрасно себя не терзай,
Творца приговор справедливым признай!»
И шах увещаньям Джамасповым внял,
Как солнце, опять его лик засиял.
Воссел на престол он и мыслью потом
Вернулся к сраженьям с туранским царем *.
Всю ночь размышлял, забывая о сне,
Горя нетерпением, рвался к войне.

[Гоштасп и Эрджасп
строят свои войска]

Гонима зарей, ночь покинула пост,
И в небе померкло сияние звезд.
В ту пору, как ранний шальной ветерок *
Цветов благовонье несет вдоль дорог,
С дружиной отборной в путь выступил шах
И вскоре стан ратный раскинул в степях.

Дозорных послал во все стороны он,
Как воинский повелевает закон.
От всадника слышит известие царь:
«Уж близко враждебная рать, государь!
Досель столько ратников, о властелин,
Не слали Туран и воинственный Чин.
В широкой степи и на склонах горы
Раскинуты их боевые шатры,
И вождь их дозоры окрест разослал.
Сомкнулись два стана». Ту речь услыхал
Владыка, чьей славою полнился мир,
И кличет он брата. Явился Зерир.
Царь молвит, вручив ему стяг: «Нападать
Пора! Со слонами в бой выведи рать».
И вождь свое войско построил тотчас,
С туранцами в битву вступить торопясь.
Призвал Исфендьяра, главу удальцов *,
И тысяч с полсотни отборных бойцов
Ему, наделенному силою льва,
На правом крыле вверил войска глава.
Потом и на левом собрал он мужей,
Дружину искусных в бою силачей,
Их вверил отважному богатырю,
Который величьем подобен царю.
Шидаспом венчанный отец его звал,
Достойнее витязя мир не знавал.
И к брату затем обратясь своему,
Полсотни он тысяч вверяет ему.
Тот сердце дружины возглавил: со львом
Мог сладить, был царским дестуром притом.
Тыл войска Нестур охраняет — очей
Зеировых светоч, краса силачей.
Царь войско построил, и держит он путь
К холму, чтоб от тяжких трудов отдохнуть.

Битва иранцев с туранцами
Рукопись ГПБ № 334. XVII в.

И вот уж на троне венчанный сидит,
С вершины на стройное войско глядит.
Меж тем и владыка Турана Эрджасп
Войскам своим строиться отдал приказ.
Сто тысяч карлуков сперва отделил * —
Не знающих страха, исполненных сил:
К Бидрефшу он их под начало послал,
В чьей власти был стяг золотой и кимвал.
Крылом ему править одним повелел —
Он лютого тигра и то б одолел.
Другое крыло получает Горгсар —
Сто тысяч бойцов, чей смертелен удар.
Для сердца дружин поспешил отобрать
Эрджасп искушенную грозную рать.
Вождем дал ей дива, что биться горазд,
Чье имя средь витязей было Намхаст.
Еще сотню тысяч бойцов верховых —
Мужей, закаленных в боях грозовых,
Послал он воинственным полчищам в тыл, —
Владыка Эрджасп ни о чем не забыл.
Той рати могучей испытанный вождь *
Кохрем был, врагов повергающий в дрожь,
За удаль воспетый молвой исполин,
Владыки туранского доблестный сын.

[Начало сражения иранцев с туранцами]

Тьму ночи густую рассеял рассвет,
И залило солнце сияньем весь свет.
Два войска тогда оседлали коней.
Лишь это увидел с вершины своей
На поле сраженья смотревший Гоштасп —
Бехзада, коня вороного, тотчас
Велел подвести венценосный герой.

Коня б ты сравнил с Бисотуном-горой.
И вот на Бехзаде стальная броня,
И воин-владыка вскочил на коня.
На поле широком сомкнулись войска,
На бой вызывает смельчак смельчака.
Стал стрелы метать каждый воинский строй —
Град с неба так падает вешней порой.
Присниться и то б не могло никому
Что-либо подобное бою тому.
Так много летало сверкающих стрел,
Что солнца б ты на небе не рассмотрел.
Сказал бы, нависшая туча с высот
Алмазные струи безудержно льет.
Тот палицей бьется, а этот — копьем,
От схваток несчетных пыль встала столбом,
И по полю битвы, красна, широка,
Течет, разливается крови река.
В бой первым пошел Эрдешир-исполин,
Иранского шаха воинственный сын.
Как слон разъяренный, любимец побед
Несется: сказал бы, он — Тус-сипехбед.
О горе! Летящему во весь опор
Неведом жестокой судьбы приговор.
Примчался туранец; губительно зла
Царевича панцирь пробила стрела,
И рухнул с седла венценосный ездок,
И кровью его обагрился песок.
О как луноликого жаль храбреца!
Ему не порадовать больше отца.
Тут вихрем царевич Шируй подоспел *
В крови его сердце, лик бледен, как мел.
Напал на туранцев во гневе, в тоске,
С мечом, напоенным отравой, в руке,
И многих с размаху поверг он, взревев,

Как будто на лов устремившийся лев.
Не менее тысячи их истребить
Успел он, за брата поклявшись отмстить.
Когда возвращался он, бой завершив
И кровью противника прах оросив,
Отважному в спину вонзилась стрела, —
Жестокая смерть и его унесла!
Погиб богатырь, в этот горестный час
Навеки с венчанным отцом разлучась.
На мщенье Шидасп устремился потом,
Прекрасный, как месяц, и схожий с отцом.
Могучий, как слон, быстроногий, как лань,
Скакун вороной мчит героя на брань.
Все поле, вращая копьем, проскакал
Царевич, потом скакуна придержал
И кличет: «Где войска найти мне главу,
Кохрема, что равен отвагою льву?»
И слышен ответ исполина: «Вот я!
Поспорит и с львиною хватка моя!»
На копьях сразились. Исполненный сил,
Царевич мгновенно туранца сразил.
Низринут с седла устрашающий враг,
Затоптан копытами княжий кушак.
В седле возвышаясь могучей горой,
Проносится мимо туранцев герой.
Никто на земле не сравнился бы с ним —
Зато и загублен был глазом дурным.
Летучей стрелой его недруг поверг,
И свет навсегда для героя померк.
Пал в холе возросший царевич, беда!
Отцу не увидеть его никогда!

[Гибель Герами, сына Джамаспа, и гибель Нивзара]

Примчался иранский герой, чей отец —
Джамасп, первый царский советник, мудрец;
Герой Герами, молодой исполин, —
Сказал бы, внук Сама, Дестана он сын *
Конь добрый гнедой под седлом смельчака,
Обмотана длинным арканом лука *.
Пред строем врагов он коня придержал,
Творца вспомянул и во гневе вскричал:
«Кто здесь потягается, к славе влеком,
Со мною, с моим смертоносным клинком?
Где тот, что, как див, беспощаден и лют,
Которого люди Намхастом зовут?»
И тотчас Намхаст, искушенный в войне,
К нему прискакал на могучем коне.
И долго сражался храбрец с храбрецом
Стрелою, копьем, булавою, мечом.
Был силою льва Герами наделен.
Противник — хоть всадник воинственный он —
Пред мощью той грозной не смог устоять,
Смятеньем объят, обращается вспять.
Тогда богатырь Герами, разъярясь,
Отмстить за героев погибших стремясь,
В строй вражеский врезался, многих поверг.
Тут ветер поднялся, день ясный померк.
И на смерть войска двух враждебных держав
Схватились, пыль черную к небу подняв.
Немолчно воителей клики звучат,
Булаты бряцают и копья стучат.
Строй рати иранской прорвав, ярый враг
Низверг кавеянский сверкающий стяг.
Увидев тот стяг цвета нильской волны,
Поверженный в прах со слоновьей спины,

С седла Герами соскочил второпях,
Стяг поднял, с него отряхнул черный прах
И с ним на коне ускакал. Издали
Увидев, что стяг тот, лежавший в пыли,
Умчал Герами, в чьих очах торжество,
Турана бойцы окружили его,
И кто-то, отточенным остро мечом
Взмахнув, разлучил его руку с плечом.
Но стяг Феридуна взяв в зубы, герой
Стал биться — о диво! — рукою одной.
Все ж был он врагами убит под конец,
На жарком песке бездыханный храбрец
Простерся; навеки в тот горестный час
Утратил его престарелый Джамасп.
Тут в бой устремился Нестур-исполин,
Внук царский, Зерира достойного сын.
Врагов он косил на пути без конца —
Недаром учился разить у отца.
С победою в строй воротился потом,
И место вновь занял он рядом с отцом.
Вослед за Нестуром царевич другой,
Бесстрашный Нивзар устремляется в бой.
Такого, как конь быстроногий его,
На тысячу сыщешь едва ль одного.
Он всадника вихрем на поле примчал.
«Эй, витязи славные! — клич прозвучал, —
Коль истинный есть между вами храбрец,
Испытанный в жарких боях удалец —
Со мною, сильнейшим из богатырей,
На копьях сразиться пусть выйдет скорей!»
Толпою туранцы напали тотчас,
Повергнуть отважного тщетно стремясь.
Воитель прославленный, рассвирепев,
Как будто терзаемый голодом лев,

В просторы степей выходящий на лов,
Носился, кося неустанно врагов.
Не менее сотни поверг он во прах
Туранских мужей, закаленных в боях.
Но горькая доля Нивзара ждала,
Настигла отважного вражья стрела,
И пал он с седла как подкошенный — вот
Каков был для юноши битвы исход.
О горе, нет больше царевича! Он
Погиб ни за что, супостатом сражен.
Прекрасного уж не увидеть лица,
А схож был с отцом и достоин отца.
Лишь только прекрасный тот юноша пал,
Схватились бойцы, ярый бой запылал;
Их тысячи тысяч на поле сошлись,
Пыль черною тучей окутала высь.
Четырнадцать дней, столько ж долгих ночей
Сражались они, не смыкая очей.
Меж раненых и мертвецов не пройти,
Пыль ветру и то преграждала пути.
Потоками кровь по равнине текла —
Сказал бы, тюльпанами степь заросла.

[Гибель Зерира от руки Бидрефша]

Прошло две недели злой сечи такой,
А все не стихает, все яростней бой.
Зерир тут нагрянул, гнедой под ним конь.
Как вдаль подгоняемый ветром огонь *,
Несется, и трав от него не спасти —
Так мчится отважный. Никто на пути
Не в силах герою противостоять,
И дрогнула в страхе туранская рать.
Владыке Турана сказали о том,
Сколь многие скошены княжьим мечом,

И слышат бойцы повелителя речь:
«Халлох вы хотите на гибель обречь!
Две долгих недели сражается рать,
А все еще битве конца не видать.
Не первого нашего богатыря
Уж губят герои Гоштаспа-царя,
А ныне, как хищник голодный степной,
Зерир разъяренный в наш врезался строй.
Он всех уничтожил моих силачей,
Прославленных, неустрашимых вождей.
Должны для него мы расставить капкан,
Иначе с позором вернемся в Туран.
Ведь если свой натиск продлит исполин —
Халлох и Эйяс опустеет, и Чин.
Найдется ль приверженный чести храбрец,
Не знающий страха, искусный боец,
Что ринется в битву, занесши копье,
И славою имя покроет свое?
Дам в жены одну из своих дочерей
Ему, он вождем станет рати моей.»
Никто из воителей не проронил
Ни слова, им ужас сердца леденил *.
И снова напал на туранцев Зерир,
Воитель, чьей славою полнился мир;
Как тигр или буйством охваченный слон,
Противников косит без удержу он.
Взирает на это в смятенье Эрджасп.
День ясный в глазах у владыки погас.
И снова воззвал он: «Дружина моя,
Турана герои, Турана князья!
Не видите павших друзей и родных,
Не слышите стонов их тяжких, глухих?
Огню лишь под силу такие дела —
То палица Сама, Арешa стрела! *

Грозит он всю рать мою смерти обречь,
Весь край разорить и безжалостно сжечь.
Где ж витязь меж вас, где бесстрашный герой,
Что вступит с тем грозным противником в бой?
Коль ринется на ратоборца того,
С коня боевого коль сбросит его —
Я щедро его одарю и, почет
Воздав, вознесу до небесных высот».
И снова ответа не слышит Эрджасп,
Бледнеет владыка, душой омрачась,
Клич кликнул три раза, но муж ни один
Ему не ответил, и смолк властелин.
Тут вышел Бидрефш, тайный страх победив,
Свирепый, как зверь, нечестивый, как див.
Эрджаспу сказал он: «О мой государь,
Во всем с Афрасьябом сравнившийся царь!
В дар жизнь дорогую тебе приношу,
Ее, словно щит, пред тобой возношу.
На битву с чудовищем тем устремлюсь,
И если в бою одоленья добьюсь,
Во прах пред тобою повергну его,
Чтоб стать предводителем войска всего».
Царь ожил, Бидрефша он благодарит,
Коня ему в сбруе богатой дарит,
Дарит напоенный отравой клинок,
Что гору пробить бы железную смог.
И двинулся тот нечестивый злодей
Навстречу Зериру, вождю из вождей.
Завидевши с палицей Сама в руке,
С челом и руками в крови и в песке,
Бесстрашно разящего мужа того
И груды убитых бойцов вкруг него, —
В себе не нашедший для натиска сил,
Бидрефш из засады подкрасться решил,

И ядом напитанный меч, притаясь *,
Метнул он, и рухнул поверженный князь.
Расстался с наездником гордым своим
Конь резвый. Лежит богатырь недвижим,
Кровь бьет из-под панциря алой струей.
О горе, пал витязь, царевич, герой!
Бидрефш недостойный спустился с коня,
И вот уж снята с исполина броня,
Эрджаспу доставлены конь и кушак,
Корона в алмазах и царственный стяг;
Тот стяг водрузили на спину слона,
Степь кликами радости оглашена.
С вершины на поле смотрящий Гоштасп
Не видит Зерира — он скрылся из глаз.
«Страшусь я, — владыка Ирана сказал, —
Герой, что, как месяц, наш край озарял,
Зерир, мой воинственный, доблестный брат,
Которым и лев был бы в схватке подмят,
Не сбит ли с седла — ведь на поле войны *
Затишье, и клики бойцов не слышны.
Пусть вихря быстрее гонец полетит
Туда, где стяг вражеский черный парит,
Узнает, что сталось с венчанным вождем —
Изранено сердце тревогой о нем.»
Едва отзвучал властелина приказ,
Примчался гонец, кровь струится из глаз.
И слышит владыка: «Вождя-храбреца,
Хранителя рати твоей и венца —
Зерира, которым гордились войска,
Сразила, увы, супостата рука!
Бидрефш, колдунов предводитель, напал,
Убил исполина и знамя умчал».
Сражен властелин черной вестью такой,
Ты скажешь, он смерть увидал пред собой.

Одежды свои изодрал он вконец
И прахом посыпал кеянский венец.
Стенанье властителя слышит Джамасп:
«Такой ли ждет вести венчанный Лохрасп!
К нему как послать я отважусь гонца,
Как в горе повергну седого отца!
Пал доблестный витязь, сын царский, беда! *
Исчез, как за черною тучей звезда.
Лохраспова тотчас взнуздайте коня,
В Гоштасповой сбруе подайте коня!»
Шах рвется священный свой долг соблюсти,
За брата в отмщенье на битву идти.
Но мудрый советник внушает ему:
«Не следует биться тебе самому».
И внял мудрецу искушенному он
И, спешась, воссел, тяжким горем сражен.
К дружине взывает он: «Кто из бойцов
Отмстить за героя Зерира готов?
Погнав скакуна боевого вперед,
Коня его кто у врагов отобьет?
Пред ликом творца, что бессмертен, велик,
Поклялся я клятвой вождей и владык *:
Тому, кто возьмется возмездью помочь,
Хомай дам я в жены, любимую дочь!»
Но войско молчанье хранит, ни один
Не вышел вперед из рядов исполин.

[Исфендиар узнает о гибели Зерира]

Сказали вождю Исфендьяру о том,
Что скошен Зерир благородный врагом:
Снедает, мол, горе отца твоего,
Царь жаждет туранцам отмстить за него.
В печали руками всплеснул Исфендьяр,
Вскричав: «Это злобного рока удар!

Кто гору железную смог сокрушить? *
Кто мог столь бесстрашного мужа сразить?
Недаром, лишь на поле ринулся он,
Был дух мой предчувствием тяжким сражен».
Бойцов своих — ратного тыла оплот —
Вверяет он брату и мчится вперед.
До сердца дружины домчался смельчак,
Готовясь к борьбе, вскинул царственный стяг.
Пять братьев имел он достойных венца —
Все витязи славные, мощью в отца.
На зов его все собрались — для побед
Был создан воинственный тот сипехбед.
К ним так обратился защитник страны:
«О славные витязи, шаха сыны!
Для слов моих шире откройте сердца,
Последуйте свято заветам творца!
Покажет сей день, разом грань проложив,
Кто благочестив здесь, а кто нечестив.
Вас смерть, мои братья, страшить не должна,
Ведь каждого в срок настигает она,
А если прерваться дни наши должны —
Не лучше ль погибнуть на поле войны!
Не слушайте воплей увечных бойцов,
В бою не считайте своих мертвецов.
Вам даже помыслить о бегстве нельзя.
Отважно врагам ненавистным грозя,
Пусть палицу каждый заносит свою.
Высокую доблесть явите в бою!
Коль это веленье исполните вы —
Злой враг не отрубит моей головы,
Погибнет матерого хищника рать,
И подвиг ваш будут в веках прославлять».
Едва Исфендьяра призыв отгремел,
Клич громкий Гоштаспа с холма долетел:

«Мои ратоборцы, мои смельчаки,
Как сердцу и дороги вы, и близки!
Не бойтесь ни копий, ни вражьих мечей —
Никто ведь судьбы не избегнет своей.
Клянусь я бессмертным величьем творца,
Клянусь Исфендьяром, Зерира-бойца
Душой, в небеса вознесенной, клянусь —
Письмо мне пришло от Лохраспа. Вернусь
Когда победителем с этой войны,
По воле создателя звезд и луны,
Исполню веленье седого отца,
И станет владыкой венца и дворца
Мой сын Исфендьяр. Как я сам был на трон
В минувшее время отцом возведен,
Так сына на трон возведу вековой,
А сын Пешутен станет войска главой».

[Битва Исфендиара с Эрджаспом]

И вот Исфендьяр, молодой исполин,
Владыки венчанного доблестный сын,
Услышал к отмщенью отцовский призыв.
Он, возгласом ярым простор огласив,
С почтеньем сыновним склонивши главу *,
Вперед устремился; свирепому льву
Иль диву, что вырвался вдруг из оков,
Подобен, ворвался он в гущу врагов
На мощном коне с занесенным копьем;
Как вихрь расправляется с жалким листком,
Врагов он нещадно разил и косил,
Завидев его, каждый падал без сил.
Нестур той порою, Зерира-вождя
Сын юный, покинув шатер и придя
К отцовскому конюху, просит сыскать *
Такого коня для него, чтоб скакать

Без устали мог, чтоб с летящей горой
Он сходен был, вскормленный горной травой.
И вот уж, блистая седлом золотым,
Скакун вихревой предстает перед ним.
Коня снаряжать витязь доблестный стал,
Взнуздал и бронею одел; намотал
Аркан на луку, боевое свое *
Надел облаченье, взял в руки копье,
И конь к полю битвы помчал храбреца
Отыскивать павшего в сече отца.
Несется отважный, в туранских рядах
Булатным мечом сея гибель и страх.
Как только встречает иранских мужей,
Тотчас вопрошает бойцов и вождей:
«Кто видел из вас, где лежит мой отец,
Вождь рати Зерир, именитый храбрец?»
Явился пред ним Гордешир той порой,
Гроза супостатов, могучий герой.
В ответ на вопрос молодому бойцу
Спешит указать он дорогу к отцу.
«Он в сердце туранского войска, — сказал, —
Близ черного стяга в сражении пал.
Скачи же, быть может, хоть глазом одним
На витязя глянешь, простишься ты с ним.»
Вновь с яростным кличем царевич вперед
Несется и недругам гибель несет.
Как только домчался до места того
И мертвым увидел отца своего,
Сознанье теряя, с седла он к отцу
Склонился и рухнул на грудь мертвецу.
Очнувшись, воззвал: «Месяц мой золотой *,
Очей и души моей светоч благой!
Взрастил, от невзгод и напастей храня,
Теперь на кого покидаешь меня!

С тех пор как Лохрасп вверил царской судьбе
Гоштаспа и вверил дружину тебе,
Ты войско собой украшал и страну,
Без устали правую вел ты войну,
Честь имени древнего свято храня,
Но пал, не дожив до победного дня.
Я к брату сейчас устремлюсь твоему:
„Трон светлый покинь! — воззову я к нему, —
Награды твой брат заслужил не такой,
Отмсти же за брата своею рукой!“»
Он долго недвижный, безмолвный лежал;
Поднявшись, назад на коне поскакал
И вскоре, рыдая, предстал пред царем,
Сидевшим на светлом престоле своем.
Вскричал он: «О ты, что над миром царишь! *
Когда ж за отца моего отомстишь?
Лежит он, простертый, на знойных песках,
На черных кудрях вместо мускуса — прах».
Лишь тот справедливый укор прозвучал,
День ясный царю ночью темною стал.
Казалось, могучее тело его
Истаяло вдруг от укора того.
Сказал: «Вороного ведите коня,
В шелом и броню облачите меня!
В отмщенье за брата — опору мою —
Я вражеской крови потоки пролью,
Их грады огню обреку я, и дым
Пожарища к тучам взметнется седым!»
Лишь на поле битвы, где в черной пыли
Сражались герои иранской земли,
Увидели, что повелитель благой
Готовится ринуться с недругом в бой, —
Вскричали: «Согласия нашего нет
На то, чтобы царь, в чьем владенье весь свет,

Сам бился с врагом. Коли так, собирать
Не стоило эту огромную рать!»
Сказал умудренный советник ему *:
«Сражаться тебе не под стать самому.
Нестуру коня оседлать повели,
Его с супостатом схватиться пошли!
Поверь, сможет лучше тебя самого
Нестур отомстить за отца своего».

[Гибель Бидрефша в бою с Нестуром и Исфендиаром]

Бехзада, коня боевого, затем
Царь вверил Нестуру, и панцирь, и шлем.
Сын князя сраженного грудь облачил
Бронею и на вороного вскочил.
На том скакуне молодой исполин
Домчался до сердца туранских дружин;
Как только пред вражеским строем предстал —
Он, жаждою мщенья пылая, вскричал:
«Я витязь Нестур, чей губителен гнев,
Со мной не дерзнул бы схватиться и лев!
Хочу с колдуном переведаться. Где ж
Со стягом Каве ускакавший Бидрефш?»
Безмолвствуют недруги. Гневен и хмур
В бой двинул тогда вороного Нестур
И многих мужей именитых скосил —
С могучим таким состязаться нет сил.
С другой стороны за ударом удар
Наносит туранцам герой Исфендьяр.
Увидев, как бьется Нестур-исполин,
Вождя именитого доблестный сын,
Эрджасп вопрошает: «Кто этот храбрец?
Дружину мою истребит он вконец!
Конем он немало мужей затоптал —

Иль это Зерир, что из мертвых восстал?
Вот так же и он нападал на меня,
И так же неистово гнал он коня.
Но где же Бидрефш, чей удел торжество?
Немедля ко мне призовите его!»
И вот уж, покорен Турана главе,
Бидрефш со сверкающим стягом Каве,
На княжьем, добытом в бою скакуне,
В Зериpовой неуязвимой броне
Несется к Нестуру, вождю храбрецов,
Зерирову сыну, надежде бойцов.
В руке у злодея отравленный меч,
Срубивший Зерирову голову с плеч.
Стал биться отважный Нестур с колдуном,
Сначала стрелами, булатом потом.
Как только об этом узнал Исфендьяр *,
В чьем сердце пылал мести яростный жар,
Нестуру на выручку ринулся он,
Но недруг воинственный не устрашен;
Противника грозную мощь оценя,
Навстречу погнав боевого коня,
В героя метнул меч отравленный свой,
Чтоб смертной покрылось чело чернотой,
Но тщетно — попасть в Исфендьяра не смог.
Занес тут царевич свой острый клинок
И молниеносно врага поразил,
Насквозь ненавистному сердце пронзил.
И пал как подкошенный недруг с седла —
Такой Исфендьярова хватка была!
Царевич, с коня боевого сойдя,
Доспехи Зерира, героя-вождя,
Сорвал с нечестивца, сверкнул его меч
И снес побежденному голову с плеч.
Взят вместе с презренною той головой

Конь верный Зерира и стяг боевой.
Раздался бойцов торжествующий крик —
Ты скажешь, небесных высот он достиг.
«Победа за ним, за царем молодым!
Со стягом вернулся и с княжьим гнедым!»
Доставлена тотчас пред очи царя
Добыча отважного богатыря.
На голову вражью владыка глядит:
По божью завету убийца убит.

[Бегство Эрджаспа с поля сражения]

Так схватка жестокая завершена.
Зерирова вмиг оседлав скакуна,
На поле войны Исфендьяр поспешил
И царскую рать на три части разбил.
Одну он Нестуру вручил, храбрецу,
Кеянского рода герою-бойцу,
Другую дал брату и прочим мужам,
Ирана воинственным знатным вождям,
И третью возглавил он сам. Словно гром,
Призыв исполина разнесся кругом.
И дали обет, взяв с героя пример,
Нестур-богатырь и храбрец Нуш-Азер *.
Такие слова ратоборцев звучат:
«Хоть землю всю копьями взрой супостат,
Пока его гибели не обречем,
Никто не расстанется с бранным мечом.»
В бой ринулись с клятвою той на устах *,
От конских копыт темный вздыбился прах!
За ними вослед молодые бойцы,
Ирана прославленные храбрецы
Несутся, коней быстроногих гоня, —
Сказал бы, все поле одела броня.
Так много повержено ратников там,

Что негде ступить уж бойцам и коням.
И крови бурлящие реки текли —
Такие вращать жернова бы могли!
Лишь это увидел, сам ринулся в бой
Эрджасп, взяв мужей именитых с собой.
Копьем нанося за ударом удар,
На дивов туранских напал Исфендьяр;
Ты скажешь, нанизывал их на копье,
Свершая без удержу мщенье свое.
Увидел хакан, что невмочь никому
Противостоять исполину тому,
Что не удержать устрашенную рать,
В смятенье готовую кинуться вспять,
И дрогнул. Мрак ночи лишь на землю пал
Хакан с приближенными в страхе бежал.
Иранцы, как буря степная, неслись
Вдогон, беглецов истребляя, неслись.
Им словно неведома жалость была,
И не было павшим туранцам числа.

[Исфендиар дарит жизнь туранцам]

Туранцы, увидя, что скрылся Эрджасп
И вражьи булаты все злей что ни час,
Решили с коней боевых соскочить,
Идти к Исфендьяру — пощады просить.
Туранские луки откинуты прочь
И панцири сброшены — биться невмочь.
Взмолились они: «Если доблестный князь
Дарует нам жизнь — от вражды отступясь,
На праведный путь поклянемся мы встать,
Мы станем священный огонь почитать».
Но тщетно туранцы взывают к врагам,
Сердца победителей глухи к мольбам —
Без устали правят кровавый свой пир.

Сказал бы ты, кровь обагрила весь мир.
Когда ж Исфендьяр молодой услыхал
Мольбу побежденных — им жизнь даровал.
Взывает к воинственной рати своей
Венчанный герой, сын владыки царей:
«Внемлите, иранцы, вожди храбрецов —
Доколе губить нам туранских бойцов!
Разбили мы ныне враждебную рать,
К чему же бессмысленно кровь проливать?
И так уж унижены роком они,
Без времени пусть не прервутся их дни!
Довольно в полон побежденных вам брать,
Довольно вам мертвых конями топтать!
Не лучше ли поле войны обойти,
Чтоб раненых, помощи ждущих, найти.
Уж мы отомстили за гибель вождя,
Пора отдохнуть, с бранных седел сойдя».
Услышали голос вождя своего
Иранцы и вняли веленью его,
В свой стан воротились. Весь стан ликовал,
И грянул во славу победы кимвал.
Ростема достойной победа была! *
Пируя, не спали мужи досветла.
И вот уже цепи вершин зажжены
Зарей. Море крови на поле войны.
Владыка и славные витязи в путь
Пустились — на бранное поле взглянуть.
На воинов павших, чьим ложем стал прах,
Царь смотрит и следует дальше в слезах.
Но вот меж недвижно распластанных тел
Зерира он, милого брата, узрел.
И горько владыка над ним зарыдал,
Одежды в тоске на себе изодрал,
На землю сошел с вороного коня

И волосы рвет на себе и, стеня,
Взывает: «Воителей Балха венец!
Мне мир без тебя опостылел вконец.
О горе, потомок великих царей,
Избранник воинственных богатырей,
Надежда моя, войска славного щит,
Властителей светоч повержен, убит!»
Царь бережно поднял с земли мертвеца,
Прах черный отер с дорогого лица,
И вот он схоронен, в живых его нет,
Ты скажешь, Зерир не рождался на свет!
С ним рядом его приближенных тела,
Воителей храбрых, чья слава светла.
Владыка убитых велит перечесть,
А раненых с поля сраженья унесть.
Растянута в поисках воинов цепь,
Прошли, обозрели и горы, и степь.
Иранских легло тридцать тысяч бойцов*,
Средь них именитых семьсот храбрецов *,
А раненых — тех, что не смяли слоны, —
Несут больше тысячи с поля войны.
Туранских сто тысяч бойцов полегло *,
Из них восемьсот — именитых число,
А раненых — больше трех тысяч двухсот.
Храни нас творец от подобных невзгод!

[Возвращение Гоштаспа в Балх]

Вот с бранного поля назад во дворец
Собрался прославленный царь, наконец;
Велит он Нестуру с зарей выступать,
В Иран повести победившую рать.
Вождь рати на утро в литавры забил,
В дорогу бойцов и обоз снарядил.
С победою войско вернулось в Иран *,

У каждого радостью лик осиян.
Туда и увечные увезены *
И вверены лекарям лучшим страны.
И как обещал возглавляющий край,
Он дал победителю в жены Хомай *.
Нестура назначил он войска главой —
Таков был Ирана закон вековой.
Ему верховых десять тысяч мужей,
Искусно разящих копьем силачей
Царь вверил, промолвив: «Воинственный строй
Веди на туранское войско, герой!
Эйяс и Халлох разгроми до конца,
Заклятым врагам отомсти за отца!»
Его снаряженьем для войск и казной
Снабдил в изобилье владевший страной.
И войско в поход предводитель повел,
А славный владыка владык, на престол
Воссев, возложив на чело свой венец,
Для знатных мужей отворил свой дворец.
Сокровищниц двери владыка открыл
И щедро воителей всех одарил.
Дал земли вождям во владение он,
Из витязей не был никто обделен.
Одним дал он земли, царями назвал *,
В награду другим княжий сан даровал.
Так всех по достоинству вознаградив,
Потом восвояси мужей отпустив,
Воссел на престол ослепительный свой;
Пасется на воле скакун боевой.
Царь выстроил храм над священным огнем,
Индийские жечь благовония в нем
Велит он, из золота пол настелить
И амброю те половицы скрепить.
Вознесшись, тот храм красотою слепил,

И храмом Гоштасповым назван он был.
Джамаспа благого верховным жрецом
Владыка назначил в святилище том.
Послание шлет в каждый княжий дворец:
«Меня не оставил всевышний творец,
Желанья мои все он в явь претворил,
Сияньем мрак ночи моей озарил.
Эрджаспу — проклятье, а мне — благодать.
Суд правый вершить лишь Йездану под стать!
Узнав, что победой окончил я брань,
Все шлите нам, огнепоклонникам, дань!»
Про то, что Эрджасп пораженье понес,
Лишь только дозорный кейсару донес,
Посланцев прислал он с обильем даров,
Украшенных пышно коней и рабов.
Дань также прислал и Берберии царь,
Царь синдской и хиндской земли государь.

[Гоштасп посылает Исфендиара обращать народы в зороастрийскую веру]

Однажды на древний кеянский престол
Владыка, исполнен величья, взошел.
Подвластные вкруг восседают цари,
Мужи именитые, богатыри.
Вошел Исфендьяр, исполинов глава,
В руке — с головою быка булава,
Над ликом сияет венец золотой,
Лик царственный с месяцем схож красотой.
И руки скрестил на груди, и, склонясь,
Стоит, словно раб, пред владыкою князь.
С любовью взирает Гоштасп на того,
Кто жизни дороже, дороже всего.
Спросил, улыбаясь: «Могучий мой сын,
В поход не пойдешь ли главою дружин?»

«Что ж, воля твоя, — ратоборца ответ
Он слышит, — тебе ведь покорен весь свет.»
Венцом его царь наградил золотым,
Сокровищниц двери раскрыл перед ним,
Всю власть над Ираном доверил ему,
Прославленному исполину тому,
Казну ему отдал и знамя, и рать:
«Не время на троне тебе восседать, —
Сказал, — ногу в стремя, о доблестный, вдень,
Пусть в мире взойдет веры праведной день!»
И двинул дружину в поход исполин,
Объехал все страны властителя сын,
Весь Рум он изъездил и весь Хиндустан,
Был за морем, в сердце полуночных стран.
Народам принес веру правую в дар
По воле создателя Исфендиар.
Услышав о вере той праведной весть,
Все верности клятву спешат ей принесть;
Ее откровеньям внимать без конца
Все жаждут, очистив от скверны сердца.
В святилищах древних кумиров сожгли,
На месте их вечный огонь развели.
Посланье царю написали: «Узреть
Свет истины сын твой помог нам, и впредь
Ты дани, владыка, не требуй от нас!
Хейкель повязали мы, в садж облачась *.
Мы в правую веру твою перешли,
Нам книгу святую Зердешта пришли!»
Владыка, послания те прочитав,
Воссел на престол; приближенных созвав,
Совет с ними держит; Авесты слова
Шлет всем властелинам их мудрый глава.
По воле его продолжал богатырь
Свой путь, всю земную изъездил он ширь.

В какую герой ни вторгался страну,
Никто с ним вступать и не мыслил в войну.
Все сами навстречу с покорностью шли,
Неверные ж словно исчезли с земли.
Весь мир подчинивши родителю так,
Доспехи он снял, развязал свой кушак,
По-царски воссел на престол и бойцам
Дал отдых от битв, отдыхает и сам.
Он брата к себе Фершидверда призвал,
Отборное войско достойному дал,
Под власть Хорасан ему дал, наградил
Дарами, с почетом туда проводил.
Ступив на порог благодатных времен,
Был в правую веру весь мир обращен.
Гонца Исфендьяр посылает к отцу,
Посланье такое вручает гонцу:
«От веры святой в мире стало светло,
Весь мир осенило Хомая крыло.
Насилья никто не боится теперь,
Никто в нищете не томится теперь.
Возделаны нивы, и каждый наш край,
Сказал бы, цветет и сияет, как рай.
Хлеб пахари сеют, а мирный их труд
Бойцы, не смыкая очей, стерегут».
И время немалое так протекло,
Сказал бы ты, землю покинуло зло.

[Навет Горезма на Исфендиара]

Однажды, внимая певцам, пировал *
Владыка, вина благовонье впивал.
В ту пору Горезм был отвагой своей
Прославлен меж знатных иранских мужей.
Он в сердце питал к Исфендьяру вражду,
А что породило ее на беду —

Кто знает? Быть может, он родичем был
Царя и к наследнику зависть таил?
Когда б о царевиче речь ни зашла,
Хулит его недруг, исчадие зла.
Хоть место близ шаха Горезму дано *,
Он бледен, а сердце от злобы черно:
Зашла о царевиче речь, и тогда,
Забывший о чести, лишенный стыда,
С печалью притворной сжав руки, вздохнул.
«Злой сын — тот же недруг, — владыке шепнул,—
Его отличать, возвышать нам не след —
Так встарь поучал нас правдивый мобед.
Ведь если сын дерзостный власть обретет,
То день злополучный родителя ждет.
Коль раб стал владыке соперником — с плеч
Строптивому голову должно отсечь.»
«Что шепчешь про сына ты мне моего? —
Царь молвил. — Кто знает о кознях его?»
Но слышит: «При всех как мне тайну открыть?»
Тогда, всех других поспешив отпустить,
С Горезмом остался вдвоем властелин.
«Приблизься! — сказал, — что задумал мой сын,
Мне ставший противником этой порой, —
Поведай сейчас, без утайки открой! *»
Промолвил коварный: «Что совесть велит,
Свершать мы должны, не страшиться обид.
Твоими щедротами я от нужды
Избавлен. Хочу уберечь от беды,
О тайне, что вызнал я, не умолчу,
Хоть ею, быть может, твой дух омрачу.
Пусть мне запретишь ты — нарушив запрет,
Тебе я осмелюсь подать мой совет.
Ведь лучше весь век мне в немилости быть,
Чем истину от благодетеля скрыть.

Узнай, что в державе твоей Исфендьяр
Разжечь замышляет военный пожар.
Из разных земель уж немало бойцов
К нему собрались на предательский зов.
Схватить, заточить он мечтает тебя,
Владыкой владык не считает тебя.
Коль сможет коварный тебя заковать,
То сможет всю землю он завоевать.
Ведь он — Исфендьяр, что рожден для побед,
Которому в мире соперника нет.
Как только раскрутит свой длинный аркан —
И солнце само устрашит великан!
Открыл я, что знал, о владыка царей,
Принять же решенье во власти твоей».
Царь слушает в оцепенении. Он
Наветом Горезмовым ошеломлен.
«Где слыхано это!» — он в горе твердит.
И мрачен душою, на сына сердит,
Веселье забыл и не пьет уж вина,
Душа подозрений зловещих полна.
Вздыхает, клянет Исфендьяра; всю ночь
Уснуть повелителю было невмочь.
Когда ж над горами заря занялась,
Сияние звездное спрятав от глаз, —
Царь, кликнув седого Джамаспа, того,
Кто был умудренным везиром его,
Велит: «К Исфендьяру помчись на коне,
С тобою пусть явится тотчас ко мне.
Заботы немалые, знай, впереди,
Ты мне, о старейший, на помощь приди!
Твой разум здесь нужен, задача трудна,
И мне без тебя не под силу она».
Послание шахское кратко: «На зов
Явись, Исфендьяр, предводитель бойцов!

К тебе я Джамаспа послал, мудреца,
Он стар, моего еще помнит отца.
Его лишь увидишь ты — в путь соберись,
Как вихрь, на коне быстроногом примчись.
Коль ты почиваешь, очнись ото сна,
А коль на ногах — оседлай скакуна».
Помчался гонец и посланье повез,
Горами и степью скакун его нес.

[Прибытие Джамаспа к Исфендиару]

Не встретил посла Исфендьяр-исполин,
Охотился он на просторе равнин.
Догнали с известием богатыря:
Джамасп, мол, явился послом от царя.
Князь дрогнул от слов неожиданных тех,
И горький из уст его вырвался смех.
Он юных имел сыновей четверых,
Прекрасных и статных, бойцов удалых,
То были: Бехмен именитый, Мехр-Нуш,
Тус доблестный, веры исполненный муж,
Четвертый же сын — благочестья пример,
Воздвигнувший храмы Огня Нуш-Азер.
Отцу именитый Бехмен говорит:
«Пусть юностью вечною дух твой горит!
Был смех твой невесел, скажи, отчего?
Не понял я тайного смысла его».
«Знай, сын мой, — печально ответил отец, —
От шаха примчался за мною гонец.
Я чувствую, чем-то Гоштасп уязвлен,
Меня заподозрил в злом умысле он.»
«Причину поведай мне,— вымолвил сын, —
Чем мог оскорбиться страны властелин?»
«Увы, — Исфендьяр отвечает, — ни в чем
Вины моей нет пред венчанным отцом.

С тех пор как Зердештову веру постиг,
Немало святилищ Огню я воздвиг,
Стер с лика земли нечестивых и злых,
Коль это грехи — не свершал я иных.
Должно быть, владыка злым дивом смущен —
Моим оттого униженьем прельщен.»
Еще не умолк он, как встала столбом
Пыль, в поле взметенная царским послом,
Который спешил его встретить в пути *.
Царевич с коня не замедлил сойти,
Покинул и старец седло. Возгласил
Привет Исфендьяр и посла вопросил:
«Владыка, чьей мощью весь мир покорен,
Покоен ли? В добром ли здравии он?»
Мудрец отвечает: «Властитель наш здрав».
С любовью царевича облобызав,
Письмо ему отдал и правду открыл:
Коварный, мол, див властелина смутил.
Сказал Исфендьяр: «Посоветуй, мудрец,
Как следует мне поступить; ведь отец
Как только увидит меня пред собой,
Заставит спознаться с лихою судьбой,
А если явлю непокорность ему,
Я долгу тогда изменю своему.
О мудрый, избыть помоги мне напасть,
Не дай мне, безвинному, жертвою пасть!»
В ответ он услышал: «Кипением сил
Ты молод, но разумом старцев затмил.
Сам ведаешь, свят для сыновней любви
Гнев даже, что в отчей пылает крови.
В путь выступи. Что ни содеял бы он —
Смирись, повелителя воля — закон».
На том порешили царевич с послом
И вместе направились к замку потом,

Чертог Исфендьяр для Джамаспа отвел,
И вот уж пирует с ним царский посол.
На утро воссев на престол и мужей
Знатнейших созвав, над дружиной своей
Царевич Бехмена поставил главой
И двинулся в путь, взяв немногих с собой;
Кушак повязав, возложив свой венец,
Примчался к владыке владык во дворец.

[Гоштасп заточает Исфендиара]

Лишь только до шаха известье дошло,
Что, царский венец возложив на чело,
Сын прибыл, — мужей он созвать поспешил,
Авесту — священную книгу раскрыл,
Сиденья мобедам седым указал
И князя-воителя тут же призвал.
Вот входит храбрейший из богатырей.
Склонившись пред гордым владыкой царей,
Как подданному подобает, скрестил
Он руки и низко главу опустил.
Речь держит владыка к мобедам своим,
К воителям и сипехбедам своим.
«Мужи, что сказали б вы, — он вопросил, —
Коль сына бы знатный усердно растил,
Младенцем кормилице вверил, потом
Его золотым увенчал бы венцом,
Затратив немало забот и трудов *,
Его обучил бы законам боев
И пиршеств; и стало бы мужем дитя,
Чистейшего золота блеск обретя;
Мыслители стали б с ним встречи искать,
И стали б поэты его воспевать;
Он витязем стал бы, любимцем побед,
В боях, на пирах несравненным, весь свет

Изъездил бы, непобедим и велик,
Достоин престола владыки владык,
Меж тем как своими престол и венец
Считает еще престарелый отец;
У сына и власть, и дружина, и стяг *,
Лишь трон у отца и венец, и кушак,
Но сын уж и трона его возжелал, —
Столь черного замысла мир не знавал!
Во имя престола, во имя венца
Готов обезглавленным видеть отца,
Войной на владыку замыслил пойти,
Рать против родного отца повести.
Вас, мудрые, ныне зову рассудить —
Как с сыном подобным отцу поступить?»
Мужи отвечают царю своему:
«Кто б высказать мог одобренье сему?
Нет, сыну негоже при жизни отца
Искать его сана, престола, венца!»
«Так вот он пред вами, — вскричал властелин, —
Родителю смерти желающий сын!
Неслыханной карой воздам — закую
В тягчайшие цепи — в том клятву даю!»
«О нет! — повелителю сын отвечал, —
Я смерти твоей никогда не желал.
С тех пор, как живу я, гонимый судьбой *,
Клянусь, не виновен ни в чем пред тобой.
Ты — царь, наши жизни во власти твоей,
Захочешь — меня заточи иль убей,
Тебе покоряюсь, смыкаю уста,
Но дух мой покоен и совесть чиста.»
Изменником царь не замедлил назвать
Царевича, в цепи велел заковать.
И вот кузнецы, что оковы куют,
Склонясь, перед взором царя предстают.

Закован царевич у всех на глазах,
И руки, и ноги его в кандалах,
И каждый, взглянув, слезы горькие лил —
Цепей столь тяжелых никто не носил!
По воле царя мощный слон приведен,
На спину его Исфендьяр взгроможден;
Осыпали голову горстью земли *,
С венчанным отцом разлучив, увезли,
В темницу его заточили, и где ж?
В стенах горной крепости Гонбедан-деж.
Веленью Гоштаспову следуя, там
Его к четырем приковали столбам
Железным, венца и престола лишив,
С надеждой и светом дневным разлучив.
Приставили несколько стражей к нему;
И там, погруженный в глубокую тьму,
В оковах томился герой. Что ни час,
Горючие слезы струились из глаз.

[Отбытие Гоштаспа в Систан и новое нападение Эрджаспа]

Так минуло долгое время. Гоштасп
В путь вышел, в Систан устремиться решась —
Туда Зенд-Авесты заветы принесть,
Мобедов к священной присяге привесть.
И вот уж в Систане владыка царей;
Встречать его первый из богатырей
Выходит — Ростем, царь Систана; во всем
Он сходствует с Самом, великим бойцом;
С ним Заль, престарелый отец, и других
Немало мужей именитых, благих.
Спешат музыканты навстречу прийти,
Со звонкими лютнями стать на пути.
Торжественной, радостной встречею той

Доволен владыка; к Авесте святой
Он вскоре сердца именитых привлек *
И в храмах огонь благодатный зажег.
В Забуле, в столице Ростемовой, он
Гостит, преклоненьем мужей окружен.
Стремительных дней череда пронеслась —
Два года с Ростемом пирует Гоштасп.
Меж тем властелины соседних земель,
Что были Гоштаспу подвластны досель,
Узнав, что великого богатыря
В оковах томят по веленью царя,
А сам он в Забул удалился — учить
Зердештовой вере, кумиров крушить, —
Забыли о повиновенье царю,
Являть перестали почтенье царю.
Узнал и Бехмен, что владыка страны
В оковы отца его вверг без вины,
И тотчас он избранных богатырей,
Приверженных Исфендиару мужей
Собрал, и в печали великой они
Отправились к Исфендиару, — все дни
Беседой своей утешали его,
Не мысля оставить в цепях одного.
Узнал и царивший в туранской земле,
Что месяц сияющий скрылся во мгле,
Что на Исфендьяра разгневался шах
И витязя держит в тяжелых цепях,
А сам он из Балха умчался в Систан,
Где витязь могучий Ростем и Дестан
С почетом немалым встречали его *,
И славили, и величали его;
И минуло вот уж два года, как шах
Беспечно пирует у Заля в гостях,
А в Балхе Лохрасп престарелый один

Остался и с ним ни вождей, ни дружин —
Жрецов лишь семь сотен, что ночью и днем
Склоняются перед священным огнем.
Тогда повелитель Турана собрал
Вождей и напасть на Лохраспа призвал.
«Узнайте, — сказал, — тот, в чьей власти Иран,
С дружиной своей удалился в Систан,
В Забуле за чашей сидит, а в стране
Бойца ни единого нет на коне.
Теперь-то и время войну начинать,
Рать строить, коней быстроногих седлать.
Герой Исфендьяр нам не страшен, ведь он
Давно в подземелье отцом заточен.
Найдется ль проворный лазутчик средь вас,
Что дальним путем неторeным помчась
К Ирану, туда проберется тайком
И к нам с донесеньем вернется потом?»
Нашелся такой средь нечистых — Сутух,
Шел всюду о ловком лазутчике слух.
Сказал он: «Бесшумно и быстро я мчусь.
Что мне повелишь, все исполнить клянусь».
От края до края изъездить Иран
И вести доставить приказ ему дан.
И вихрем помчался туранский боец,
И вот уж он в Балхе, где царский дворец.
Он там не увидел Гоштаспа-царя,
Застал за молитвой Лохраспа-царя
И тотчас назад с донесеньем спешит:
Молящийся царь, мол, во прахе лежит.
С немалою радостью это узнал
Владыка, заботу из сердца изгнал.
Сказал он вождям: «Раздробленную рать
Вам должно теперь воедино собрать».
Объездили те все просторы страны;

В степях и горах, где паслись табуны,
Везде побывали, собрали бойцов,
Туранской земли верховых удальцов.

[Окончание стихов Дакики
и возобновление стихов Фирдоуси.
Восхваление царя Махмуда
и порицание стихов Дакики]

Сказанье прервал после этой строки *,
Его не довел до конца Дакики;
За рыбиной гнался заветною, но *
Поймать ее в сеть было мне суждено.
Стихи прочитал я и слабыми счел,
Средь бейтов немало нестройных нашел,
И все же их вставил в поэму: пусть шах
Об этих искусства лишенных стихах
Сам судит — моих тут не надобно слов,
Сравнит пусть жемчужины двух продавцов.
Поэт! Коль стихи лишь плохие создать
Ты в силах, — не стоит себя утруждать.
Напрасно и тело, и мозг не точи,
Алмазов ты в копях пустых не ищи.
Коль стих твой не звонок, не чист, как ручей,
Писать недостоин ты книгу царей.
Без трапезы лучше гостей отпустить,
Чем пищей негодною их угостить.
Есть древняя летопись; собраны в ней
Предания канувших в прошлое дней.
Минуло, должно быть, две тысячи лет *
С тех пор, как она появилась на свет,
Но некому было обычную речь
Стихами, звучащими плавно, облечь.
О подвиге даже не мыслил таком
Никто — и душою скорбел я о том,

И рад потому я добром помянуть
Певца, проторившего первым сей путь.
Хоть битв и пиров он немного воспел,
Из тысячи — долю воспеть лишь успел,
Но все же царя одного на престол
Он, книгою древней ведомый, возвел.
Казной был осыпан, и знатными чтим,
Жаль, рано погублен пороком одним.
Царей восхвалявшим поэтом он был
И первым меж всех одописцев прослыл,
Но был он в созданье поэм не силен
И не оживил миновавших времен.
Надежды связал я с той книгой царей
И многие годы трудился над ней,
Но щедрого долго царя не видал,
Который величьем бы трон озарял,
И тяжко мне было с той думою жить,
Одно оставалось — молчанье хранить.
Сад видел я с царственной сенью ветвей,
Отрадный приют благородных мужей,
Достойный украситься гордым венцом.
И долго, мечтою заветной влеком,
Распахнутых щедро искал я ворот,
Я знал, что другой не пристал ему вход.
Лет двадцать я эту поэму скрывал,
Владыку, достойного дара, искал.
Но вот благородный и щедрый Махмуд,
Кого и светила небесные чтут,
Властитель властителей Абулькасим,
Весь мир озаривший восходом своим,
Воссел на престол, справедлив и велик.
Кто в мире припомнит подобных владык?
Дух мрачный при имени том просиял,
Поэму я именем тем увенчал.

Затмил всех прославленных предков своих
Владыка — пусть бед он избегнет лихих!
Динары в глазах его праху равны,
И как не жалеет он в пору войны
Ударов меча для врага своего —
В дни мира нет меры щедротам его.
Величью его да не будет конца,
Пусть радует вечно людские сердца!

[Нападение Эрджаспа на Балх и гибель Лохраспа]

Лишь только услышал владыка Эрджасп *,
Что с войском в Систан удалился Гоштасп, —
Кохрему, вождю боевому тому,
Велел с удальцами явиться к нему.
До солнца вознесший главу исполин,
Владыки Эрджаспа он старший был сын.
Царь сыну сказал: «Избери верховых,
Не знающих страха бойцов удалых.
Скачите, не ведая устали, в Балх —
У нас ведь темно из-за Балха в глазах.
Кого бы ни встретили вы из врагов,
Из огнепоклонников, дива сынов, —
Разите его, дом сожгите дотла,
День светлый для них да окутает мгла!
Да вспыхнет Гоштаспов дворец, да встает
Пожарища дым до небесных высот!
Увидишь ты Исфендиара в цепях —
Безжалостно тотчас повергни во прах
И тело его разлучи с головой.
Пусть будет твой подвиг прославлен молвой.
Тебе подчинится иранский весь край,
Ты — острый булат, враг — ножны твои, знай!
Сам также в Халлохе я не задержусь,

Как буря, вослед за тобою помчусь.
На клич соберутся войска всей страны,
И щедро польются богатства казны».
«Исполню! — слова исполина звучат, —
Тебе отдаю свою душу в заклад.»
Лишь солнце клинок обнажило, и ночь,
В бою побежденная, кинулась прочь,
Войсками равнину Кохрем наводнил *, —
Ты б землю с челом эфиопа сравнил.
К Ирану несется туранская рать *,
Стремясь убивать, сокрушать, разорять.
Лишь только успела рубеж перейти,
Всех стала разить и губить на пути.
Услышав, что вторглись те полчища в Балх
И только проклятья одни на устах
Кохрема, ведущего войско, — Лохрасп,
Смятеньем охвачен, душой омрачась,
Взмолился Йездану: «Пречистый творец,
Владыка миров, мирозданья венец!
Ты — щедрый даритель отваги и сил,
Всевышний властитель лучистых светил.
Молю я, ты мне устоять помоги,
Рассудок и силы мои сбереги!
Пусть раб твой от вражьей руки не падет,
Ведь ты, всемогущий, — страдальцев оплот» *.
Но не было в Балхе в ту пору бойцов,
Воинственных всадников и храбрецов.
Одних горожан десять сотен сошлись,
И те не для брани на свет родились.
Как только туранский приблизился строй,
В броню облачился венчанный герой.
Шлем царский надвинув, с молельней своей
Расставшись, в бой вышел владыка царей.
Взревев, словно буйством охваченный слон,

Своей бычьеглавою палицей он
Заклятых врагов одного за другим
Косил, не давая опомниться им.
И каждый, увидя владыки удар,
Дивился: «Да это, знать, сам Исфендьяр!»
Куда ни направит герой скакуна —
Степь кровью туранскою обагрена.
Лишь грянет клич бранный владыки-бойца,
От ужаса рвутся туранцев сердца.
Сказал возглавлявший туранскую рать:
«Не следует с ним в поединок вступать.
Все вместе, как львы, нападем — окружен
Пусть будет бойцами со всех он сторон».
И вот уже палицы гулко стучат,
Воинственных всадников клики звучат.
Взмолился Лохрасп к властелину миров;
Он, дряхлый, — один, в окруженье врагов,
От зноя к тому ж изнемог, и беда
Приспела, царева погасла звезда.
Пал старец, сраженный туранской стрелой,
Настиг боголюбца удел его злой,
Глава венценосная пала во прах.
Враги верховые, примчась второпях,
Кольчугу царя изорвали в клочки
И тело мечом изрубили в куски.
Все думали — это боец молодой;
Как шлем с него сняли, с главою седой
Они престарелого видят царя,
Но лик его молод и ал, как заря.
Дивятся они, всюду слышится речь:
«Как юноша, старец схватился за меч!
Быть может, вблизи Исфендьяр, но тогда
Рать новую должно призвать нам сюда.
Нас мало на поле, грозит нам конец,

Беспомощны будем, как стадо овец».
На это бойцам отвечает Кохрем:
«Бой кончен, уж враг не грозит нам ничем.
Лохрасп — вот кто сей бездыханный боец,
Владыки Гоштаспа венчанный отец.
Его осеняла творца благодать,
Умел воевать он, умел пировать.
Состарившись, взор к небесам он воздел,
К венцу и престолу душой охладел,
А ныне с венцом разлучился Лохрасп,
И прежней опоры лишился Гоштасп» *.
Ту выслушав речь, войско в Балх ворвалось,
Разить, убивать и крушить принялось.
В храм вторглись, что дивной блистал красотой,
Где арки узор украшал золотой.
В огне сожжена Зенд-Авеста была *,
Сожгли и святилища стены дотла.
Там были жрецы средь немой тишины
В моления жаркие погружены.
Убили их всех пред священным огнем,
Уж им не служить ему ночью и днем.
Кровь смыла Зердештово пламя. К чему
Губить было старых жрецов — не пойму.

[Гоштасп узнает о гибели Лохраспа и идет в поход на Балх]

Была у владыки Гоштаспа жена,
Глубоким умом обладала она.
Ретивого в стойле коня отвязав,
Туранского витязя облик приняв,
Пустилась из царской палаты в Систан —
Дух бедной смятением был обуян.
Неслась она без остановки вперед,
Двухдневный свершала за день переход,

И вихрем в покои Гоштаспа примчась,
С известьем о доле Лохраспа примчась,
Сказала: «Почто ты замешкался, шах,
Покинул почто стольный город свой Балх?
Войною пришли из Турана войска,
И в Балхе народу жизнь стала горька.
Истерзан весь край грабежом и резней,
Вернуться пора тебе в город родной».
Ответил Гоштасп: «Что кручинишься так?
Напасть лишь однажды осмелился враг.
Не плачь, не грусти — коли двину я рать,
То Чина воителям не устоять».
Ответ был: «Пустых не держи ты речей,
Беда над страной разразилась твоей.
Знай, в Балхе Лохрасп венценосный убит,
И каждое сердце о славном скорбит.
Враг вторгся потом в Нуш-Азер, чтобы сжечь
Святилище, праведных смерти обречь.
Их кровью погашен Огонь — не под стать
Тебе неприятелем пренебрегать.
В полон твои дочери уведены.
Не будь столь беспечен, владыка страны!
Довольно утраты одной лишь Хомай,
Чтоб мудрый лишился покоя. Но знай —
И младшую дочь твою Бехаферид,
Чьих даже зефир не касался ланит,
Покинуть принудили царственный трон,
С венцом разлучили, умчали в полон».
Царь выслушал черную весть, омрачась,
Кровавые хлынули слезы из глаз.
Он витязей знатных Ирана созвал,
О вести услышанной им рассказал.
Покинул престол, снял кеянский венец,
И вот уже призван искусный писец,

И вскоре пред шахом предстали гонцы,
Посланья во все полетели концы
К вождям и князьям: «Что б ни делали вы* —
Прервите. В доспехах, схватив булавы,
В путь риньтесь, вперед по степям и холмам
Скачите, пока не прибудете к нам».
Достигли послания богатырей,
Иранской державы отважных мужей.
На зов собрались верховые бойцы,
Державы воинственные храбрецы.
Казною бойцов оделил и, Систан
Оставив, царь в Балхе раскинул свой стан.
Лишь только услышал владыка Эрджасп,
Что с войском примчался венчанный Гоштасп, —
Такую привел из Турана он рать,
Что небо померкло, светил не видать.
От моря до моря дружины текли,
И нет уж ни пяди свободной земли,
Все стало черно, и равнина, и высь, —
Такие столбы ратной пыли взвились.
На поле сошлись и схватились войска;
Здесь меч, там копье воздымает рука.
Направо — Фершид, чья венчанна глава,
Он в схватке свирепой поверг бы и льва.
Налево — Нестур, молодой исполин,
Зерира-героя воинственный сын.
А в сердце дружин повелитель Гоштасп
Войска свои обозревал, что ни час.
На правом крыле у туранцев— Кондор;
С ним пешее войско такое, что взор
Едва бы окинул; обоз вслед за ним;
На левом — с мечом смертоносным своим
Кохрем именитый, а в сердце дружин* —
Эрджасп, всех туранских земель властелин.

Призывы литавр с двух сторон донеслись,
Степь стала железной, эбеновой высь.
Сказал бы, свод неба кружится, летит,
И стонет земля под напором копыт.
Так громко ржут кони, стучат булавы,
Что в ужасе горы склонили главы.
Нет павшим числа, голова не одна
Тяжелою палицей раздроблена.
Дождь блещущих стрел и сверканье мечей,
И возгласы грозные богатырей.
Уж в бегство пуститься и звезды хотят;
Воители жизней своих не щадят.
Средь пыли несчетные стрелы снуют
И раненых стоны над полем встают.
И многим пришлось под копытами пасть,
И саваном стала им львиная пасть.
Здесь — головы, там — без голов мертвецы.
Слонам разъяренным подобны бойцы,
О жалости к сыну отец позабыл.
Шло время. Свод неба все так же кружил.
Три ночи, три дня ярый бой пламенел
И ратный кимвал неумолчно гремел.
От крови, бурлящей на поле войны,
Багровые блики на лике луны.
С Кохремом, разящим без устали, в бой
Вступил Фершидверд, исполин молодой,
Но, тяжко израненный, кинулся вспять,
С могучим Кохремом не смог совладать *.
Немало иранцев в бою полегло,
Кровавое море всю степь залило.
Имел тридцать восемь Гоштасп сыновей
Достойных, взращенных средь гор и степей,
Все пали они в том жестоком бою,
Царь горько оплакал утрату свою.

[Гоштасп обращается
в бегство от Эрджаспа]

И в бегство тогда обратился Гоштасп,
Настал для властителя горестный час.
Вслед недруги два перехода неслись,
Догнать и предать его смерти рвались.
Достиг венценосец горы, и на ней
Он мельницу видит и быстрый ручей.
Тропа потайная по склону вела,
Которая шаху известна была.
В печали на гору поднялся Гоштасп
С дружиной; от вражьей погони таясь,
Там стан свой разбили; за ними привел
Эрджасп свою рать, но тропы не нашел.
Всю гору враги оцепили тогда,
Ждет голод иранцев, нависла беда.
Тут стали колючки бойцы собирать,
На каменных кручах костры разжигать,
Коней поедать одного за другим.
Сердца уж отчаянье стиснуло им.
Себя в неприятельских видя тисках,
В смятенье схватился за голову шах,
Джамаспа седого призвать поспешил
И стал вопрошать о знаменьях светил.
Сказал: «Коль грядущее можешь открыть,
Неведеньем нас ты не должен томить.
Скажи, что поведал тебе небосвод,
Кто в этой беде мне на помощь придет?»
Поднялся Джамасп и промолвил в ответ:
«О царь, справедливей которого нет!
Коль в гневе моих не отвергнешь ты слов
И воле светил подчиниться готов,
Коль веришь, что правду одну говорить
Мне свойственно, — тайну готов я открыть».

Ответ был: «Все то, что известно тебе,
Открой поскорей! Покорюсь я судьбе.
Пусть даже я к небу главой вознесусь,
От рока всесильного все ж не спасусь».
Ответил Джамасп: «О владыка земли,
Ты речи моей благосклонно внемли.
По воле твоей Исфендьяр-исполин
Томится в оковах, во власти кручин.
Его от оков ты избавить решись,
Тогда эту гору оставить решись!»
«О правдолюбивый! — был шаха ответ, —
Друг истинный мой, избавитель от бед!
Когда я во гневе его заточил
И цепи крюками кузнец закрепил,
Я горько тогда же раскаялся в том
И путь стал искать к отступленью. Ни в чем
Ведь не был виновен, и жертвой оков
Он стал по навету коварных врагов.
Когда б он сюда для сраженья пришел,
Я б дал ему перстень, венец и престол.
Но кто же решится сей путь совершить.
Безвинного узника освободить?»
И слышит владыка ответ старика:
«Я мчаться готов, ведь угроза тяжка».
«О мудрый, — на это Гоштасп говорит, —
Душе твоя доблесть отраду дарит.
С приветом моим ты к нему устремись,
Но тайно полуночью темной помчись.
Скажи от меня: «Ненавистник твой злой
В мученьях и горе расстался с землей.
Я ж, внявший тому, кто не ведал стыда,
Кому благородная мудрость чужда,
И зло причинивший, раскаялся в том,
Хочу злодеянье загладить добром.

Изгнать коли можешь из сердца вражду —
Приди, зложелателей ввергни в беду!
Не дай лютым недругам нас погубить —
Кеянское древо под корень срубить!
Пришел бы — я б трон и казну тебе дал,
Казну, что с немалым трудом собирал.
Молитвам одним я предамся потом
Вослед за Лохраспом, венчанным отцом.
В свидетели клятвы зову я творца,
Зову и Джамаспа, вождя-мудреца».
В одежду туранских мужей облачась,
С горы без вожатых спустился Джамасп
И вскоре пробрался сквозь вражеский стан
Во мраке полночном и в Деж-Гонбедан
Примчался по воле владыки держав,
Невзгод и опасностей всех избежав.

[Встреча Джамаспа с Исфендиаром]

Взращен Исфендьяром был доблестный сын,
Его Нуш-Азером назвал властелин.
На крыше той крепости он сторожил,
Не явится ль рать из Ирана следил;
Тогда поспешит он к отцу своему,
О виданном тотчас доложит ему.
Завидя Джамаспа вдали и на нем
Одежды сплошь черные, черный шелом,
Подумал он: «Мчится туранский гонец.
Пойду, пусть об этом узнает отец!»
И с башни высокой спустившись бегом,
«О витязь! — сказал он, представ пред отцом. —
Знай, некий наездник явился вдали,
Я черный шелом различаю в пыли.
Помчусь, погляжу — то Гоштаспа боец
Иль злобный туранец, Эрджаспа боец?

Коль это наш враг — волоча по песку,
Презренному голову я отсеку».
В ответ Исфендьяр благородный сказал:
«На то и дорога, чтоб всадник скакал!
Сюда, верно, воин иранский спешит,
Сдается, что мне он посланье вручит.»
Такой дал ответ Исфендьяр и потом
Надвинул на голову сына шелом,
Страшась за него. Вновь на башню взойти
Спешит Нуш-Азер, чтоб дозор свой нести.
Все ближе Джамасп в озаренье седин,
Узнал, наконец, его княжеский сын
И тут же, стрелой к Исфендьяру примчась,
Сказал: «Престарелый к нам едет Джамасп».
Открыть приказал ему двери отец.
Вошел и склонился пред князем мудрец.
Ему передал от Гоштаспа наказ,
Что вез он, горами и долами мчась.
И слышит ответ Исфендьяра: «Внемли,
Достойный потомок героев земли,
О мудрый, прославленный доблестью муж!
Пред тем, кто в оковах, склоняться к чему ж?
Ведь тот, кто цепями опутан навек, —
Отродье бесовское, не человек.
Несешь мне от шаха Ирана привет —
Видать, у тебя просто совести нет!
Привет нам иной посылает Эрджасп,
Что льет кровь иранцев рекой в этот час.
Безвинный, в оковы я был заключен,
Горезм сыном царским теперь наречен.
На мне эти цепи и впредь пусть гремят,
Они пред Йезданом меня обелят.
Ведь тяжко Гоштаспом я был оскорблен,
Горезмом, исчадием зла, очернен.

На славу владыка меня одарил —
Железом за подвиги вознаградил!
Мне этого зла не забыть, и речам
Твоим я себя одурманить не дам!»
«О правдолюбивый, — он слышит в ответ, —
Муж, тигров губящий, любимец побед!
Коль стал тебе так ненавистен отец,
Престолу его угрожает конец.
Пал жертвою благостный дед твой Лохрасп,
Расправились недруги с ним, разъярясь.
А с ним и жрецы, что, упавши во прах,
Молились Йездану с Авестой в руках.
Знай, было их восемьдесят мудрецов,
Возвышенных, благочестивых жрецов.
Их кровь наш священный огонь залила.
Опасен Эрджасп, он — исчадие зла.
За деда погибшего мстить устремись,
Враждою и жаждой сражений зажгись.
Когда отвергаешь священную месть,
Нельзя тебя мудрым и праведным счесть.»
В ответ он услышал: «О муж из мужей,
Прославленный светлой звездою своей!
Ты сам поразмысли: пал дед мой Лохрасп,
Но жив его сын, венценосный Гоштасп.
Не мною Лохрасп должен быть отомщен,
А сыном — ведь сын унаследовал трон».
Промолвил Джамасп: «Коль за деда ты мстить
Не хочешь, не можешь души распалить —
Подумай о доле царевен: не мог
Коснуться их лиц и шальной ветерок.
А ныне Хомай вместе с Бехаферид
В плену изнывают, печаль их томит».
«Но разве Хомай, — молвил князь, омрачась, —
В темнице меня навестила хоть раз?

И Бехаферид, что величья полна, —
Меня словно век не знавала она.
Из них я не видывал здесь ни одной,
Так мне ль из-за них на туранцев войной
Идти? Есть родитель у них, он скорей
Сумеет отмстить за своих дочерей.»
«О витязь! — в ответ восклицает Джамасп. —
Отец твой, томимый тоской, в этот час
С вождями на скалах крутых осажден,
Льет слезы от скорби и голода он.
Тебе, знать, венчанного впредь не видать,
Его уничтожит туранская рать.
Поверь, не угодно благому творцу,
Чтоб ты позабыл о почтенье к отцу.
Имел тридцать восемь ты братьев-бойцов —
Отважнее тигров, свирепее львов.
Единого враг не оставил из них,
Все, знай, средь песков опочили степных.»
На это в ответ Исфендьяр произнес:
«Да, я средь блистательных братьев возрос.
Но те веселились, а я изнывал
В оковах. Кто помощь мне здесь подавал?
А ныне пускай я о них и скорблю —
Что проку! Ведь павших я не оживлю».
Джамасп, удрученный ответом таким,
Поняв, что обидою узник палим,
Стоит перед ним, болью грудь пронзена,
Льет слезы, а в сердце мечта лишь одна.
«О витязь великий, — так вымолвил он, —
Пусть дух твой обидой вконец омрачен,
Но вспомни, каков Фершидверда удел,
Того, кто к тебе состраданьем горел,
Сражался ли он, во дворце ль пировал —
Горезма проклятьям всегда предавал.

Теперь он лежит, весь изранен мечом,
Изрублены панцирь его и шелом.
Рыдает он, свидеться жаждет с тобой.
Так сжалься над бедным страдальцем, герой!»
И князь содрогнулся, услышав рассказ
О брате любимом, боль в сердце впилась.
Твердит он: «О горе, герой, исполин,
Муж львиной отваги, опора дружин!
Так больно мне, словно изранен я сам,
Кровь сердца струится по этим щекам».
Очнувшись, Джамаспу седому сказал:
«Весть эту доселе зачем ты скрывал?
Немедля вели привести кузнецов,
Меня пусть избавят от тяжких оков».
И вот кузнецов поспешили привесть,
Напильники, молот железный принесть.
Склонились тогда кузнецы к кандалам,
Что тяжестью были подобны мостам.
Но, сколько ни тщатся они, распилить
Невмочь им оковы. Не в силах сносить
Медлительность эту изнывший в цепях,
«Кузнец недостойный! — вскричал он в сердцах. —
Ты сам в эти цепи меня заковал,
А как расковать привелось — оплошал!»
Сжав ноги и руки напрягши потом,
Оковы одним разорвал он рывком.
Сорвав свои цепи, он рухнул тотчас,
Сознанья от боли жестокой лишась.
Тот подвиг увидев, седой звездочет
Дивится, герою хвалу воздает.
Очнувшись потом, богатырь указал
На павшие цепи и гневно сказал:
«Вот память Горезмовых страшных даров,
Лишивших меня и побед и пиров!»

В горячую баню герой поспешил,
Свое наболевшее тело омыл;
Одежду властителя требует он,
Кольчугу воителя требует он,
«Ведите, — сказал, — вороного коня,
Сыщите булат и шелом для меня».
Едва скакуна своего увидал,
Он с горестью жгучей к Йездану воззвал:
«Пусть я, мой творец, согрешил пред тобой
И ввергнут в оковы жестокой судьбой,
Но что берберийский мой конь сотворил
Худого? Кто голодом друга морил?
Отборный вы луг отведите ему,
И прежнюю силу верните ему!»
Велит ратоборец умельцев призвать,
Таких, что привыкли оружье ковать:
Нужна, мол, броня. Потрудились не зря,
Готовы доспехи для богатыря.

[Исфендиар видит своего брата Фершидверда]

Нагрянула ночь, словно мстительный бес,
И звон пред дворцом поднялся до небес.
Схватив закаленный индийский клинок,
Воссев на коня, именитый ездок
Бехмена с собой и Азера берет
И смело пускается в дальний поход.
Его проводник — престарелый Джамасп,
Которого выбрал дестуром Гоштасп.
Из стен крепостных выезжают верхом,
И вот уж они на просторе степном.
Свой взор к небесам Исфендьяр обратил,
Взывая: «Пречистый владыка светил!
Тобою, в ком истина воплощена,

Душа Исфендьярова озарена.
Когда суждено мне в войне победить,
Клянусь для Эрджаспа свет белый стеснить.
Ему за Лохраспа-царя отомщу,
Погибель безвинных мужей не прощу.
Отмщу и за братьев — ведь алым, как лал,
Прах ратного поля от крови их стал.
Клянусь перед ликом благого творца —
Забуду я тяжкую кару отца.
Сто храмов Огня здесь воздвигнуть берусь *,
От нечисти землю избавить клянусь!
Ноги не увидят моей на коврах,
Пока не построю в степях и горах
Сто новых ребатов. Средь каменных гор,
Где серн и орлов не увидел бы взор,
Я тысячи вырыть колодцев возьмусь,
Тенистые рощи раскинуть клянусь.
Сто тысяч дирхемов раздам я потом *
И нищим, и всем, кто нуждается в том.
Заблудших верну я на праведный путь,
Нечистых повергну, не дам им вздохнуть.
Отныне Йездану средь ночи и дня
Молюсь. Наслаждения — не для меня».
Сказал и ретивого гонит вперед,
И вскоре пред братом своим предстает.
На ложе страдающим видит его,
От ран изнывающим видит его.
Исторгла тоска из груди его плач,
Унять эти слезы не мог бы и врач.
«О доблестный лев! — князя слышится речь, —
Кто смел тебя мукам подобным обречь?
Будь ярым он тигром и чудищем вод —
Возмездье в бою за тебя понесет.»
«О брат мой! — услышал признание он.

Гоштаспа поступками я удручен.
Когда бы он в ярости не заковал
Тебя — верх над нами Туран бы не взял.
Лохрасп ниспровергнут на старости лет,
Балх ввергнут в горнило бесчисленных бед —
Зла много Горезма принес наговор,
Мир горя такого не знал до сих пор.
Не плачь и приемли суд правый творца,
Как древо цветущее, радуй сердца.
Сей мир суждено мне покинуть, увы,
Ты ж долгие годы счастливо живи!
Когда я угасну, меня вспоминай,
Щедротами душу мою утешай.
Прощай же, всесветный герой, исполин,
Свети без заката, не ведай кручин!»
Умолк, и уже не узнать его черт,
Их смерть изменила, угас Фершидверд.
И князь зарыдал иступленно тогда,
Как тернии, жгла под кольчугой тафта.
В печали прославленный бьет себя в грудь:
«Молю, о творец, укажи верный путь,
За смерть Фершидверда мне дай отомстить,
Взрыть воды, как смерч, камни в прах обратить,
Пролить кровь Эрджаспа широкой рекой
И духу Лохраспа дать вечный покой!»
Он брата погибшего взял на седло,
Гнев в сердце клокочет и мрачно чело.
На гладкой равнине увидевши холм,
Туда с телом брата поднялся верхом
И мыслит: «Что в этом безлюдье найду,
Какую гробницу тебе возведу?
Не даст ничего мне нагая гора * —
Ни злата, ни жемчуга, ни серебра,
Ни каменщика не найдешь, ни воды.

Такого ль достоин прибежища ты?
Тенистого древа и то не сыскать,
Где б мог ты под сенью листвы почивать».
Он, брата от панциря освободив
И в саван рубаху с чалмой обратив,
Зарыл его в землю и мчится туда,
Где шаха застигла лихая беда.
Там столько погибших иранских мужей
Лежало, что скрылась земля от очей,
И горько оплакал он тех мертвецов,
Безжалостным роком сраженных бойцов.
В том месте, где длился неистовый бой,
Горезма увидел он лик восковой.
В крови и пыли распростерся мертвец
И рядом скакун, свой нашедший конец.
Такие слова над погибшим тогда
Сказал Исфендьяр: «О лишенный стыда!
Напомню иранских слова мудрецов,
Над тайною правды поднявших покров:
Враг умный желаннее друга глупца,
И в друге и в недруге чтут мудреца.
Коль разум судьба подарила тебе,
За то лишь берись, что под силу тебе.
За тем, что нет мочи тебе совершить,
Зря гнаться не должно и сердце крушить.
В Иране ты трона взалкал моего
И много ты зла сотворил оттого.
Державы иранской ты день омрачил,
В ход ложь и коварные козни пустил.
За кровь, что в сражении этом лилась,
В том мире ответ, знаю, держишь сейчас».
Он бранное поле покинул в слезах,
Помчался вперед, вздыбив скачкою прах,
И вскоре настиг он туранскую рать —

Под нею ни пяди земли не видать,
За ней и небесная высь не видна,
Раскинулась на семь фарсангов она.
Ров вырыт вкруг стана такой, что полет *
Стрелы его только и пересечет.
В ход сотню уловок пустив, через ров
Сумел перебраться глава удальцов.
И полем несется он во весь опор,
А поле меж тем объезжает дозор
Туранцев — их восемьдесят. Поднялась
При виде героя тревога тотчас.
Приблизясь к нему, закричали мужи:
«На поле сраженья что ищешь, скажи?»
Ответ был: «На поле сражения вам
Под стать предаваться лишь сну да пирам!
Услышал Кохрем, что сквозь ратный наш стан
Сумел проскользнуть Исфендьяр-великан,
И мне повелел, чтоб занес я клинок,
Чтоб вас, недостойных, на гибель обрек!»
С мечом обнаженным вперед он летит,
За боль пораженья Гоштаспова мстит.
Немало противников богатырю
Убить удалось и умчаться к царю.

[Исфендиар достигает горы,
где укрывается Гоштасп]

Поднялся на гору высокую он,
Увидев родителя, отдал поклон.
Тот, в горе сидевший, стремительно встал
И сына, обняв, крепко к сердцу прижал *.
Воскликнул он: «Благодаренье творцу,
Что в здравии добром ты прибыл к отцу!
Обиду ты в сердце своем не таи,
Скорей начинай с супостатом бои.

То низкий Горезм, чья природа черна,
Во мне подозрений взрастил семена.
За то поплатился он жизнью своей,
Возмездье несет за злодейства злодей!
Клянусь я владыкой земли и планет,
Чьим взорам все явно, а тайного нет,
Что, если победой окончу войну,
Тебе я вручу и престол, и страну.
Довольно с меня и молельни одной,
Наследственной ты завладеешь казной».
Ответил ему Исфендьяр-исполин:
«Доверье лишь мне ты верни, властелин!
Твоя мне нужна благосклонность, отец, —
Вот лучший престол для меня и венец!
Бог видит: когда на Горезма глядел
На поле войны, средь поверженных тел,
Я мучился мукой твоею, в тоске
Рыдал о поверженном клеветнике.
Но прошлое сгинуло ныне, прошло.
Сказал бы ты, ветром его унесло.
Теперь, как булатом я вооружусь
И с этой гранитной вершины спущусь,
Погибнут с Тураном Кохрем и Эрджасп,
Исчезнут и Чин, Халлох, и Эйяс!»
Узнав, что от тяжких оков Исфендьяр
Спасен, миновал его рока удар, —
Дружины к нему отовсюду сошлись,
По склонам одна за другой поднялись.
Вожди именитые разных племен —
Чужие и родичи — все на поклон
Спешат, и воскликнул тогда Исфендьяр:
«Мужи-меченосцы, чей меток удар!
Стальные свои заносите клинки,
В бой риньтесь, разите врагов, смельчаки!»

Ему храбрецы отвечают хвалой:
«Лишь ты наш венец, наш клинок боевой.
Тебе свои души в залог отдаем,
Жизнь черпаем в лике прекрасном твоем».
Построили рать, и еще до зари
Доспехи начистили богатыри.
Владыка же, сына призвав своего,
Речь вел об ударах, постигших его,
Погибших своих вспоминал сыновей,
И слезы рекою лились из очей:
Увы, опочили на голой земле,
И кровь, не короны, у них на челе.
Узнал той же ночью владыка Эрджасп,
Что сына дождался венчанный Гоштасп;
Дозорных сметал Исфендьяр на пути,
Кого не убил, тех принудил уйти.
В смятенье Эрджасп именитых зовет,
С Кохремом при них речь такую ведет:
«Иные таились надежды во мне,
Как рать выводил я, готовясь к войне.
Я думал, в оковах мы дива того
Найдем — мир избавим тогда от него,
Держава иранская станет моей
И признан я буду владыкой царей.
А ныне, как вырвался див из оков,
Рыдать остается — удел наш таков!
Ему меж туранцев соперника нет,
Подобных героев не видывал свет.
Не лучше ль вернуться в Туран, наконец,
Побед уж немало послал нам творец!»
И все обозрев, что из Балха увез,
Для сына Кохрема царь первый обоз
Навьючил добычей богатой своей —
И золота дал, и ретивых коней.

Моложе Кохрема сынов четверых
Имел он, готовы дары и для них.
И сотнями вот уж верблюды бредут,
Погонщики в дальнюю степь их ведут.
Тревога меж тем властелина томит,
Покой позабыл он, не ест и́ не спит.
Был витязь Горгсар меж туранских мужей,
Придя к властелину, он начал с речей
Таких: «О Турана и Чина глава!
Ужели тебя обесславит молва,
Сказав: пред одним отступил он бойцом!
Рать вражья разгромлена, вспомни о том.
В смятенье потомство утративший царь,
Одна лишь опора его — Исфендьяр.
Пойми же, бойцы твои удручены,
Ты речью им ранил сердца без войны.
Трусливому, верь мне, беды не избыть,
Негоже царям боязливыми быть.
Еще ни одна булава не вошла
В грудь тюрка, брони не коснулась стрела.
Когда нападет он, я биться пойду,
Любого противника ввергну в беду!»
Эрджасп лишь услышал такие слова,
Увидел, что в муже решимость жива,
Сказал: «О воитель, чье имя гремит!
Ты славен отвагой, велик, родовит.
Коль сделаешь доблесть опорою слов
И сдержишь обет, — верь мне, буду готов
Тебе от Хергах до Чин-моря страну
Отдать и державы иранской казну.
Ты войска туранского станешь вождем,
Тебе прекословить не стану ни в чем».
Рать тут же ему в подчинение дал,
Две трети страны во владение дал,

Вот солнце сверкающий подняло щит,
И ночь, трепеща от смятенья, бежит *,
Роняя свой черный покров, и, как лал,
Лик мира в рассветных лучах запылал.
Спустился с горы многочисленный строй,
Ведет Исфендьяр его, славный герой.
Пред войском несется он, гнев на челе
И палица с бычьей главой на седле.
А в сердце дружин — именитый Гоштасп,
Взор ищет — где враг ненавистный Эрджасп.
Нестур, сын Зерира, о коем молва
Гремит, кто из чащи изгнал бы и льва,
На свет для вождения ратей рожден,
На правом крыле войско выстроил он.
На левом крыле рать Керкую дана,
Он блещет, как солнце в созвездье Овна.
Напротив построил Эрджасп свою рать.
Уж звездам равнины с высот не видать —
Так много там копий и сизых клинков,
И ярких знамен из тончайших шелков.
Мрак в сердце Эрджаспа и мрак на челе;
Кохрем строит войско на правом крыле,
На левом — Чигильского края глава,
Который в бою устрашил бы и льва.
Стоит пред Эрджаспом огромная рать,
Наездников с копьями не сосчитать.
Когда же, поднявшись на холм, с вышины
Увидел широкое поле войны,—
Он был поражен мощью войска того,
И мир потемнел пред глазами его.
Призвал он погонщиков, отдал приказ
Десятки привесть караванов тотчас
И тайно сказал возглавлявшим войска:
«Коль битва затянется, станет тяжка,

И если увидим — надежды уж нет
На то, что дождемся желанных побед, —
Всех близких собрав, на верблюдах степных
Умчимся, заботясь о жизнях своих».
И вот уже там, где меж ратей черта,
Герой Исфендьяр с пеной гнева у рта
Проносится грозный, как сам небосвод,
Он палицу с бычьей главою несет,
Ты скажешь, степь целую заполоня;
В груди не сдержать грозового огня!
Клич бранный звучит, трубный слышится рев,
И сдвинулись с места ряды удальцов.
Вся степь — что кровавое море на взгляд,
Затмили мечи блеск небесных Плеяд.
Привстал в стременах богатырь Исфендьяр,
Клич бранный его устрашающе яр.
Сжав палицу, в сердце туранских дружин
Не меньше трех сотен скосил исполин.
«За смерть Фершидверда, — вскричал богатырь, —
В отмщенье морскую бы вздыбил я ширь!»
И, вверив поводья коню, вражий строй
На правом крыле прорывает герой.
Уж сто шестьдесят сшиб он натиском тем
Туранцев. Тут в бегство пустился Кохрем.
«За деда я мщу, — речь героя гремит, —
За деда, чья смерть сердце шаха томит!»
Но вот уж разит и на левом крыле, —
Как море, тут кровь разлилась по земле.
Сто с лишним в бою истребил он мужей,
Венчанных, богатых казною вождей.
«За братьев я мщу, — восклицает храбрец, —
За тех тридцать восемь, чей горек конец!»
Эрджасп, это видя, Горгсару сказал:
«Конец нашей рати несчетной настал!

Всех скосит он, витязя ни одного
Уж нет, чтоб удерживать натиск его.
Бездействуешь ты отчего, не пойму?
Бахвалиться было тебе ни к чему!»
От этих речей вспыхнув гневом, Горгсар
Помчался туда, где разил Исфендьяр.
Лук добрый в руках с тополевой стрелой,
Блистает на ней наконечник стальной.
Приблизясь, на лук он стрелу наложил
И, в сердце противника целясь, пустил.
Тут свесился низко с седла Исфендьяр,
Чтоб вообразил, это видя, Горгсар
Себя победившим, сумевшим пробить
Стальной его панцирь и сердце пронзить.
Враг выхватил равный алмазу клинок,
Мгновенье — и голову б князю отсек.
Не дрогнул пред натиском тем великан,
С седельной луки снял витой свой аркан,
Во имя создавшего все естество
На шею Горгсару набросил его.
И вот голова супостата в тисках,
Дрожащий и жалкий, он брошен во прах.
И накрепко руки связав за спиной,
С петлею на шее повлек за собой
Его Исфендьяр и пред войском своим
На землю поверг, ярым гневом палим.
Достойного он Хомаюна призвал *,
«Доставь его к шаху в шатер, — приказал. —
Там связанным должно остаться ему,
Убить его не дозволяй никому.
Увидим, кому ниспошлет торжество
Судьба, увенчает победой кого».
На бранное поле примчавшись опять,
В сраженье он двинул иранскую рать,

И пламя войны разгорается вновь *,
Пыль ратная встала и хлынула кровь.
Сраженья течение видит Эрджасп
И так вопрошает, душой омрачась:
«Где славный Кохрем? Уж на правом крыле
Мне стяг его ратный не виден во мгле.
И где же Кондор, витязь тот удалой,
Что скалы пронзал булавой и стрелой?»
Сказали Эрджаспу, что скрылся Горгсар:
Его в поединок, мол, звал Исфендьяр.
Исчез его стяг волчьеглавый, лилов *
Стал воздух от натиска вражьих клинков.
Известием этим Эрджасп удручен,
Верблюдов проворных потребовал он *,
Всех близких собрал, и простором степей,
Ведя за поводья ретивых коней,
Они на верблюдах пустились скакать
К Халлоху, на поле оставили рать.
Воинственный клич Исфендьяра гремит,
Сказал бы, он плавит утесов гранит.
«Иранцы! — вскричал богатырь, — бранный меч
Не рано ли праздности жалкой обречь?
В грудь вражью пусть входит клинок, как в ножны! *
Бегущих врагов окружить вы должны.
Разите, когда не сдадутся вам в плен,
Тела взгромоздите вы с гору Карен!»
Вот всадники конские сжали бока,
И сшиблись на поле сраженья войска.
И склоны, и степь залил крови поток —
Тут жернов и тот завертеться бы смог!
И в месиве тел, средь кровавой реки
Застывшие пальцы сжимают клинки.
А войско Ирана все рвется вперед,
Добычи богатой никто не берет.

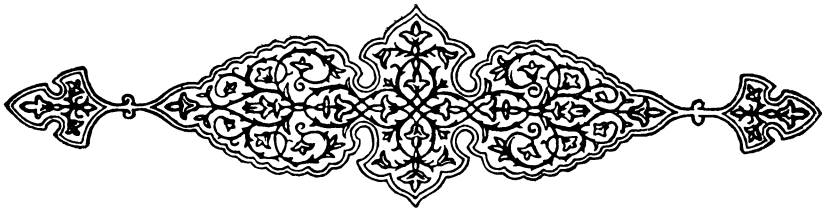
Туранцы ж, услышав о бегстве царя,
Отчаялись, в пламени горя горя.
Имевший коня жизнь доверил коню,
А прочие бросили шлем и броню,
С повинною к Исфендиару идут
И слезы, как тучи весенние, льют.
Воитель могучий им жизнь даровал,
Побоище он прекратить приказал.
Избрал, утолив жажду мести, вождя
И участь их вверил ему, уходя.
С дружиной к царю воротился потом,
В крови и броня, и румийский шелом.
Присох уж к руке окровавленный меч,
Не выпрямить скованных латами плеч.
Омыли и руки, и меч молоком,
Из панциря вынули стрелы потом,
И витязь, доспехи тяжелые сняв,
Свершил омовение; весел и здрав,
В покров для молитв облачился, упал
Во прах и Йездану хваленья воздал
С ним, верою полный, владыка царей *
Провел в неустанных моленьях семь дней.
Потом воротился к себе Исфендьяр,
И вскоре предстал перед славным Горгсар.
Он в страхе: мой жребий, мол, будет жесток!
Трепещет, как ивовый в бурю листок.
Сказал он: «Владыка, от крови моей
Твоя не умножится честь средь мужей.
Клянусь тебе стать неподкупным слугой,
Верь, буду я твой провожатый благой,
Безропотно встречу любую беду,
До стен Руин-дежа тебя доведу».
Князь в путах ему оставаться велел,
Терпеть побежденного жалкий удел.

Вновь на поле князь, где Эрджаспа-царя
Сломил он, отмстив за Лохраспа-царя.
Добычу он щедрой рукою дарит,
И пеший, и конный — никто не забыт;
Своею же долей вождей оделил,
Нанесших урон его рати — казнил.

[Гоштасп во второй раз
посылает Исфендиара на бой
с Эрджаспом]

И в царский шатер вслед за тем возвратясь,
С Гоштаспом он стал совещаться тотчас.
Речь шла о Лохраспе, Фершиде благом,
О витязях, павших в сражении том.
«О мощный! — слова венценосца звучат, —
Ты весел, сестер же увез супостат.
Блажен, кто подняться для мщенья готов,
Погибнуть на поле сраженья готов.
Как станем на троне держать мы ответ
Пред теми, что стали добычею бед!
Мне этот позор не под силу сносить,
В груди жажду мщения не угасить.
Клянусь тебе ныне творцом всеблагим:
Когда из Турана ты жив, невредим
Вернешься, обрекши врага на позор *,
От вражьего плена избавив сестер, —
Тебе я вручу шахиншахский венец,
Казну нажитую, престол и дворец.»
В ответ раздалась Исфендьяра хвала:
«Была без тебя бы мне жизнь немила!
Тебе лишь, отец мой, служить я хочу,
Не царское званье добыть я хочу.
Жизнь рад положить за тебя на войне,
Венца и престола не надобно мне.

На мщенье Эрджаспу я рать поведу
И землю туранскую ввергну в беду,
Верну из полона твоих дочерей —
Во славу звезды негасимой твоей!»
Гоштасп благородного славит в ответ:
«Пусть вечно ведет тебя разума свет!
В пути о тебе да печется Йездан,
Вернувшись, да будешь венцом осиян!»
И вот отовсюду, где вождь иль мобед
Владели землею, любимцев побед
Созвали — наездников храбрых, лихих,
И тысяч двенадцать избрав среди них,
Всех золотом щедро Гоштасп оделил,
Заботу отбросив, рекой его лил.
Престол и венец ослепительный в дар
От шаха-отца получил Исфендьяр.
У входа дворцового слышится крик:
«Ведите коней для великих владык!»
В степь вывели войско, взвивается стяг,
На стяге — Хомая крылатого знак.
От пыли, что тысячей тысяч копыт
В степи взметена, мир весь мраком покрыт.
Ряды принялся Исфендьяр объезжать
И видит: готова к сражению рать.



[СКАЗ О СЕМИ ПРИВАЛАХ ИСФЕНДИАРА]

[Восхваление царя Махмуда]

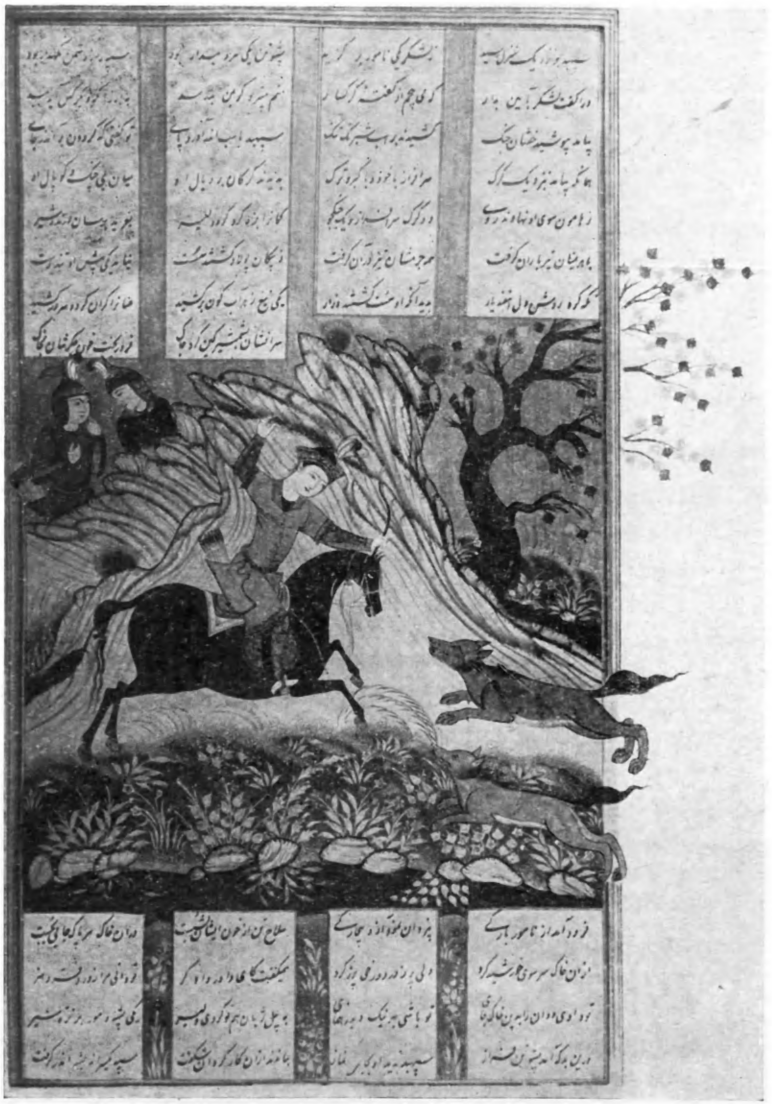
Продолжу о подвигах княжеских речь *,
В стих праздничный должно сказанье облечь.
Махмуду я песнь посвящаю свою,
Величье и славу владыки пою,
В дни мира — щедроты, в боях — торжество,
И волю, и неустрашимость его.
Дни долгие жизни да будут даны *
Ему, властелину великой страны!
Коль явит мне счастье улыбчивый лик
И щедро забьет вдохновенья родник —
Сказ, полный чудес, доведу до конца *,
Не могут они не пленить мудреца!
Настал для земли возрождения час,
И солнце в лазури восходит, лучась,
Венцом украшая созвездье Овна,
Земле возвещая — настала весна!
Средь горных громад — грохотанье громов,
Цветами украсились склоны холмов,

Изменчив нарцисс, скромный мак терпелив,
Уныл гиацинт, цвет граната игрив.
А гром, как певца удрученного стон,
От глаз отгоняет целительный сон.
И вот уж огонь затаенный сверкнул,
И ливнем обрушился страсти разгул.
Проснись и на дол возрожденный взгляни:
Что это — парча иль творенье Мани? *
Свод неба, увидя ковер на холмах,
Расцветшую землю в алмазных слезах,
Твердит ей: «Красавица, злым не зови.
Не гневом горю я, лью слезы любви!»
Чтоб дол ликовал, туча плакать должна,
Но с царской рукой не сравнится она.
Она лишь весною щедра, где же ей
Тягаться со щедростью славных царей!
Их благоволенье лишь солнцу равно,
В созвездье Овна поднимаясь, оно
Всему без различья сиянье дарит *:
Богатому кладу, что в недрах сокрыт,
И скудной земле; перлам водных глубин
И влаге соленой холодных пучин;
Будь это бедняк иль владетельный князь —
Всем шлет золотые лучи, не скупясь.
Таков повелитель наш Абулькасим *;
И единоверцам, и людям чужим
Десницею щедрою сыплет дары;
А грянут тревоги военной поры —
Он вражеской не устрашится руки,
Сам головы царские схватит в тиски.
Кто преданность явит, тому и казна —
Не помнит, как тяжко копилась она.
Владыкой земли да пребудет Махмуд!
И щедрость, и правда при нем да цветут!

Но выслушай о Руин-деже рассказ *,
Седым мудрецом донесенный до нас.

[Первый привал.
Исфендиар убивает двух волков]

Когда свою скатерть дехкан расстелил,
Для нового сказа уста она раскрыл.
Взяв чашу свою золотую с вином,
Запел он о шахе Гоштаспе, о том,
Как шел к Руин-дежу герой Исфендьяр,
Как вел его в этом походе Горгсар.
А начал сказанье с Гоштаспа-царя,
Что к Балху пришел, жаждой мести горя.
С отцом разлучившись тогда, Исфендьяр
В Туран устремился, с ним пленный Горгсар.
Достигнув распутья, воинственный встал
С дружиной своею на первый привал.
Для пира раскинули скатерти тут,
Вино принесли, музыкантов зовут.
Все витязи царской дружины сошлись,
Воссели с вождем, пировать принялись.
В разгаре веселья велит Исфендьяр,
Чтоб в путах предстал перед ними Горгсар.
Четыре он чаши велит золотых
Подать ему, алым вином налитых.
«Злосчастный! — он узнику молвил потом, —
Престолом тебя награжу и венцом,
Коль правду ты ныне поведаешь нам.
Тебе всю туранскую землю отдам,
До солнца тебе вознестись помогу,
Когда нанесу пораженье врагу.
Обиды чинить ни сынам я твоим
Не стану, ни близким твоим, ни родным.
А если сказать мне осмелишься ложь,



Битва Гоштаспа с волком-оборотнем

Рукопись ГПБ № 334. XVII в.

То ею меня ты в обман не введешь.
Булатом тебя рассеку пополам,
Расправою ужас внушу я мужам!»
На это ему отвечает Горгсар:
«О славный и доблестный муж Исфендьяр!
Одни лишь ответы правдивые дам,
Со мной поступи, как пристало царям».
Сказал Исфендьяр: «Крепость есть Руин-деж
Вдали от Ирана. Искать ее где ж?
За сколько фарсангов та крепость, и к ней
Есть много ль дорог, и какая верней?
В ней сколько бойцов и какие она
Угрозы таит? Все поведай сполна».
На это ему отвечает Горгсар:
«О славный и милостивый Исфендьяр!
Ведут три пути к той твердыне: зовет
Недаром Гоштасп ее „брани оплот“.
Один за три месяца, за два другой
С дружиной пройдешь, о владыка благой!
Путь первый лишений тебе не сулит,
Он между владений туранских лежит,
Где много источников, градов и сел.
Другую в два месяца ты бы прошел,
Скудна там дорога кормами, на ней *
Не сыщешь к тому же воды для коней.
Ни пастбищ, ни добрых стоянок в пути
Тебе, о прославленный, там не найти.
Путь третий всего за семь дней совершишь,
Настанет восьмой — Руин-деж разглядишь,
Но путь тот опасен, там логово львов,
Там встретишь и змей, и свирепых волков;
Колдунью увидишь, чья злоба страшней
И лютых драконов, и хищных зверей, —
Того из пучины к луне вознесет,

А этого в бездну низвергнет с высот.
В пути нападенье Симорга грозит
И снежная буря, что кедры крушит.
А явится крепость Руин пред тобой —
Поймешь ты: другой не бывало такой.
Уходит за тучи главою своей,
Немало и войск, и оружия в ней.
Реки, вкруг нее протекающей, вид
Отрадный усталое сердце живит.
Владеющий крепостью в пору охот
На легком челне к месту лова плывет.
С долиною связь не нужна ему, знай,
Хоть сотню ты лет Руин-деж осаждай.
Там нивы и мельницы есть, и сады,
Где неисчислимые зреют плоды».
Речь выслушав, был Исфендьяр удручен;
И после молчания долгого он
Промолвил: «Отправимся третьим путем,
Путь самый короткий другим предпочтем!»
На это Горгсар отвечает ему:
«Те семь переходов еще никому *
Досель одолеть не случалось. Лишь тот,
Кто жизнью пресыщен, сей путь изберет».
«Увидишь в пути, — возразил ему вождь, —
Мою, с Ахримановой равную, мощь!
Что ждет нас в начале похода, ответь, —
Сумею опасности преодолеть.»
Поведал тогда исполину Горгсар:
«О витязь бесстрашный, чей меток удар!
Ты встретишь сперва двух огромных волков,
У каждого пара слоновьих клыков,
Внушающих страх, и оленьи рога,
Что мигом пронзили б любого врага.
Поджары, загривки зато широки,

И силою оба, как тигры, крепки».
Речь кончил, и снова доставлен в шатер
Туранец, чей жребий — полон и позор.
А вождь возложил свой венец на чело,
Дотоль пировал он, пока рассвело.
Вот встало и солнце с венцом на челе,
И твердь без покрова явилась земле.
Призывы литавр у дворца раздались,
Степь стала железной, эбеновой — высь.
Князь мчится беспечно с дружиной вперед,
Путь в семь переходов к Турану ведет.
И вот уже время вставать на привал,
Вождь брата, достойного мужа, призвал.
И бдителен был Пешутен и суров,
Он рать неусыпно стерег от врагов.
«Ты войско возглавь, — говорит Исфендьяр, —
Встревожен я тем, что поведал Горгсар.
Навстречу угрозе один поскачу,
Воителей жизнью играть не хочу».
И вот подтянули подпруги коня,
На витязе доблестном блещет броня.
Коня стременами он стиснул, и тот
Навстречу волкам Исфендьяра несет.
Те, чуя врага из породы людей *,
Кидаются к витязю, тигров лютей.
Воитель, подобный свирепому льву,
Свой лук оснастив, натянув тетиву,
Уносится прочь — конь под стать ездоку —
И в мчащихся следом за ним на скаку
Шлет стрелы. Зверей обескровил он так,
Что те нападать уж не в силах. Смельчак
Лишь это заметил — свой меч обнажил *
И к ним, скакуна повернув, поспешил.
Он головы снес им одну за другой

И кровью их прах замесил, как водой.
С коня вороного потом соскочив
И тело свое и доспехи омыв,
Он место сухое на поле сыскал *
И, руки воздев, славить радостно стал
Йездана, взывая: «Благой судия!
Твой дар — и отвага, и сила моя,
Ты гибель послал этим чудищам злым,
Ты дух мой направил к деяньям благим».
Меж тем Пешутен, с удальцами примчась,
Увидел —создателю молится князь.
Дивятся деянью того храбреца,
И нет славословиям пылким конца:
«Сказал бы, убиты не волки, слоны!
Да будут создателем сохранены
Отвага и меч, и десница вождя.
Страна да вовек не лишится вождя!»
За дело приняться дружина спешит,
И вот уж шатер для владыки разбит.
Накрыли и стол золотой, и вино
С отборными яствами принесено.

[Второй привал.
Исфендиар убивает львов]

Пока побивает волков Исфендьяр,
Тревогой томим злополучный Горгсар.
Князь пленника снова ввести приказал;
Дрожащий, в слезах он пред князем предстал.
Дав пленнику выпить три чаши вина,
«Какая мне встреча еще суждена?» —
Спросил Исфендьяр и услышал ответ:
«О витязь, которому равного нет!
Лев встретится ныне тебе, да такой,
Что сладил бы с чудищем бездны морской,—

Орел, знаменитый отвагой, и тот
Навстречу ему полететь не дерзнет».
«Туранец презренный! — вскричал властелин,
Надежда и светоч иранских дружин. —
Сам завтра увидишь, каким языком
Со львом спорит витязь, владея клинком.»
Лишь сумрак на землю спустился с высот,
Опять Исфендьяр выступает в поход.
Несутся бойцы предводителю вслед,
Сердца их терзает предчувствие бед *.
Ночь минула. Солнце, покинув шатер,
Явило земле златотканный убор,
И вот уже близко убежище львов,
И доблестный с ними схватиться готов.
К себе Пешутена сперва подозвав,
Ему наставления должные дав,
Сказал он: «Тебе нашу славную рать
Вверяю, мне ж битву пора начинать».
Как только приблизился к львам сипехбед,
В глазах у зверей потемнел белый свет.
Но вот нападают они, осмелев;
Их пара — свирепая львица и лев.
Булатом самца поразил Исфендьяр
И вспыхнул от радости — меткий удар
Вмиг надвое лютого льва разрубил,
И ужас тогда сердце львицы пронзил.
Все ж кинулась яро на богатыря.
Тот меч свой заносит, отвагой горя,
Ее обезглавил, и хлынула кровь,
Героя обрызгав. Ликует он вновь.
В прозрачном ручье омовенье свершив,
Создателя жарко возблагодарив,
Твердит: «Нет, не я уничтожил зверей —
Ты, правый, сразил их рукою моей!»

Меж тем Пешутен во главе удальцов
Примчался; дивятся, взирая на львов,
И все Исфендьяру хвалу воздают,
Храбрейшим воителем мира зовут.
Ответив приветствием богатырям,
С дружиною вождь воротился к шатрам.
В кругу храбрецов венценосный сидит,
И стол для обильного пира накрыт.

[Третий привал.
Битва Исфендиара с драконом]

Царь видит Горгсара опять пред собой —
Злодея того, что наказан судьбой;
Поднес ему снова три чаши вина.
Лишь тот оживился, их выпив до дна,
Сказал Исфендьяр: «Ты, чей жребий жесток!
Поведай, что завтра готовит мне рок?»
«О царь благородный, — он слышит в ответ, —
Вовеки не знай поражений и бед!
Отвагой ты неукротимой горел,
Немало опасностей преодолел,
Но ждет тебя завтра беда пострашней
Минувших. Себя, богатырь, пожалей!
Ведь завтра, лишь к новой стоянке придешь,
Дракон, все живое ввергающий в дрожь,
Нагрянет; будь моря пред ним глубина —
Он пастью втянул бы чудовищ со дна.
Его ты сравнил бы с огромной горой,
Из пасти бьет пламя мертвящей струей.
Опомнись, вернуться назад поспеши!
Верь, этот совет я даю от души.
Не жаль тебе разве себя самого
И неисчислимого войска сего?»
«Умолкни, презренный! — он слышит в ответ. —

Сейчас повлекут тебя в путах вослед,
Увидишь: как ни был бы лют и силен,
Меча моего не избегнет дракон.»
Умельцев доставить велел он тотчас
И дерева крепкого нужный запас.
И вот уже род колесницы готов,
Утыканной сплошь остриями клинков,
И башню воздвиг хитроумный на ней —
На свете еще не бывало прочней! —
Такую, чтоб там поместился смельчак;
Двух сильных коней в колесницу запряг,
И царь, богатырский надвинув шелом,
Одетый бронею, с кабульским мечом,
Испытывать сооружение стал,
И долго коней быстроногих он гнал.
Покончено с приготовленьями, в бой
Готов уж лететь богатырь молодой.
Мир негра чернее. В созвездье Овна
Венец светозарный явила луна.
Вскочил на коня Исфендьяр-сипехбед,
Отважное войско помчалось вослед.
Лишь солнце взошло, над горою сверкнув,
И ночь отступила, стяг черный свернув, —
В стальную броню облачился герой,
Велел Пешутену воинственный строй
Возглавить. Меж тем пару добрых коней
Ведут с колесницей и башней на ней.
И вот Исфендьяр в этой башне укрыт,
И вихрем навстречу дракону летит.
Лишь ветер до змея скрипенье колес
И топот коней быстроногих донес,
Поднялся он, схожий с горой, — погасил,
Ты скажешь, сиянье небесных светил.
А каждое око его — водоем

Багровый и гибельным дышет огнем,
Подобно пещере, разверстая пасть.
Взъяренный, ревет он, готовясь напасть.
Жизнь в ужасе вверил Йездану герой,
А сам он безмолвствовал тою порой.
Искать стали кони спасенья, мечась,
Но чудища зев поглотил их тотчас,
А с ними втянул колесницу, и тот,
Кто в башне скрывался, ни жив и ни мертв.
Тут в глотку дракона вонзились клинки,
И хлынула кровь наподобье реки.
Дракон изрыгнуть эту башню не смог —
Вошла в него, будто бы в ножны клинок.
Не взвидевший света от боли дракон,
Слабеет, в бессилии мечется он.
Покинув укрытье свое под конец,
Взмахнул закаленным булатом храбрец,
И брызнули наземь драконьи мозги.
Тут стало от дыма не видно ни зги,
И облаком тем одурманен герой,
Он рухнул и замер недвижной горой.
С дружиной меж тем Пешутен подоспел,
Увидя властителя, он помертвел,
Подумал: «Ужели наш царь молодой
Постигнут сегодня лихою бедой!»
И спешилось войско, в унынье, без сил,
Застыло: стон горестный степь огласил.
К царю поспешил Пешутен молодой,
Виски ему розовой сбрызнул водой,
И очи открыл Исфендьяр, и от слов
Героя взыграли сердца храбрецов:
«То пар ядовитый меня обволок,
Дракон нанести мне удара не смог».
Как пьяный шатаясь, побрел он туда,

Где между деревьев струилась вода.
Вот с новой одеждой идет казначей,
И царь погрузился в прохладный ручей;
Омывшись, во прах пред создателем пал
И долго, счастливый, творца восхвалял,
Твердя: «Кто с драконом бы сладил? Лишь тот,
Кому вседержитель — надежный оплот.»
Властителю славу мужи воздают
И благодаренье создателю шлют.
Узнав, что из мертвых воскрес Исфендьяр,
Тоскою и злобой охвачен Горгсар.

[Четвертый привал.
Исфендиар убивает колдунью]

Вкруг ставки царя своего у ручья
Разбила шатры боевая семья.
На пир удальцов венценосный зовет,
Встав с места, за здравье родителя пьет;
Веленье затем отдает, и пред ним
Горгсар предстает, тайным страхом томим.
Три узнику чаши поднес и в сей раз,
О битве с драконом напомнил, смеясь.
«Взгляни, недостойный, — ему говорит, —
Вот он, огнедышащий змей твой, лежит!
Ответствуй, стоянка четвертого дня
Какою угрозою встретит меня?»
«О царь-победитель, — он слышит в ответ, —
Пусть вечно не гаснет звезды твоей свет!
Лишь к новой стоянке успеешь прийти,
Предстанет колдунья тебе на пути.
Никто не внушал еще трепета ей,
Хоть многих уж видела богатырей.
Под силу ей степи в моря обратить,
Расплющит и солнце, ее не смутить!

Гул имя ее. Берегись западни,
Не то молодые погубишь ты дни.
Дракона осилив, вернулся бы вспять!
Иль хочешь ты славу свою растоптать?»
«Эй, дерзостный! Завтра, — сказал сипехбед, —
Ты скажешь другое любимцу побед.
Колдунью такой я беде обреку,
Что всех колдунов ввергну в страх и тоску.
Во славу того, кто царит в небесах,
Всю лютую нечисть повергну во прах!»
Вот желтою день облачился тафтой,
И к западу светоч плывет золотой.
Вождь выступил с войском, обоз снарядив,
Йездана, подателя благ, восхвалив.
Коней они гнали всю ночь. Наконец
Светило дневное явило венец,
Как яхонт сверкая в созвездье Овна;
Земля вся улыбкою озарена.
Вновь рать Пешутену доверив, с собой
Он чашу берет золотую. Хоть бой
Ему предстоит, он весельем влеком;
Берет драгоценную лютню притом *.
Вот роща, подобная раю, пред ним,
Сказал бы, взращенная небом самим,
Луч солнца проникнуть в нее бы не смог;
Ты скажешь, в ручьях — роз живительный сок.
Покинув седло, богатырь молодой
Уселся в тени над журчащей водой.
Блестящую чашу до края налив
И жажду душистым вином утолив,
Запел он под рокот струны и мечту
О счастье вложил в песню звучную ту.
Так пел Исфендьяр: «Мне, увы, не дано
С друзьями сидеть, распивая вино.

Одни лишь драконы да львы на пути,
От бед и напастей лихих не уйти,
Отрады живительной не испытать,
Лик девы пленительной не созерцать.
О как бы творца я возблагодарил,
Когда б он мне встречу с пери подарил!»
До слуха колдуньи та песнь донеслась,
И радость в душе ее злобной зажглась.
«Муж знатный, поющий за чашей вина,
Мне в сети попался!» — ликует она.
Куда безобразный морщинистый лик
Девался! В красавицу юную вмиг
Ее обратила власть дьявольских чар.
И видит пери пред собой Исфендьяр:
Лик — солнцу под стать, равен тополю стан,
Коса — смоляной ароматный аркан;
Охапка цветов у прекрасной в руках
И алые розы цветут на щеках.
Увидел ее богатырь и звучней
Запел, ударяя по лютне своей.
Он пел: «Ты, царящий один в небесах,
Мне путь указуешь в горах и степях.
Сбылись мои грезы, пери я нашел,
Блаженство, желанное сердцу, обрел.
Тебе, судия справедливый, благой,
Да будет душа моя верной рабой!»
Поднес он красавице чашу с вином,
И та испила, разрумянясь лицом.
А втайне он цепь наготове держал
Стальную — Зердешт ее встарь даровал,
Из рая принесши, Гоштаспу-царю,
А тот подарил ее богатырю.
Той цепью он шею колдуньи обвить
Спешит, но не стал ее петлей душить,

Тут львом обернулась колдунья. За меч
Схватившись, герой держит гневную речь:
«Пусть горы крушишь, гнешь железо и медь —
Меня тебе, злобная, не одолеть!
Явись же такою, какая ты есть!
Пора мне мечом твою голову снесть».
Вдруг с белыми космами, с черным лицом
Старуха явилась в аркане стальном.
Занес он тогда свой отточенный меч,
И в прах голова покатилася с плеч.
Тут грозный завыл ураган. Собрались
Тяжелые тучи, небесную высь
Во тьму непроглядную вдруг погрузив,
И солнце, и месяц от взоров укрыв.
На холм победитель поднялся верхом,
И клич торжествующий грянул, как гром.
С дружиной к нему Пешутен поспешил:
«Владыка прославленный! — он возгласил, —
Не сладить с воинственной силой твоей
Ни львам, ни колдуньям, ни тварям морей.
С победою в дружбе весь век пребывай
И царственной милостью мир согревай!»
Услышав, что вновь одолел Исфендьяр,
Досадой и злобой пылает Горгсар.

[Пятый привал.
Исфендиар убивает Симорга]

Звучат славословия богатыря,
Он пал пред Йезданом, молитвы творя;
Раскинуть шатры вслед за тем повелел,
Как должно, с мужами пируя воссел.
Зовет палача и велит он: «Иди,
Сюда злополучного в путах веди».

И тотчас предстал пред владыкой Горгсар;
Как только увидел его Исфендьяр,
Поднес ему царских три чаши вина;
Тот радостен стал, осушив их до дна.
«Злосчастный! — ему Исфендьяр говорит, —
Колдунья хваленая, видишь, висит!
Твердил ты: Плеядами правит она,
Степь морем бушующим сделать вольна!
Что далее ждет меня, дай мне ответ, —
Страшнее колдуньи опасность иль нет?»
Ответ был: «О доблестный! Силу твою
Сравнил бы я лишь со слоновьей в бою.
Ждет новая схватка — будь бдителен, к ней
Готовясь: опасней она и трудней.
Увидишь ты гору главою до туч,
Там птицу, чей облик суров и могуч,
Симоргом зовут ее; полного сил,
Его ты с крылатой горой бы сравнил.
В когтях унести в поднебесье слона
И чудище моря с глубокого дна
Поднять нипочем ему, доблестный, знай!
С колдуньей и волком его не равняй.
Птенцы с ним, не меньше его самого,
И оба покорны веленьям его.
Довольно ему над равниною взмыть,
Чтоб солнцу померкнуть, чтоб миру застыть.
Путь, верь мне, назад тебе лучше держать,
Горы и Симорга того не искать».
«Вот диво! — смеется воитель, — стрелой
Недолго пронзить мне грудь птицы той злой.
На землю низвергну с высот и потом
Ее изрублю я индийским клинком».
Уж солнце к земле повернулось спиной,
Окутан восток темнотою ночной,

В путь вышел с дружиной глава удальцов,
Он в мыслях уж биться с Симоргом готов.
Всю ночь неустанно с бойцами скакал.
Когда ж за горами диск солнечный встал,
Весь мир этот светоч небес озарил,
Мгновенно вселенную преобразил.
Оставив с вождем славных воинов строй,
На быстрых конях, в башне спрятавшись той,
Помчался, как вихрь, молодой исполин,
И вскоре достиг он царицы вершин.
В тени быстроногих коней удержав,
С тревогою ждет покоритель держав.
Лишь только ту башню Симорг увидал *
И войско за нею, и грозный кимвал —
Как туча спустился и взмахами крыл
Сиянье небесных светил погасил.
Хотел колесницу он в лапы схватить,
Как будто готовясь добычу когтить.
Но сотни клинков, разом в крылья вонзясь,
Пернатого силы лишили тотчас.
Он долго когтями и клювом кривым
Бил оземь и замер потом, недвижим.
Птенцы, это видя, прочь в страхе летят,
Слезами кровавыми плачут, кричат.
Такая упала от крыльев их тень,
Что ясный померк на мгновение день.
Колеса и башню, слабея от ран,
Омыл своей кровью Симорг-великан.
Тут вышел из башни своей Исфендьяр,
Наносит мечом за ударом удар;
Так долго свирепую птицу разил,
Доколе с дыханием не разлучил.
Потом, распростершись, к творцу своему,
Пославшему эту победу ему,

Воззвал он: «И сила, и разум тобой
Дарованы мне, судия всеблагой!
В свершениях всех ты один мне помог,
Ты гибели злобных чудовищ обрек».
Труб медных донесся пронзительный вой,
Ведет Пешутен свой воинственный строй.
На птицу глядят — так огромна она,
Что степь из-за тела ее не видна.
Равнина вся сплошь от хребта до хребта
Багровою кровью ее залита.
В крови также юного видят царя,
Подобного месяцу богатыря.
Мужи победителю славу поют,
За подвиг отважный хвалу воздают.
О том, что победу герой одержал,
Горгсар, как услышал, в тоске задрожал,
Бледнеет с досады, взор гордый угас
И слезы невольные льются из глаз.
Раскинуть шатер Исфендьяр повелел
И радостно в нем с удальцами воссел.
Парчою покрыта у входа земля,
Сидят и пируют, сердца веселя.

[Шестой привал.
Исфендиар проходит через снежный занос]

И вновь приказав, чтобы в путах Горгсар
Предстал пред очами его, Исфендьяр
Три чаши поднес ему. Повеселел
Тут пленник, лицом, словно мак, заалел.
«Болтун злонамеренный! — царь говорит,—
Ты видишь, что рок всемогущий творит.
Ни волка, ни льва, ни Симорга уж нет,
Ни змея, столь много чинившего бед.»
Владыке на то отвечает Горгсар:

«О славный и доблестный Исфендиар!
Создатель всевышний — твой верный оплот,
Достойный ты древа державного плод.
Но завтра такой тебе день предстоит,
Что будет меч брани тобою забыт.
Не сможешь с оружием кинуться в бой,
Не будет и к бегству пути пред тобой.
На землю падет — слово вспомнишь мое —
Невиданный снег вышиною с копье.
Ты с доблестным войском завязнешь в снегу —
Я истину скрыть от тебя не могу,
За это не гневайся ты на меня.
Вернешься — избегнешь злосчастного дня.
А если, упорствуя, дальше пойдешь —
На гибель ты войско свое поведешь.
Внезапно завоет средь тягостной мглы
Вихрь, землю взрывая, корчуя стволы.
Пустыни достигнешь — дика и скудна,
На много фарсангов простерлась она.
Безжалостно солнце ту землю палит,
Ручей животворный ее не поит.
Нигде ни былинки одной, ни листка,
Одни лишь зыбучие волны песка,
Насквозь прокаленные. Там не ищи *
Ни пташек, ни ящериц, ни саранчи.
Туда забрести даже лев не дерзнет,
И ястреб туда не направит полет.
Так сорок фарсангов пройдете. Боец
И конь изнемогут в пути. Наконец
Достигнете вы Руин-дежа. Дивит
Величьем и мощью той крепости вид.
Все блага земные нашли в ней приют,
А башен вершины до солнца встают.
Обильны там пастбища, нет оттого

Там воина пешего ни одного.
Хотя б сотни тысяч сошлись храбрецов,
Иранских бойцов и туранских бойцов,
Чьи копья губительны, меток прицел,
И сотню бы лет продолжали обстрел —
В том не было б проку: вовек не войдет
Враждебное войско в тот грозный оплот».
Смутили иранцев Горгсара слова,
И вот что услышал Ирана глава:
«О царь благородный, в объятья беды
Бросаться не следует, нет в том нужды.
Коль речи Горгсаровы сбудутся — впредь *
Не биться нам, здесь суждено умереть!
Путь долгий проделал ты, сил не жалел,
Столь грозных, свирепых зверей одолел.
Доселе никто из великих царей,
Никто из прославленных богатырей
Того не свершил, что на этом пути
Свершил ты. Йездана хвалою почти!
Теперь, приведя испытанье к концу,
С победой не лучше ль вернуться к отцу?
В походы другие ты нас поведешь,
В Туране покорность одну лишь найдешь.
Горгсар, знай, совет тебе дал не худой.
Не жертвуй ты жизнью своей молодой
И гибели не обрекай свою рать —
Рок может ведь шутку плохую сыграть.
Изведав веселье и сладость побед,
Нам смерти навстречу бросаться не след».
Услышав от витязей эти слова,
Им так отвечал исполинов глава:
«Нет, вам не удастся меня запугать!
Мужам не пристало от страха дрожать,
Покинув Иран, отличиться в войне

Вы шли иль читать наставления мне?
Когда для меня слов иных у вас нет,
К чему было мчаться за мною вослед?
Трепещете вы наподобье листка
От слов злополучного проводника,
Забыли наказ, что владыка нам дал,
Щедроты, какими он вас осыпал,
И клятвы, что каждый из вас приносил
Пред ликом Йездана и вечных светил!
Где ж верность и мужество ваше? Своим
Вы вмиг изменили обетам святым.
С победой домой возвращайтесь, а я
Останусь — не кончена битва моя.
Йездан — мой надежный оплот, никогда
Моя мне и впредь не изменит звезда.
Победа ли, смерть ли в бою суждена —
Один я сражусь, помощь мне не нужна.
Всем недругам злобным явлю я в бою
Отвагу и доблесть, и силу мою.
Дойдет без сомненья благая к вам весть,
Что пала на долю властителя честь,
Что стены той крепости он сокрушил
Во славу владыки небесных светил».
Иранцы, вглядевшись в вождя своего,
Безмерно разгневанным видят его.
В смущенье великом взмолились они:
«Яви снисхождение, нас не вини!
Мы душу готовы отдать за тебя,
Недаром тебе присягали, любя.
Труды и опасности нас не страшат,
Сердца за тебя, венценосный, дрожат.
Доколе из витязей жив хоть один,
Тебя не покинем в бою, властелин!»
Услышав ту речь, молодой сипехбед

Раскаялся в сказанном прежде; в ответ
Сказал, воздавая иранцам хвалу:
«Отвага и доблесть не канут во мглу!
С победой вернувшись, окончив труды,
Пожнете вы подвигов ратных плоды.
Душа моя будет веселья полна,
И ваша пустой не пребудет казна».
С мужами совет он держал до тех пор,
Пока не повеяло холодом с гор.
Труб медных призывы тогда разнеслись,
И с места ряды боевые снялись.
Пылая отвагой, помчались вперед,
И каждый Йездана на помощь зовет.
Когда же рассвет над горами возник
И ночь, покрывалом окутавши лик,
От солнца сверкнувшего кинулась прочь,
А солнце пустилось преследовать ночь —
Достигли стоянки ряды удальцов,
В броне, с булавами, могучих бойцов.
День вешний, погожий, смеясь, восходил,
Весь мир озаряя, сердца веселил.
По воле владыки стан ратный разбит,
Воссели мужи, пир веселый шумит.
Вдруг вихрь леденящий с гор ближних подул
И ужас властителю в сердце вдохнул.
Стал воздух чернее воронья крыла,
И горы, и степи окутала мгла.
Неистово воет, крепчает буран,
Ты скажешь, весь мир — только снег да туман.
Все яростней по небу тучи гоня,
Три ночи так вихрь бушевал и три дня.
Сплошь вымокли, обледенели шатры,
И все обессилели богатыри.
Как будто бы в ткани основа с утком,

Стал с воздухом снег неразлучен. Ни в чем
Не видя спасенья, сказал Исфендьяр
Вождю Пешутену: «Жестокий удар
Постиг нас! Проник я в драконову пасть,
Не дрогнув, но эта страшнее напасть.
Мольбы вознесите к творцу своему,
О помощи все воззовите к нему —
Быть может, минует нас злая беда,
Не то уж не видеть нам дня никогда *».
Молитву спешит Пешутен вознести
Тому, кто добра указует пути,
И руки воздели бойцы к небесам,
Конца нет смиренным и жарким мольбам.
Вдруг ветер принес вместо стужи тепло,
Рассеялись тучи, ненастье прошло.
К иранцам покой возвратился в сердца,
Ликуют они, восхваляя творца.
В том месте три дня еще длился привал
Дружины, когда же четвертый настал —
Созвал сипехбед именитых бойцов,
Немало сказав ободряющих слов,
Добавил: «Из грузов возьмем мы с собой
Лишь те, что для схватки нужны боевой.
Внемлите и мой исполняйте приказ:
Кто сотней верблюдов владеет из вас —
Припасами пусть половину из них
Навьючит, водой питьевой — остальных,
А груз остальной мы оставим — теперь
Открыл нам творец к избавлению дверь.
Презрен, кто в Йездане изверился, он
И мужества, и благочестья лишен.
Я верю: ведомы Йезданом благим,
Кумиропоклонников мы истребим.
Твердыню осилите вы, храбрецы,

Достанутся вам и казна, и венцы».
Уж запад желтей, чем цветок шенбелид,
Лик солнца фатой золотистой укрыт.
Воители в путь снарядили обоз,
И войско с владыкой вперед понеслось.
Средь ночи, лишь только уснула земля,
Донесся с небес звонкий крик журавля.
Когда этот крик Исфендьяр услыхал,
Во гневе Горгсару сказать он послал:
«На ближней стоянке, — твердил ты, — беды
Дождемся, ни тени там нет, ни воды.
Но в небе — ты слышишь — журавль закричал,
Зачем же меня ты безводьем стращал?»
Ответ был: «Соленые только ключи
Найдешь там, иных для коней не ищи.
В других же — вода, что отрава, ее,
Знай, люди не пьют, пьет одно лишь зверье».
«Вожак ненадежный, — сказал Исфендьяр, —
В душе жажду мести таящий Горгсар!»
Презрев его речи, торопит он рать,
На помощь господню зовет благодать.

[Седьмой привал.
Исфендиар переправляется через реку
и убивает Горгсара]

Часть ночи минула, и грянул кимвал;
Лишь грохот его Исфендьяр услыхал,
Погнал он вперед своего скакуна
И ратников опередил. Уж видна
Ему впереди ширь бездонной реки.
Успел он, примчась, силой царской руки
Спасти в караване своем вожака * —
Верблюда, что чуть не умчала река.
И мстительный тюрк, лишь об этом узнал,

Объятый смятеньем, поник, задрожал.
Во гневе велит предводитель привесть
Горгсара к нему в крепких путах, как есть.
Вскричал: «Отвечай, вероломный злодей,
Почто ты со мною хитрил словно змей?
Не ты ль говорил: здесь воды не сыскать,
От зноя, мол, будете изнемогать.
Почто ты солгал, воду выдал за прах,
Едва не сгубил мое войско в волнах!»
А тот: «Гибель рати твоей для меня
Была бы отраднее ясного дня.
Меня ведь поныне изволишь держать
В цепях — как же зла мне тебе не желать?»
Вождь рати, отваге туранца дивясь,
Сердиться не стал, так сказал он, смеясь:
«Горгсар скудоумный, ты выслушай мой
Обет: коль с победой вернемся домой, —
Вождем Руин-дежа ты станешь тогда,
Вредить я не стану тебе никогда.
Коль будешь ты честен в речах и правдив,
То, княжеством цѣлым тебя наградив,
Ни детям твоим, ни друзьям, ни родным
Не сделаю зла, мстить не стану я им».
Речь кончил дружины иранской глава,
И пленника те подбодрили слова.
Той речи дивясь, низкий отдал поклон
И просит смиренно прощения он.
«Что было — прошло, — услыхал он тогда. —
Не стала от слов твоих прахом вода.
Теперь переправу ты мне укажи,
Где брод в этих водах глубоких, скажи.»
«Их было б невмочь одолеть и стреле, —
Ответ был, — когда, как меня, бы к земле
Ее приковали. Избавь от цепей —

Победа над водами будет твоей.»
Задумался князь и в сомнение впал,
Но снять с него цепи потом приказал.
И тотчас Горгсар смело в реку вошел,
Верблюда вперед за кольцо он повел.
Сумел неглубокое место избрать,
Где двигалась бы вереницею рать.
Чтоб сладить с течением бурной реки,
Велел предводитель надуть бурдюки.
Когда привязали их к конским бокам,
Легко переправа далась седокам.
На суше и люди, и ратный обоз;
Построившись, войско вперед понеслось.
И вот уж вблизи Руин-деж им видна,
Всего лишь фарсангов за десять она.
Воссел предводитель, и яства несут,
И в чаши вино виночерпии льют.
Броню принести повелел он потом
И меч, и кольчугу, и ратный шелом.
Туранца ввести повелел Исфендьяр,
Предстал перед ним и услышал Горгсар:
«Теперь ты избавлен от пут, и под стать
Ответ тебе честно и прямо держать:
Когда обезглавлен мной будет Эрджасп
И духом воспрянет за гробом Лохрасп,
Когда и Кохрема, который сразил
Вождя Фершидверда — нам сердце разбил,
И Эндеримана, что сталью своей
Сразил тридцать восемь иранских мужей,
И тех, кто Лохраспа убил, разыщу,
И страшною местью им всем отомщу,
На радость иранским отважным бойцам
Тела их отдам на съедение львам
И землю туранскую ввергну в беду,

А жен и младенцев в полон уведу, —
То будешь ты радостен иль удручен?
Что в мыслях таишь?» И ответа ждет он.
Тут яростью сердце Горгсара зажглось,
И негодованье в речах прорвалось.
«За эти слова, что язык твой твердит, —
Вскричал, — да падет на главу твою стыд!
Злосчастье да будет уделом твоим,
Душа да расстанется с телом твоим!
Пусть кровью средь знойных песков истечешь,
Жилище навеки в земле обретешь!»
Услышав от пленника эти слова,
Разгневался рати иранской глава,
Занес над Горгсаром индийский клинок
И надвое недруга разом рассек.
Строптивого бросили в воды реки,
И хищники в тело вонзили клыки.
Вскочил на коня возглавляющий стан,
Стянул кушаком богатырский свой стан.
Поднялся на холм и на крепость глядит, —
Поистине трепет внушающий вид!
Вширь — сорок фарсангов и три — высота,
Вся сплошь из железа она отлита,
Стена же такой толщины, что по ней
Верхом трое б рядом промчались мужей.
Вождь рати на диво такое взглянул
И, тяжкой заботой объятый, вздохнул.
Подумал он: «Крепости этой не взять,
Ответ за грехи, видно, надо держать.
Должно быть, от всех моих мук и трудов
Одних только горьких дождусь я плодов!»
Вождь рати, вокруг поглядевши потом,
Увидел в степи двух туранцев верхом.
Бежали вслед всадникам четверо псов

Таких, что берут, выезжая на лов.
С холма предводитель спускается, он
Копьем боевым своим вооружен.
Копьем сшиб их с седел, арканом скрутил,
Потом за собою на холм потащил.
«Чей это оплот, отвечайте путем, —
Велит он, — и сколько воителей в нем?»
Назвали Эрджаспа, вдобавок к тому
О крепости все рассказали ему:
«Сам видишь, огромна; ворота одни —
В Иран, в Чин другие ведут искони.
Сто тысяч в ней вооруженных мужей,
Не знающих страха бойцов-силачей.
Верны все Эрджаспу, царю своему,
Во всем неизменно покорны ему.
Нет счета запасам; сверх этого, знай,
Сбирают они и с полей урожай.
Ты можешь ту крепость года осаждать,
И все ж не изведает голода рать.
А если захочет клич кликнуть Эрджасп —
К нему из Мачина и Чина тотчас
Пришлют сотню тысяч бойцов на конях —
Ни в войске не знает нужды, ни в кормах».
Мужей откровенную выслушав речь,
Вождь головы тут же спешит им отсечь.

[Исфендиар проникает в Руин-деж под видом купца]

И в стан возвратившись, в шатер свой вступив,
Своих приближенных тотчас отпустив,
К себе Пешутена призвал сипехбед
И долго держал с ним военный совет.
Сказал: «Эту крепость войною, ты знай,
Не сломишь, хоть годы ее осаждай!

Нужна тут военная хитрость вождя, —
Пущу ее в ход, головы не щадя!
О рати пекись ты и ночью, и днем,
Будь ей против недруга верным щитом.
Лишь тот и достоин царева венца,
Достоин немеркнущей славы бойца,
Чей дух не страшится ни ратей чужих,
Ни водных чудовищ, ни тигров степных,
Где храбрость, где сила уместна — постиг,
К превратностям брани готов каждый миг.
Проникну я в крепость в обличье купца,
Во мне заподозрить не смогут бойца.
Все средства, какие умом изыщу,
Уменье и знанье — все в дело пущу.
Держи, не снимая, дозоры, посты,
Быть должен и мудрым, и бдительным ты.
Коль дым среди дня различит твой дозор
Иль ночью горящий, как солнце, костер —
То знай, что разжег это пламя не враг,
То я подаю вам из крепости знак.
Тогда ты, не мешкая, рать поведи,
А сам предводителем мчись впереди.
Взяв стяг мой, в шеломе моем и броне,
Помчись на моем быстроногом коне
С моей булавой, чей смертелен удар, —
Пусть враг помышляет, что ты Исфендьяр».
Речь кончив, потом саребана призвав *,
Почетное место ему указав,
Сто лучших верблюдов доставить велит —
Той рыжей породы, что силой дивит.
Навьючили золотом десять из них,
Парчою из Чина — еще пятерых;
На прочих верблюдах тюки серебра,
Венцы и немало другого добра.

Везут дважды восемьдесят сундуков
С засовами тайными вместо замков.
Князь выбрал воителей сто шестьдесят
Надежных, что замысел не разгласят,
Их в тайных вместилищах этих укрыл
И двинуть вперед караван поспешил.
А двадцать его приближенных бойцов,
Владеющих ловко мечом храбрецов
По воле вождя саребанами стать
Должны и в пути караван погонять.
В обличье купцов из владений чужих —
Обутые в кафши, в плащах шерстяных *,
Верблюдов с товарами гонят вперед *,
И вот крепостных уж достигли ворот.
Звенят колокольцы, гудит барабан
О том, что к воротам пришел караван.
Лишь в крепости весть о купцах разнеслась,
Все знатные к ним поспешили тотчас:
Купец, мол, на диво торговлю ведет,
Что стоит динар — за дирхем отдает.
Главу каравана спешат расспросить,
Сказав: «Мы ведь многое можем купить,
Поведай же нам о товарах твоих:
Для знатных пригодные есть ли средь них?»
«Сначала, — мужи услыхали в ответ, —
Хотел бы царю, пожелав долгих лет,
Обилье товаров своих показать;
Дозволит — рад буду торговлю начать.»
Товары сгрузил и помчался дела
Вершить, чтобы бойко торговля пошла.
Коня взял с собою, две штуки парчи
Китайской, каменья, что мечут лучи;
Динарами, лалами и бирюзой
Наполнил огромный сосуд золотой,

И мускус, и амбру туда же вложив,
Тафтою невиданно тонкой накрыв,
Парчой златотканной окутав его,
К Эрджаспу он двинулся после того.
Представ пред царем, низкий отдал поклон *,
И эти рассыпал сокровища он.
«О царь, — он сказал, — до скончания лет
Тебя да ведет вечный разума свет!
Торговец, сын мужа туранского я,
А мать из иранского рода моя.
Товары везу из Турана в Иран,
Оттуда другие — в степь храбрых — Туран.
И ныне привел караван я. Гружен
Коврами, одеждами, тканями он.
Алмазы везем, благовонья, венцы —
Ведь здесь покупатели, мы ж — продавцы.
Мой стан за стенами твердыни твоей,
Зовет меня сень благостыни твоей.
Когда дозволение дашь — сарабан
В ворота твердыни введет караван.
Тогда лишь постигнут не буду я злом,
Покой обрету у тебя под крылом.»
Ответ был: «Возрадуйся сердцем теперь!
Заботы отбросить ты можешь, поверь.
В Туран ли иль в Чин и Мачин ты пойдешь —
Не будешь в обиде, защиту найдешь».
И тут же велел рядом с царским дворцом
Обширный амбар для товаров и дом,
Пригодный для рынка, ему возвести,
Потом и товары помочь принести —
Пусть, мол, зашумит в этих стенах базар,
Пусть будет в сохранности каждый товар.
И вот, сундуки взяв на плечи, идут,
Верблюдов за кольца в ворота ведут.

Спросил любознательный муж их, дивясь:
«Внутри сундуков что сокрыто у вас?»
Несущий в ответ: «Сами в толк не возьмем;
Не смерть ли свою на плечах мы несем?»
Строенье на диво возвел Исфендьяр,
Как вешний цветник разукрасил базар.
Купцы отовсюду сбежались тотчас,
Торговля на славу тогда началась.
Там ночь он провел, а на завтра с зарей
К царю во дворец устремился герой.
Приблизясь к нему, до земли поклонясь,
Владыку с почтеньем приветствовал князь,
Сказал он потом: «Вел я свой караван
К тебе, день и ночь его гнал саребан.
Привез ожерелья, подвески царей —
Уборы, достойные славы твоей.
Скажи казначею, пускай обойдет
Весь крытый базар. Что пригодным найдет —
Вручу по единому слову его,
Не жаль мне, поверь, для тебя ничего.
Ведь вправе цари подношения ждать,
А дело торговцев — царям угождать!»
Эрджасп улыбнулся, его обласкал,
Почет еще больший герою воздал.
«Как имя твое?» — вопросил и в ответ
Услышал: «Хоррад я, изъездивший свет».
«Ты в хлопотах, — царь говорит, — и в трудах,
Не думай, почтенный, теперь о дарах.
И впредь дозволенья не жди у ворот,
Меня навещай, лишь охота придет.»
Стал гостя о дальнем пути вопрошать,
Про шаха спросил, про иранскую рать.
И слышит: «Пять месяцев был я в пути,
Немало невзгод привелось нам снести».

Спросил он: «Не слышал ты, где Исфендьяр,
Что делает враг его давний Горгсар?»
«О славный владыка! — ответ прозвучал, —
Об этом я разные толки слыхал.
Одни говорят — на отца своего
В обиде царевич, восстал на него,
Другие — что вышел он в дальний поход
Путем, что народ «Семь привалов» зовет,
К Турану помчался дорогою той,
Чтоб вызвать владыку Эрджаспа на бой».
Эрджасп, засмеявшись, сказал: «Я речей
Таких не слыхал от бывалых мужей.
Тот путь не осилит и коршун, клянусь,
А если осилит — пусть дивом зовусь!»
Тут в землю царю поклонился храбрец
И с сердцем веселым покинул дворец.
Дверь крытого рынка он тотчас открыл,
Шум купли-продажи весь град огласил.
Так рьяно приезжий купец торговал,
Что взоры людские к себе приковал.
Без устали свой выхваляя товар,
Не брал и дирхема, где взять мог динар.

[Исфендиар узнан своими сестрами]

Уж ясное солнце покинуло высь,
Уже покупатели все разошлись.
Грустнее с приходом вечерней поры *
Глядят Исфендьяра две юных сестры.
Идут, вспоминают былое в слезах,
И тяжки кувшины у них на плечах.
Украдкой они пробрались на базар,
Где был в эту пору один Исфендьяр,
Сестер в изумлении он различил
И тут же лицо свое скрыть поспешил,

От них шерстяным рукавом заслонясь,
Себя обнаружить и выдать страшась.
Поближе царевны меж тем подошли,
В нем видя купца из иранской земли,
А сами, бедняжки, льют слезы рекой,
К нему обращаются с речью такой:
«Пусть ночи и дни тебе радость несут,
Тебя пусть мудрейшие славят и чтут!
До нашего слуха не можешь ли весть
О шахе и об Исфендьяре донесть?
Мы здесь, две царевны, родную страну
В слезах вспоминая, томимся в плену.
Босых, с головой непокрытою нас *
Шлют воду носить на плечах что ни час.
Бредем без фаты на глазах у людей —
Такой наготы, право, саван милей!
Меж тем наш родитель, не зная забот,
Сны сладкие видит, в покое живет.
Льем горькие слезы всечасно. Внемли
Моленьям и тяжкую боль исцели.
Поведав о шахе, о родине нам,
На раны пролей животворный бальзам!»
В ответ закричал он из-под рукава,
И каждая еле от страха жива:
«Пусть пропадом ваш Исфендьяр пропадет,
С ним каждый, кто имя его назовет!
По мне, над Гоштаспом лихая беда
Пусть грянет, пусть хоть не царит никогда!
Не видите разве — купец я простой,
В заботах о хлебе мечусь день-деньской».
Звучанье тех слов до царевен дошло,
От сердца тогда у Хомай отлегло,
Но не подала даже виду она —
Недаром была от природы умна,

Что голос узнала. Пред славным стоит,
Робка и безмолвна и плачет навзрыд,
В лохмотья одета и ноги в песке,
Измучена страхом, в смертельной тоске.
И понял тогда благородный герой,
Что узнан царевной, родною сестрой.
Рукав опустил, и как солнце возник
Пред девами тот опечаленный лик.
Делам своенравного рока дивясь,
О доле несчастных задумался князь,
Сказал им: «Вам надобно повременить
И несколько дней тайну свято хранить.
Сюда я проник, жаждой мести горя.
Пеняете вы на родителя зря —
Тому, чья в неволе у недруга дочь,
Блаженству и сну предаваться невмочь,
Не знал бы покоя и радости он,
Хотя бы в самих небесах был рожден».
И тотчас, покинув свой крытый базар,
К царю во дворец поспешил Исфендьяр.
«Да будешь ты благословен! — говорит. —
Души твоей светоч пусть вечно горит!
Морской довелось пересечь нам простор,
Какого не знали купцы до сих пор.
Там вихрь разыгрался, суля нам конец.
„Такого не помню“, — твердил нам гребец.
Плач горький на судне поднялся и стон,
Уж каждый с надеждою был разлучен.
И дал я обет властелину миров,
Что если в сей раз невредим и здоров
Достигну я суши, то в каждой стране
Пир щедрый устрою. Сойдутся ко мне
Знатнейшие витязи края того —
Для них мне и сердца не жаль моего.

Дары всем просящим без счета раздам,
Великую милость явлю беднякам.
Ты также мне в милости не откажи,
Дозволь, чтоб знатнейшие войска мужи,
Которые чтимы тобой и страной *,
Мне честь оказали, пируя со мной.»
Эрджасп, эту выслушав речь, просиял,
Глупец возгордился и возликовал.
И шлет он воителей рати своей,
Что доблестней прочих и родом знатней,
К Хорраду, сказав: «Сколько б кубков вина
Он вам ни поднес — осушайте до дна!»
«О царь, — восклицает герой, — о мудрец,
Владыка земли, всех мобедов отец!
Дом тесен мой. Было б нам больше под стать
На кровле твердыни твоей пировать.
Огонь развели б, стали б пить у костра —
Осенняя ведь наступает пора.»
«Так действуй, как хочешь, — он слышит в ответ, —
Ты нынче над замком моим сипехбед.»
Довольный, не тратит уж более слов
Воитель. На кровлю он множество дров
Велит отнести, и туда же спешат
Доставить убитых коней и ягнят.
Такой от костра разведенного дым
Поднялся, что неба не видно за ним.
Всех потчевал князь, всем вина подливал,
Ты скажешь — пирующих околдовал.
И вот уж хмельные мужи разбрелись,
В объятиях каждого дева-нарцисс.

[Нападение Пешутена на Руин-деж]

Мрак ночи над миром раскинул шатер,
И все разгорается ярче костер, —
Сказал бы, им весь небосвод опален.
Знак видит дозорный, и радостно он
Летит к Пешутену — поведать ему *
О том, что сокрыто в огне и дыму.
«Сей славный герой, — Пешутен говорит, —
Воистину тигра отвагой затмит!»
И вот уже рог к наступленью призвал,
Гонг медный гудит и грохочет кимвал.
Равниною движется к крепости рать,
За пылью уж солнца лучей не видать,
Закованы в латы бойцы и вожди,
У каждого гнев пламенеет в груди.
Нежданным известием потрясена *
Вся крепость: мол, пыли густой пелена
Окутала степь, боевые ряды
Уж близко, и веет дыханьем беды.
Плоды принесло древо смерти — анчар.
И в ужасе каждый твердит: «Исфендьяр!»
Поспешно в доспехи свои облачась,
В тревожном раздумье ждет битвы Эрджасп *.
Велит он Кохрему, грозе удальцов,
В степь вывести вооруженных бойцов,
Потом приказал он Тархану: «Герой,
Веди закаленную рать за собой —
Бойцов десять тысяч отважных, притом
Владеющих ловко мечом и копьем.
Что это за рать и напала на нас
Во имя чего — разузнайте сейчас».
С бойцами Тархан в степь уносится вскачь,
С ним сведующий в разных наречьях толмач.
Приблизился к ратному строю тому,

На знамени черном тигр виден ему.
Мужи так и рвутся в губительный бой,
Вперед их ведет Пешутен с булавой
Царя Исфендьяра в руке, и под ним
Конь царский, сравнимый лишь с вихрем одним.
Во всем с Исфендьяром муж доблестный схож,
Другим бы назвал его именем кто ж?
Для битвы построились оба крыла,
День ясный померк, степь окутала мгла.
Алмазам подобные блещут клинки,
И плещутся волны кровавой реки.
За витязем витязь несется, себе
Противника ищет в той смертной борьбе.
Отважный боец Нуш-Азер поскакал,
На бой вызывать неприятеля стал.
Навстречу герою Тархан полетел,
Его разлучить с головою хотел.
Завидя его, Нуш-Азер на скаку
За меч ухватился, дал волю клинку
И недруга надвое разом рассек.
Тут дрогнул Кохрем, скрыть смятенья не смог.
Тем временем врезавшись в сердце дружин,
Вождей и бойцов — всех косил исполин.
Покров черной пыли над полем навис —
Так яро два войска в сраженье сплелись.
Вконец устрашен грозным натиском тем,
Сражения поле покинул Кохрем.
С такими словами к отцу он пришел:
«О царь, чей как солнце горит ореол!
Огромная рать, из Ирана примчась,
Нежданной грозой налетела на нас.
Ведет ее силы невиданной вождь —
Обличием с Исфендиаром он схож.
Несется с тем самым копьем великан,

Которое видел ты в Деж-Гонбедан.»
И горем Эрджаспа душа пронзена —
Ведь старая вновь разгорелась война!
Но спорить напрасно с веленьем судьбы.
Велит он: «Все в поле для смертной борьбы!
Нагряньте подобные яростным львам,
В тиски взять противника следует вам.
Пусть мир об иранцах забудет, из них
В бою никого не оставьте в живых!»
Покинул твердыню воинственный строй,
Сердца меченосцев палимы враждой.

[Гибель Эрджаспа от руки Исфендиара]

Сгустилась вечерняя тьма, и тотчас
Бойцов предводитель, в броню облачась,
Раскрыл сундуки, чтобы спрятанным там
Прохладу ночную вдохнуть удальцам.
Велит он вина и кебаба для всех *
Подать, и одежду, и ратный доспех.
Лишь хлеба вкусили, три чаши вина
Велел, чтоб воспрянули, выпить до дна.
Сказал он: «Нам грозная ночь предстоит,
Но славу она всем отважным сулит.
Свершайте достойные храбрых дела,
Молитесь — Йездан оградит вас от зла».
Он на три дружины бойцов разделил —
Всех тех, что являли воинственный пыл.
Одной надлежало в твердыне самой
Вступать с храбрецами туранскими в бой,
Другой у ворот крепостных воевать,
Без устали недругов кровь проливать,
А третьей велит он: «Мужи, что вчера
Со мной пировали в ночи у костра,
Меня пусть не встретят уж после того,

Их всех обезглавьте вы до одного».
Речь кончил и, взяв двадцать храбрых мужей
С собою, помчался он вихря быстрей
К чертогу Эрджаспову — рассвирепев,
На жертву так лютый бросается лев,
И клич загремел — мести яростный глас.
Навстречу Хомай устремилась тотчас,
За нею прекрасная Бехаферид,
И обе, от радости плача навзрыд,
Приблизились к брату. Увидевши их,
Подобных весне милых дев молодых,
Им так говорит богатырь удалой:
«Спасайтесь, отсюда бегите стрелой!
Укройтесь в дому, где сложил я добро,
Товары и золото, и серебро.
Там ждите меня; либо встречу конец
В бою, либо царский добуду венец».
Так сестрам сказал и, оставивши их,
В Эрджаспову крепость ворвался, как вихрь.
Занесши свой острый индийский клинок,
Косить стал мужей, лишь ступил на порог.
Двор царский он кровью спешит затопить,
Меж грудами тел негде шагу ступить.
Стенанья звучат, смерть и горе вокруг, —
Сказал бы, волнуется море вокруг.
Проснулся Эрджасп и стремительно встал,
От кликов донесшихся затрепетал,
Но тут же от гнева кровь вспыхнула в нем,
Надел он броню и румийский шелом.
Сжал меч закаленный и ринулся в бой,
И грозно гремит его клич боевой.
К нему Исфендьяр от дворцовых ворот
Навстречу летит и на битву зовет:
«Постой! От купца получай-ка удар,

Уж тут не откупишься ты за динар!
Сейчас тебе дар от Лохраспа вручу,
Дар с грозной печатью Гоштаспа вручу.
Как примешь его — захлебнешься в крови,
Прах черный тогда своим кровом зови!»
Схватились тут Исфендиар и Эрджасп,
И злее, и жарче их бой, что ни час.
Взлетает, сверкнув, то копье, то булат,
То в голову, то в поясницу разят.
Туранца герой стал теснить, изловчась,
И весь уж исколот, изранен Эрджасп.
Лишь рухнул он тяжко, как слон боевой,
Его Исфендьяр разлучил с головой.
Так судьбы порой приговор свой вершат:
То мед нам подносят, то гибельный яд.
За благами бренными гнаться к чему?
Не сетуй, лишь гости мы в этом дому...
С Эрджаспом расправившись, Исфендиар
Дворец разорить повелел, и пожар
Такой разгорелся, что к тучам седым
Вознесся бушующий пламень и дым.
В покои, где нежился ранее враг,
Бойцы ворвались, сея гибель и мрак.
Уж некому длить с удальцами войну,
Эрджаспову князь запечатал казну.
Индийским клинком своим вооружен,
Оттуда к конюшням направился он
И, всех приглянувшихся выбрав коней,
Седлать приказал их дружине своей.
В путь двинулись сто шестьдесят удальцов,
Испытанных, неустрашимых бойцов.
Герой, на коней усадивши сестер,
Готов уж в степной устремиться простор.
Часть войска оставил в стенах во главе

С достойным, не знающим страха Саве,
И так говорит он: «Мы двинемся в путь,
А ты осторожен и бдителен будь!
Вход должно закрытым для тюрков держать,
Быть может, мне счастье поможет опять.
Как только поймешь ты, что мы добрались
До стана, — вели, чтобы ввысь поднялись
Глашатаи, пусть повторяют слова:
«Да здравствует вечно Ирана глава!»
Когда ж соберется у крепости рать,
Успевшая с поля сраженья бежать, —
С той башни высокой, весельем горя,
Вниз голову сбросьте Эрджаспа-царя».
И войско герой поспешил увести,
Туранцев без счета кося на пути.
С ним витязей доблестных сто шестьдесят
С воинственным кличем, сражаясь, летят.
И вот уж бойцы Пешутена бегут
Навстречу, приветствовать не устают,
Дивясь, славословьями щедро даря
Отважного, юного богатыря.

[Гибель Кохрема от руки Исфендиара]

Покинув серебряный трон, уплыла
Луна, третьей стражи пора отошла.
Вдруг с вышки дозорной послышался крик:
«Гоштасп-победитель могуч и велик!
Да будет любимцем светил Исфендьяр,
Да примет от них юность вечную в дар!
Достойно отмстил за Лохраспа герой,
Эрджаспа-царя разлучил с головой,
С престола низверг его в бездну, до звезд
Гоштаспову славу и счастье вознес!»
Заслышавши голос, раздавшийся там,

Туранцы прислушались к этим словам,
И стало на сердце Кохрема темно,
Стеснилось, наполнилось гневом оно.
И к Эндериману воззвал он тогда:
«Ночной этот крик все услышат, беда!
Как мыслишь, что значить бы это могло?
Не кроется ль тут нам грозящее зло?
Кто, дерзостный, мог это крикнуть, притом
Средь ночи, пред самым царевым дворцом?
Коль смеет военной порою шутить
Дозорный, то нам мудрено победить!
Пошлем за виновным. Кто ни был бы он, —
Пусть будет без жалости тотчас казнен!
Коль это домашний бесчинствует враг,
Так действуя словно зловредный чужак,
Беду накликая, — расправимся с ним,
Взмахнув булавой, с головой разлучим!»
Кохрем озабочен, он жизни не рад.
Дозорного клики все громче звучат.
Они уж доносятся с разных сторон,
И каждый туранский боец устрашен.
Бойцы говорят: «Много там голосов,
Нет, это не только дозорного зов.
Из дома врага должно раньше изгнать,
А там отразим мы напавшую рать».
Кохрему ж предчувствие сердце прожгло,
Он мрачен, морщины изрыли чело.
Сказал он бойцам: «За владыку страшусь,
Оставить его в этот час не решусь.
Не медля к нему мы вернуться должны.
Кто знает, какие нам дни суждены!»
И поле сраженья покинув, назад
Кохрема бойцы среди ночи спешат.
В броне, с булавою, неистов и яр,

Примчался, преследуя их, Исфендьяр.
Кохрем, до ворот крепостных доскакав,
Иранцев увидев, вождя их узнав,
«Что делать! — сказал, — нет иного пути,
Как в бой с Исфендьяровым войском идти.
Клинки поскорее на свет извлечем,
Пусть недруг спознается с нашим мечом!»
Но не улыбнулась удача бойцам,
И тяжко в той битве пришлось удальцам.
Звучали без умолку клики мужей,
И падали тяжко удары мечей.
Пока над простором степным рассвело,
Немало туранских вождей полегло.
На башню владыки туранской земли
Бойцы Исфендьяра, ликуя, взошли,
Взошли с головою Эрджаспа-царя,
Лишившего жизни Лохраспа-царя,
И сбросили голову ту с вышины
Пред войском: туранцы, мол, побеждены!
Встал стон раздирающий на поле том,
И каждый туранец сорвал свой шелом,
И в пламени горя душою горя,
Рыдают два сына Эрджаспа-царя.
Турана воители поняли тут,
Что сталось, какие невзгоды их ждут.
Плач слышен и полные скорби слова:
«О царь, о воитель, о войска глава!
Сразивший тебя сам да будет сражен,
Злосчастью да будет навек обречен!
За кем мы теперь свой обоз поведем?
Чье знамя над строем своим вознесем?
Престол свой покинул владыка, кому ж
Шелом теперь нужен и войско к чему ж?
Везде — от Халлоха до града Тераз —

Застонут: лишь гибель желанна для нас!»
В бой ринулись, не на живот, а на смерть
Сражаются, битвы бурлит водоверть.
Свирепые клики окрест разнеслись,
Пыль черною тучей окутала высь.
На поле мужи полегли без числа,
Такая их горькая доля ждала!
Здесь — тело недвижное без головы,
Там — в мертвой руке рукоять булавы.
Бурлит перед крепостью крови река,
Где правая, левая где их рука —
Бойцы уж не знают. Летит между тем
Навстречу вождю Исфендьяру Кохрем.
Так тесно два мужа схватились, сплелись,
Как будто они воедино слились.
Ты скажешь, в тиски взял Кохрема герой,
Согнулась туранца спина той порой.
Подняв, богатырь его оземь хватил,
Тем подвигом войско свое восхитил.
Связав побежденному руки, влекут
С позором; и, дрогнув, рассеялась тут
Туранская рать. Палиц сыплется град,
Бряцает булат, крылья смерти парят.
Дождь копий несчетные головы смыл;
Тот жизнь положил, этот царство добыл.
Средь льющейся крови тот смертным концом
В бою награжден, этот — славы венцом.
Но тщетны вопросы, ведь мир-кознодей
Вовек не откроет нам тайны своей!
Тут бегством спасаться стал каждый, кто мог,
Чей конь свои силы в сраженье сберег.
Другие ж напрасно метались, — попасть
Судил, знать, им жребий в драконову пасть!
Без счета Турана бойцы полегли,

Живых имена стерты с лика земли.
Избегшие смерти, доспехи сорвав
И слезы горючие с кровью смешав,
Обильней, чем ливни весенние, льют,
Пощады просить к Исфендьяру бегут.
Но вождь кровожаден, жесток он душой,
И рать его рада жестокости тэй.
Там многие были еще сражены,
Мечом, безоружные, истреблены.
Уже ни единого нет из вождей,
Прославленных витязей, знатных мужей.
Снять с места шатры вождь иранским бойцам
Велит, поле битвы отдав мертвецам.
Пред крепостью виселицу возвести
Велит он и петлю покрепче сплести.
Казнен был Кохрем, и уже неживой
Брат рядом повешен был вниз головой.
Войска во все стороны шлет Исфендьяр,
И те, распалив небывалый пожар,
Селенья и грады безжалостно жгли,
Беде и разгрому весь край обрекли.
На землях Турана и Чина всего
Не видно воителя ни одного.
Сказал бы ты, черная туча, примчась,
Дождем огневым на Туран пролилась.
Когда повеленье исполнила рать,
Со знатными сел Исфендьяр пировать.

[Послание Исфендиара Гоштаспу и ответ Гоштаспа]

Дебира ученого после призвал,
Деянья и битвы свои описал.
Склонившись почтительно к царским стопам,
Китайский взял шелк для письма и калям

Писец искушенный. Пера своего
Конец увлажнив, восхвалил он того,
Кто создал сиянье небесных светил,
Слона сотворил, муравья сотворил,
Кто шлет одоление, шлет благодать,
Кто властен владыку на царство венчать,
Того, кто пространство и время творит,
И путь указует, и блага дарит!
«Навек да прославлен им будет Гоштасп,
В раю да обласкан им будет Лохрасп!
К Турану с дружиною шел я путем
Нелегким — не будь он помянут добром!
Когда б от начала я все до конца
Открыл, — поседели бы кудри юнца.
Мне вскоре дано будет лик твой узреть
И после невзгод сердце счастьем согреть.
Тогда с твоего дозволенья, о шах *,
О наших поведаю ратных делах,
Тебе поспешу свою радость излить —
Ведь мщения жажду я смог утолить.
Уж нет в Руин-деже Эрджаспа-царя,
Кохрема, отважного богатыря.
Никто мной помилован не был. В степях
Там головы, скажешь, взросли на кустах.
Там львы кровь из глоток растерзанных пьют,
А тигры сердца человечьи жуют.
Венцом своим да озаришь небосвод,
Во славу Лохраспа земля да цветет!»
Скрепила письмо Исфендьяра печать;
Наездников ловких спешит он избрать
И тут же велит оседлать для мужей
Стремительных, неутомимых коней *.
Умчались гонцы, полон дум Исфендьяр:
«Кто знает, угаснет ли алчности жар

В Гоштаспе?» И вскоре ответ получил,
Который сомнения все разрешил.
Посланье гласило: «Блажен, кто вперед
Стезею добра неизменно идет,
Кто чести и правды лучом осиян, —
В час трудный ему помогает Йездан.
Молю лишь о том пресвятого творца,
Чтоб вел он ко благу тебя до конца.
Я древо в цветущем саду посадил,
Какого и царь Феридун не взрастил.
Плоды его — чистое злато и лал,
Листву благодатной бы каждый назвал.
В веселье и здравье, не зная невзгод *,
Пусть вечно мой отпрыск любимый живет.
Ты пишешь о том, как туранцев косил,
Когда за убитого деда ты мстил.
И далее пишешь — цари благодать *
В том видят, чтоб недругов злых побеждать,
С противником биться один на один,
Являя отвагу пред строем дружин.
Но ценит и жизнь, кто рассудком богат, —
Пусть разум и знанье тебя сторожат!
Еще ты писал, что туранцев губил
Без жалости, тысячи их истребил.
В себе милосердие должно беречь,
Стыдливую душу и кроткую речь.
Не следует кровопролитья искать,
С владыками в бой без причины вступать.
Но братьев твоих тридцать восемь рукой
Враждебной убиты. Кровь лили рекой
Туранцы, был ими и дед твой убит —
Царь, людям вовек не чинивший обид.
Ты недругу кровью за кровь отплатил,
Отважнее тигра сражался и мстил.

В веселье и счастье свой век проживи
И разум наставником верным зови.
Как сердцу желанен лик солнечный твой,
Дух бодрый, исполненный силы живой!
Лишь только посланье получишь, — тотчас
Вернись ко мне с войском, без устали мчась».
Весь край облетел о победе той слух,
И вот уж гонцы понеслись во весь дух,
В седле проводили и ночи, и дни,
И вот перед князем предстали они.

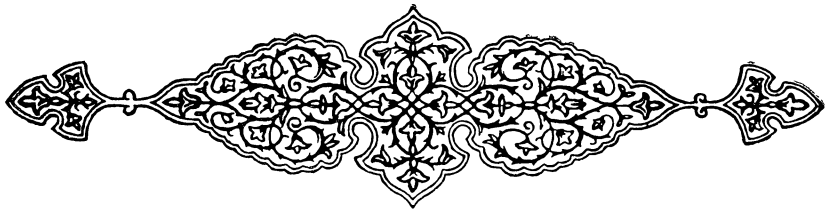
[Возвращение Исфендиара к Гоштаспу]

Лишь только письмо Исфендьяр прочитал,
Он тотчас к дороге готовиться стал.
Эрджаспа на месте осталась казна,
А родичей царских казна раздана.
Он щедро дружину свою наградил,
Иранцев неслыханно обогатил.
В горах и долинах паслись табуны
С клеймом властелина туранской страны,
И вождь Исфендьяр десять тысяч коней
Пригнать повелел для дружины своей.
Готовы для шаха Гоштаспа дары *:
На тысячу вьюков верблюжьих — ковры,
Еще десять сотен верблюдов — с казной,
Три сотни — с престолами, с яркой парчой,
Две сотни — с камнями, слепящими взор,
Достойными царский украсить убор,
Набиты шесть сотен верблюжьих вьюков
Одеждами Чина из кож и шелков;
В носилках с богатой витой бахромой
Красавицы Чина, что схожи с весной;
Не столь притягателен горный фазан
Для глаз; не стройнее и тополя стан.

А с сестрами Исфендиара сто дев
Знатнейших поедут, короны надев.
Рыдая, затворниц Эрджасповых пять *
Поедут: две дочери, сестры и мать.
Вот собран обоз, и твердыню велит
Поджечь Исфендьяр. Дым уж к тучам валит,
Сгорела и рухнула крепость Руин,
В пустырь обращен победителем Чин.
Сказал он, дружины дав трем сыновьям:
«Расстаньтесь, да счастье сопутствует вам!
Коль встретите вы непокорных в пути,
С плеч голову тотчас им должно снести.
Пустыней скачите, пусть каждый свое
До ясного солнца вздымает копье!
За львами охотиться я поскачу,
В пути посетить „семь привалов“ хочу,
Но в месяце новом уж вас повидать
Надеюсь. Не мешкайте, буду вас ждать».
И тотчас собравшись к герою на зов,
С ним в путь устремились ряды удальцов.
Достигнув тех мест, где был холод так зол,
Он в целости все, что оставил, нашел,
Но ласков был день и земля вся цвела, —
Сказал бы ты, зиму весна прогнала.
Собрав достоянье, уносится князь,
Причудам судьбы самовластной дивясь.
И вот уже близко желанный Иран,
Отважных и славных воителей стан.
С гепардами и соколами свой лов
Князь длил две недели. Усталый, сынов
Своих дожидался: как долго их нет!
И гневаться стал на сынов сипехбед.
Но вот и дружины, и с ними сыны,
И князя шутливые речи слышны:

«Долгонько пришлось дожидаться мне вас,
А был ведь мой путь потруднее!» Склонясь,
Ему говорят молодых три бойца:
«Имел ли кто в мире такого отца!»
К Ирану повел предводитель мужей
И все караваны с добычей своей.
Иран весь украшен, как заведено,
Везде ликование, лютни, вино.
Расцвечены стены шелков пестротой,
Посыпался мускус, льет дождь золотой.
Здесь слышится пенье, там рокот струны,
Ввысь копья паездников вознесены.
Владыка Ирана рад добрым вестям,
Он полную чашу подносит к устам,
Велит, чтобы все, кем возглавлена рать,
Вся высшая, славная доблестью знать
Под звуки литавр собралась у дворца
С почетом встречать, величать храбреца.
И сам венценосный отец, окружен
Мобедами, всеми, кто был приближен
К особе его, с просветленным лицом
Торопится встретиться с сыном-вождем.
Разносятся радости клики. Герой
Лишь только увидел царя пред собой,
Сияя, сошел с вороного коня,
Что был боевого исполнен огня,
И крепко в объятья отца заключил.
Царь с сына отважного глаз не сводил.
Приветствуя, славит могучего он:
«Будь вечно отрадой племен и времен!»
Вот оба вступают в высокий чертог,
Сердца всех мужей победитель привлек.
Чертоги украсить велит властелин —
Великую радость принес ему сын!

Уж стол для веселого пира накрыт,
Гостей созывать венценосец велит.
Немало к нему родовитых бойцов
Сошлось отовсюду на праздничный зов.
Подносят им в чашах хрустальных вино,
Как солнце лучится, сверкает оно.
Румянец у всех заиграл на щеках,
А недругов злоба терзает и страх.
Сын здравицу провозглашает отцу,
Ответствует тем же отец удальцу.
Героя владыка расспрашивать стал,
Как семь он привалов преодолевал.
Но слышит в ответ: «Погоди задавать
Вопросы, охота пришла пировать!
Ты завтра услышишь рассказа слова,
Великий наш царь, именитых глава!
О злых испытаньях, о тяжкой борьбе
В час трезвости лучше поведать тебе.
Узнаешь, как вел меня к цели Йездан,
Какой благодатью я был осиян.»
Пир кончен, и каждый из витязей, встав,
Уходит, красавицу за руку взяв.
Я сказ «Семь привалов» довел до конца,
Прочти ж эти строки во имя творца —
То он, всемогущий создатель светил,
Вселил в меня силу, мой труд вдохновил *.
Прими посвященье, владыка держав,
И я вознесусь, небосвод оседлав.



[СКАЗ О БИТВЕ ИСФЕНДИАРА С РОСТЕМОМ]

С гор ветер принес благовоние трав *,
Вкушать благовонные вина призвав.
Высь полнится пеньем, кипеньем — земля,
Счастливец пирует, свой дух веселя.
И сласти, и хлеб перед ним, и вино,
Ему и ягненка зарезать дано,
Он златом богат, я — с мошною пустой.
Блаженствуя, помни теснимых нуждой!
Тюльпанами горный украсился склон,
Другой гиацинтами заполонен.
Сад в вешнем уборе, запел соловей
Над розой, расцветшей на ветке своей.
Не спит он, стенает всю ночь напролет,
А ветер, примчавшись, куст розовый гнет.
И облака слезы с высот пролились,
И тайно тоскует о ком-то нарцисс.
Смешон соловью удрученный их вид,
Для розы щемящую повесть он длит.

Но облако пуще цветка влюблено,
Рычит, словно раненый хищник, оно,
Рвет ворот с тоской на себе, и в груди
Бушует огонь у него, погляди!
Свидетель той страсти к земле — небосвод,
Он слезы пред солнцем всевидящим льет,
И знает он также, о чем соловей
Над розой стенает во мраке ночей.
Приди до рассвета внимать соловью,
Когда пехлевийскую песню свою
Заводит он про Исфендьяров конец;
Навек сбережет о нем память певец.
А песнь о Ростеме — как спустится мгла —
Растрогать и львиное сердце б могла.

[Начало сказа]

Поведал мне песней своей соловей
Сказание канувших в прошлое дней.
С Гоштаспова пира домой, захмелев,
Пришел Исфендьяр, в сердце—горечь и гнев.
Царевича встретив, кейсарова дочь
Его уложила — была уже ночь.
Во мраке ночном от тяжелого сна
Проснувшись, испить пожелал он вина
И матери после промолвил в сердцах:
«Со мной поступил не по совести шах!
Сулил ведь: когда, мол, Эрджаспа-царя
Повергнешь, отмстив за Лохраспа-царя,
Когда ты сестер от неволи спасешь
И славу мою высоко вознесешь,
И новую веру везде утвердив,
Всех скосишь булатом, кто зол, нечестив, —
То войско тебе и страну я отдам,
Престол и венец, и казну я отдам...

Лишь солнце взойдет над землей, и от сна
Поднимется тот, в чьем владенье страна,
Пойду и ему я напомню обет —
Пусть даст, не таясь, откровенный ответ!
Когда мне уступит кеянский венец,
Чтить стану его, словно идола жрец.
А если во гневе нахмурит он лик —
Йезданом клянусь, что един и велик, —
Венец властелина добуду я сам,
Иранцам богатства и земли раздам.
Ирана владычицей станешь, клянусь,
Отвагой и силой со львами сравнюсь!»
Мать слушает — сердце стеснила тоска,
Как тернии, тело ей ранят шелка.
Ей ведомо — тщетно надеется сын,
Что царство уступит ему властелин.
«Познавший страданья! — сказала ему, —
Что надобно сердцу еще твоему?
Во власти твоей и богатства, и рать,
А большего ты и не должен желать.
Негоже соперничать сыну с отцом,
Страною владеешь, он — только венцом.
Кто мог бы хвалу не воздать храбрецу,
Что верой и правдою служит отцу?
Когда же с землею расстанется он
Все будет твоим — и держава, и трон».
Но слышит: «Я помню совет мудрецов —
Мудрей, справедливей не слышал я слов:
Тайн женщине не доверяй ты своих,
Иначе услышишь на улице их.
И следовать женским советам не след,
Ведь женщины мудрой не видывал свет».
И мать опечалена, уязвлена,
Раскаялась в том, что сказала она.

К властителю все ж Исфендьяр не пошел,
Два дня и две ночи в утехах провел —
За чашею чашу до дна осушал,
Блаженство средь юных красавиц вкушал.
В день третий до шаха Гоштаспа дошло:
Сын жаждет венец возложить на чело,
Лишившись покоя, и ночью и днем
Мечтает он лишь о престоле одном.
Встревожась, владыка Джамаспа зовет,
Гадателей шаха Лохраспа зовет.
Явились, с собой свитки вещие взяв;
О сыне спросил их владыка держав —
Мол, что Исфендьяру светила сулят,
Жить долго ль ему среди нег и отрад,
В величье и славе на этой земле,
С кеянским венцом на высоком челе?
Лишь это иранский мудрец услыхал,
Таблицы рассматривать древние стал,
И брови премудрого скорбно сошлись,
И горькие слезы из глаз полились.
Воззвал он: «О вижу, для горя и бед
Родился я с даром провидца на свет!
Уж лучше мне было бы в львиную пасть
С Зериром прославленным вместе попасть, —
Его б не увидели очи мои
Поверженным наземь, в пыли и крови, —
Иль в детстве отец умертвил бы меня,
Не дал бы дожить до злосчастного дня!
Увы, Исфендьяр, кого славит молва,
Отвагой ввергающий в страх даже льва,
Не знающий страха в разгаре боев,
Избавивший край от вторженья врагов,
Народу всему даровавший покой,
Сразивший дракона могучей рукой, —

В опасности — правду могу ли я скрыть?
Знай, горького много придется вкусить!»
«О мудрый! — Гоштасп заклинает его, —
Открой, что узнал, не таи ничего.
Коль ждет Исфендьяра Зериров конец, —
Добычею горести станет отец.
Не медли же, дай мне услышать ответ,
Хоть чую, сулит он мне множество бед,
И сердце сжимает мучительный страх.
Поведай, кто жизнь его держит в руках?»
Ответ был: «Внемли же, владыка, меня
В злодействе жестокой судьбы не виня, —
Забульский герой, Заля старого сын, —
Вот кто Исфендьяровых дней властелин!»
Воскликнул Гоштасп, эту выслушав речь:
«Таким предсказаньем нельзя пренебречь!
Но если вручу ему трон и страну,
Венец властелина, престол и казну, —
Ничто не приманит в Забуле его,
Никто не увидит в Кабуле его,
Тогда отведен будет рока удар,
Звездой своей будет спасен Исфендьяр».
Сказал звездочет властелину в ответ:
«От воли небес избавления нет!
Никто не уйдет от свирепых когтей
Судьбины, не сладить с ней силе ничьей.
И мудрым беду отвратить не дано:
То сбудется, верь мне, чему суждено.
Сразит Исфендьяра забульский тот муж,
Не смог бы тому помешать и Соруш» *.
В раздумье владыка. Тревогой пронзен,
Как в чаще, в сомненьях запутался он.
Зло в сердце своем он таил, оттого
К беде неизбежной вел жребий его.

[Исфендиар просит царство у отца]

Лишь ночь скакунов своих вспять погнала,
И алые копья заря вознесла,
Владыка воссел на престол золотой.
Предстал пред владыкою сын молодой
И долго, сокрытою думой томим,
Склоненный стоял, словно раб, перед ним.
Но вот собрались к властелину бойцы.
Ирана прославленные храбрецы.
И встали рядами мобеды его,
Советники и сипехбеды его.
И тут, обнаружив страдания жар,
Речь начал свою богатырь Исфендьяр:
«Будь счастлив, о царь, светлым шествуй путем,
Йездановой будь благодатью ведом!
Ты честь и добро на земле водворил,
Сияньем престол и венец озарил.
Служу тебе верой и правдой, тропой
Иду, что указана, славный, тобой.
Ты помнишь ли день тот суровый и час,
Когда против нас ополчился Эрджасп?
Обет нерушимый тогда я давал,
Йездана в свидетели я призывал,
Что каждый, кто вере изменит моей
И станет кумирам служить, а не ей, —
Изведает грозную силу мою,
Никем устрашен я не буду в бою!
И клятву сдержал я — отвагой ведом,
Сразился с Эрджаспом, воинственным львом.
Ты ж злобным наветам Горезмовым внял
В час пира и веру в меня потерял.
Тогда на чужбину ты, в Деж-Гонбедан
Послал меня, гневом слепым обуян,
Меня повелев заковать, заточить,

Крюками железными цепи скрепить.
А сам для Забула покинул страну —
Знать, принял за праздник веселый войну!
С Эрджаспом мечи не подумал скрестить,
Дал шаха Лохраспа в крови утопить.
Меня той порою, из Балха примчась,
В цепях, изнемогшим увидел Джамасп,
И долго он речь покаянную вел,
Мне царство сулил он и царский престол.
Ему отвечал я: „День страшный суда
Настанет — творцу покажу я тогда
Оковы мои, кровь мучительных ран,
Злодея тогда покарает Йездан".
Сказал он: „Так много отважных вождей,
Стальной булавою владевших мужей
Стрелами заклятых врагов сражены,
Две дочери царские полонены,
И наземь поверг вражий острый клинок
Вождя Фершидверда, он кровью истек.
Владыке грозит смертоносный удар,
Ты ж плачешься из-за цепей, Исфендьяр!
Всем бедствиям этим ужель не дано
Прожечь твое сердце, иль камень оно?"
И много еще от главы мудрецов
Услышал я горьких и горестных слов.
Я цепи тогда разорвал, сокрушил,
К тебе на подмогу, о царь, поспешил.
Врагов ненавистных скосил без числа,
И радость победа тебе принесла.
А как семь привалов моих описать?
Речь эту вовеки б не смог досказать.
В бою обезглавив Эрджаспа-царя,
Возвысил я имя Гоштаспа-царя.
Жен вражьих, детей, и казну, и венец —

Все отнял, доставил тебе во дворец.
Добычу ты в скарбницах ныне хранишь,
Но кровь и страдания — весь мой барыш!
Ты столько мне клятв и обетов давал,
Что сердце мое ты к себе приковал.
Твердил: „Если снова увижу тебя,
Как душу, лелеять я стану, любя.
Вручу тебе царский престол и венец,
Затем, что венца ты достоин, храбрец!“
Стыжусь я теперь именитых мужей —
Ведь спросят они о награде моей.
Теперь, когда столько я мук превозмог,
Какой еще новый измыслишь предлог? *»

[Ответ Гоштаспа сыну]

И сыну владыка ответил тогда:
«От правды святой не уйти никуда.
Ты больше свершил, чем поведал, храбрец!
Да будет щитом тебе верным творец!
Врага я не знаю в краю ни одном,
Который при имени славном твоем
Не дрогнул бы в страхе, утратив покой,
Как будто охвачен предсмертной тоской.
На свете сравнится с тобой лишь один
Могучий герой, Заля славного сын,
Издревле владеющий Бостом, Газной *,
Забулом, а также кабульской страной.
Отвагой поспорит он с небом самим,
Себя уж не мнит он слугою моим,
А был ведь когда-то Кавуса рабом *,
Хосрову был жизнью обязан потом.
Теперь говорит он: „Гоштасп меж царей
Царь новый! Моя, мол, корона древней“.
В Иране, Туране и Руме в борьбе

Не сыщешь соперников равных себе.
К Систану ты должен свой взор обратить,
Уловки ли хитрые в дело пустить,
В бою ль обнажить свой отточенный меч,
Но должно Ростема оковам обречь.
Повергни и брата, и сына его,
Всех конных воителей до одного!
Клянусь я всевышним подателем сил,
Создателем вечных небесных светил, —
Коль это веленье исполнишь, с тобой *
Я спор прекращу, примирившись с судьбой.
Тебе уступлю я кеянский венец,
Взойдя на престол, озаришь ты дворец».
На это Гоштаспу ответствует сын:
«О гордый, воспетый молвой властелин!
От древних устоев страшись отойти,
Речь должно в пределах разумных вести.
Войною иди ты на вражеский край,
Воителей Чина на смерть обрекай!
За что ополчился на старца, дивлюсь,
Чье мужество чтил еще царь Кей-Кавус!
Надеждой Ирана он был искони —
Во дни Менучехра, в Кобадовы дни,
Был Рехша владыкой, грозой удальцов.
Земли покоритель, даритель венцов —
Так звался всегда. Не пришелец для нас —
Из рук Кей-Хосрова он принял указ.
Коль верность указам не станешь хранить,
Кто станет указы Гоштаспа ценить?»
Сказал властелин Исфендьяру в ответ:
«О сын мой, чьей славою полнится свет!
Надеяться на властелина нельзя *,
Коль им позабыта Йездана стезя,
Указам его доверяться не след,

Как в ветре степном, постоянства в них нет.
А люди про то ведь толкуют не зря,
Что дьявол смутил Кей-Кавуса-царя.
Тот в небо поднялся на крыльях орлов,
Низвергся же где-то в Сари средь лесов *,
Дочь дива из Хамаверана привез
И в царском гареме всех выше вознес.
То он Сиавуша в несчастие вверг
Такое, что день кеянидов померк.
Презрен, кто заветы творца своего
Нарушил. Чуждайся порога его!
Коль хочешь быть царским венцом осиян,
Дружину в поход поведи на Систан;
Ростема связав, сам идя впереди,
Его на аркане сюда приведи.
Ни брату, ни сыну его не внимай
И Залю себя ты опутать не дай.
Пусть пешие также бегут за тобой,
Позор их пусть видит весь воинский строй.
Восстать против нас да никто не дерзнет —
Будь худ или будь именит его род».
Сын молвит, нахмурясь: «Ты это оставь,
Меня от речей бесполезных избавь!
Не Заля с Ростемом тебе посрамить,
Лишь нужно одно — Исфендьяра сломить.
Жаль царский престол отдавать и венец,
Затем и торопишь мой смертный конец.
Себе их оставь, будь владыкой и впредь!
Одним уголком мне довольно владеть.
Смирюсь я и подданным верным под стать
Веленья твои стану вновь исполнять».
Владыка ответствует: «Не горячись.
Достигнешь величья, с тоской разлучись!
Ты в войске моем избери удальцов,

Испытанных, неустрашимых бойцов.
Владеешь оружием, ратью, казной —
Тоскою томится пусть недруг твой злой!
На что без тебя мне и рать, и казна,
Венец золотой, и престол, и страна!»
Отцу своему говорит Исфендьяр:
«Нет в войске нужды. Если рока удар
Грозит мою жизнь молодую пресечь,
Не сможет ее твоя рать уберечь».
Дворец покидает он, жаждой венца
Палим, опечален веленьем отца.
И, тяжко вздыхая, душой удручен,
Под кровлю свою возвращается он.

[Кетаюн наставляет Исфендиара]

В слезах Кетаюн к Исфендьяру в тот миг
Пришла, омрачен ее солнечный лик.
И так говорит она сыну: «Внемли,
О славный наследник героев земли!
Сказал мне Бехмен, что, с родным цветником
Простившись, в Забул ты помчишься, влеком
Безумною мыслью — Ростема связать,
Того, кто рожден сокрушать, поражать.
Мой сын, материнского не отвергай
Совета, дел черных и злых избегай!
То витязь, владеющий силой слона,
В бою с ним не сладит и Нила волна.
Он Белого дива сразил самого *
И вырвал поганое сердце его.
Лишь стоит ему свой булат занести,
Заставит и солнце он сбиться с пути!
Властителя хамаверанской земли
Сразил, с ним тягаться нигде б не смогли.
За смерть Сиавуша туранцам отмстил,

В кровавое море их край обратил.
Когда б о свершеньях Ростема взялась
Поведать, — вовек бы не кончить рассказ.
Смотри, головы за венец не сложи!
В венце ведь на свет не родятся мужи.
И немощен стал твой родитель, и стар,
Ты ж молод и полон ты сил, Исфендьяр.
Взирает вся знать на тебя. Не гневись,
Сам смерти навстречу во гневе не рвись!
Пристало ль тебе нападать сгоряча *,
Рубить, словно юный безумец, сплеча?
Систан на земле не единственный край.
Мать бедную горести не обрекай,
Ей выплакать очи не дай по тебе,
Прислушайся, сын, к материнской мольбе!»
Ответ Исфендьяр ей торопится дать:
«Запомни слова мои, милая мать!
Ростему хвалу, что Авесты слова,
Твердишь, и в своих ты сужденьях права.
В Иране во всем — так скажу я в ответ —
Мужей добродетельней, доблестней нет.
Он уз унизительных не заслужил,
Не доброе дело мне царь поручил.
Но сердце мне не разбивай, пощади,
Не то его вырву тотчас из груди!
Как против веленья царева пойду,
Как с царством расстанусь, приют где найду?
Коль сгину в Забуле — знать, так суждено,
Так волей небесною предрешено.
Когда ж покорится мне славный Ростем —
Вовеки его не обижу ничем».
Мать, слушая, волосы в горести рвет,
В отчаянье слезы кровавые льет.
Взывает она: «О могучий, как слон!

Ты, вижу я, силой своей ослеплен.
Но с мужем забульским не сладишь один,
Без войска в Забул не ходи, исполин!
Слону боевому жизнь хочешь отдать, —
Ему нипочем ведь ее растоптать!
Коль жаждой похода ты сам обуян —
Ее, знать, внушает тебе Ахриман, —
Хоть в бой сыновей за собой не веди,
Не то одобрения мудрых не жди».
Но слышит она Исфендьяра ответ:
«Нет, дома детей оставлять мне не след.
Кто сына в покоях растит своего —
Пусть качеств высоких не ждет от него.
В боях сыновья мне должны помогать,
Тому не противься, о милая мать!
Но рати с собой не возьму я своей,
Родных лишь да несколько славных вождей».

[Поход Исфендиара в Забул]

С зарею, лишь первый петух прокричал,
Кимвала призыв пред дворцом прозвучал.
Подобный слону, Исфендьяр на коня
Воссел и с мужами быстрее огня
Понесся. Покоя не ведали, мчась,
Но вот на распутье дружина и князь.
Дорога одна к Гонбедану ведет,
Дорога другая к Систану ведет.
По ней уж помчаться готовы, но тут
Лег сразу на землю передний верблюд —
К ней точно прирос. И не смог саребан
Поднять его, двинуть вперед караван.
Вождь, знаменьем это недобрым сочтя,
Нахмурился, и по веленью вождя
Верблюд обезглавлен был тотчас, дабы

От войска отвесть руку гневной судьбы,
Изедову чтоб сохранить благодать.
Увы, не добром за ту жертву воздать
Сулил Исфендьяру безжалостный рок!
Смутился, но знаменьем тем пренебрег,
Сказав: «Кто победу одержит в бою —
Звезду воссиявшей увидит свою.
И благо, и зло от Йездана, к чему ж
Кручина? Быть должен улыбчивым муж!»
Все ж сердце героя в тревоге, в тоске;
Привел он дружину к Хирменду-реке *.
Раскинули стан по обычаю там,
На отдых мужи разошлись по шатрам.
В шатре Исфендьяра престол водружен *,
И вот на престол он взошел, окружен
Мужами знатнейшими; рядом воссел
С вождем Пешутен. Исфендьяр повелел
Вина принести, музыкантов призвать,
И стал он с дружиной своей пировать.
Себя пированием развеселил,
Сердца удальцов от забот исцелил *.
Их потчует старым вином, и алей
Тюльпанов лик князя и лица мужей.
Им так говорит он: «Я шаха дерзнул
Ослушаться, с верной дороги свернул.
Ведь он на Ростема велел мне идти,
Унизить, в оковах к нему привести.
Но я не исполнил веленья его
Затем, что заслугам героя того
Нет счета. Спасал не однажды мужей,
Добро утверждал булавою своей.
Иранцы обязаны жизнью ему,
Защитнику, богатырю своему.
Отважного надо избрать мне гонца,

Достойного мужа, посла-мудреца,
Такого, чтоб не заподозрил обман,
Посланца увидев, Ростем-великан.
Когда согласится меня посетить,
Дух мрачный мой счастья лучом осветить,
Себе добровольно дав руки связать, —
Не стану вовеки его унижать.
Строптивость из сердца б изгнал своего —
Я стал бы лишь печься о благе его».
«Ты прав, — Пешутен отвечает ему, —
Так действуй и зла не чини никому».

[Исфендиар посылает к Ростему Бехмена]

Бехмена к себе предводитель призвал
И долго ему наставленья давал.
Сказал он: «Китайской парчой облачись,
Тотчас на коня вороного садись.
Венец возложи, на котором узор
Алмазный горит, ослепляющий взор.
Обличье твое, знай, таким быть должно,
Чтоб каждый, кому тебя видеть дано,
Блеск царского рода в тебе уловил,
Йездановым именем благословил.
Возьми десять славных мобедов с собой,
В дар — пять скакунов с золотою уздой.
Ростема найди, будь он даже в пути,
Тяжелым сей труд для себя не сочти.
Приветствуй его от меня, изъяви
Немало почтенья, немало любви.
Так речь поведи: „Кто возвыситься смог,
Кого ограждает от горестей рок,
Да будет признателен воле творца,
Чей взор проникает в людские сердца.
Тому, кто приветлив, чье сердце светло,

Кто прочь отгоняет строптивость и зло,
Чуждается мыслей недобрых и дел,
Дарует создатель счастливца удел —
Богатство и радости в дольнем дому
И рая врата отворяет ему.
Ни счастье, ни горе навек не дано,
Для мудрого это не тайна давно.
Нам всем будет ложем земля под конец,
А душу бессмертную примет творец.
Царя почитать повелел нам Йездан,
Царь им, всемогущим, нам в пастыри дан.
Но если твой жизненный путь привести
В пример — от укора тебе не уйти.
Несчетные годы на свете ты жил
И в памяти многих владык сохранил.
Свой разум спросив, убедишься ты сам:
Так действовать не подобает князьям.
Ты княжеский этот престол и венец,
И рать, и казну, о великий боец,
В награду от предков моих получил
За то, что им верой и правдой служил.
К Лохраспу же, сколько ни царствовал он,
Ты не соизволил прийти на поклон.
Когда он Гоштаспу оставил престол,
Почтить и Гоштаспа ты нужным не счел,
Не прибыл к владыке, письма, и того
Ему не прислал — знать, отринул его.
Как подданному подобает, не пал
Пред троном его и царем не назвал.
Со дней Феридуна, который, горя
Отвагой, низринул Зохака-царя,
До дней Кей-Кобада — то первый был Кей,
Среди управлявших Ираном царей, —
Подобных Гоштаспу не видел Иран

На лове, в боях, на пирах. Осиян
Он мудростью, дух к правой вере склонил,
И зло, и насилие искоренил.
Им, славным, Йездана завет возрожден,
Злых дивов обычай отвергнут, сметен.
Когда же Эрджасп к нам войною пришел —
Дракон, ты сказал бы, львов полчища вел!
Им не было счета. Напали, примчась,
Но встретил их, как подобает, Гоштасп.
Он в кладбище поле войны обратил,
Он горы убитых в бою громоздил.
Преданья о том до скончания дней
Жить будут среди именитых мужей.
Со львом разъяренным он сладить бы смог;
И Запад покорен ему, и Восток.
Синд, Рум и Туран — царства мира всего —
Податливей воска в руках у него.
И дальняя Степь Копьеносных Бойцов
Служить ему шлет верховых удальцов.
Все страны покорно несут ему дань,
С могучим таким не под силу им брань.
О славный, все это к тому говорю,
Что злую обиду нанес ты царю —
Дворец повелителя не посетил,
Вельмож именитых его не почтил.
Надменно ты в уединенье живешь.
Чуждаешься нас, в отдаленье живешь.
Но может ли кто позабыть из мужей
Ростема? Расстались бы с жизнью скорей!
Ведь подвигов славных во имя владык
Немало свершил ты, могуч и велик, —
Кто смог сосчитать бы, о доблестный, их?
Числом они больше сокровищ твоих!
И все ж нет властителя ни одного,

Кто б снес непокорность раба своего.
Царь так говорил мне: „Большая страна
Во власти Ростема, богата казна.
В Забуле, величьем своим опьянен,
Засел, обо мне и не думает он.
Мне дерзостный не помогал воевать.
Так мне ли с ним дружбу водить, пировать!“
И темною ночью, и солнечным днем
Поклялся владыка разгневанный в том,
Что связанным должен пред ним ты предстать,
Лишь в путах Ростема увидит, мол, рать!
Меня из Ирана затем и прислал,
Ни слова он выслушать не пожелал
В защиту твою. Страшен шаха укор —
Ты видел, во гневе каков его взор?
Когда повинился бы ты и признал *,
Что долгом почтения пренебрегал,
И к шаху направился ныне со мной —
Сияющим солнцем, Зерира душой
Клянусь и самим венценосным отцом,
Он каяться стал бы в поступке своем.
Его бы склонил к примирению я,
И вновь бы звезда воссияла твоя.
Поверь — Пешутен мне свидетелем в том, —
Что зовом души и рассудка ведом,
Старался я шаха умиротворить,
Хоть знал, что вину твою трудно простить.
Веленья отца преступить не могу,
Я — подданный, верность царю берегу.
Ты родичей всех собери на совет
И без промедления дай мне ответ.
Пусть долгий прожившая век Рудабе,
Дестан, Зеваре с Ферамарзом тебе
Путь верный укажут, словам моим вняв,

Мои пожеланья благие поняв.
Смотрите, чтоб край вам родной не сгубить,
В прибежище хищников не обратить!
Я связанным шаху тебя покажу,
Но после, поверь мне, его пристыжу.
Пока примиренья его не добьюсь
С тобой, не уйду от владыки, клянусь!
Коснуться и ветру тебя я не дам,
Явлю справедливость, как должно царям"».

[Прибытие Бехмена к Залю]

Таков был от Исфендиара наказ
Ростему. Сын князя в дорогу тотчас
Собрался, венец на чело возложил,
Парчой златотканною стан облачил.
Сверкающий стяг над его головой,
И прочь от дворца его конь вихревой
Уносит. Блистательный юный гонец
Примчался к Хирменду-реке наконец.
На всадника с вышки дозорный взглянул,
И криком его огласился Забул:
«Спешит к нам гонец на коне вороном,
В венце, в одеянье владык дорогом.
Наездники реку с ним вброд перешли,
И все, невредимы, достигли земли».
Заль сел на коня с булавою в руке,
С арканом витым на седельной луке.
Поднявшись на холм, на посланца взглянув
И тяжко, в смятенье невольном, вздохнув,
Сказал: «Это славного рода герой,
Недаром он царской окутан парчой,
Должно быть, ведет от Лохраспа он род.
Да будет его благодатен приход!»
Охвачен тревогой и смутной тоской,

Дестан во дворец направляется свой.
Навстречу — Бехмен, величав и могуч,
Сказал бы, главой достает он до туч!
Не знал, что пред ним знаменитый Дестан,
И, с гордостью царственный выпрямив стан,
Окликнул он старца: «Прими мой привет,
Дехкан досточтимый, и дай мне ответ:
Где ныне героев оплот и глава,
Сын Заля, которого славит молва?
Знай, прибыл сюда Исфендьяр — на лугу
Раскинул шатер, на речном берегу».
«У цели ты, сын мой. Но не торопись,
С дороги сначала вином подкрепись».
Ответ был: «Ростем на охоте сейчас,
С ним витязи все, Зеваре, Ферамарз.
Его подождите — и ты, и мужи
Другие. Им спешиться всем прикажи».
«О нет, — от Бехмена Дестан услыхал, —
Сюда не на пир Исфендьяр нас послал.
Вели, из наездников пусть кто-нибудь
К урочищу лова укажет нам путь.»
«К чему нетерпение! — Заль возразил, —
Ты лучше бы имя свое мне открыл.
Я чаю, ты родич Гоштаспа-царя
И род свой ведешь от Лохраспа-царя?»
Ответствует старцу посол: «Я — Бехмен,
Отец мой — владетельный князь Руинтен *».
Заль это услышал и спешился он,
Послу именитому отдал поклон.
Себя называет Бехмену, и тот
С улыбкой покинул коня в свой черед.
Стал Заль уговаривать снова его:
Останься, мол, так поспешать для чего?
Но слышит ответную твердую речь:

«Нельзя мне приказом отца пренебречь».
Из витязей, знавших дорогу, избрал
Дестан одного и приказ ему дал
Указывать путь. Имя мужа Ширхун,
Помчал впереди его легкий скакун.
Вожатый, до места охоты домчась,
Оставил посла и вернулся тотчас.

[Бехмен передает Ростему наказ от Исфендиара]

Гора перед юношей к небу встает.
Коня богатырского двинув вперед,
Поднялся он к месту охоты, и там
Явился Могучий Бехмена очам.
Он ростом своим Бисотун превзошел,
В руке у Могучего — вертелом — ствол
С насаженным грузным онагром на нем *,
А рядом лежат булава и шелом.
Вздымает он чашу рукою другой,
И служит великому сын молодой.
У речки, журчащей под сенью листвы,
Рехш резвый пасется сре́дь сочной травы.
Подумал посланец о богатыре:
«Ростем или солнце на ранней заре?
Других на земле не знавали таких,
Предания не воспевали таких.
Боюсь, Исфендья́ру с ним не совладать,
В бою богатырь обратит его вспять.
Сражу его камнем, пусть сердце печаль
Пронзит Рудабе, пусть безумствует Заль!»
Огромную глыбу гранита отбил
И с кручи в Ростема ее запустил.
С Ростемом охотившийся на горе,
Заметил паденье ее Зеваре

И грохот той глыбы, катившейся вниз *,
Услышал. Вскричал он тогда: «Берегись,
О доблестный, камень с вершины летит!»
Все громче, тревожнее витязь кричит,
Но не шевельнулся, не дрогнул Ростем,
Не выпустил вертел с онагром. Меж тем
Низверглась та глыба. Надвинулась мгла
От пыли густой, что она подняла.
Пятою Могучий ее отшвырнул,
И тут Зеваре с облегченьем вздохнул,
Восславил Ростема. Бехмен удручен,
Ту мощь созерцая, так думает он:
«Когда Исфендьяр, именитый герой,
Вступить с этим мужем прославленным в бой
Отважится — сраму себя обречет;
Сулит примирение больший почет.
Ведь если Ростем одолеет его,
То станет владыкой Ирана всего».
И, взятый тяжелою думою в плен,
Вскочив на коня, вниз спустился Бехмен —
Поведал мобедам все то, что видал,
О легкой победе и думать не стал.
Конь к месту охоты несет ездока,
Ростем разглядел его издалека,
И мысль промелькнула у богатыря:
«Кто он? Не из рода ль Гоштаспа-царя?»
Навстречу спешит вместе с братом своим,
И все приближенные витязи с ним.
Ростема Бехмен величает, с коня
Спустившись, главу пред великим склоня.
«Доколе ты имени мне своего
Не скажешь, — не жди от меня ничего», —
Промолвил Ростем, и ответил гонец:
«Бехмен я, герой Исфендьяр — мой отец».

Ростем его обнял, прощения в том
Просил, что не встретил у входа в свой дом.
С мужами знатнейшими вместе они
Воссели в прохладной древесной тени.
Бехмен от иранских мужей и царя
Приветствует славного богатыря,
И так говорит он: «С отцом разлучась,
Понесся, как вихрь, Исфендьяр и, примчась
К Хирменду-реке, там шатер свой разбил —
Таков, знай, приказ повелителя был.
О витязь, коль хочешь словам моим внять,
Готов я отцовский наказ передать».
«Устал ты, царевич, — сказал богатырь, —
Ведь мерил так долго равнинную ширь.
Сначала отведаем снеди моей,
А после того — я во власти твоей.»
Он брата еще усадил своего *,
А больше из богатырей никого.
Речь с гостем Ростем о минувшем ведет.
Хлеб свежий сперва, разломивши, кладет
На скатерть, кладет пред Бехменом потом
Онагра зажаренного целиком,
Другого берет для себя исполин —
За раз ведь онагра съедал он один.
Соль сыпля обильно, огромные он
Куски поглощает. Бехмен изумлен,
А сам лишь онагра кострец одолел,
Раз в десять он меньше Ростемова съел.*
«Царевич! — смеется героев глава. —
За трапезой сила твоя такова?
Коль вправду невмочь поглощать тебе снедь,
Как смог семь привалов ты преодолеть?
За скатертью глядя на немощь твою,
Дивлюсь, как копье подымал ты в бою.».

Ответ был: «Бойцу, венценосцу притом,
Не след быть обжорою и болтуном.
Ест мало, но неукротим он в бою,
Сражаясь, за жизнь не трепещет свою».
Смеясь, восклицает Могучий: «Мужам
Не скрыть свою доблесть, яви ее нам!»
Вздымает глубокую чашу вина
И пьет за здоровье иранцев до дна.
Поднес и Бехмену он равную ей,
Сказав: «За кого пожелаешь, испей».
Той чаши Бехмен убоялся. Припасть
Спешит Зеваре к ней, но малую часть
Лишь выпил. Ростем, взяв ту чашу рукой *,
Воскликнул: «Тебе, о царевич благой,
Весь век твой пусть радовать будет дано
И пьющих, и самое даже вино!»
И чашу Могучий до дна осушил,
Но хмель его разума не помрачил.
Могучего мужа повадка и вид,
Еда и питье — все Бехмена дивит.
Пир кончен, помчался с Ростемом гонец,
Вошли в родовой исполина дворец,
И там передал он Ростему тотчас
От славного Исфендиара наказ.

[Ответ Ростема Бехмену]

Лишь этот наказ от посла услыхал,
В раздумье тяжелое доблестный впал.
Сказал он Бехмену: «Я выслушал весть,
Приходом твоим оказал ты мне честь.
Так выслушай мой Исфендьяру ответ:
„Вождь доблести львиной, любимец побед!
На каждое дело разумно взглянуть
Муж разума должен — постичь его суть.

Коль род он ведет от великих царей *
И славится силой меж богатырей,
Когда обладает он дланью стальной,
Отвагою тигра, богатой казной —
Всем тем, чем с избытком и ты одарен,
Не должен внимать наущениям он.
Путь правды, Йездана мы путь изберем,
Не будем, о доблестный, знаться со злом!
Недобрых речей не веди никогда —
Что древо без цвета они, без плода.
Поддавшись корысти — виновнице бед,
Поймешь: ей предела, губительной, нет.
Уста от речей недостойных беречь
Стремись, и свою ты обдумывай речь.
Ты прадедам не уступаешь ни в чем,
Затмил их отвагою, знаньем, умом —
Недаром так славит тебя Хиндустан,
И Рум, и страна колдунов, и Туран.
Нет равных тебе средь великих мужей *,
Таких от тебя ожидаю речей,
Чтоб душу надеждой их звук оживлял,
Чтоб ночью и днем я тебя восхвалял.
Йездану не раз возносил я мольбу,
И вот к своему снизошел он рабу.
Мечтал, что увижу я светлый твой лик,
Прочту в нем, как пылок ты, добр и велик,
И будет с тобой пировать мне дано,
Пить вместе за славного шаха вино.
И ныне дождаться мне жребий судил
Того, чего жаждал, о чем я молил.
Готов пред тобою без войска предстать,
Веленью владыки высокого внять.
Тебе принесу я указы царей
До дней Кей-Хосрова с Кобадовых дней.

А ты поразмысли, царевич, над тем,
Как много опасностей встретил Ростем,
Когда наступала сражений пора,
Как много Ирану я сделал добра
И как воевал с незапамятных дней
Во славу великих иранских царей.
Оковы надеть мне— ужель такова
Награда, что жалует царства глава?
Уж лучше б тогда не родиться на свет,
Не жить, не влачить столько горестных лет.
Представ пред царем, свою боль изолью —
Мир целый пусть жалобу слышит мою!
О князь, мою жизнь обозрев, хоть одну
Когда обнаружить сумеешь вину, —
Пусть в петле из тигровой кожи тогда
Повисну, изведав всю горечь стыда!
Не я ли слонов разъяренных крушил,
Под силу мне было низвергнуть их в Нил!
Ты к диву подобную речь обрати,
А мне оскорблений таких не снести.
Столь горькой обиде до этого дня *
Никто не решался подвергнуть меня.
Хотя обладаешь ты властью земной, —
Не смог бы связать буйный ветер степной,
Шагать бы не смог по просторам морским,
Пройти невредимым сквозь пламя и дым,
Луну от земли заслонить бы не смог,
С лисицею львицу сдружить бы не смог.
Кто б мог на Ростема оковы надеть!
Меня не под силу и льву одолеть.
Ты так поступай, как владыкам под стать,
В злой заговор с дивом тебе ли вступать!
На мир не глазами юнца ты взгляни,
И злобу, и ненависть прочь отгони!

Да будет весельем твой дух осиян,
Да благословит тебя правый Йездан!
Молю, не чуждайся слуги своего,
Почти посещеньем жилище его!
Как некогда верен Кобаду я был,
Так ныне всем сердцем тебя возлюбил.
Меня ты с дружиной своей навести,
Два месяца в доме моем погости.
Пусть люди и кони с пути отдохнут,
Пусть ярости пеной враги изойдут!
Степь ланей полна, птиц не счесть над рекой —
Охотясь на воле, познаешь покой,
Со львами и тиграми в яром бою *
Мне явишь отвагу и удаль свою.
Когда ж соберешься с дружиной в Иран,
Туда, где отважных и доблестных стан,
Хранилища древние я отворю
И щедро, о славный, тебя одарю
Всем тем, что успел я скопить за века,
Что в битвах добыл грозной силой клинка.
Чем хочешь владей, остальное раздай,
Лишь сердце словами мое не терзай!
Как только твое пребыванье к концу
Придет и вернуться захочешь к отцу, —
Знай, рядом с твоим в путь я двину коня,
Как вихрь, он помчит к властелину меня.
Целуя и руки, и ноги ему,
Смягчу его сердце, гнев ярый уйму.
Спрошу, он ответ будет вынужден дать, —
За что повелел он мне в путах предстать?“
Запомни же то, что тебе говорю,
И все передай Исфендьяру-царю».

[Возвращение Бехмена к Исфендиару]

Бехмен, как услышал Ростема ответ,
Помчался назад и советники вслед.
В раздумье посла богатырь провожал,
Потом Зеваре с Ферамарзом призвал,
Велит им в покои Дестана идти,
К старейшине Забулистана идти,
Сказать: «В гости, знай, Исфендьяра мы ждем,
Царя молодого, что властью влеком.
На каждом айване ты стол золотой *
Поставь и накрой его царской парчой.
Дворец наш дворцу Кей-Кавуса под стать
И даже роскошнее должен блистать.
Все пусть в изобилии припасено
Здесь будет — и дичь, и плоды, и вино.
Ведь прибыл властителя сын молодой,
Готовый сразиться, кипящий враждой.
Он царь и воитель, исполненный сил,
Он в схватку бы с тысячей тигров вступил.
На лучшее мы уповаем всегда!
Коль встретит меня благосклонно, когда
Увижу, что мыслей он злых не таит, —
Венец из рубинов его озарит,
Не жаль для него вороненых мечей,
Ни золота, ни драгоценных камней.
Но если в сердцах оттолкнет он меня, —
Страшусь, не избегнуть нам черного дня.
Сам знаешь, что может он, гневом палим,
Слона опрокинуть арканом своим».
«Не думай о том, — Зевáре говорит, —
Кто ж кинется в бой, не понесши обид!
Ты князю обид не нанес никаких *,
Разумный деяний чуждается злых,

А ведь Исфендьяру, пройди хоть весь свет,
Властителя равного разумом нет».
Тут к Залю ушел Зеваре, а Ростем
Остался в раздумье. Поднявшись затем,
Спешит он на берег Хирменда-реки,
Предвидя несчастье, исполнен тоски.
Коня удержал у струящихся вод
И там возвращенья Бехменова ждет.
Бехмен между тем до шатра доскакал
Отцова и тотчас пред славным предстал.
Спросил у него Исфендьяр-сипехбед:
«Каков был великого мужа ответ?»
Присел тут Бехмен с дозволенья отца,
Подробно сначала он все до конца
Поведал — как князя Ростем величал,
Как слушал наказ его, как отвечал.
Все то описал, что открылось глазам,
А также о чем догадался и сам.
Сказал в заключенье: «Ростему под стать
Могучего мужа нигде не сыскать.
Отвага в нем львиная, сила слона,
Исторг бы он чудище Нила со дна.
К Хирменду-реке прискакал он сейчас
Без палицы, панцирем не облачась.
О чем он беседовать наедине
С тобою желает, неведомо мне».
На сына разгневался князь своего,
Подверг при мужах поношенью его:
«Мужи избегать двух деяний должны,—
Сказал, — доверяться совету жены
И важное дело младенцу вверять —
Тогда лишь их мудрыми можно назвать.
Когда ты в сраженьях героев видал?
Ты лисьего визга и то не слыхал *; —

Вот ты и представил слоном боевым
Ростема на страх меченосцам моим».
Но шепотом так Пешутену-бойцу
Сказал он: «Как видно, тому храбрецу
И бремя бесчисленных лет нипочем —
Глядит и теперь молодым силачом!»

[Встреча Ростема с Исфендиаром]

Велит вороного пригнать скакуна,
Седлом золотым оседлать скакуна.
И сопровождают вождя своего
Сто славных мужей из дружины его.
Рехш с дальнего берега громко заржал,
А с этого конь вороной отвечал.
Вот быстрые воды Хирменда-реки
И князь одолел, и его смельчаки.
И, спешась, улыбкою лик озаря,
Могучий приветствует богатыря,
Потом говорит: «Властелину светил
Я, знать, не напрасно мольбу возносил.
Ты прибыл сюда с храбрым войском своим,
С героями славными, здрав, невредим,
И можешь ты выслушать, встретясь со мной,
Слова, что скажу тебе с чистой душой.
Притворства в моих ты речах не найдешь *,
Душе ненавистны коварство и ложь.
Поверь мне, свидетели — правый Йездан
И разум, которым мой дух осиян:
Когда б Сиавуш предо мною предстал,
Не больше б от радости я просиял,
Чем ныне, увидев тебя. На него
Походишь ты, на миролюбца того.
Ты — гордость Гоштаспа. Блажен властелин,
Которому дан столь блистательный сын.
Блажен край иранский, где славу тебе

Поют и твоей лучезарной судьбе.
Но горе тому, кто сразится с тобой, —
Простится он с троном, сраженный судьбой!
Враги твои да не избегнут конца,
От страха пусть их разорвутся сердца!
Да будет с тобой счастья вечного сень,
Да будет и ночь твоя светлой, как день!»
Когда свою речь до конца он довел,
С коня вороного царевич сошел
И обнял великого богатыря,
В ответ на приветствие так говоря:
«Владыке земли и небесных светил
Хвалу возношу я — мне вновь он судил
Тебя лицезреть, о воспетый молвой!
Все витязи мира — ничто пред тобой!
Тот счастлив, кто миру тебя подарил,
Он отпрыск богатый плодами взрастил.
Тот счастлив, кому твоя сила оплот,
Не знает он бед, огражден от невзгод.
Я вспомнил, увидев тебя, исполин,
Зерира, грозу меченосных дружин».
«О славный, — он слышит Ростема слова, —
Вождей справедливых и мудрых глава!
Желанье заветное в сердце таю,
Мечту, уповаю, исполнишь мою.
Прошу я тебя посещеньем почтить
Мой дом, сердце радостью мне осветить.
Пусть благ не имею, достойных тебя,
Усердьем вину я заглажу, любя.»
Ему Исфендьяр отвечает: «Внемли,
Наследник благих исполинов земли!
Герой, что как ты знаменит и велик, —
Краса и отрада венчанных владык.
Грешно предложенье твое не принять,

Твой град обойти, твой чертог миновать.
Но воли царя, хоть тебя и люблю,
Ни тайно, ни явно я не преступлю.
Хоть с войском твоим воевать не велел,
В Забуле мне царь пировать не велел.
Во всем повинуйся царю своему,
То будет на благо тебе самому.
Сам, без принуждения путы надень, —
То путы владыки, не бросить им тень
На имя твое. В путах будешь введен —
Тогда уж виновным окажется он.
И мне тебя связанным видеть невмочь,
Тебе, чем могу, обещаю помочь.
Не дам я и дня тебя в путах томить
И зла не дозволю тебе причинить.
Ты в замыслах черных не подозревай
Владыку, добра одного ожидай.
Когда ж увенчаюсь на царство, — Иран *
Весь будет, о славный, во власть тебе дан.
Не буду виновен тогда пред отцом
В неповиновенье и проклят творцом.
Когда же в степях заалеют цветы
И в дом свой вернуться задумаешь ты,
Так щедро тебя одарю я, что край
Забульский украсится весь словно рай».
«О доблестный! — слышен Ростема ответ, —
Я долго молил сотворившего свет
Мне встречу с тобой даровать поскорей.
Теперь, когда речи внимаю твоей,
Я мыслю: ужели мы встретились зря,
Два храбрых, прославленных богатыря;
Я мыслю невольно о глазе дурном,
Расстаться мне больно со сладостным сном.
Страшусь я, вкрадется див злобный меж нас,

Собьешься с пути, за престолом гонясь.
Ужель мое имя покроешь стыдом?
Вовеки веков не забудут о том,
Что ты, сипехбед и царевич, к тому ж
Прославленный доблестью воинский муж,
Воссесть отказался за скатерть мою,
Не стал моим гостем в забульском краю.
Коль черные мысли отгонишь, что див
Внушает тебе́, и, вражду победив,
Приходом меня осчастливишь, — клянусь,
Я всем повеленьям твоим подчинюсь,
Всему, кроме пут. Ведь от пут храбрецам
Бесчестье, от них поношенье и срам.
Нет, в путах меня не увидят живым —
Я так порешил чистым сердцем своим.»
Могучему, выслушав эти слова,
Царевич ответил: «Великих глава!
Ты правду сказал, это знаю и сам,
Ведь ложь не приносит почета мужам.
Не веришь ты мне — Пешутена б спросил,
Что царь, посылая меня, говорил.
Пойми же, за стол коли сяду я твой *,
Веселью предамся, пируя с тобой,
И царский приказ ты отвергнешь затем, —
Мой день станет черен, о славный Ростем!
Ведь если с тобою мне в битву вступить
Придется и тигра свирепее быть, —
Закон благодарности я за хлеб-соль
Нарушу; на это решиться легко ль?
Злосчастья страшусь я. Когда же царю
Явлю непокорность — в аду я сгорю.
Охота коль есть — не теряя ни дня,
Приложимся нынче к вину у меня.
Кто знает, что может назавтра нас ждать!

Про это под силу нам только гадать».
«Исполню, — ему отвечает Ростем, —
Сменю лишь дорожное платье пред тем.
Ведь был я на ловле неделю подряд,
Кормился онаграми вместо ягнят.
В час трапезы сам призови ты меня,
За стол и твоя пусть воссядет родня.»
И Рехша он тронул, вскочивши в седло,
Печальная дума туманит чело.
Вот спешился он пред чертогом своим,
Заль, внук Неримана, сын Сама, пред ним.
«Старейшина славный! — Могучий сказал, —
В шатре Исфендьяровом я побывал.
Тот витязь осанкою — что кипарис,
В нем доблесть и ум воедино слились.
Сам царь Феридун, ты о нем бы сказал,
Величье и мудрость ему завещал.
Мне больше, чем слышал о нем, увидать
Пришлось — в нем верховных владык благодать.»

[Исфендиар не зовет Ростема на пир]

С Ростемом на том берегу разлучась,
Раздумьем тревожным охвачен был князь.
Тогда Пешутен, что советником был
Властителя, в ставку к нему поспешил.
Сказал Исфендьяр Пешутену: «Внемли —
Задачу мы трудную легкой сочли.
В Ростемовом незачем быть мне дому,
Сюда и ему приходить ни к чему.
Коль сам не придет — звать не стану его,
Ведь если ждет гибель из нас одного,
То горе тому, кто останется жив —
Исчахнет, о друге своем загрустив!»
Ответ был: «Мой, право, завиден удел —

Кто брата, как ты, несравненный, имел!
Клянусь, когда вас увидал я вдвоем,
Не рвущихся в бой с закаленным мечом,
В груди у меня воцарилась весна,
Душа была светлой надеждой полна;
Я ждал, что, увидя Ростема, ты с ним
Поладишь, но вижу, тревогой томим,
Что разуму происки дива грозят.
Ты правде и чести привержен, мой брат,
Не будь опрометчивым, жизнью своей
Смотри не играй, в прах ее не развей!
Величье души, человечность явил
Ростем — все я слышал, что он говорил.
Знай, рук исполину тебе не связать,
Величием царственным не запугать.
Сын Заля, всесветный боец-великан
Себя залучить не дозволит в капкан.
Страшусь, далеко это дело зайдет,
К позору двух славных мужей приведет.
Ты, брат мой, владыки Ирана мудрей,
Затмил его доблестью богатырей,
Но мир тебе дорог, ему же — вражда.
Подумай, ведь правда тебе не чужда?»
На это герой отвечает ему:
«Когда воспротивлюсь царю своему,
При жизни осудит меня весь Иран,
А в мире другом покарает Йездан.
Как ради Ростема два мира забыть?
От глаз и от сердца как истину скрыть?»
Ответ был: «Совет тебе дал я, любя,
Какой почитаю благим для тебя,
Сам выбери путь наилучший теперь,
Но злоба царям не пристала, поверь».
Велит сипехбед слугам скатерти стлать,

Не стал за Ростемом гонца посылать.
Насытившись, взялся за чашу с вином,
И речь он повел о походе своем,
Захват Руин-дежа в словах воскрешал,
Властителю здравицу провозглашал.
В чертоге своем восседая, меж тем
Ждет зова, не ест верный слову Ростем.
Не раз на дорогу смотрел, выходя,
Но тщетно, нет вести ему от вождя.
Уж трапезы время минуло давно,
Ростема терпение истощено.
Сказал, усмехнувшись: «Мой брат, накрывать
Столы повели да мужей созывать.
Видал Исфендьяра обычай дурной?
Запомни же, как поступил он со мной.
Вели после пира коня моего *
Привесть, оседлать по-китайски его.
На Рехше помчусь, Исфендьяру скажу:
„Меня ты унизить задумал, гляжу! *
Кто слову хоть раз своему изменил,
Тот верность в душе своей искоренил“».

[Исфендиар просит прощения у Ростема]

Примчался наездник, могучий, как слон,
К реке. Ржаньем Рехша весь дол оглашен.
Бойцам Исфендьяра увидеть дано
Того, кого встретить мечтали давно.
Прикованы взоры к герою тому,
Все тотчас прониклись любовью к нему,
И каждый твердит: «Это чудо чудес,
Сказал бы ты, Сам, древний витязь, воскрес.
На Рехше, неистовом как Ахриман,
Что глыба железа, Ростем-великан.
Слона бы сразил он могучей рукой,

Кровь буйного пролил бы Нилом-рекой.
Гоштасп, чтоб венец и престол удержать *,
Велел Исфендьяру злой смерти предать
Подобного месяцу богатыря —
Знать, разума нет в голове у царя!
Корыстней на старости стал он, влеком
Все более перстнем, казною, венцом».
Вошел к Исфендьяру Ростем, и, смутясь,
Царевич навстречу поднялся тотчас.
Так начал Ростем: «Богатырь молодой,
Державного рода потомок благой!
Ты верность хранишь ли обетам своим?
Иль я недостоин быть гостем твоим? *
Послушай же, речь моя будет кратка,
Но только не гневайся на старика!
Сверх меры кичишься ты славой своей,
С презрением смотришь на прочих мужей.
Знать, дешево ценишь ты доблесть мою
И знанья, и ум, и отвагу в бою!
Так знай же, я тот, кто зовется Ростем,
Кем мог бы гордиться и прадед Нейрем!
Не раз я в отчаянье дива ввергал
И смерти не раз колдунов обрекал.
Герои, завидев мою булаву
И Рехша, подобного лютому льву,
Не раз обращались от ужаса вспять,
Успев лишь оружье в пути побросать.
Таких, как свирепый Камус-великан
Иль Чина воинственный, грозный хакан,
Петлей настигал я и в путах тугих
Волок, предавал поношению их.
Я щит и опора иранских царей,
Надежда прославленных богатырей.
Себя, словно бога, не должен ты чтить!

Коль звал я тебя свой приют посетить,
Коль дружбы искал и согласья с тобой,
Причиной тому — сан лишь царственный твой.
Негоже, чтоб мной обречен был судьбе
Жестокой царевич, подобный тебе.
В сраженье меня бы и Сам не смутил,
Хоть ужас он даже на львов наводил.
А я ведь потомок достойный его,
Страшатся и тигры меча моего.
Я, названный первым меж богатырей,
Искал на земле только добрых путей.
Невзгод я и тягот немало сносил,
Народ я от недругов освободил.
Склонюсь я, творцу славословья творя, —
Он дал молодого мне богатыря
Увидеть — неверных он станет косить,
Мир будет хваленья ему возносить».
Сказал Исфендьяр, улыбнувшись в ответ:
«О витязь, чьим дедом был Сам-сипехбед!
Тебя я обидел, на пир не призвав?
Ты, право, в своих подозреньях неправ.
За честь я бы счел твой приход, но стоял
День жаркий, тебя утруждать я не стал —
Не близок ведь путь. Не гневись на меня!
Я думал к тебе с наступлением дня
Примчаться, прощенье твое испросить
И радость, увидев Дестана, вкусить.
Коль скоро, покинув свой замок, ко мне
Пожаловал сам ты — я счастлив вдвойне.
Садись, отдыхай, сердцем радостен будь,
За чашей обиду и гнев позабудь!»
По левую руку вождя посадить *
Князь хочет, как будто ему поручить
Ведение пира задумал, но он *

Течением долгих годов умудрен,
Сказал: «Не мое это место. Мне там
Дай место избрать, где желаю я сам».
И слышит Бехмен: «Усади же его
По правую руку, коль хочет того».
Ростем, это слыша, вконец осерчал:
«Знать, плохо меня разглядел ты, — вскричал, —
Дела мои вспомни и то, что мой род
От праотцев Сама начало ведет.
Хоть места достойного не уделил,
Ты тем моей доблести не умалил.»
Тут сыну велит Исфендьяр своему
Скамью золотую поставить ему.
Во гневе воссел на ней витязь благой,
Торонч благовонный сжимая рукой *.

[Исфендиар поносит происхождение Ростема]

Сказал Исфендьяр исполину: «Внемли,
Старейший из витязей славных земли!
Услышать мне здесь довелось от жрецов,
Владеющих знаньем седых мудрецов,
Что Заль худородный от дива рожден *,
Благой родословною он обделен.
Когда он родился, все в ужас пришли
И Саму сперва показать не смогли.
Был телом он черен, но беловолос.
Лишь Саму увидеть его привелось —
Отчаялся, к морю снести приказал,
Чтоб рыбам и птицам добычей он стал.
Симорг распростер над ним крылья затем,
Но вещую птицу привлечь он ничем
Не смог. Подхватила, в гнездо унесла *
И там на съеденье птенцам отдала,
А те, приглядевшись поближе, тотчас

Отпрянули, вида его устрашась.
Хоть были в то время птенцы голодны,
Не съели его, отвращенья полны.
Кормился объедками падали он *,
Бродил среди скал, одеянья лишен,
Из милости так у Симорга и жил
В гнезде. Год за годом меж тем проходил.
Когда мертвечиной вскормленный возрос,
Кормилец, нагого, в Систан его снес.
И Сам в простоте его принял своей —
Был стар и других не имел он детей.
Тогда досточтимые предки мои,
Державы иранской благие цари,
Возвысили Заля, обширной страной
Его наделили и княжьей казной.
Шли дни, ствол высокий ветвями оброс
И плод благодатный — Ростема принес.
Его до небес превозносит молва,
Он мудр и прекрасен, он доблестней льва,
Но в сердце к себе он гордыню впустил,
На путь непокорности дерзко вступил».

[Ответ Ростема Исфендиару]

«Умолкни! — вскричал возмущенный Ростем, —
Ведешь недостойные речи зачем?
Лжи, вижу, привержен и к правде ты глух,
Знать, лютые дивы смущают твой дух.
Лишь то говори, что пристало царям,
Владыки к правдивым лишь склонны речам.
Известно творцу, что сын Сама Дестан
Величием, славой, умом осиян.
Сам — сын Неримана-героя, а тот
Ведет от мужей многодоблестных род.
Знай, нами дарован был предкам твоим *

Сан царский, без нас — оставаться бы им
Безвестными в мире до этой поры.
Кобада привез я с Эльборза-горы,
Не то так и умер бы он, не познав
Величья и мощи владыки держав.
Я чаю, ты слышал о Саме молву —
Все видели в нем исполинов главу.
Он в городе Тусе дракона убил,
Который немало людей загубил;
Дыханьем гранит расплавлял; не могли
С ним сладить все чудища вод и земли;
Он рыбу дыханием мог опалить
И ястреба в воздухе испепелить;
Мог пастью своей поглотить и слона.
Душа у людей становилась мрачна,
Лишь вспомнят о змее. Их также пугал
Злой див, что небес головой достигал.
Чин-море по пояс лишь было ему,
Он солнца чуждался, искал только тьму.
Мог рыбу морскую, поднявши со дна,
Закинуть туда, где сияет луна.
Мог солнце в очаг для себя обратить,
Мог небо и то устрашить, омрачить.
Срок жизни двух ярых чудовищ истек,
Сразил их могучего Сама клинок.
Меня родила дочь Мехраба-царя,
Над Синдом сиявшая, словно заря.
Ее прародитель— Зохак, меж царей
Прославленный грозною мощью своей.
Муж разума истину опровергать
Не станет — ведь рода знатней не сыскать.
А доблести витязи целой земли,
Клянусь, у меня научиться б могли.
Злословье оставь! Мне, чтоб править моим

Уделом, указ дан Кавусом самим.
Такой же указ и Хосров мне давал,
А мир ведь достойней царя не знавал.
Немало, как буря носясь по земле,
Сразил я владык, закосневших во зле,
Лишь я и со мною мои смельчаки *
Приплыли по водам Джейхуна-реки,
Был ужасом царь Афрасьяб обуян,
В Чин дальний бежал он, покинув Туран.
Еще я о Хамаверанской войне
Напомню, о том злополучнейшем дне *,
Когда Кей-Кавуса царя ослепив,
Едва не сгубил его мерзостный див.
Я в Мазендеран устремился — длинна
Дорога была, ночь угрюма, темна,
Но шел я вперед. Мной Эрженг был убит,
Авлад, и Сендже, и Див Белый, и Бид.
Во имя владыки я сына сразил
Отважного, мудрого, полного сил.
Нет, память веков позабыть не могла б
Героя такого, как юный Сохраб!
Шесть долгих столетий прошло с тех времен *,
Как был я от славного Заля рожден, —
Всегда обо мне слава добрая шла,
С речами мои совпадали дела.
Таким долголетним лишь был Феридун *,
Благой, преисполненный знаний колдун,
Что отнял Зохака престол и дворец,
И жизнь его отнял, и царский венец.
К тому же мой дед — славный доблестный Сам,
Что в мире примером был всем мудрецам.
С тех пор как и сам я воителем стал,
Род Кеев покой и отраду познал *.
Чужим в их твердыню был вход прегражден,

Счастливее тех не бывало времен,
Когда булавой и булатом своим
Врагов я крушил одного за другим.
Об этом затем говорю тебе я,
Что пастырь ты, витязи ж — паства твоя.
Хоть царским величьем тебя наделил
Творец, в этот мир ты недавно вступил.
Немало от взора еще твоего
Сокрыто, ты видишь себя одного.
Но речь затянулась, пить станем вино,
Вину лишь рассеять печали дано.»

[Исфендиар восхваляет своих предков]

Когда отзвучали Ростема слова,
Сказал, усмехнувшись, дружины глава:
«Я выслушал все о скитаньях твоих,
О подвигах, тяжких страданьях твоих.
Так выслушай ныне, что я совершил,
Как славой себя меж героев покрыл.
Сначала за веру я ринулся в бой,
Скосил всех язычников твердой рукой.
Под грудами мертвых ни пяди земли
Уже различить бы глаза не могли.
На свет я рожден от Гоштаспа-царя,
Который рожден от Лохраспа-царя,
Лохрасп же от шаха Эрвенда рожден,
Величьем, могуществом славился он.
Эрвенда родителем был Кей-Пешин,
Его же на свет произвел властелин
С душой справедливою — царь Кей-Кобад,
Который был мудростью светлой богат.
Вот так от колена к колену мой род
К истоку царей — к Феридуну ведет.
Кейсара румийского дочь — моя мать,

Короною Рума ей зваться под стать.
Кейсар происходит от Сельма-царя,
Которого мир превозносит не зря,
А Сельм — Феридуна великого сын,
Всех доблестью тот превзошел властелин.
Пусть всем правота моя будет видна!
Не счесть заблуждений, но правда — одна.
Признай, что прославленным предкам моим,
Владыкам могучим, великим, благим
Вы слугами были — и ты, и твой дед,
Сам знаешь, обмана в речах моих нет.
За то, что царям ты усердно служил,
В награду владенья от них получил.
Внемли же, — я истине верность храню,
Ты мне укажи, если ей изменю.
С тех пор, как Гоштасп возведен на престол,
За правую веру в бой смело я шел.
И все, кто в Туране противился ей,
Всю тяжесть изведали длани моей.
Когда же, навету Горезмову вняв,
Меня заточил повелитель держав, —
Страну наводнила туранская рать,
Лохраспа успевшая смерти предать.
Тогда в Гонбедан от владыки примчась
Посланцем, везир его мудрый, Джамасп,
Увидел меня изнемогшим в цепях,
С обидою в сердце, с печалью в очах.
Он тотчас умелых привел кузнецов,
Велел им избавить меня от оков.
Но сколько ни силились, не поддалось
Железо, а сердце мое уж рвалось
К сраженьям. Не выдержал я, закричал
В сердцах на умельцев, их всех разметал,
И сам, понатужась и двинув плечом,

Оковы я сбросил единым рывком.
Помчался я к полю сраженья — туда,
Где стала уж гаснуть Гоштаспа звезда.
И вспять от меня обратился Эрджасп,
В смятенье с дружиной своею умчась.
Для битв опоясавшись, я, словно лев,
Вослед устремился — излить ярый гнев.
Ты слышал, как я семь привалов прошел,
Как битву со львами и дивами вел,
Как хитростью в крепость Руин я проник,
Какой вслед затем ее жребий постиг.
Как много прошел я опасных дорог,
Каким я себя злоключеньям обрек!
Таких и от тигра онагр не сносил,
От крючьев гребца не сносил крокодил.
Другая есть, горная крепость, она
От мира отрезана, удалена.
Со времени Тура, что встарь основал *
Те стены, никто еще в них не бывал.
В твердыню проникнув, увидел я в ней
Заблудших, кумирам служивших людей.
И крепость я силой меча покорил,
Всех идолов, оземь ударив, разбил.
Во храме чужом мне возжечь удалось
Огонь, что Зердешт нам из рая принес.
Немало побед ниспослал мне Йездан.
По воле его я вернулся в Иран,
Врагов правой веры везде сокрушив,
Брахманов с кумирами их разлучив.
Сражался один против многих мужей,
И помощи в битве не ждал я ничьей.
Но речь о свершенном не стану я длить,
Пора тебе жажду вином утолить».

[Ростем рассказывает о своих подвигах]

Речь начал такую Ростем, лишь истек *
Речей Исфендьяра-царевича срок.
«Деянья благие нам должно вершить,
В деяниях память о нас будет жить.
Что я совершил, век за веком прожив,
Ты выслушай ныне и будь справедлив!
Коль с тяжкою палицей я, великан,
Отважно б не ринулся в Мазендеран,
Где был ослеплен, обездолен Кавус,
С ним Гив и Гудерз именитый, и Тус, —
Кто б сердце у Белого дива исторг?
Кто в мире на это б отважиться мог?
Спас шаха от плена, вернул ему трон *,
И радостью был весь Иран озарен.
Я головы злым колдунам отрывал
И на растерзание львам отдавал.
В тех битвах мне Рехш был помощник один,
Другой — верный меч, погубитель дружин.
Шах после направился в Хамаверан
И там был закован. Объездив Иран,
В поход я повел всех князей и вождей
И с неустрашимой дружиной своей
Напал на врагов. Горький ждал их удел,
И Хамаверанский престол опустел.
Царя Кей-Кавуса в цепях я нашел,
В тоске и печали, в слезах я нашел.
И снова тогда Кей-Кавуса я спас *,
Гудерза и Гива, и Туса я спас.
Те витязи славные, Хамаверан
Покинув, со мною помчались в Иран,
Что был той порой обездолен и слаб,
Топтал его войском своим Афрасьяб.

Я с войском своим темной ночью скакэл,
Лишь чести одной, не покоя искал.
Завидя вдали мой сверкающий стяг
И ржание Рехша услышав, злой враг
В Чин тотчас бежал из Ирана. Пора
Пришла правосудия, мира, добра.
Когда бы сразил Кей-Кавуса клинок,
На свет Сиавуш как родиться бы смог?
Когда бы он жизнь Кей-Хосрову не дал,
Лохраспа на царство бы кто увенчал?
Зачем же короной Гоштаспа-царя
Кичишься и троном Лохраспа-царя!
„Ростема свяжи!“ — кто сказать это мог?
Мне рук богатырских не свяжет и рок!
Я стар, но до этого дня никогда
Еще не терпел я такого стыда.
Что думал — сказал. Угождать не люблю
И медоточивых речей не терплю.»
Увидя, что разгорячился Ростем,
Смеется в ответ Исфендьяр, и меж тем
Хватает он за руку богатыря,
Воскликнув: «Молва тебя славит не зря!
Драконом глядишь ты, на диво крепка,
Лишь с лапою львиной сравнится рука —
В бою особливо, когда булавой *
Вращаешь, а гибок — что тигр молодой».
И руку сдавил ему, так говоря,
Но силою юного богатыря
Не сломлен был старый. Хоть из-под ногтей
Кровь брызжет, спокоен глава силачей.
Царевича руку берет исполин,
Промолвив: «О чтущий творца властелин!
Блажен повелитель, которому в дар
Дан отпрыск, подобный тебе, Исфендьяр.

Завиден владыки Гоштаспа удел,
Величья источником он овладел!»
Сжал руку так крепко, что из-под ногтей
Царевича хлынул кровавый ручей.
Лицо его мукою искажено,
И стало багровым от боли оно.
Но снова смеясь, не смущаясь ничем,
Сказал Исфендьяр: «Витязь славный Ростем!
Пей нынче вино — завтра сникнешь в борьбе,
Тогда не до пира уж будет тебе!
Когда ты в седле вороного коня,
В шеломе кеянском увидишь меня
И конь твой падет от меча моего, —
Сражаться забудешь ты после того!
Свяжу, приведу к властелину царей,
Скажу, что вины я не вижу твоей.
Я к милости стану царя призывать,
Его уговаривать, увещевать,
От бед и страданий избавлю тебя,
Дары поднесу, почитая, любя».
Смех громкий Ростема в ответ прозвучал.
«Пресытишься битвой! — герой отвечал, —
Где видел ты истинных богатырей,
Где слышал ты свист их булав и мечей?
Уж если нам жребий жестокий судил,
Чтоб наше согласье злой дух омрачил,
Коль меч и копье в руки взять суждено
И алую кровь проливать, не вино,
И слушать не лютни отрадный напев,
А грохот кимвала, рождающий гнев, —
Тогда, юный витязь, учись и смотри,
Как бьются могучие богатыри!
С зарею, как ринемся в бой без дружин,
Муж доблестный с мужем один на один, —

С седла тебя сняв, головы не снесу,
В объятья к почтенному Залю снесу,
На трон из слоновой кости усажу,
Лучистый венец на тебя возложу,
Мне шахом Кобадом дарованный встарь, —
В раю да блаженствует тот государь! —
Сокровищниц древних замки отопру,
Тогда ты и счет потеряешь добру.
И щедро твоих одарю я бойцов,
До неба венец твой вознесть я готов!
Отсюда мы бодро, с веселой душой
К владыке Ирана помчимся с тобой.
Получишь венец при подмоге моей,
И будет доволен владыка царей.
Служить и тебе, не щадя своих сил,
Я стану, как всем кеянидам служил.
Я радостью сердце свое обновлю,
Я плевелы с нивы родной удалю.
И горе врагам, коли будешь царем,
А я твоим преданным богатырем!»

[Ростем пьет вино с Исфендиаром]

На то Исфендьяр отвечает ему:
«Вести бесконечные речи к чему!
О битве довольно теперь толковать,
Уж полдень, и голод дает себя знать.
Стол, отрок, накрой, призови к нам гостей
Таких, что не жалуют длинных речей!»
Вот яства несут, есть Ростем принялся,
И все на него устремились глаза.
К нему придвигают сидящие с ним
Отборных ягнят одного за другим —
Со всеми расправился тот исполин;
Дивятся и витязи, и властелин.

Огромную чашу багряным вином
Наполнить велел венценосный потом;
Мол, речи послушаем богатыря —
Что скажет, хмельной, про Кавуса-царя?
Вот чашу с вином виночерпий принес —
Лет много над этим вином пронеслось.
За здравье царя ее выпил до дна
Ростем, нипочем ему величина.
Вновь отрок наполнил ту чашу. Меж тем *
Ему говорит именитый Ростем:
«Зачем ты водою разбавил вино
Столь старое — крепость утратит оно!»
Дал знак Пешутен — не разбавив водой,
Вино виночерпий несет молодой.
Потом Пешутен музыкантов призвал,
Дивиться Ростему не переставал.
Тот стал веселей, от вина подбодрясь.
Но вот расходиться подходит уж час.
Ростему сказал Исфендьяр: «Исполин,
Заката не знай и не ведай кручин!
Да будут во здравье и вина, что пил,
И яства, что с нами ты вместе вкусил!»
«О муж именитый, — он слышит в ответ, —
Весь век да ведет тебя разума свет!
На благо все то, что с тобой я вкушал, —
И сердце, и душу я здесь насыщал.
Когда бы ты гнев и вражду позабыл,
Величие духа и мудрость явил,
Когда бы ты гостем под кров мой вошел,
В нем радостно некое время провел, —
Я все бы свершил, в чем клялся пред тобой,
И правил бы нами лишь разум благой.
Очнись, успокойся, приди отдохнуть,
Яви человечность, о злобе забудь!»

Ответил на то предводитель мужей:
«Бесплодных семян понапрасну не сей!
На бой опояшусь, как встанет заря,
Спознаешься с доблестью богатыря!
Не хвастайся силой! Вернувшись к себе,
Готовься, о витязь, к жестокой борьбе.
Меня ты на поле, где ждет нас война,
Таким же найдешь, как за чашей вина.
Тогда одолеть в поединке не тщись,
Совету внемли, от борьбы откажись!
До дела дойдет— эту речь превзойду,
Себя не ввергай ты в лихую беду
И в горе — меня. Увещанью внемли,
Исполни приказ властелина земли,
Дай путы надеть на себя, и в Иран
Помчимся, покинувши Забулистан».
Вновь сердцем Ростем погрузился во тьму,
Мир кажется чащей дремучей ему.
«Дам руки ль связать, честь поправши свою, —
Он мыслит, — его ль в поединке убью —
Людей одобренья ничто не сулит.
Покорность веленью меня посрамит —
Повсюду, где будут сказанья звучать *,
Насмешками станут меня осыпать:
Мол, старый Ростем от юнца не ушел,
Тот в путах его из Забула увел!
Меня заклеймит всенародный укор,
И слава моя обратится в позор.
А коль Исфендьяр в поединке падет,
То каждый по праву меня упрекнет:
Царя молодого, мол, смерти обрек
Ростем за сорвавшийся гневный упрек!
Проклятиям вечно меня предавать
Все станут и старым отступником звать.

Когда ж от руки Исфендьяра паду,
То ввергну я землю родную в беду.
Забудется слово „Забул“ на земле,
Род Заля и Сама исчезнет во мгле.
Но если я доброе слово скажу,
То добрую славу в веках заслужу.»
Сказал он: «О славный, я горем объят *,
Тревожные думы мне душу томят.
К чему все о путах ты речи ведешь!
Страшусь, сам беду на себя навлечешь.
Хоть воли небес нам узнать не дано,
Все то, что свершается, — предрешено.
Знать, злым наущениям дива ты внял,
А мудрость и праведность прочь отогнал.
Ты молод, доверчив, не знаешь людей,
Владыка, знай, гибели ищет твоей *.
Пока не пресытится троном своим
Коварный Гоштасп, жаждой власти томим,
По свету всему тебя станет гонять,
Опасностям станет тебя подвергать.
Подобно секире, он ум изощрил,
Чтоб мир обозреть, зорко очи раскрыл, —
Мол, сыщется ль витязь, который с тобой
Решится вступить в сокрушительный бой?
Готов тебя смерти родитель обречь,
Чтоб только венец властелина сберечь.
Навеки да будет он проклят — венец,
Сулящий герою кровавый конец!
К чему мое сердце напрасно терзать?
Не лучше ли голосу разума внять!
Своими руками казнишь себя ты,
Кто зло замышляет — дождется беды *.
О славный, подобно юнцам не ярись,
Навстречу беде безрассудно не рвись!

Мне душу, о доблестный, не омрачай,
В несчастье себя и меня не ввергай!
Творца и моих ты седин постыдись,
Себя пожалей, к ранней смерти не рвись!
Какая нужда тебе ныне со мной
Сражаться, свой путь сокращая земной!
Иль мчал тебя с войском безжалостный рок
Затем, чтоб сразил тебя здесь мой клинок,
Чтоб имя мое поминали хулой?
Гоштасп да сражен будет карою злой!»
Сказал Исфендьяр неуемный в ответ:
«О славный Ростем, богатырь-сипехбед!
Припомни, что древний мудрец говорил,
Чей дух добродетели свет озарил:
„Лукавящий старец и глуп, и смешон,
Хоть блещет отвагой и знанием он.“
К тому говорил ты все эти слова,
Чтоб целой осталась твоя голова,
Чтоб каждый услышавший их, умилясь,
Речам этим сладким поверил тотчас
И мужем злонравным назвал бы меня,
К тебе, как к святому, почтенье храня:
Могучий, мол, в гости строптивого звал,
Служенье и дружбу ему обещал,
Но всеми моленьями тот пренебрег *,
Язвительной речью Ростема обжег...
Так знай же, не ради казны и венца
Покорен я воле владыки-отца.
Ведь он — властелин моих бед и отрад,
Во власти его дать мне рай или ад.
На благо все яства тебе, сипехбед,
Да будут, а недругам злобным во вред!
Теперь ты к себе возвращайся домой
И близким все то, что услышал, открой.

Готовься со мною оружье скрестить,
А переговоры пора прекратить.
Что проку откладывать дело? С зарей
Примчимся и в смертный мы ринемся бой,
И в том поединке, сомнения нет,
Померкнет пред взором твоим белый свет,
Узнаешь, как храбрый умеет в бою
За честь постоять и за славу свою!»
«О славный, — ему отвечал великан, —
Когда ты желаньем таким обуян,
Тебя булавой и мечом угощу,
Копытами Рехша тебя растопчу!
Внимая хвале приближенных своих,
Поверил ты, знать, уверениям их,
Что сила твоя не уступит ничьей,
Что неуязвим ты для стрел и мечей.
Мое ты копье испытаешь, с бедой
Спознаешься завтра, герой молодой, —
Не станешь на поле сражений с тех пор
Вступать с удальцами в воинственный спор!»
Но муж молодой улыбнулся в ответ, —
Улыбкою той покорен сипехбед.
«О славный! — сказал сын Гоштаспа-царя, —
Свой пыл остуди, горячишься ты зря.
С рассветом на поле приди, посмотри,
Как бьются бесстрашные богатыри.
Один, без дружины примчусь на заре —
Боец на коне, не гора на горе.
Йездановой силою, больше ничьей,
В бою огражден я от стрел и мечей.
И все ж булавой над твоей головой
Взмахну я, и мать завопит над тобой.
А если я в битве тебя не сражу,
Чтоб пленником к шаху доставить, свяжу.

И будет рабам неповадно другим
Вступать в поединок с владыкой своим!»

[Ростем возвращается домой]

Покинув державный шатер вслед затем,
Пред входом его задержался Ростем.
Воззвал он: «О ты, упования храм!
К Джемшидовым мыслью лечу временам,
Ко дням Кей-Кавуса, Хосрова — Иран
Был царственным светом тогда осиян.
Где ныне былая твоя благодать!
Дано недостойному здесь восседать».
Услышав ту речь, Исфендьяр поспешил
Вслед выйти и витязя остановил,
Воскликнув: «Прославленный витязь Ростем!
Державный шатер прогневил тебя чем?
Воистину следует Забулистан
Наречь новым именем — „Ропщущих стан“.
Здесь гость, на хозяина вдруг осердясь,
Его поносить начинает тотчас.
Да, время Джемшида сей помнит шатер
И славу его, и паденья позор.
Путь божий забыв, обездолил он край,
И счастье земное утратил, и рай.
Шатер не забыл и о времени том,
Как рати Ирана Кавус был щитом.
Задумал он тайной творца овладеть,
Небесные звезды вблизи разглядеть.
Небесною карой тогда сражена,
От бед и напастей стенала страна.
Теперь же престол украшает Гоштасп,
Чей мудрый советник — почтенный Джамасп.
А об руку с ним восседает Зердешт,
Из рая принесший скрижали надежд *,

Еще Пешутен, что великим слывет,
Познавший немало побед и невзгод*,
И благословенный пред ним Исфендьяр,
На радость Ирану ниспосланный в дар,
Тот витязь, что добрым покой подарил,
А злых грозной силой клинка усмирил».
Он смолк, и умчался любимец побед,
И долго царевич глядел ему вслед,
Потом Пешутену сказал: «Не признать
Нельзя эту доблесть и силу, и стать!
Такого ни всадника я, ни коня
Не видел. Как знать, что постигнет меня,
Когда устремится он в бой на заре,
Что слон разъяренный на Канге-горе!
Какое величие! Но с высоты
Он завтра, страшусь, рухнет в пропасть беды.
Мне сердце обжег лика этого свет,
Но воли творца не ослушаюсь, нет!
Как выйдет он завтра сразиться со мной,
Я мир от него скрою тенью ночной».
В ответ Пешутен умоляет его:
«Не надо, о брат мой, не делай того!
И раньше твердил я, и снова скажу,
Затем, что лишь правдой одной дорожу:
Зло людям чинить не пристало тому,
Кто доблестен. Зла не чини никому!
Усни, а с зарею, от сна пробудясь,
К Ростему без войска отправься тотчас,
День витязя счастья лучом озари,
Его добродушьем умиротвори.
Покоя ни знатный, ни простолюдин
Не знали б, когда бы не он, исполин.
Верь, явит он повиновенье тебе
И верным пребудет в служенье тебе.

Что в гневе упорствуешь ты? Излечи
От ярости сердце и взор свой смягчи!»
На это в ответ Исфендьяр произнес:
«В углу цветника шип мятежный возрос,
И если в душе твоей вера жива,
Тебе не пристали такие слова.
О мудрый наставник, чей бодрствует дух,
Иранских воителей око и слух!
Ужели зов разума мне позабыть
Велишь и царя своего оскорбить?
Свои же усилья презрев, растоптав,
Признать, что пречистый Зердешт был неправ,
Сказавши: «Кто царский преступит закон —
На вечные муки в аду обречен!»
Доколе ты будешь меня искушать,
Неповиновенье владыке внушать?
Но всем твоим доводам не уступлю
И воли властителя не преступлю *.
А если ты смертью моей устрашен, —
Твои опасенья развею, как сон.
Никто раньше времени не погибал,
Тот мертв, кто бесславно всю жизнь прозябал!
Увидишь, как выйдет на поле Ростем,
Что сделаю с тигром воинственным тем».
«О славный! — ему Пешутен говорит, —
Зачем твой язык все о битве твердит!
С тех пор, как ты лук взял впервые, с пути
Не мог тебя дьявол коварный свести.
А ныне его наущеньям ты внял,
Советы принять мои не пожелал.
Горишь ты враждою — мне слез не сдержать,
Одежды готов на себе разодрать!
Что с сердцем моим я поделать могу,
Как душу от ужаса уберегу!

Два витязя, каждый безмерно силен, —
Как знать, кто противником будет сражен?»
Ни слова в ответ Исфендьяр не сказал,
Гнев жег ему сердце, страх тайный терзал.

[Заль увещевает Ростема]

В раздумье Ростем воротился к себе,
Он видит: единственный выход — в борьбе.
К Могучему тут Зеваре подошел,
Его удрученным и бледным нашел.
Сказал богатырь: «Меч индийский неси,
И панцирь, и шлем мой румийский неси,
Броню для коня, булаву и аркан,
И лук мой, и тигровой кожи кафтан».
Зовет Зеваре казначея, и тот
Могучему тотчас доспехи несет.
Ростем на свое снаряженье взглянув,
В тоске головой покачав и вздохнув,
Воскликнул: «О панцирь мой, ты пребывал
В покое, к тебе я давно не взывал.
Час битвы пришел, будь же неуязвим,
Как встарь, будь покровом счастливым моим!
Сразиться пора двум воинственным львам,
Двум славным отвагою богатырям.
Кто знает, что жребий готовит мне в дар,
Какую сыграет игру Исфендьяр!»
Услышал Ростемовы речи Дестан,
И горестью витязь седой обуян.
Вскричал он: «Такие слова ты сказал,
О славный, что ужас меня обуял!
С тех пор, как сидишь ты в седле боевом,
Ты движим был правдой и к свету влеком.
Готов исполнять повеленья царей,
Обиды в душе не хранил ты своей.

Страшусь, не нагрянула б ныне беда,
Благая твоя не померкла б звезда,
Дестанову роду б конец не пришел,
А семьи бы наши злой враг не увел!
Когда богатырь молодой Исфендьяр
Тебе нанесет смертоносный удар, —
Придет для Забула злосчастья пора,
Дол станет горою и долом — гора.
А если царевич погибнет в бою,
Утратишь ты добрую славу свою,
Все станут тебя порицать и бранить,
Твое прогремевшее имя чернить:
Убил, мол, царевича, рассвирепев,
Сурового слова его не стерпев!
Ступай, повеленьям его покорись
Иль без промедления в путь соберись.
Спасайся, укройся в глуши от него,
Чтоб он не нашел и следа твоего.
Зло сделав ему, станешь сам горевать,
Царевича бойся на бой вызывать!
Китайской тафты не рассечь топором,
Забудь об угрозах и действуй добром.
Ни сил, ни трудов для того не жалей,
Ни щедрых даров для него и мужей.
Лишь он соберется покинуть наш край,
Могучего Рехша и ты оседлай.
Покорность явив молодому царю,
С ним вместе прибудешь к седому царю —
Не станет, увидев тебя, обижать.
Зла можно ль от шаха иранского ждать?»
Но старец услышал от богатыря:
«Простым это дело считаешь ты зря!
Воителем прожил я множество лет,
Немало досталось мне бед и побед.

Слал дивов навстречу мне Мазендеран,
Искусных наездников— Хамаверан.
Камус со мной бился и тот исполин
Свирепый, которым возглавлен был Чин.
Ужель Исфендьяра теперь устрашусь,
В развалинах видеть Систан соглашусь!
Лишь в тигровой шкуре помчусь я на бой *,
Ни солнце, ни месяц не сладят со мной!
Вначале я князя о мире просил,
Как учишь ты, верность ему изъявил,
Но он назиданьем моим пренебрег,
Отверг умудренного мужа урок.
Коль прочь он откинет надменность, с высот
Зов мира услышит, ко мне снизойдет, —
Не стану жалеть для него жемчугов,
Ни панцирей, ни вороненых клинков.
К нему я взывал всякий раз, как встречал,
Но только на ветер слова расточал.
Коль выйдет сразиться со мною, за жизнь
Героя венчанного ты не страшись.
В пылу поединка его ни мечом *
Не трону я, ни булавой, ни копьем.
Лишь путь к наступленью ему преградив
И словно тисками за пояс схватив,
В объятиях снявши с седла, унесу
И выше Гоштаспа потом вознесу.
В почете и неге в гостях у меня
Сначала пробудет царевич три дня,
Теряя богатствам дарованным счет *.
Когда же за чашей ночь третья пройдет
И светоч дневной, сбросив черный покров,
Сверкнет, как топаз, между горных зубцов, —
С царевичем вместе я в путь соберусь,
Покину Забул и к Гоштаспу примчусь.

Там, верности дав Исфендьяру обет *,
Поклявшись служить до скончания лет,
Его нареку я иранским царем,
Чело увенчаю кеянским венцом.
Ты в памяти, верно, сберег, не забыл,
Как я Кей-Кобада на трон возводил?»
С усмешкою горькой главою Дестан *
Качает, сомненьями он обуян.
«О, сын мой, — сказал он, — подумав, навряд
Сам в речи своей склад ты сыщешь и лад.
Твои лишь безумца могли б убедить
Слова, не связует их разума нить.
Кобада, что прятался где-то в горах,
Без войск, без венца, без динара в руках,
Как можно с владыкой Ирана равнять,
Чьи неисчислимы богатства и рать?
Героя, чье имя, как верный вассал,
Царь Чина на перстне своем написал,
Затеял ты в битве с седлом разлучить,
В объятиях к Залю в чертог волочить?
Испытанный жизнью не скажет сего.
Несчастия сам не ищи своего!»
Так сыну сказав, ниц на землю он пал *,
С мольбою горячей к Йездану воззвал:
«К нам взор, о благой судия, обрати,
Беду роковую от нас отврати!»
Без устали длил он мольбу до тех пор,
Пока светоч утра не встал из-за гор.

[Битва Ростема с Исфендиаром]

Лишь день наступил, облачился Ростем
В броню, шкуру тигра надел вслед затем,
К седельной луке прикрепил свой аркан,
И вот уж под витязем конь-великан.

К себе Зеваре богатырь подозвал,
Рать вверив ему, наставления дал.
«Ступай, — повелел именитый герой, —
Бойцов на песчаном нагорье построй!»
Пошел Зеваре и построил бойцов,
На поле сраженья вести их готов.
Свой замок покинув, на поле потом
Примчался Ростем с богатырским копьем.
Дружина его величает, любя:
«Пусть конь и седло не лишатся тебя!»
Несется Ростем, Зеваре вслед за ним,
Всех ближе он князю, всех больше любим.
Вздыхает, сердца у обоих мрачны,
Но вот уже воды Хирменда видны.
Вождь брату с бойцами остаться велит,
А сам к Исфендьяру навстречу спешит.
Пред тем, как умчаться, в тоске исполин
Так брату промолвил один на один:
«Тот муж заколдованный — диву под стать *,
Кто знает, смогу ли с таким совладать!
Останься, бойцов поручаю тебе,
Я ж двинусь навстречу всевластной судьбе.
Коль гневен по-прежнему он и суров,
Звать в помощь не стану забульских бойцов.
Один в поле битвы я встречу его,
В опасность ввергать не хочу никого.
Победу судьба лишь тому ниспошлет,
В чьем сердце всегда справедливость живет».
Хирменд одолел он и, мчась по холмам,
Дивится всевластного рока делам.
Зовет: «Исфендьяр, предводитель бойцов,
Противник твой здесь, будь же к битве готов!»
Услышал дружины иранской глава
Тот клич боевой престарелого льва

И молвит со смехом: «Едва пробудясь,
Я к битве готовиться стал в тот же час».
Велит принести снаряженье свое
И палицу с бычьей главой, и копье.
Он панцирем белую грудь облачил,
Шеломом кеянским чело защитил,
Коня оседлать вороного велит,
И вот вороной пред владыкой стоит.
Тут радость такую герой ощутил,
Такое кипение жизненных сил,
Что, в землю слегка лишь упершись копьем,
В седле очутился единым прыжком,
Подобно голодному тигру степей,
Вскочившему на спину жертве своей.
Бойцы прославляют вождя своего,
Любуются удалью, мощью его.
К Ростему приблизясь, он видит: один
Примчался на поле борьбы исполин.
Сказал он тогда Пешутену: «На бой,
Взгляни, без соратников мчится герой.
Мне надобно также теперь одному
На холм устремиться навстречу ему».
В бой ринулись так, будто кроме борьбы
Иной у людей не бывало судьбы.
Вот съехались, ярой пылая враждой,
Лев доблестный старый и лев молодой,
Для схватки коней боевых распаля, —
Казалось, под ними разверзлась земля.
Ростема призыв тут раздался в горах:
«Счастливый, рожденный для радостей шах!
Не рвись так неистово в битву, очнись,
К добру, к состраданью душою склонись *!
Идти коль наскучило мирным путем
И к битве кровавой ты сердцем влеком, —

Забульских тотчас приведу храбрецов,
В кабульских кольчугах бесстрашных бойцов,
Ты ж кликни иранских мужей, и тотчас
Увидим воочью, где медь, где алмаз.
Два войска на поле послав воевать,
Не лучше ль самим в стороне пребывать?
Увидишь воителей в ярой борьбе,
Прольется их кровь на потеху тебе».
На то Исфендьяр отвечает ему:
«Вновь тратишь слова понапрасну к чему?
С зарей со своим разлучился дворцом,
Со мной на холме очутился крутом
Ужели затем, чтоб меня обмануть?
Знать, понял: ведет к пораженью твой путь.
На что мне с дружиной забульской война,
Дружины иранской с кабульской война!
Нет, праведной веры закон не таков,
Того да не будет во веки веков,
Чтоб я на погибель иранцев послал,
А сам на престоле царей восседал.
В бой ринусь один, кто б ни бился со мной,
Хоть барс бы со мною схватился степной!
Зови, коли нужен соратник тебе,
Мне ж помощи вовсе не нужно в борьбе.
Знай, помощь в бою ниспошлет мне Йездан,
Я счастья улыбкой всегда осиян.
Ты — витязь, воитель и я; так на бой
Один на один устремимся с тобой!
Увидим, скакун Исфендьяра в сей раз
Вернется ль, наездника в битве лишась,
Коню ли Ростемову без седока
Вернуться назначила рока рука».
И вот согласились вожди двух дружин
Без помощи биться один на один.

В ход копья сначала пустили в бою,
Сплошь кровью броню обагрили свою.
Когда же от копьев обломки одни
Остались, взялись за булаты они.
Сражаются, не опуская мечей,
И схватка все яростней, все горячей.
От мощи воителей, как ни крепки,
Сломались уже и стальные клинки.
Тогда обратились они к булавам *;
Подобные двум разъярившимся львам,
Разят, и уже рукояти булав
Сломались, и руки немеют, устав.
Тут до поясных у них дело ремней
Дошло. Будто крылья взрасли у коней!
Брал верх то один, то другой исполин *,
Но не шевельнулся в седле ни один.
Вот поле мужи покидают, мрачны,
И сами измучены, и скакуны.
Рты конские в пене, в крови запеклись,
Попоны кольчужные изодрались.

[Гибель сыновей Исфендиара в бою с Зеваре и Ферамарзом]

«Как бой затянулся! — в тревоге меж тем
Твердил Зеваре, — что ж не едет Ростем!»
Утратив терпенье, в путь двинул он рать,
Готовую мстить, все в пути сокрушать.
«Где бьется Ростем? — так воззвал он к бойцам
Иранским, — бездействовать долго ли нам?
Пришли вы с Ростемом сразиться? Попасть
Злой жребий судил вам в драконову пасть!
Ростему хотите вы руки связать?
Так в бой выходите, к чему выжидать!»
Иранцев тут стал Зеваре поносить,

Их бранью в сердцах осыпать и хулить.
Тогда Нуш-Азер, молодой исполин *,
Царя Исфендьяра прославленный сын,
Разгневавшись, лютой враждою горя *,
Осыпал сегзийского богатыря
Хулою ответной, вскричав: «Не под стать
С погаными псами нам в битву вступать,
Герой Исфендьяр не велел нам того,
Кто мог бы ослушаться воли его?
Но если осмелитесь вы преступить
Его повеленье и в битву вступить,
Узнаете, как устремляются в бой
Герои с булатом, с копьем, с булавой!»
«Вперед! — повелел Зеваре, — поживей
Венцами из крови украсьте вождей!»
Летит Зеваре пред рядами бойцов,
И грянули клики его удальцов.
Телами иранцев равнинная ширь
Покрылась, и тут Нуш-Азер-богатырь
С индийским булатом вскочил на коня,
Летящего в битве быстрее огня.
Был в войске Ростемовом витязь Алва *,
За удаль его прославляла молва.
Завидев Алву, мчится витязь к нему
И, руку занесши к мечу своему,
Разит его в темя могучей рукой —
Тот, рухнув с седла, разлучился с душой.
Вскричал Зеваре, боевого коня,
Как вихрь, Нуш-Азеру навстречу гоня:
«Алву ты поверг, но теперь уж не та
Ждет участь тебя, мне Алва не чета!»
Копьем его в темя разит, и седок
Скользит бездыханный с седла на песок,
И видит иранская рать, что бедой

Постигнут, погиб Нуш-Азер молодой.
И льет о нем слезы царевич Мехр-Нуш,
Достойный, прославленный доблестью муж.
Огромного он горячит скакуна,
Неистовым гневом душа зажжена,
Бледнея от ярости, биться готов,
Покинул он строй и летит вдоль рядов.
Навстречу, как буйством охваченный слон,
Спешит Ферамарз, чей клинок закален
Умельцами Хинда. Свирепо напал
Герой на Мехр-Нуша. Гул на поле встал.
Два всадника ринулись в битву: один —
Царевич, другой — молодой исполин.
Схватились, отвагой подобные львам,
Бьет сталь вороненая по головам.
Все жарче Мехр-Нуш нападает, ярясь,
Но мощью его превзошел Ферамарз.
Надеясь срубить ему голову с плеч,
Заносит Мехр-Нуш свой отточенный меч,
Но силой могучей удара того
Он на смерть сразил скакуна своего
И пеший был сам Ферамарзом сражен,
Прах алою кровью его обагрен.
Увидел Бехмен, что убит его брат,
Что кровь его с прахом смешал супостат,
И вмиг очутился он на поле том,
Где бился Ростем с Исфендьяром-вождем.
«Послушай, отец! — закричал он, примчась, —
Сегзийское войско напало на нас.
Два сына твоих — Нуш-Азер и Мехр-Нуш
Убиты в бою. О прославленный муж,
Сражаешься здесь ты, а мы сражены
Печалью — твои погибают сыны!
За это убийство проклятье падет

На злого Ростема, на весь его род!»
И дрогнул от гнева отец, из очей
Безудержно хлынул кровавый ручей.
«Злонравный! — Ростему он грозно кричит, —
Тебе, знать, неведомы совесть и стыд!
Не ты ли клялся, что дружину свою
Не станешь ты звать на подмогу в бою.
Забыл, что, настигнутый смертным концом,
Ответишь за ложь пред всевышним творцом?
Забыл, что дерзнувшим нарушить обет
На свете людского прощения нет?
Ведь смерти моих двух сынов обрекли
Сегзийцы, а сами от кары ушли!»
Ростем, это выслушав, затрепетал,
Как лист на ветру, в скорбь великую впал.
Мечом он клянется и полем войны,
И солнцем, и жизнью владыки страны:
«Верь, без дозволенья они моего
Сразились, вовек не прощу им того!
За зло совершенное руки свяжу
Я брату, сурово его накажу,
Свяжу вслед затем Ферамарза. Втроем
Предстанем пред благочестивым царем —
Пусть их за убийство героев казнит,
Ты ж в сердце не множь понапрасну обид!»
Но слышит он: «Кровью презренною змей
Воздашь ли за гордую кровь лебедей *?
Нет, сделку подобную тот, кто велик,
Отринет, она недостойна владык!
Ты ныне, злонравный, о жизни своей
Подумай — сейчас распрощаешься с ней.
Метну мои стрелы — ты с Рехшем тогда
Смешаешься, как молоко и вода,
Чтоб впредь ни один в этом мире вассал

Владыку на бой вызывать не дерзал!
Коль жив ты останешься — руки свяжу,
К владыке верховному препровожу,
А коль от стрелы ты погибнешь моей —
Считай, что отмстил я за смерть сыновей».
Ответ был: «К чему пререкания длить!
Им впору достоинство лишь умалить.
К Йездану прибегни, о нем не забудь,
Ко благу лишь он указует нам путь».

[Ростем бежит на вершину горы]

За луки и стрелы схватились они,
И солнце, померкнув, исчезло в тени.
Стремительных стрел пляшет огненный рой,
Тела исполинов сшивая с броней.
Все жарче в груди Исфендьяровой гнев,
Все чаще он хмурится, рассвирепев.
Никто от него не спасался досель,
В боях попадал неизменно он в цель.
Бой длится, настиг не одной уж стрелой
Ростема и Рехша боец удалой;
Вкруг витязя носится вихрем, —
Меж тем не смог его ранить ни разу Ростем.
Уже от несчетных вонзившихся стрел *
И Рехш изнемог, и Ростем ослабел.
Почуяв, что вовсе лишается сил,
В ход средство последнее витязь пустил —
С коня соскочил и, на холм устремясь,
От гибели жизнь свою славную спас;
А Рехш, весь израненный, к стойлу потом
Умчался, покинут своим седоком.
Бежит, истекающий кровью, герой,
Дрожит, хоть и схож с Бисотуном-горой.
Со смехом кричит Исфендьяр ему вслед:

«Ростем знаменитый, любимец побед!
Железная глыба ужель сражена
Стрелой? Где же буйная сила слона?
Где палица, где же величье твое,
Где полное мощи обличье твое?
Куда устремился героев глава?
Напуган, знать, ревом свирепого льва.
Не ты ли в отчаянье дивов ввергал,
Булатом чудовищ на смерть обрекал?
А ныне, что лис, старый слон боевой,
Бежишь ты — знать, силы лишился былой!»
След Рехша кровавый меж тем Зеваре *
Увидел. Тревога о богатыре
Весь мир черной тенью застлала пред ним,
Он в поле несется, тревогой гоним,
И видит — повержен во прах великан,
Кровь алая бьет из зияющих ран.
«Встань, — слышит Ростем, — на моем скакуне
Спасайся, я ж выйду на мщенье в броне.»
«К Дестану спеши, — богатырь отвечал, —
Род Сама, скажи, прежний блеск утерял!
Пусть лекаря ищет мне боль утолить,
Смертельные раны мои исцелить.
Коль бой с Исфендьяром я переживу,
Домой донесу невредимой главу —
Хоть прожил на свете я множество лет,
Считай, что лишь нынче родился на свет.
Ты, брат, позаботься о Рехше, а я
Вернусь, коли жизнь не угаснет моя.»
И брат, повинуясь, домой поспешил,
На Рехша заботливый взор обратил.
Немалое время прождав, той порой
Кричит Исфендьяр: «Именитый герой!
Доколе тебе на холме пребывать,

На чью тебе помощь теперь уповать?
Брось лук свой на землю, строптивость отринь,
Броню расстегни, шкуру тигрову скинь!
Покайся, дай руки свои мне связать,
Зла впредь я не стану тебе причинять.
Израненным к шаху ты будешь введен,
В твою невиновность уверует он.
А если ты хочешь борьбу продолжать,
Готовься другому свой край завещать.
Йездану молись, — вняв горячей мольбе,
Быть может, простит прегрешенья тебе
И светлой тебя поведет он стезей,
Когда разлучишься ты с жизнью земной».
Ростем отвечает: «Надвинулась ночь,
И нам ничего совершить уж невмочь.
Ты к войску теперь возвратись своему,
Во мраке сражаться под силу кому?
Я также под кровлю свою возвращусь,
Свои перевязывать раны примусь,
Покою усталое тело предам.
Ко мне и Дестан, чей родитель был Сам,
И брат Зеваре с Ферамарзом вослед
Придут, и услышу я добрый совет.
Твоим покорюсь повеленьям потом,
Коварства, я верю, нет в сердце твоем».
Ответил на то Исфендьяр-удалец:
«Строптивый ты муж, закоснелый гордец!
Путь жизненный долгий тобою пройден,
В уловках и хитростях ты искушен.
Я чую обман, хоть и вкрадчива речь, —
Себя пораженью не хочешь обречь.
Сегодня тебя пощажу, так и быть.
Под кров свой вернувшись, не вздумай хитрить!
Свое обещанье исполни, приди

И больше со мною речей не веди».
Ответ был: «Исполню я все, нерушим
Обет мой, лишь ранам зажить бы моим!»
Покинул Ростем Исфендьяра, а тот
Вслед витязю смотрит. Добравшись до вод
Хирменда, как челн, их Ростем переплыл *
И взоры с мольбою к творцу обратил,
Взывая: «Пречистый и правый Йездан!
Коль стану я жертвою гибельных ран,
Кто мстить за меня супостату пойдет,
Кто мощь и отвагу мою переймет?»
Глядит Исфендьяр в изумленье — из вод
Выходит Ростем и по суше идет.
И думает князь, что воистину он
Не витязь, а всесокрушающий слон.
Твердит он, дивясь и очей не сводя
С того исполина, седого вождя:
«Тебе, о создатель вселенной, хвала!
Твои непостижны и дивны дела.»
К себе вслед затем воротился в шатер,
Услышал стенаний немолкнущий хор.
«Погибли, увы, Нуш-Азер и Мехр-Нуш!» —
Тоскуя, взывал Пешутен, славный муж.
И каждый там прахом главу посыпал
И в клочья одежды свои раздирал.
С коня Исфендьяр, безутешен, суров,
Спустился и обнял двух мертвых сынов.
«Увы! — прошептал он. — Утратил я вас!
О, где ваши души витают сейчас?»
Потом Пешутену сказал он: «Вставай,
Слез больше над мертвыми не проливай.
Что проку нам слезы кровавые лить,
Отчаяньем сердце свое пепелить?
Для смерти мы все, стар и млад, рождены, —

Да будем же разумом просветлены!»
На царских носилках, в гробах золотых
Погибших в бою сыновей молодых
Велит он к владыке везти, передав:
«Твой замысел сбылся, властитель держав!
Не ты ль водной глади покой возмутил *,
В мечтаньях Ростема в раба обратил!
Увидя в гробах этих юношей двух,
Быть может, смиришь свой неистовый дух.
Во тьме еще путь Исфендьяра — кто б мог *
Теперь угадать, что пошлет ему рок!»
Воссел на престол, от страданий устав,
И, речи Ростемовы пересказав,
Промолвил потом Пешутену: «Со львом
Схватиться герою тому нипочем!
Я нынче не в силах был глаз оторвать,
Ростемову мощь созерцая и стать.
Я славил того, кто царит в небесах,
Кто нам упованье внушает и страх,
Чья воля Ростема таким создала.
Вселенной создателю честь и хвала!
Какие деянья Ростем совершал!
В Чин-море он мощную длань погружал,
Чтоб чудищ из темной пучины извлечь,
На суше мог тигра на гибель обречь.
Я ж гибельных стрел в него столько пустил,
Что кровью он в озеро степь обратил,
И пеший на холм он бежал от меня,
Хоть было оружье на нем и броня.
Израненный, реку герой одолел,
Весь словно в щетине бесчисленных стрел.
Я чаю, коль вновь водворится в дому *, —
Почудится — небо открылось ему.»

[Ростем советуется с родичами]

Герой до чертога добрел, между тем.
Увидя, что весь окровавлен Ростем,
Дестан с Ферамарзом и брат Зеваре
Рыдают о раненом богатыре,
А с ними льет слезы и мать, Рудабе,
Одежду и волосы рвет на себе.
Броню боевую сперва расстегнув
И тигрову шкуру с героя стянув,
Его уложили. Вот целой страны
Искусные лекари приведены.
Заботам их вверить Могучий велит
И Рехша, что ранами также покрыт.
Седины свои рвет в печали Дестан,
Челом он сыновних касается ран,
Взывая: «Увидел я жертвою бед
Любимого сына на старости лет!»
«Что проку в рыданьях! — Ростем отвечал, —
Такой, знать, мне жребий творец начертал.
Меня испытание ждет потрудней,
И сердце тревога мне жжет все сильней.
Грознее воителя, чем Исфендьяр,
Не видывал я, хоть годами и стар.
Не раз наковальню стрелой пробивал *,
Ничей мне преградою щит не бывал,
И лишь Исфендьяра доспех не пробит --
Скорее былинкой проколешь гранит!
Мой меч увидав, барс голодный и злой,
Бывало, укрыться спешил за скалой.
Но не пострадал от клинка моего
Шелк даже на шлеме врага моего *!
А если б решился прощенья просить,
Пытаясь жестокое сердце смягчить,

Напрасно бы лишь унижаться я стал,
Он гневно, строптиво бы мне отвечал.
Йездану хваленье — надвинулась ночь,
Противнику стало уж видеть невмочь,
И мрак от драконьих когтей меня спас.
Кто знает, от смерти уйду ль на сей раз!
Я вижу: иного пути не сыскать —
Придется мне Рехша с зарей оседлать,
Там скрыться, где недруг меня не найдет,
Пусть головы яро в Забуле сечет!
Быть может, пресытится кровью тогда, —
Хоть удержу в гневе не знал никогда!»
«Отвечу я, — слышит от Заля Ростем, —
Прислушайся и поразмысли над тем.
Ведь справиться можно с любою бедой,
Не справиться только со смертью одной
Есть средство, и лучше его не сыскать:
Симорга на помощь хочу я призвать.
Коль путь указать согласится он, знай,
Наш будет избавлен от гибели край.»

[Симорг внушает Ростему уловку]

Родитель и сын порешили на том,
И Заль на вершину поднялся потом;
С собой три курильницы он захватил,
Трем витязям следом их несть поручил.
Поднявшись на гору, волшебник седой
Перо из мешочка парчи золотой
Достал и сказал: «Разжигайте, пора!»
И сжег над огнем кончик чуда-пера.
Лишь первая стража ночная прошла
И мир облегла непроглядная мгла,
Увидел Симорг всемогущий с высот
Во мраке огня ослепительный взлет

И Заля, сидящего рядом в слезах,
И тотчас к нему на могучих крылах
Спустился с небес, и, душой возрожден,
Заль встал, низкий отдал Симоргу поклон,
Потом благовонья велел воскурить,
Чтоб вещего гостя достойно почтить.
Тот вымолвил: «Знаком условным огня
Зачем ты, о князь, призываешь меня?»
Ответ был: «Узнай, что смертельный удар
Нанес мне безжалостный Исфендиар.
Изранил Ростема, могучего льва;
Извелся от горя, дышу я едва.
Никто столь ужасных не видывал ран,
Тревогой мой дух оттого обуян.
И с Рехшем не лучше — как будто огнем
Палимый, он мечется ночью и днем.
Примчался в наш край Исфендьяр, и одна
Лишь мысль у него — нападенье, война.
Его ни венец, ни страна не влечет,
Нет, с корнем стремится он вырвать наш род».
«О витязь, — Симорг отвечает ему, —
Воспрянь, не ввергай свою душу во тьму!
Ты лучше мне Рехша теперь покажи
И мужа, которым гордятся мужи.»
И Заль посылает Ростему сказать:
«Во имя спасения должен ты встать
И на гору без промедленья прийти,
Туда же и Рехша вели привести».
Как только Ростем на вершину взошел,
Премудрый Симорг его взором обвел
И молвил: «О витязь, могучий, как слон!
На муки ты чьею рукой обречен?
Почто с Исфандьяром ты в битву вступил —
Огонь смертоносный в объятья схватил!»

«О друг, — восклицает с надеждою Заль, —
Увидев тебя, забываю печаль!
Когда не удастся Ростема спасти,
На свете убежища мне не найти.
Пустыней бесплодной, пристанищем львов
Край станет, удел его будет суров,
И будет наш род истреблен навсегда.
Скажи мне, молю, отвратима ль беда?»
Тут раны Ростема Симорг осмотрел,
Подумал, что их исцелит. Восемь стрел
Извлек и спешит клювом кровь отсосать.
«Их накрепко надобно перевязать, —
Сказал он, — неделю не трогать, потом,
Перо мое взявши, смочить молоком
И, раны раскрыв, тем пером потереть *.
Испытывать муки не будешь ты впредь.»
Потом на понурого Рехша взглянув,
К его окровавленной шее свой клюв
Приблизив, извлек он одну за другой
Шесть стрел, не оставивши в нем ни одной.
И весело Рехш исцеленный заржал,
И радостью витязя лик засиял.
«О витязь! — промолвил Симорг, — с давних дней
Ты доброе имя снискал средь мужей.
Почто с Исфендьяром ты ринулся в бой?
Ведь может взять верх богатырь над тобой!»
Ответил Ростем: «В ярость я б не пришел,
Когда бы о путах он речь не завел.
Пусть в битве осилит меня Руинтен,
Смерть легче снести, чем бесчестье и плен».
Но слышит: «Склониться в смиренной мольбе *
Пред сыном царя не зазорно тебе.
Его остеречься не худо, скажу *, —
По горю, что мне причинил он, сужу.

Мечом и уловкой поверг он в бою
Могучую птицу — подругу мою *.
Мне дай обещанье, что более в бой
Стремиться не станешь, пылая враждой.
Раскайся, пойми, что тебе не под стать
Над Исфендиаром победы искать.
С мольбою о мире пред славным склонись
И в верности жизнью своей поклянись.
Но если мольбу он отвергнет твою,
То время ему, знать, погибнуть в бою.
Тогда помогу тебе средство найти,
Победно главу до небес вознести».
Ростем, это слыша, душой возрожден *.
О путах уж больше не думает он.
Воскликнул: «Исполнить наказ твой готов,
Грози мне хоть ливень смертельных клинков!»
И слышит Ростем от Симорга: «Любя,
Здесь в тайну небес посвящу я тебя.
Знай, кровь кто прольет Исфендьярову, тот
От грозной судьбины и сам не уйдет.
Ему перед смертью к тому ж суждены
Суровые беды — лишится казны,
Лишенья изведает в мире земном,
Мученья изведает в мире ином.
Когда это все ты готов перенесть
И с недругом биться зовет тебя честь, —
Я чудо тебе этой ночью явлю,
Тогда уж на участь не сетуй свою!
Готовься же в путь, сядь на Рехша верхом,
Отточенным вооружившись клинком».
Ростем, эту выслушав речь, завязал
Потуже кушак, Рехша вмиг оседлал,
Сказал: «Зову внять я готов твоему *,
От смерти своей не уйти никому.

Лишь в сказах бессмертье снискать нам дано,
Мир вечен, а нам истлевать суждено,
Но смерти лишь плоть отдаем мы во власть,
Не имя — готов я со славою пасть!
Где царь Феридун, где Хосров-властелин —
Владетели злата, земель и дружин?
Исчезли и нам уступили черед —
Таков мироздания круговорот».
Помчался и вскоре реки он достиг,
От крыльев Симорговых высь в тот же миг
Как будто оделась в полночную тьму,
Завидевши тополь высокий, к нему
Спустилась державная птица с высот,
На ветку присев, исполина зовет.
К его голове прикоснулась крылом *
И так повелела Ростему потом:
«Срежь, выбрав одну, попрямей, из ветвей
Сама чтоб короче, концы подлинней,
Не думай, что так уж ничтожна она, —
В ней жизнь Исфендьярова заключена.
Получше ее распрями над огнем
И два наконечника, старых притом,
Из стали отменной концам подари *
И трижды орлиным пером опери.
Итак, о Могучий, открыл я тебе,
Чем недруга можешь осилить в борьбе».
Пригодную ветвь тут же срезав, Ростем
Вернулся в палаты свои вслед за тем.
Симорг наставлял его, сопровождал
И ни на мгновение не покидал.
Сказал он: «Теперь, как примчится один
Для новой борьбы Исфендьяр-исполин,
Ты к миру и дружбе его призови,
Вражду отгони, добивайся любви.

Быть может, приветливой речью смягчен,
Растроган, припомнит минувшее он,
Припомнит, как много суровых невзгод
Ты вынес, сражаясь за царственный род.
А если он просьбу твою отметет,
Тебя недостойным и низким сочтет,
Свой лук оснасти и вот этой стрелой,
Для битв закаленною винной струей,
Цель прямо в глаза ему, обе руки
Вперед протянув так, как целят стрелки.
И волей судеб будет меток прицел,
Ослепнув, герой проклянет свой удел».
Симорг тут прощаться с воителем стал,
Питомца любимого к сердцу прижал *,
Вознесся, ликуя, в небесную ширь.
Глазами его проводил богатырь
И, жаркий огонь распаливши потом,
Стрелу поспешил распрямить над огнем,
Два жала стальных на стрелу насадил,
И перьями эту стрелу оснастил.

[Ростем возвращается
для новой битвы с Исфендиаром]

Алея, заря над горой занялась,
И ночь побежденная прочь унеслась.
Ростем облачился в доспехи бойца
И долго небесного славил творца,
Потом пред иранскою ратью предстал
И звать Исфендьяра на битву он стал.
Уловкой своею Ростем ободрен,
И так возглашает с насмешкою он:
«Эй, долго ли будешь, герой, почивать?
Ростем уже Рехша успел оседлать.
От сладкого сна поскорей пробудись,

С Ростемом, стремящимся к мести, схватись!»
Дрожит Исфендьяр от безжалостных тех
Издевок, немил ему бранный доспех.
Сказал Пешутену, тоскою пронзен:
«Воинственным был бы и лев устрашен.
Не думал я, что доберется Ростем
Домой с боевым снаряжением всем.
А Рехш, на котором теперь он сидит,
Давно ль чешуею из стрел был покрыт?
Слыхал я, что старый Дестан колдовать
Научен — он с солнцем бы мог совладать!
Колдун бы любой покорился ему,
Ведь то, что стряслось, непостижно уму!»
Ему Пешутен отвечает в слезах:
«Узнать бы врагам твоим горе и страх!
Как бледен ты нынче, разбит, изможден —
Иль ночью бежал от очей твоих сон?
К чему столь жестоко терзать себя вам,
Двум славным и доблестным богатырям!
Не знаю, чью звать мне померкшей звезду —
Ведь жребий нам шлет за бедою беду».
Вот в панцирь герой Исфендьяр облачен,
Навстречу Могучему двинулся он.
Приблизясь к Ростему, во гневе кричит:
«Да будешь ты миром навеки забыт!
Сегзиец презренный, забыть ты успел
Воителя грозного лук и прицел!
Тебя, верно, Заль исцелил колдовством,
Не то не примчался б сюда с торжеством,
Хвастливо меня вызывая на бой,
Истлел бы давно ты в могиле сырой!
Я нынче тебя сокрушу, великан,
И больше тебя не увидит Дестан!»
Ростема ответ услыхал Исфендьяр:

«О ты, что в бою ненасытен и яр,
Зря сердце и разум ввергаешь во тьму,
Побойся Йездана, прибегни к нему!
Я нынче сюда не для мести спешил,
О нет, ради мира и чести спешил!
Враждуешь со мной ты неправедно, знай,
Ты правду от разума не заслоняй.
Зердештом и верою нам дорогой,
Огнем благодатным, Авестой благой,
Сиянием лунным и солнца лучом
Тебя заклинаю, расстанься с мечом,
Протянутой мной не отвергни руки!
Коварству и злобе чужой вопреки
Приди, за столом моим мирно воссядь,
Рад буду тебе я во всем угождать.
Сокровищниц древних врата отомкну
И ту, что веками копилась, казну
На лучших своих я навьючу коней,
Пусть примет сокровища твой казначей!
Я вместе с тобой тут же в путь устремлюсь,
По воле твоей к властелину явлюсь.
Захочет он — пусть меня тотчас убьет
Иль в тяжкие цепи пускай закует!
Припомни мыслителей древних завет:
Спознавшись со злом, не избегнешь ты бед.
Поверь мне, что жажду я лишь одного —
Дух брани из сердца изгнать твоего».
Ответ был: «Муж брани я, не проведешь
Меня ты, напрасны уловки и ложь!
Доколе про гостеприимство твердить,
Мир зря приукрашивать, превозносить!
Когда ты желаешь остаться в живых —
Не должен от пут уклоняться моих».
И вновь раскрывает уста исполин:

«Неправых речей не веди, властелин!
Беды в поединке бы ты не избег,
Меня бы позором покрыл он навек.
Венцы и уборы царей, Исфендьяр,
Алмазы несчетные дам тебе в дар.
Рабов молодых тебе тысячу дам,
Глядеть на которых — отрада глазам.
Дам сотни карлукских невольниц — под стать
Венцам на красавицах этих блистать!
Богатства отца — сколько б ни было их *, —
О славный, у ног я рассыплю твоих.
Еще приведу я кабульских мужей,
Достойных сражаться под властью твоей,
Готовых служить неустанно тебе,
Обречь твоих недругов горькой судьбе.
Пойду за тобою смиренным слугой,
Пред мстительным шахом предстану с тобой.
Ты к сердцу не дай злому диву найти
Лазейку и ненависть прочь отмети!
Все кары другие доступны тебе —
Глухим ты к моей не останься мольбе!
Ведь след от твоих беспощадных оков
Меня б обесчестил на веки веков!»
Ответил Ростему дружины глава:
«Доколь расточать понапрасну слова!
Велишь мне ослушаться, вспомни, кого —
Глубокого старца, отца моего,
Владыки Ирана! Коль это б свершил,
То против Йездана бы я согрешил.
Иль путы надень, иль на бой выходи —
Других ты со мною речей не веди!»

[Ростем стреляет в глаза Исфендиару]

Поняв, что глухим остается к мольбе
Царевич, Ростем покорился судьбе.
Он лук тетивой оснастил и стрелой,
Для битв закаленною винной струей,
И взоры с мольбой обратив в небосклон,
К Йездану взывает, душой удручен:
«Создатель земли и небесных светил,
Податель отваги и знанья, и сил!
Моей ты души просветленье узрел,
Терпенье и к дружбе стремленье узрел.
Как силился мир я меж нас водворить,
От битвы царевича отговорить!
И все ж говорит он со мной языком
Насилья, к жестокой лишь брани влеком.
Меня не карай, нет моей здесь вины,
О звезд повелитель, владыка луны *!»
Герой Исфендьяр, увидав между тем,
Что медлит начать поединок Ростем,
Воскликнул: «Эй, витязь, когда же к борьбе
Приступишь! Знать, брань не под силу тебе.
Сейчас ты увидишь Гоштаспа прицел,
Льва доблесть и силу Лохрасповых стрел!»
Тут быстро Ростем тетиву натянул,
Стрелу по наказу Симорга метнул.
Двужалая в очи вонзилась стрела
Герою, и тотчас застлала их мгла.
Согнулся вдруг стан кипариса того,
Покинули чувства и силы его.
И доблестный воин поник головой,
И, лук уронивши испытанный свой,
Он к гриве коня вороного припал;
От крови бойца прах рубиновым стал.

Сказал богатырь Исфендьяру: «Ты зло
Посеял, и жатву оно принесло.
Ты неуязвимым себя окрестил,
„Бить небом о землю я в силах!“ — твердил.
И что же, одною стрелой обращен
Ты вспять, к своему скакуну пригвожден!
Сейчас головою падешь ты во прах,
И мать над тобою забьется в слезах».
И в то же мгновение царь молодой
Упал с вороного во прах головой
И долго простерт был, сознанья лишен,
Потом приподнялся, опомнился он,
Стрелу за конец ухватил, из очей
Извлек, и кровавый тут хлынул ручей.
Тотчас до Бехмена известье дошло
О том, что постигло родителя зло.
Придя к Пешутену, стенает он: «Бой
Окончен, узнай же исход роковой:
Без чувств, недвижимый, лежит сипехбед,
Стал ныне могилой для нас белый свет!»
И оба, с дружиной своей разлучась,
Пустились бежать к исполину тотчас.
Лежит он, глаза затуманила мгла
Кровавая, в стиснутых пальцах стрела.
Стал рвать Пешутен одеянья в слезах,
Рыдает и сыплет на голову прах.
Бехмен, убиваясь, к герою прильнул,
В горячую кровь он лицо окунул.
Воззвал Пешутен: «Кто из мудрых, благих
Сумел разгадать тайну судеб людских!
Столь славный и праведный Исфендиар,
Что веры врагам смертоносный удар
Нанес и очистил от идолов свет,
Благим не чинил притеснений и бед, —

Сражен в молодых и цветущих летах,
Главою державною рухнул во прах!
А как поглядишь — бессердечный злодей,
Источник несчастий и мук для людей,
Беспечно и долго на свете живет,
Не знав поражений, не встретив невзгод!»
В объятия взяли отца сыновья
И кровь отирать стали, слезы лия.
Над ним Пешутена стенанья звучат,
Рекою льет слезы кровавые брат.
Взывает: «Увы, Исфендьяр-исполин,
Из древнего рода герой-властелин!
Кто сдвинуть решился сей грозный утес,
Кто гордому льву пораженье нанес?
Кто бивень слона боевого извлек,
Кто с Нилом бушующим справиться смог?
Чьим глазом дурным тебе вред причинен?
Да будет злодей лютой карой сражен!
Где сила твоя, о воинственный вождь,
Где разум и вера, и доблесть, и мощь!
В час битвы где пыл и уменье твое?
В час пира где звучное пенье твое?
От нечисти мир ты избавил мечом,
Не дрогнув, сражался ты с дивом и львом.
Как время настало добычу считать,
Могилы добычею должен ты стать».
Ему Исфендьяр, умудренный герой,
Ответил: «О муж просвещенный, благой!
Не плачь надо мною, себя не терзай,
Так было мне роком начертано, знай.
Не всем ли в земле суждено почивать?
К чему же теперь обо мне горевать!
Жизнь, как дуновение, прочь отлетит.
Где царь Феридун, где Хушенг и Джемшид?

Где все мои гордые предки, скажи, —
Великие, чистые сердцем мужи?
Никто не остался из них на земле,
Черед уступив нам, исчезли во мгле!
Живя в этом мире, как много я сил
И явно и тайно к тому приложил,
Чтоб светочу веры над миром сверкнуть. –
Мне разум указывал к истине путь.
Когда ж я сердцам озаренье принес,
Когда Ахриман пораженье понес —
Злой рок протянул ко мне когти, найти
Не смог я, увы, к избавленью пути *.
На то уповаю, что в светлом раю
Сберу благодатную жатву свою.
Не силой сын Заля меня победил —
Взгляни на стрелу, что в меня он пустил, —
Ничтожный сучок мою жизнь оборвал.
Ростем наущеньям Симорговым внял,
Помог же сему совершиться Дестан,
Постигший давно колдовство и обман».
Лишь эти слова Исфендьяр произнес,
Рыданье Ростема в тиши раздалось.
Могучий печалью безмерной объят *,
И речь его слышит царевича брат:
«Мне лгать запрещает воителя честь.
Что вам он поведал — все правда, как есть.
Весь век мой, должно быть, мне жребий судил
Быть жертвою черных, злокозненных сил.
С тех пор, как воинственным витязем стал,
Не раз я с героями в битву вступал.
Но кто с Исфендьяром сравниться бы мог?
Такой мне еще не встречался ездок.
Тот лук богатырский и силу, и стать
Увидев, не смог я с собой совладать,

Жизнь в жертву свою не хотел принести,
И стал я искать к избавленью пути.
Виновник не лук мой — безжалостный рок,
Истек Исфендьяру отмеренный срок.
Расстаться с землею ведь всем суждено *,
От смерти спастись никому не дано.
Когда бы удача с ним дружбу свела,
Бессильна была б колдовская стрела.
Я сам той стрелой роковою сражен,
Ведь ею на вечный позор обречен».
Сказал Исфендьяр: «Именитый боец!
Ты видишь, уже недалек мой конец.
Приблизься без страха, ведь я недвижим.
Знай, новым желанием я одержим.
Быть может, завету предсмертному вняв.
Почтение должное мне оказав *,
Величием и благородством ведом,
Желанье мое ты исполнишь потом».
Внял зову Ростем, сожаленьем томим,
В глубокой печали склонился над ним
И слезы кровавые льет из очей,
И в горе стенает над жертвой своей.
Узнал об исходе той битвы Дестан,
Смятеньем и горестью он обуян.
Дворец покидает, как вихрь устремясь
На поле, за ним Зеваре, Ферамарз,
Подобно безумным, несутся, и крик
Им слышен: «Померк солнца ясного лик!»
Заль, сына увидев, сказал: «О тебе
Скорблю я сильней, чем о княжьей судьбе.
Пророчество помню мобедов святых,
Благих мудрецов, звездочетов седых:
Кто жизнь пресечет Исфендьярову, тот *
От грозной судьбины и сам не уйдет,

Лишенья изведает в мире земном,
Мученья изведает в мире ином».
Сказал Исфендьяр, обращаясь ко всем:
«В несчастье моем неповинен Ростем.
Сбылось только то, чему быть суждено,
Проникнуть нам в тайну небес не дано.
Не птица Симорг мою жизнь отняла,
Ее не Ростема стрела пресекла,
Я волей жестокой Гоштаспа убит —
Его мое сердце не благословит!
„Ступай, — мне сказал он, — весь выжги Систан!
Пусть впредь не сияет Нимруз среди стран."
Добился, чтоб войско, казна и венец
Достались ему, я ж обрел здесь конец.
О витязь, послушай о сыне моем
Бехмене — советнике, друге благом.
Прими под крыло его, лаской согрей,
Покорен будь воле предсмертной моей.
В Забуле с любовью его посели,
Речам злоязычных врагов не внемли.
Его обучи ты законам боев,
Уставу охоты, обряду пиров,
Учи его царствовать, словом владеть
И по полю в конной потехе лететь.
Джамасп — да постигнет забвенье его *,
Да не улыбнется ему торжество! —
Предсказывал встарь, что, наследуя мне,
Со славой Бехмен воцарится в стране».
Ростем, это выслушав, с места вскочив *
И правую руку к груди приложив,
Поклялся: «Твоих не отрину я слов,
Их жизни ценою исполнить готов!
На трон возведу я Бехмена царем,
Его увенчаю державным венцом».

Лишь выслушал эти благие слова,
Сказал Исфендьяр: «О героев глава!
Я знаю — свидетель всевышний Йездан
И вера, которой мой дух осиян, —
Что много на свете добра ты творил,
Властителям древним победы дарил *,
Но слава померкнет твоя с этих пор,
Тебе принесет моя гибель позор.
Верь, сердце мое сожалений полно *,
Но, видно, так было творцом суждено!»
Потом Пешутену сказал исполин:
«Мне нужен отныне лишь саван один.
Как только покину сей бренный приют,
С тобой пусть воители наши уйдут.
Отцу, как вернешься в родимый наш край,
Такие слова от меня передай:
„Достиг своего ты, теперь не ищи
Предлога для жалоб, на рок не ропщи!
Всем миром теперь безраздельно владей *,
Все царства земли под пятою твоей!
Солгал ты, но должно того было ждать,
Коварство душе твоей черной под стать.
Я в правую веру мечом обратил
Народы, я истиной мир осветил,
Открыл я Ирану священный закон,
Мне все предвещало величье и трон.
Посулы давал ты при всех, наставлял
Словами, а втайне на гибель послал.
Сбылись твои замыслы ныне, ликуй,
Землей невозбранно владей, торжествуй!
Ничто не грозит тебе, день сей и час
Отпразднуй в чертоге своем, не скупясь.
Господство — тебе, мне — страданья войны,
В венце ты, мне ж саван и гроб суждены.

Но древние вспомни слова мудреца:
Стрелой будь, и то не уйдешь от конца!
Престол и венец, и казна не спасут,
С тобой будем призваны оба на суд.
Создателем наш разрешен будет спор,
Услышишь тогда роковой приговор!"
Расставшись с отцом, милой матери так
Скажи: мол, пресытился бранью смельчак,
Что в битвах преград на пути не знавал,
Что скалы стальною стрелой пробивал...
Меня не надолго ты переживешь,
Брат милый мой, сердце свое не тревожь.
Собранью лица не являй моего
В гробу, да и сам не гляди на него!
Усиливать боль созерцаньем к чему ж?
Разумный того не одобрил бы муж.
А сестрам моим и любимой жене,
Что были опорой, отрадою мне,
Столь чистым, рожденным на свет для добра,
Скажи: наступила разлуки пора!
Во имя короны отцовской я пал,
Ключом к царским кладам венчанному стал.
К царю, о душа моя, грозно лети,
Ту черную, злобную душу смути!»
Потом прошептал он, вздохнув тяжело:
«Гоштасп причинил мне великое зло!»
И с жизнью растался великий герой,
Поверженный в прах смертоносной стрелой.
Одежды Ростем на себе разодрал
И, голову прахом покрыв, зарыдал,
Взывая: «Пал витязь, герой, исполин,
Внук воина-шаха, властителя сын!
Снискавшего славу, меня средь мужей
Гоштасп опозорил к концу моих дней».

Лил долго он слезы и после сказал:
«О ты, что соперников в мире не знал!
Твой дух пусть блаженство в раю обретет,
Что враг твой посеял, то сам да пожнет!»
Ростема тут брат его предостерег:
«Какой от обетов умершего прок!
Не дремлет злой глаз — возгорится вражда *,
Забулу беды не избегнуть тогда.
Повергший царя Исфендьяра, ты сам
Несчастье вкусишь, поражения срам.
На войско Забула Бехмен нападет,
На старцев Кабула он страх наведет.
Увидишь, на трон лишь успеет он сесть,
Поднимется за Исфендьяра на месть».
Ответ был: «Судьбы обмануть не дано,
Ей зоркий с беспечным подвластны равно.
Тот путь изберу я, что честь мне сулит,
Который избрать мне сам разум велит.
Изменит Бехмен — кару сам понесет,
Зачем ты о бедах твердишь наперед!»

[Пешутен везет к Гоштаспу тело Исфендиара]

И вот уже гроб из железа готов,
Тончайший для савана взят из шелков;
Железо внутри покрывала смола,
Что смешана с амброй душистой была.
Над гробом не молкнут рыданья и стон.
В покров златотканной парчи облачен,
Покоится доблестный в саване том,
Венец бирюзовый блестит над челом.
Вот наглухо гроб заколочен, и нет
Державного кедра, поник в цвете лет!
Ростем сорок лучших верблюдов привесть
Велит, из атласа попону принесть *.

На первом верблюде гроб царский везут,
С боков и вослед остальные идут.
В грудь бьют себя ратники в горе, в слезах,
Великого имя у всех на устах.
Ведет Пешутен их, злой жребий кляня;
Обрезал он у вороного коня
И гриву, и хвост, опрокинул седло;
Свисает на землю копье тяжело;
Везет вороной шлем и бранный кафтан,
И лук, и стрелами набитый колчан.
Умчались бойцы, а в Забуле один
Остался Бехмен, он во власти кручин.
Ростем его тотчас увел в свой чертог,
Ласкал, наставлял, и, как душу, берег.
Дошло до Гоштаспа-царя, что бедой
Постигнут он, пал его сын молодой!
Одежды Гоштасп на себе изорвал,
Во прах головой венценосною пал.
Стон встал над страною, люд горем убит,
Везде Исфендьярово имя звучит.
И каждый из славных иранских князей
Венец бросил наземь в знак скорби своей.
Гоштасп возопил: «Витязь веры благой!
Нигде, никому не сравниться с тобой.
Увы, со времен Менучехра-царя
Такого не видели богатыря.
Ты меч обагрил, вере путь проторил,
Лучом благочестия мир озарил!»
Иранские витязи, гнева не скрыв,
О звании царском Гоштаспа забыв,
Вскричали: «Злосчастный, во имя венца
Такого, как Исфендиар, удальца
В Забул ты послал на погибель, а сам
Здесь мыслишь царить! Опостылел ты нам!

Под шахским венцом да сгоришь со стыда,
Тебя да покинет благая звезда!»
Ушли, опустел властелина чертог,
И пылью покрылся державный порог *.
Ужасную гибель царя из царей
Не скрыли от матери и дочерей.
Бегут они, в клочьях одежда, и прах
На лицах у них, на плечах, на кудрях.
В слезах Пешутен по дороге степной
Спешит, гроб за ним и скакун вороной.
Приблизившись, был Пешутен окружен
Кольцом обезумевших, плачущих жен.
Те молят: «Ты гроб перед нами раскрой,
Пусть явит нам лик убиенный герой!»
Растерян, печалью безмерной объят,
Не стал с ними спорить погибшего брат,
Призвал кузнецов: «День, знать, судный настал,
Несите же сверла!» — пришедшим сказал.
Гроб тесный раскрыв, видит павшего он,
И вновь из груди рвется горестный стон.
А сестры и мать видят кудри, как смоль,
Лик ясный, и сердце им стиснула боль.
От горя сознанье покинуло их,
Застлала печаль очи жен молодых.
Очнувшись, от мертвого оторвались *
И все пред конем вороным собрались,
И гриву, и голову гладят в слезах,
Но мать на коня сыплет в горести прах.
Мол, в гибели Исфендиаровой он
Виновен — на нем был царевич сражен!
Мать стонет: «В бой ныне кого понесешь *,
Кого ты драконьим когтям обречешь!»
Вцепились тут женщины в гриву коня,
Все прахом его осыпают, кляня.

Плач войска не молкнет: «Где наш Руинтен!»
Вступает в палаты царя Пешутен;
Приблизившись, в ноги Гоштаспу не пал,
Престол венценосца не облобызал.
«Глава исполинов! — вскричал, омрачась, —
Уж твой роковой приближается час.
Злодейством беду на себя ты навлек,
Всю землю Ирана несчастью обрек *.
Рассталась с тобой благодать, трепещи ж!
Ты гнева Йезданова не избежишь.
Хребет ныне сломан, о шах, у тебя,
Лишь ветер остался в руках у тебя.
Для царства пожертвовал сыном родным —
За это будь вечно злым роком гоним!
Немало врагов у тебя на земле,
Не вечно венец сохранишь на челе.
Тебя проклянет и осудит весь свет,
А в мире ином дашь Йездану ответ!»
Умолкнув, к Джамаспу он лик обратил,
«О старец коварный и злой! — возгласил, —
Всегда на устах у тебя только ложь,
Кривыми путями к почету идешь!
Привык разжигать меж царями вражду,
Их сталкивать, кознями сеять беду.
По нраву тебе, недостойный хитрец,
Добро и любовь изгонять из сердец!
На свете посеял ты зло— урожай
Теперь до конца своих дней собирай!
Величье само ты коварством убил,
День витязей славных ты в ночь обратил.
Ты, злобный, причиной несчастия стал,
Преступную шаху стезю указал:
Сказал ты, что жизнь молодого царя
В деснице забульского богатыря!»

И после поведал он, горем объят,
О том, что пред смертью сказал его брат.
И то, что Бехмена герой поручил
Ростему, он также Гоштаспу открыл.
Все выслушав, что завещал его сын,
Раскаялся в том, что свершил, властелин.
В палату, где царь с Пешутеном сидит,
Хомай тут вбегает, с ней Бехаферид.
О брате рыдают, пеняют судьбе
И волосы рвут пред отцом на себе.
«Дела Исфендьяра, о царства глава,
Припомни! — сестер раздаются слова. —
На мщенье за гибель Зерира он встал,
Онагра, не дрогнув, у льва отнимал,
Победно сражался с туранской ордой,
Спас царство твое исполин молодой.
Ты ж, вняв злым наветам, его заточил
И долго в оковах тяжелых томил.
Врагами тогда был убит его дед,
Стал темен для рати твоей белый свет.
Лишь в Балх из Халлоха примчался Эрджасп,
Настал для страны бедствий горестный час.
Нас, бедных затворниц, из башен извлек
Злодей, без покрова в полон уволок.
Убит Нуш-Азер был, муж веры святой,
Иран очутился под вражьей пятой.
Ты видел тогда, что свершал Исфендьяр, —
Врагам наносил за ударом удар.
Проник в Руин-деж, нас тебе возвратил
И край твой, и войско от бед защитил.
Отсюда послал ты героя в Забул,
Посулами, полными лжи, обманул,
Чтоб с жизнью расстался он ради венца,
Чтоб скорбь опалила людские сердца.

Ты сам — не Ростем, не Симорг и не Заль —
Убийца. Оставь показную печаль,
Стыдись пред седою своей бородой!
Пал жертвой корысти твой сын молодой.
Немало и прежде царило владык,
Был каждый достоин короны, велик,
Но смерти никто ведь не предал из них
Ни сына, ни родичей близких иных!»
«Встань! — к сыну взмолился Гоштасп, — поскорей
На горестный пламень моих дочерей
Пролей утешения влагу!» И тот
Царевен назад, в их покои ведет.
Увидя поникшую в горести мать,
Промолвил он: «Полно о сыне стенать!
Он радостно в мир удалился иной,
Ему, знать, чертог опостылел земной.
Утешься, печаль утоли ты свою,
Теперь пребывает он в светлом раю».
И мать назиданиям сына вняла,
Как зов благочестия их приняла.
И год еще целый в Иране во всем
Стенали и плакали ночью и днем
О том, кто сражен был двужалой стрелой,
Погиб от уловки Дестановой злой.

[Ростем отсылает Бехмена в Иран]

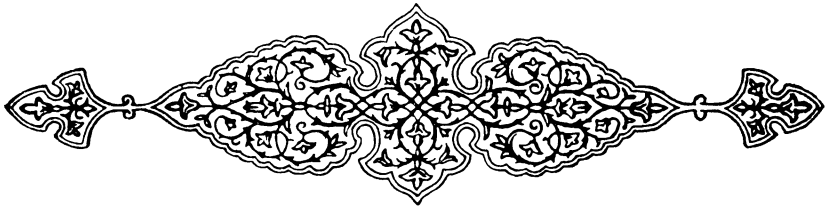
В ту пору в Забуле Бехмен пребывал,
Там тешился ловом, вино распивал.
Ростем его учит страной управлять,
Скакать на коне, средь мужей пировать *,
Усердней, чем сына, лелеет его,
Желая лишь счастья ему одного.
Увидя, что свой он исполнил обет
И повода с ним враждовать уже нет

У шаха, письмо ему витязь послал,
Об Исфендиаре ему рассказал.
Вначале хвалебную речь он повел
О тех, кто прощенье вражде предпочел,
И дальше писал он: «Свидетель творец,
Свидетель ко благу ведущий мудрец,
Твой сын Пешутен — Исфендьяра я звал
Лишь к миру и всячески увещевал.
Ему предлагал я свой край и престол, —
Увы, жребий горестный он предпочел!
Раскаянье гложет меня до сих пор,
Но видно таков был судьбы приговор!
Кто власти сурового рока избег?
Не в силах противиться ей человек.
Теперь для меня царский сын молодой,
Поверь, что Хормоз, небожитель святой *,
Его обучил я искусству царя,
Исполнил долг совести богатыря.
Коль милостив будешь, коль дашь мне обет
Стереть в своем сердце минувшего след, —
Во власти твоей все мое существо,
Не жаль и сокровищ, и края всего!»
Лишь эти дошли до Гоштаспа слова,
Всех знатных о том облетела молва.
И тотчас к царю Пешутен поспешил,
Ростема слова перед ним подтвердил —
Как жарко о мире молил он, казну
Свою предлагал, и престол, и страну.
Посланьем Ростема обрадован царь,
Не стал раздувать пламень, вспыхнувший встарь.
Он с тем же посланцем ответ возвратил,
Величья душевного древо взрастил.
Писал венценосец: «Когда небосвод
Замыслит беду ниспослать нам с высот,

Ее терпеливо должны мы снести,
Ведь всей нашей мудрости нас не спасти.
Твои мне слова Пешутен повторил
И скорбное сердце умиротворил.
Над роком не возобладать никому,
Век помнить обиду — противно уму.
Ты тот же, что был, даже выше главой,
В Каннудже и Хинде прославлен молвой.
Все дам я, чего бы ты ни захотел,
И княжеский перстень, и меч, и удел».
Доставил посланье, стремительно мчась,
Гонец, как велел венценосный Гоштасп.
Посланию царскому рад исполин,
И сброшено тяжкое бремя кручин.
Немалое время потом пронеслось,
И отрок Бехмен исполином возрос.
И знаньем богат он, и ясным умом,
Царей благодать опочила на нем.
И было Джамаспу провидеть дано,
Что царством Бехмену владеть суждено.
«О царь всемогущий, — сказал он, — тебе
Пора о Бехменовой вспомнить судьбе.
Отцовские в явь воплотил он мечты,
В познаньях немалой достиг высоты.
В чужой стороне долго держишь его,
Не слышит он там о тебе ничего.
Послание должно ему написать —
Цветущему райскому древу под стать.
Кому же иному продолжить твой род?
Печальника в ком Исфендьяр обретет?»
Советника речи одобрил Гоштасп,
И слышит его повеленье Джамасп:
«Посланье одно напиши ты ему,
Другое — могучему мужу тому.

Мол, слава творцу, о всесветный герой!
Признательны мы и довольны тобой.
Мой внук, что дороже мне жизни моей,
Стал ныне седого Джамаспа мудрей, —
Немало успел у тебя почерпнуть
Познаний. Пора его деду вернуть!
Бехмену же юному так напиши:
„Как только посланье прочтешь, поспеши
Покинуть Забул. Стосковался, любя, —
Не медли, увидеть я жажду тебя!“»
Лишь это посланье дебир прочитал
Ростему, воитель-мудрец просиял.
Извлек из казны потаенной своей
Немало даров: закаленных мечей,
Стрел острых и луков, и конских щитков *,
Булав богатырских, индийских клинков,
Серебряных сбруй, кушаков золотых *,
Две чаши, наполнив рубинами их,
Немало и мускуса, и камфары,
И пряностей тех, что душисты, остры,
Алмазов и золота, и серебра,
Парчевых одежд и другого добра.
Избрал из рабов молодых силачей
И видом пленительных малых детей.
Бехмену — все эти дары получить,
Его казначею спешат их вручить.
За два перехода Ростем проводил
Бехмена и после к царю отпустил.
Вот внука Гоштасп увидал пред собой,
И хлынули слезы горячей струей.
Вскричал он: «Ты стал Исфендьяром самим!
О юноша, схож ты разительно с ним».
Узрел на нем мудрости светлой печать
И стал Эрдеширом с тех пор его звать * —

Богат благочестьем и знаньями он,
Немалою силой к тому ж одарен.
Когда во весь рост выпрямлялся Бехмен,
То руки его достигали колен.
Испытывал юношу долго Гоштасп,
Не раз созерцал его, счастьем лучась.
Охотясь, пируя, сражаясь мечом,
Тот схож был во всем с именитым отцом.
Так внука Гоштасп полюбил своего,
Что мига прожить уж не мог без него.
Твердит: «Мне создатель его даровал,
Скорбящей душе в утешенье послал.
Коль отнят судьбой у меня Руинтен,
Да здравствует вечно достойный Бехмен!»
Об Исфендиаре окончен мой сказ.
Царь, долгие годы да радуешь нас!
В душе твоей радость пусть вечно живет,
Вовек да не ведаешь бед и невзгод,
На недруга злого набросив аркан,
Да будешь удачей весь век осиян *!



[СКАЗ О РОСТЕМЕ И ШЕГАДЕ]

[Начало сказа]

В старинную книгу опять загляну
И сказ об убийстве Ростема начну.
В те дни, как Ахмеда щедротами Мерв *
Гордился, жил старец по имени Серв.
Ученым и красноречивым он был *
И в памяти много преданий хранил,
Властителей книгой владел он притом,
А выглядел истинным богатырем,
Свой род от Нейрема и Сама ведя,
Знал много о битвах Ростема-вождя.
Поведаю то, что слыхал от него,
Взяв повесть в оправу стиха своего.
Коль век мой продлится на бренной земле
И будет мне разум вожатым во мгле, —
Окончу заветную книгу царей,
И сложат преданья о жизни моей.
Я именем песнь увенчаю твоим *,
Венца украшение, Абулькасим,

Махмуд, чье величие славит молва *,
Ирана, Турана и Хинда глава!
С тех пор, как твоя стала властвовать длань,
Земля расцвела, как румийская ткань,
Нет счета щедротам, пустеет казна,
Но полнится славой твоею страна.
Той славе не меркнуть с теченьем годов:
Ведь каждый, кто мудр, славословить готов
Бесстрашие, щедрость, охоту, пиры —
Приметы твоей благодатной поры.
Блажен, кому видеть дано твой венец
И войско твое, и высокий дворец!
Хоть слух мой и ноги слабей с каждым днем,
А старость гнетет все сильней с каждым днем,
Под бременем лет, одряхлевший, седой,
Гонимый судьбою, томимый нуждой,
Тебе я хвалу неустанно пою,
Пою справедливость и мудрость твою.
Со мной тебя вся восхваляет страна,
Коль тех не считать, чья природа черна.
С тех пор, как на трон кеянидов воссел,
Раздорам и злу положил ты предел,
Корыстных и алчных ты всех обуздал,
Насилье и кривду чинить им не дал,
А тем, кто умерен, рассудком богат,
Ты жаловать милости щедрые рад.
Чтоб память о жизни твоей на земле
Не стерлась вовек, не исчезла во мгле,
Поэму сложил я о древних царях,
О славных и доблестных богатырях.
Ты в ней о пирах и о битвах прочтешь,
Речения мудрости древней найдешь —
О знанье, о вере, о том, как пройти
Путь жизни и счастье в раю обрести.

Одни тебя строки потешат, в других
Немало найдешь поучений благих;
И памятник канувших в прошлое дней
Найдешь в ней, и спутника жизни своей.
Надеюсь, при жизни меня отличишь,
За труд мой динарами вознаградишь,
Чтоб царская щедрость твоя помогла
Свершить мне для ближних благие дела.
Теперь обращусь к временам, когда Серв
Царил, благосклонностью радуя Мерв.

[Ростем направляется в Кабул к своему брату Шегаду]

Так сказывал тот просвещенный мудрец,
Кого наделил даром речи творец:
В покоях у Заля рабыня жила,
На лютне играла, певуньей слыла.
Красавицей сын был от Заля рожден,
Соперничать мог с ясным месяцем он.
Сказал бы, в нем мужество Сама живет,
И рад богатырский воинственный род.
Пришли звездочеты, мужи-мудрецы,
Кабула, Кашмира седые жрецы,
Носившие имя Йездана в сердцах;
Воссели с таблицами Рума в руках *
И стали о тайнах небес вопрошать:
Младенцу от звезд можно ль милостей ждать?
Узнавши ответ, удивленьем объят
Круг старцев — молчат, друг на друга глядят.
Но вот восклицают они, наконец:
«О Заль, нам ниспосланный с неба мудрец!
Нерадостный дал нам ответ небосвод:
Он блага младенцу сему не пошлет.
Лишь этот ребенок, прекрасный лицом,

Созрев, станет мужем и богатырем,
Он Сама потомков угасит звезду,
Прославленный род в злую ввергнет беду.
По воле его весь заплачет Систан
И воплями весь огласится Иран.
Он скорбью людские наполнит сердца,
Но вскоре и сам не избегнет конца».
Дестан, это выслушав, горем убит,
Йездапово имя в тревоге твердит,
Взывает: «О путь указующий нам,
О ты, не дающий упасть небесам!
Один ты — оплот и надежда моя,
Твоей лишь стезей буду следовать я.
И небо и звезды во власти твоей,
Пошли же нам благо и тучи рассей,
Покой и отраду даруй вместо бед!»
Младенца Шегадом нарек сипехбед.
У матери рос он, но вот молоком *
Насытился, отроком стал он; влеком
К познанию, речью благой наделен,
Всем взоры пленял, сердце радовал он.
И отрока, преодолевши печаль,
Послал к властелину кабульскому Заль.
Как тополь, возрос молодой великан,
Наездником стал. Булава и аркан
Послушны ему. Возглавлявший Кабул
На юного мужа однажды взглянул,
Подумал: владыки достойный он зять, —
И дочь ему в жены решился отдать.
Сокровища многие с нею послал,
Все больше его отличал и ласкал,
Что зреющий плод, неустанно берег;
Коснуться его не дерзал ветерок.
Ростема ж привыкла, как встарь, почитать

В Иране и Хинде высокая знать.
И золота полный мешок той порой
Взимал, что ни год, у кабульцев герой.
«Не должен отныне Забула глава
Дань брать с меня, — мыслит Кабула глава. —
Ведь зятем моим молодой стал Шегад,
Сын Заля, Ростема могучего брат.»
Но время пришло — сборщик дани в Кабул
Явился, весь город он перетряхнул.
Шегад, хоть и счел, что неправ был Ростем,
О том не обмолвился словом ни с кем.
Царю лишь кабульскому наедине
Сказал он: «Мир зол, опостылел он мне!
Когда меня брат притесняет родной,
Теряет он брата права надо мной,
Тогда все равно мне — чужой он иль брат,
Лишен ли ума иль рассудком богат.
Нам должно его в западню залучить
И славу всемирную тем заслужить».
И оба на том согласились они,
В мечтах до луны возносились они.
Забыли, как видно, слова мудреца:
Злодей не избегнет худого конца!
В ту ночь, пока небо зарей не зажглось,
Злодейство задумавшим все не спалось:
Сотрем, мол, с земли его имя! В печаль
Повергнутый, пусть убивается Заль!
Шегад властелину Забула сказал:
«Коль хочешь, чтоб явью наш умысел стал, —
На пир собери именитых вождей,
Певцов призови, да вина не жалей!
Презренье ко мне на пиру ты яви,
Бесчестным и низким меня обзови.
Туг с жалобой горькой помчусь я в Забул:

Мол, недруг мне тот, кем возглавлен Кабул!
Отцу о тебе я дурное скажу,
При брате обидчиком изображу.
Тогда за меня оскорбится мой брат,
Сюда устремится, в любимый мой град.
А ты поспеши у него на пути *
Для лова пригодное поле найти
И ямами сплошь это поле изрыть,
Чтоб Рехшу с Ростемом в одну угодить.
Подольше копай, глубины не жалей,
Дно в каждом колодце мечами усей,
И каждый булат сочетай ты с копьем —
Все вниз рукоятью и вверх острием.
И лучше пусть ям будет десять, чем пять,
Коль хочешь беду навсегда отогнать.
С помощником ты приходи не одним,
А с сотней способных к уловкам таким.
Все выкопав ямы, сокрой их потом;
Смотри, никому не обмолвись о том!»
Шегад удалился. И совесть, и стыд
Отбросив, царь праздник устроить спешит.
Мужей именитых Кабула созвал,
Места им за пышным столом указал.
Насытясь, воссели в чертоге ином,
Внимают певцам, услаждаясь вином.
Лишь кровь закипела от царственных вин,
Впал в буйство хмельное Шегад-исполин.
Кричит властелину кабульскому он:
«Всех выше мужей я главой вознесен!
Ведь брат мой — Ростем и Дестан — мой отец,
Где сыщется родом знатнее храбрец?»
Нахмурился, вспыхнул Кабула глава.
«Что лжешь ты! — его раздаются слова. —
Ты род не от Сама с Нейремом ведешь,

Ростему не родич, с ним вовсе не схож.
Дестан о тебе и не мыслит совсем,
Не вспомнит тебя добрым словом Ростем.
Ты раб лишь ничтожный его, даже мать
Тебя б не могла его братом назвать.»
Ответом таким оскорбился Шегад,
И тут же в Забул устремился Шегад.
С собою кабульцев он нескольких взял
И, тяжко вздыхая, печальный предстал
Пред Залем, спешит славословье вознесть,
А в сердце — коварство и в помыслах — месть.
Лишь сына увидел Дестан своего,
Красу и осанку, и силу его —
Приветствием встретил, тепло обласкал
И тотчас к великому брату послал.
Рад витязь могучий свиданию с ним;
Сочтя его мужем достойным, благим,
Сказал: «Нет в потомстве у Сама мужей
Иных, кроме доблестных богатырей!
В Кабуле тебя по достоинству чтил
Владыка? И что обо мне говорил?»
Ростему на это ответил Шегад:
«Не слышать бы мне о Кабуле, мой брат!
Там раньше мне царь благосклонность являл,
При встречах почет воздавал, восхвалял,
Теперь на пирах изрыгает он брань:
Всех выше, мол, он, всех сильней его длань!
Меня при собрании всем оскорбил,
Свой нрав недостойный и злобный явил.
„Доколе, — кричал, — дань мы будем платить,
Господство Систана покорно сносить?
Ни в силе, ни в знатности не уступлю
Ростему и власти его не стерплю.
Ты Залю не сын! — мне сказал он потом, —

А если и сын, чести много ли в том?“
При всех он меня опозорил мужах,
И тотчас Кабул я покинул в слезах».
Ростем, это выслушав, гневно кричит:
«Злонравный возмездия не избежит!
Забудь о кабульце, и делу конец —
До сгинут и царство его, и венец!
За речи такие расправлюсь я с ним,
И будет он родом оплакан своим *.
С престолом и счастьем расстанется он,
Кабульский тебе, знай, достанется трон!»
Дни мчатся за днями — любовь и почет
Прибывшему брату Ростем воздает.
Он в войске своем самых храбрых бойцов
Избрал — именитых мужей, удальцов,
Велит им: «Готовьтесь покинуть Забул,
Отныне пристанище ваше — Кабул».
Вот кончил Могучий бойцов снаряжать,
Готова к походу Ростемова рать.
Но молвит, представ пред Ростемом, Шегад:
«Не думай о битве с кабульцами, брат.
Когда б твое имя на зыбких волнах
Мелькнуло — и то бы повергло их в страх.
В ком сердце для битвы с тобой закипит?
Вперед коли двинешься — кто устоит?
Я чаю, теперь он мириться не прочь,
Раскаявшись, ищет, чем горю помочь.
Навстречу тебе приведет он мужей
С повинной — Кабула знатнейших вождей».
«Ты прав, — богатырь отвечает ему, —
В Кабул мне дружину вести ни к чему.
Возьму Зеваре, сто бойцов верховых,
Да пеших лишь сотню бойцов удалых.»

[Владыка Кабула велит вырыть ямы на пути у Ростема и Зеваре]

Царь с зятем, замыслившим зло, разлучась,
На поле охоты помчался тотчас.
Из войска к себе землекопов призвав
И самых умелых средь них отобрав,
Им тайно велит вырыть на поле том
Глубокие ямы под конным путем
И в каждой, как было пред тем решено,
Усеять клинками и копьями дно.
Вот вырыли их и прикрыли, и ям
Ни всадникам не различить, ни коням.
В Кабул устремился Ростем-исполин;
Гонца шлет Шегад: мол, к тебе, властелин,
Без войска Могучий спешит, посему
Ты выйди с повинной навстречу ему.
И тотчас владыка покинул свой град,
Мольба на устах его, в помыслах — яд.
Лишь только Ростема лицо различил,
Царь тотчас с коня своего соскочил,
Снимает индийский убор с головы
И голову клонит, — мол, грешен, увы!
Разувшись, униженно рядом идет,
Вздыхает и слезы горючие льет.
Пал ниц и винится, и кается в том,
Что брата его оскорбил непутем:
«Совсем обезумел твой раб, захмелев,
От хмеля, поверь, обуял меня гнев.
Молю, о великий, прости мне вину!
Усердьем твою благосклонность верну».
Так, пеший, босой, с головою в пыли,
Коварный владыка кабульской земли
Взывал о прощенье, и витязь простил
Кабульца и больше, чем прежде, почтил.

Обуться велит ему снова, чело
Опять повязать и вернуться в седло.
Достигнув Кабула, вступают на луг —
Цветы, где ни глянешь, и зелень вокруг.
У речки журчащей, под сенью дерев
Ковры дорогие легли, запестрев.
Владыка велел туда яства принесть,
Пир щедрый устроил в Ростемову честь.
Знатнейшие на возвышенье взошли,
Явилось вино, музыканты пришли.
Сказал тут Ростему Кабула глава:
«К охоте коль страсть в твоем сердце жива, —
Урочище я укажу тебе сам,
Дичины несметное множество там.
Онагров и ланей равнина полна;
Искусный ловец, оседлав скакуна,
Их много подстрелит. Тебе не под стать
Подобным урочищем пренебрегать».
Про луг тот прибрежный, про дичь услыхал
Ростем-богатырь и душою взыграл.
Так разум затмив, рок толкает подчас
К тому, в чем таится погибель для нас.
О горе, безжалостный рок-лиходей
Вовек не откроет нам тайны своей!
И чудища моря, и тигры лесов,
И лютые львы средь пустынных песков,
Мураш и комар — все бессильны равно
У смерти в когтях, вечно жить не дано!
Могучий коня повелел оседлать,
Охотничьих соколов в поле послать,
Лук, стрелы берет, лову близкому рад,
С ним вместе собрался на лов и Шегад.
Ростем Зеваре взял с собой и других
Забульских мужей — приближенных своих.

Рассыпались, рыщут по полю всему,
Ростем же к пути устремился тому,
Где гибель его роковая ждала,
За ним Зеваре злая доля вела.
Тут Рехш выгнул спину, как мяч: издали
Вдруг запах учуял он свежей земли;
Стал прыгать на месте, а дальше нейдет
И оземь в испуге копытами бьет.
И нехотя после вперед он побрел,
Его меж двух ям путь губительный вел.
Тут мужа могучего гнев охватил,
Злой рок ему ясные очи затмил;
Спешит он, схватив свою гибкую плеть,
Коня непокорного ею огреть.
Рехш мчится вперед — нет иного пути,
И как ни пытался от рока уйти,
Низринулся в яму, упал тяжело,
Восторжествовали коварство и зло.
Мгновенно клинки в его тело впились,
Ни кинуться в битву, ни бегством спастись.
Растерзаны Рехша бока, не вздохнуть
И витязю, ранен он в ногу и грудь.
Но силы напряг, хоть ему и невмочь,
И разом из ямы он выбрался прочь.

[Ростем убивает Шегада и умирает]

Шегада лицо над собой вслед затем
Увидел пришедший в сознанье Ростем
И понял, что ту западню ему брат
Расставил, что враг ему — низкий Шегад.
Вскричал он: «Презренный, бесчестный злодей!
Край целый погибнет от злобы твоей.
В содеянном горько раскаешься ты,
С бедой, не состарясь, спознаешься ты!»

Ростему в ответ недостойный сказал:
«Тебе небосвод по заслугам воздал.
Доколе со всеми тебе воевать,
Победы одерживать, кровь проливать!
Не будешь отныне по свету ходить,
Пора тебе к дьяволу в сеть угодить!»
Кабула глава подоспел той порой
На место охоты и видит — герой
Без сил, истекающий кровью, лежит,
И страшен зияющих ран его вид.
Явив удивление, царь произнес:
«Что, славный, с тобою на лове стряслось?
Пойду, обливаясь слезами, скорбя,
И лекаря я приведу для тебя.
Быть может, он раны твои исцелит,
Осушит мне слезы и скорбь утолит».
Ответил на то именитый боец:
«Молчи, ненавистный, презренный хитрец!
Сам видишь ты, поздно мне лекаря звать,
Притворные слезы оставь проливать!
Как долог бы ни был отмеренный век,
На небо живым не взойдет человек.
Мне, в мире известному богатырю *,
Не больше, чем древле Джемшиду-царю,
Дано благодати, однако и он
Был роком настигнут, пилой распилен.
Со дней Феридуна, с Кобадовых дней
Судьба не щадила иранских царей.
Лишь час роковой Сиавуша настал,
Скосил его Горуй-Зереха кинжал.
Уйти привелось им, великим царям,
Не ведавшим страха, воинственным львам.
Угасли, а я, неуемный, все жил,
Как тигр, неустанно дороги торил.

Очей моих светоч, сияние дня —
Мой сын, уповаю, отмстит за меня!»
И после к Шегаду он речь обратил:
«Коль так мне погибнуть злой жребий судил,
Не грех тебе к просьбе моей снизойти *:
Мне лук мой подай, да его оснасти.
Пусть, словно в минувшие годы удач,
Испытанный вновь мне послужит толмач.
А с ним две стрелы мне подай, пожалев, —
Не должно, чтоб изголодавшийся лев
В безлюдной степи растерзал меня вдруг *, —
На случай такой пригодится мне лук.
Живым да не сгину в звериных когтях,
Да примет меня, бездыханного, прах!»
Лук витязя поднял Шегад и согнул,
Его тетивой оснастив, натянул,
Смеясь, положил близ Могучего — рад
Бесчестный, что близок к погибели брат!
Внезапно привстав, всею силою рук
Ростем натянул оснащенный свой лук;
Шегад, это видя, в смятенье пришел,
Метнувшись, спешит он укрыться за ствол.
Огромная рядом чинара росла,
Над ней вереница годов протекла.
Пустая внутри, но с ветвями, с листвой —
Укрылся злодей за чинарою той.
Ростем, это видя, прицелился вновь *,
Могучие плечи расправил, хоть кровь
Текла непрестанно из гибельных ран,
И тотчас кольцо потянул. Обуян
Отмщения жаждой, метнул он стрелу,
И вот уж убийца прикован к стволу.
Стон брата услышав, вторую пустил
Ростем и страданья его прекратил.

Воскликнул Могучий: «Йездану хвала!
В душе моей верность благому жила
Недаром. Пускай разлучаюсь с душой,
Но прежде чем день изгнан тьмою ночной,
Для мщенья довольно послал ты мне сил —
Пред смертью предателю я отомстил!»
Умолк он, и дух от него отлетел,
И каждый на мертвого с плачем глядел,
Скорбя о погубленном богатыре;
Бойцы его пали и пал Зеваре.

[Заль узнает о смерти Ростема и Зеваре,
Ферамарз привозит их тела
для погребения]

Один только гибели муж избежал —
То пеший бежал, то верхом поспешал,
Достигнув Забула, поведал в слезах:
«О горе, Могучий повержен во прах,
А с ним Зеваре, вся дружина его —
Изменник Шегад не щадил никого!
Был с ним заодно возглавлявший Кабул».
И воплем тотчас огласился Забул.
Седую главу прахом Заль посыпал
И грудь, и лицо свое в горе терзал,
Взывая: «О витязь, не видеть мне дня!
Влечет лишь могила отныне меня.
Все плачьте о доблестном богатыре,
О брате отважном его Зеваре!
Проклятье Шегаду, источнику зол,
Кем срублен под корень сей царственный ствол!
Кто знал, что стрясется такая напасть, —
Трус жалкий дерзнет на героя напасть!
Кто в памяти это сыскал бы своей,
Кто слыхал на свете от мудрых мужей,

Чтоб лисом презренным был пойман в капкан
Лев гордый — такой, как Ростем, великан!
Зачем смертью хищною не был я взят
Пред тем, как на славных напал супостат!
Что мне моя слава, и жизнь, и венец, —
Род Заля угас, роду Сама конец!
О вождь, о воитель, героев краса,
О стран покоритель, о тигров гроза!
В печаль я повержен твоею судьбой *,
Кто это содеять дерзнул над тобой!
Пусть горы я срою, пусть, лют и жесток,
Джейхун обращу я в кровавый поток —
Тебя воскрешу ль? Тщетно кровь бы я лил,
Хоть жребий весь мир бы за то мне сулил.
Жизнь красил нам блеск бытия твоего,
А ныне оставил ты нас на кого?
С тех пор, как мечом твою грудь рассекли,
Стал мир не дороже мне горсти земли».
Он тут же послал Ферамарза и рать —
Владыку кабульской земли покарать,
С телами героев вернуться, а там
Дать волю стенаньям и горьким слезам.
Когда Ферамарз до Кабула дошел,
Там витязя ни одного не нашел.
Бежали все, в пламени горя горя,
Рыдая об участи богатыря.
Урочища смерти достиг Ферамарз,
Льет слезы, над славным героем склонясь.
Доставить велит он сверкающий трон,
И кедр величавый на трон водружен.
Кушак богатырский его развязав
И княжью одежду с Могучего сняв,
С рыданьями тело омыли водой
И лик с белоснежною той бородой.

Потом благовонья над ним воскурив
И раны зиявшие шелком зашив,
Осыпали тело его камфарой
И влагою роз окропили. Парчой,
Сплошь затканной златом, одето оно.
Вновь розы и мускус несут, и вино, —
Расчесана снега белей борода *;
С рыданьями саван надели тогда.
Носилки двойные поставить пришлось,
И то его тело едва улеглось —
Оно исполинскому древу под стать *.
Велит Ферамарз лучший кедр отыскать,
Велит, чтобы костью слоновой был гроб
Украшен и гвозди из золота чтоб
Вколочены были, чтоб щели смолой
Зали́ли, с ней мускус смешав и алой.
Из ямы потом Зеваре извлекли,
Все раны зашив и омыв, облекли
Героя в сверкающий саван и вяз
В окрестности лучший срубили. Тотчас
Искуснейших вождь древоделов призвал,
Для гроба тот вяз распилить приказал.
Был поднят и Рехш из колодца — под стать
Ему во всем мире коня не сыскать!
Трудились два дня, чтоб взвалить на слона
Огромное тело того скакуна.
И Забулистан весь, и Кабулистан —
Рыданий и воплей безудержных стан.
Уж негде ступить между жен и мужей,
Застывших в суровой печали своей.
Два гроба подняв, на руках понесли,
Их веса не чуя, без устали шли;
В Забул десять дней шли и десять ночей,
Но мысль в голове не мелькнула ничьей

Гробы хоть на миг опустить. Плач и стон
Немолчно со всех раздавались сторон.
Гробницу в цветущем саду возвели,
И кровлю ее до небес вознесли.
Два трона поставили в ней золотых,
Навек опочил славный витязь на них.
И каждый, кто честно Ростему служил,
Рабом ли. свободным ли мужем он был,
Смешав с чистым мускусом роз лепестки,
Пред ним рассыпáл, преисполнен тоски.
«О славный! — взывают, — почто в этот час
В дар просишь ты мускус и амбру у нас?
Тебе уже с недругом не воевать,
Не править державою, не пировать,
Динаров не сыпать нам щедрой рукой —
Тлен мира сменил на нетленный покой!
Достоин ты рая — тебя, великан,
Из чести и мужества создал Йездан.»
Гробницу замкнув, разлучились потом
С великим и доблестным богатырем.
У самого входа коня погребли,
В рост Рехша там вырыть могилу смогли.
Чего от земной ты обители ждешь!
В ней счастье сперва, после — муки найдешь.
Будь хоть из железа, хоть дивом ты будь —
Ведет, как и праведных, к смерти твой путь.
Твори лишь добро на привале земном,
Блаженство познаешь ты в мире ином.

[Ферамарз выступает с войском на месть за Ростема и убивает владыку Кабула]

Лишь только, в слезах и печали, истек
Положенный сыну для траура срок,
На поле он вывел забульскую рать,

Казну ей отцовскую стал раздавать.
С зарею в поход трубный рокот призвал,
Бьют в гонги индийские, в медный кимвал.
Такую в Кабул двинул рать сипехбед,
Что в небе померк солнца ясного свет.
Лишь только узнал возглавлявший Кабул,
Что войско для мщения выслал Забул,
Клич кликнул, бойцы отовсюду сошлись, —
Железной земля, смоляной стала высь.
Идут Ферамарзу навстречу. В ночи
Небесных светил уж затмились лучи.
На поле широком два войска сошлись,
И ратников клики окрест разнеслись.
Пыль встала такая от бега коней,
Что лев заблудиться мог в чаще своей.
Вдруг вихрь налетел, туч воздвигся навес,
Уж землю нельзя отличить от небес.
Летит Ферамарз перед войском своим,
Вот вражьи прорвал он ряды, а за ним
Забула мужи в наступленье пошли, —
И схвачен властитель кабульской земли!
Строй ратный рассеян, беде обречен.
Герои Забула, что волки, вдогон
Кабульским бойцам устремились тотчас,
Кидаются наперерез, разъярясь.
Так много погибло там хиндских бойцов,
Отвагой прославленных синдских бойцов,
Что в поле кровавым стал месивом прах,
А тот, кто от смерти ушел, второпях
Спасается бегством, и кров, и страну
Покинув, и малых детей, и жену.
Владыку Кабула, в крови, Ферамарз
Оттуда увез на слоне, устремясь
С дружиною к месту предательских ям,

Преступника ждало возмездие там.
Связав ему руки, ведут, и других
С ним сорок кабульцев из кровных родных.
Был пыткам жестоким подвергнут злодей,
И кожу, и мясо сорвав до костей,
Подвесили в яме, да вниз головой,
Чтоб долго он мучился, полуживой.
А сорок тех родичей царских сожгли
И к трупу Шегада потом перешли.
Спешит Ферамарз уничтожить огнем
Шегада с чинарой, все выжечь кругом.
Бойцам повелел он разграбить Кабул,
Все свезть до последней песчинки в Забул.
Забульца он сделал Кабула главой;
Злодея-царя разлучив с головой,
Весь род истребил нечестивца того,
Из родичей не пощадил никого.
Домой возвратился, душой омрачен,
День ясный для витязя в ночь обращен.
О павшем скорбит и Забул весь, и Бост,
Рыданья и вопли восходят до звезд.
Сошлись к Ферамарзу, пеняя судьбе,
В грудь бьют, одеяния рвут на себе.

[Рудабе оплакивает Ростема]

Год целый носил еще траур Систан,
Все в черном, и край — словно горести стан.
Дестану в слезах говорит Рудабе:
«Рыдай о Ростемовой горькой судьбе!
С тех пор, как луч солнца во мгле засиял,
Подобного горя никто не знавал».
«Жена неразумная! — слышен ответ, —
Знай, горя ужаснее голода нет.»
Тут, вспыхнув, несчастная мать поклялась:

«Отныне и есть я, и спать зареклась!
Быть может, мой встретится дух, воспаря.
С душою могучего богатыря».
И пищи семь дней не вкушала она,
Тоской об утраченном поглощена.
В глазах уж от голода стало темно,
И тело могучее истощено.
Куда ни пойдет — вслед рабыни тотчас
Крадутся, за жизнь удрученной страшась.
Та ж на день восьмой повредилась в уме,
Плач смехом сменился — рассудок во тьме.
Идет из покоев в одежде ночной
И мертвую видит в лохани с водой
Змею. Протянула к ней руки, схватить
Уж хочет и, пищей сочтя, проглотить.
Рабыня змею у нее отняла *,
Обняв, торопливо в покой увела.
Там скатерть спешат перед ней расстелить
И лучшую пищу дают ей вкусить.
Насытилась; горем убитую тут
На мягкое, теплое ложе кладут.
Усталой отрадно ей было уснуть,
Душою от горя и мук отдохнуть.
Проснувшись, еды попросила опять,
И разные яства спешат ей подать.
Опомнившись, Залю сказала она:
«Была тебе мудростью речь внушена.
Кто пищи и сна себя в горе лишит,
Тот счастья от горести не отличит.
Ушел ненаглядный, мы также уйдем.
Смириться нам должно пред божьим судом!»
Богатства свои беднякам раздала,
Создателю мира мольбу вознесла:
«О ты, что превыше имен и времен!

Да будет тобою Ростем вознесен!
Приют ему дай в благодатном раю,
Пусть там собирает он жатву свою!»
Пал витязь могучий, с душой разлучась,
О нем, достославном, кончается сказ.

[Гоштасп передает царство Бехмену и умирает]

Покинут счастливой звездою Гоштасп;
На зов его входит с мужами Джамасп.
Им царь говорит: «Сокрушен я бедой.
С тех пор, как погиб Исфендьяр молодой,
Не знал ни единого светлого дня;
Уж с вами злой рок разлучает меня.
Престолонаследником будет Бехмен,
Советником первым его — Пешутен.
Бехмену покорность явить вы должны,
Ему присягните и будьте верны.
Вести его к свету вам должно, радеть
О нем — он достоин державой владеть».
Ключи от казны он Бехмену вручил
И, тяжко вздыхая, ему говорил:
«Я чую, приходит мой час роковой,
Уж волны смыкаются над головой.
На троне сто двадцать я лет восседал
И равных себе на земле не видал.
Моею землей управлять продолжай,
Являй справедливость и горя не знай.
Разумных и праведных жалуй мужей,
Но кары твоей да страшится злодей!
Лишь правды веленьям внимай, и тогда
Тебя не постигнет лихая беда.
Немало свершил я для блага людей,
Ты впредь и страной, и казною владей!»

Умолк и окончил свой век на земле —
Все бренно, и все исчезает во мгле.
Для шаха в гробнице слоновой кости
Венец над престолом спешат вознести.
Казна не спасла, смерть явилась глазам:
Оградой запил жизни сладкий бальзам.
Таков наш удел, и кичимся мы зря —
Смерть грозная с низшим равняет царя.
Добытое трать и с другими дели —
Совету разумного мужа внемли!
Уж сверстников нет, но остался я жив,
Сказаний о прошлом немало сложив.
Идущий — до цели желанной дойдет,
Взыскующий блага — его обретет.
Постигни, когда не постиг ты досель:
Благие деяния — дней наших цель.
Теперь, к миновавшим векам возвратясь,
Начну о владыке Бехмене рассказ.

БЕХМЕН

[Царствование Бехмена,
сына Исфендиара,
длилось девяносто девять лет]

Когда на оставленный дедом престол *
Бехмен, славный сын Исфендьяра, взошел,
Он стан опоясал, к заботам готов,
Десницу расправил, к щедротам готов.
Динарами ратных мужей оделил
И землями знатных вождей одарил.
Созвал он собранье седых мудрецов,
Созвал закаленных в сраженьях бойцов
И так им сказал: «Вы, что родом знатны,
Умом и познаньями одарены,
Чай, все — стар и млад — не забыли о том,
Что сталось с моим знаменитым отцом
И что с ним при жизни содеял Ростем,
Наученный Залем, злым гением тем.
Забульского витязя сын Ферамарз
Вражду и поныне таит против нас.
Поныне и я жаждой мщенья томим,
Живу и дышу только гневом одним.

Погиб от руки супостата Мехр-Нуш,
И с ним Нуш-Азер, полный доблести муж.
Прославленный Исфендиар, мой отец,
Всех витязей края — краса и венец *,
Безжалостно в Забулистане убит —
Зверь дикий, и тот о великом скорбит.
И росписи сказочной богатыри,
Льют слезы и те от зари до зари.
С ним вместе погибло немало других
Известных отвагой мужей молодых.
Кто род свой от предков достойных ведет
И кто уронить не желает свой род,
Тот, жаждою мести священной горя,
Пойдет по стопам Феридуна-царя,
Которым за гибель Джемшидову встарь
Сражен был Зоххак, крови жаждавший царь.
На Тура и Сельма напал Менучихр —
С дружиной Аму переплыл и, как вихрь,
На Чин налетел он, за деда отмстил,
Там горы поверженных нагромоздил.
Царю Афрасьябу отмстил Кей-Хосров,
Мир залил он кровью туранских бойцов.
Отец за Лохраспа отмстил. В эти дни
Мне мстить подобает, как мстили они.
Лишь пробил Могучего час роковой,
Во гневе вперед двинул строй боевой *,
К отмщению неудержимо стремясь,
Напал на Кабул его сын Ферамарз.
Кровь алой рекой разлилась по полям,
И кони скакали по мертвым телам.
Мне мщение больше, чем прочим, под стать,
Конем даже тигра под силу мне смять!
Ведь если все страны земли обойти,
Такого, как Исфендиар, не найти.

Что скажете, мудрые, ныне в ответ?
Благой, поразмыслив, мне дайте совет».
Речь кончил державы иранской глава.
Сказали в ответ на царевы слова
Иранцы: «Служить обещаем тебе,
Добра одного лишь желаем тебе.
Потомок достойный великих бойцов,
Не знаешь ты равных среди храбрецов;
Свершай, что отважное сердце велит,
Что славу твою приумножить сулит.
Не станет перечить никто из мужей —
Кто мог бы ослушаться воли твоей?»
Ответом дружины Бехмен ободрен,
В своей укрепился решимости он.
На том порешили и встали, и вот
Объявлен в систанскую землю поход.
С зарею забили в огромный кимвал,
Мрак пыли поднявшейся небо застлал.
В путь двинулось войско — сто тысяч бойцов,
Отважно разящих мечом удальцов.

[Бехмен заковывает в цепи Заля]

Лишь только к Хирменду-реке подошла
Дружина, достойного выбрав посла,
Бехмен ему к Залю скакать приказал,
Такие слова передать приказал:
«Убит Исфендьяр, и горька для меня
Жизнь стала с того злополучного дня.
Убили двух доблестных братьев моих,
Царевичей славных — забуду ль о них!
Пусть мщения радость мой дух озарит,
Пусть реки забульские кровь обагрит!»
Лишь весть от Бехмена Дестан услыхал,
В смятенье и в горе великое впал.

Ответил: «Судить справедливей тебе
Об Исфендиаровой должно судьбе.
Знать, так предначертано было творцом.
Немало и сам горевал я о том,
И ты — очевидец; я выход найти
Пытался, противников к миру вести.
Ростем долгу верности не изменил,
Почтенье, любовь к Исфендьяру явил.
Сражен был родитель прославленный твой
Затем, что настал его час роковой.
Кто б ни был — лев ярый иль грозный дракон —
Капкана судьбы не минует и он.
Ты слышал, я чаю, как доблестный Сам
Нес гибель заклятым Ирана врагам,
Слыхал и о том, что Ростем совершил
С тех пор, как отточенный меч обнажил *,
Как храбро он бился за дедов твоих —
Отдать не страшился и жизнь ради них!
Тебе самому он смиренно служил
И рати твоей украшением был.
Нет больше Ростема, сражен великан,
Охвачен отчаяньем Забулистан.
Поныне, терзаемый горем, в слезах *,
О сыне скорблю я, на темени прах.
На дни мои пала ночей темнота,
Лик желт, запеклись от печали уста.
Проклятье тому, кто убийство свершил,
А пуще тому, кто убийство внушил!
Забудь о вражде, поразмысли над тем,
Как жизнь свою прожил великий Ростем.
Не мщением, дружбою дух озари
И милостью эту страну покори.
Приди же, твоей будет Сама казна,
Из злата парча, кушаки, стремена.

Тебе присягнет каждый вождь боевой,
Владыкой признают тебя и главой».
Посланцу дал золота Заль, скакунов
И много других драгоценных даров.
И вскоре посол пред Бехменом предстал,
Все речи Дестановы он передал,
Но сердцем Бехмен не смягчился, лишь гнев
Явил он, мольбы о прощенье презрев.
И, тяжко вздыхая, вступает он в град,
Скорбя о погибшем, враждою объят.
Сын Сама, Дестан его встретил, пришли
С ним вместе герои Забульской земли *.
К Бехмену приблизился, пеший, Дестан.
Смиренно склонясь пред владыкою стран,
Сказал он: «Настала прощенья пора *,
Из сердца изгнать жажду мщенья пора.
За верную службу, за то, что тебя
Растили мы с детства, лелея, любя,
Былое душой милосердной прости,
Яви благородство, убитым не мсти!»
Сильней от тех слов царский гнев закипел,
И горький постиг тут Дестана удел.
Царь в цепи его заковать приказал,
Не внял казначею, везиру не внял.
Чертоги его повелел разгромить,
Богатства ж его на коней погрузить.
Присвоил немало венцов и ковров,
Алмазов сверкающих и жемчугов,
Запястий, серег, кушаков дорогих,
Сосудов серебряных и золотых,
Тазийских коней с золотою уздой *,
Индийских мечей с золотою резьбой,
Сосудов, где мускус, алой, камфара,
Парчовых одежд и другого добра, —

Все то, что годами Ростем собирал
Иль в дань от царей и воителей брал;
Всю землю кабульскую опустошил,
Венцами и златом вождей оделил.

[Битва Ферамарза с Бехменом и гибель Ферамарза]

Лишь в Босте услышал о том Ферамарз,
Поднялся на мщение он в тот же час.
В походе покоя воитель не знал,
О битвах Ростемовых все вспоминал.
Лишь слух о походе Ирана достиг,
Охвачен был гневом владыка владык.
С обозом и ратью огромной своей
Примчась в Гурабе, там четырнадцать дней
Стоял. Вслед за тем Ферамарз подоспел *,
От пыли всклубившейся мир почернел.
Смолу льет на землю небесная высь,
И стрелы сквозь темень дождем пролились.
Уж трепет проник в сердце горных хребтов;
Гром гонгов индийских, труб яростный рев,
Скрип луков, удары железных секир —
Земля спорит с небом, колеблется мир.
Что хлынувший вдруг оглушительный град,
Губительных палиц удары гремят.
Так бились три дня, а с четвертой зарей
Вдруг вихрь налетел, мир окутавший тьмой.
Навстречу войскам Ферамарза он дул,
И в царских очах луч надежды сверкнул.
Вслед вихрю с мечами иранцы пошли,
Разгрому врага своего обрекли.
Из витязей Боста, забульских бойцов,
Кабульских, искусных в войне храбрецов,
Уже ни единого на поле нет,

Весь скрылся прославленных витязей цвет —
Позорно бежали, в смятенье придя,
Покинув в беде Ферамарза-вождя.
Два войска немало потерь понесли,
Под грудами мертвых не видно земли.
Но стойкость вождь рати забульской хранит,
Горсть храбрых с ним рядом сражение длит.
Весь в ранах, отважный воитель, что род
От древних воителей славных ведет,
Упорствует долго в бою. Под конец
Сломил его некий иранский боец *,
Связавши, к Бехмену его приволок;
Тот пленника яростным взором обжег,
Пощады ему даровать не хотел,
Воздвигнуть он виселицу повелел,
И на перекладине вниз головой
В мученьях повис богатырь молодой.
Потом по веленью Бехмена-царя
Прикончили стрелами богатыря.

[Бехмен освобождает Заля
и возвращается в Иран]

Той казнью жестокой подавлен дестур,
Благой Пешутен. Опечален и хмур,
Сказал он царю: «Милосердье яви,
О грозный владыка! В пролитой крови
Ты мщения жажду теперь утолил.
И так уж немалое зло сотворил, —
Хоть края ты бедствиям не обрекай,
Жечь, грабить, народ истреблять не давай!
Побойся Йездана, людей постыдись,
В превратности рока слепого вглядись!
Один им жестокой беде обречен,
Блистательным саном другой облечен.

В Забуле, что, кроме могилы сырой,
Нашел твой отец, именитый герой?
Ростем, что на лов устремился в Кабул,
Пал жертвой коварства, сном вечным уснул.
Твои чтоб продлились счастливые дни,
Ты зла родовитым мужам не чини!
Прискорбно, что внук Неримана в цепях —
Когда пред всевышним падет он во прах,
К нему вознося о возмездье мольбу,
Свою, властелин, проклянешь ты судьбу.
Припомни, как много усердья и сил
Ростем для защиты царей приложил.
Ростем — не Гоштасп, не герой Исфендьяр, —
Престол этот славный принес тебе в дар.
Иранским царям с Кей-Кобадовых дней
До дней Кей-Хосрова, надежды царей,
Оплотом он был, меч победный его
Им нес и величие, и торжество.
Дестана избавь от оков, протяни
Длань милости, ненависть прочь отгони!»
Бехмен Пешутеновой речью смущен,
В содеянном искренне кается он.
Клич кликнуть велит перед царским шатром:
«Герои, чьи души влекомы добром!
Домой возвратиться вам время пришло,
Чинить перестаньте насилье и зло».
Он Заля избавить велит от оков,
Немало сказав примирительных слов.
Гробница воздвигнута, в ней Ферамарз, —
Исполнен дестура благого наказ.
А Заль из темницы вернулся к себе,
И слышит он горестный плач Рудабе:
«О где ты, Могучий, о где ты, Ростем,
Великий воитель, чей прадед Нейрем!

Тебя почитали и войско, и знать,
Гоштаспа-царя не хотели и знать.
А ныне все отнято, Заль оскорблен,
Твой первенец милый стрелами пронзен.
Кого постигал столь жестокий удар!
Будь проклят навеки злодей Исфендьяр!»
Стенания эти услышал Бехмен,
Услышал их также дестур Пешутен.
Он дрогнул от плача того и поник,
Стал воска желтей опечаленный лик.
Бехмену сказал он: «О царь молодой,
Прекрасный как месяца диск золотой!
Отсюда с зарей уведи свою рать,
Негоже здесь дольше тебе пребывать.
Пускай не коснется венца твоего
Злой глаз, да изведаешь лишь торжество!
У Заля, наследника Сама, в дому
Теперь оставаться тебе ни к чему».
Едва над горами зажегся янтарь *,
Пред замком забили в литавры, и царь,
Покинув Забул, двинул войско в Иран —
Туда, где отважных воителей стан;
Победно воссел на иранский престол,
И край от его правосудья расцвел;
Раздал подаянье и сердцем взыграл,
Одних осчастливил, других покарал.

[Бехмен берет в жены
дочь свою Хомай
и назначает ее престолонаследницей]

Был сын-богатырь венценосному дан,
Ему повелитель дал имя Сасан.
Хомай звали дочь властелина — умна
И щедро природою одарена.

А имя второе ее — Чехерзад,
Бехмену красавица радует взгляд.
Решился взять в жены любимицу он *,
Как то дозволял пехлевийский закон.
И вскоре плод царской любви понесла
Супруга, что схожа с луною была.
Но стало ей тяжко, лишь месяц истек
Шестой. От печали Бехмен занемог.
Когда его к ложу недуг приковал,
Хомай, молодую жену, он призвал,
Воссесть на престол кеянидов велит
И, знатных собранье созвав, говорит:
«Была Чехерзад мне отрадою, но
Недолгое было нам счастье дано.
Ей ныне вручаю престол и страну,
И бранное счастье, и рать, и казну.
Считайте наследницей только ее.
Когда же родит она чадо свое,
Родится ли сын или дочь — станет впредь
Венцом и престолом Ирана владеть».
Услышав решенье отца, обуян
Безудержным гневом царевич Сасан.
Обидой пылая, он кинулся прочь,
Иран покидая, скакал во всю мочь.
Три дня был в пути. Опечален и хмур,
С четвертой зарею вступил в Нишапур.
Там выбрал из знатного рода жену,
Любил во всем мире ее лишь одну,
Но имя отцовское втайне держал,
Кеянское происхожденье скрывал.
Красавица сына ему родила,
Видна в нем царева порода была.
Дал первенцу имя Сасана отец *,
И вскоре постиг его смертный конец.

Шли годы, и отроком юноша стал,
Но в доме родном лишь нужду испытал.
К царю Нишапура пришел он тогда,
Просил ему царские вверить стада.
И долго скитался он, став чабаном,
То в горной глуши, то в безлюдье степном.
Теперь возвращусь я к царице Хомай,
Что после Бехмена возглавила край.

ХОМАЙ

[Царствование Хомай
длилось тридцать два года]

[Хомай вверяет своего сына
водам Евфрата]

Когда от недуга угас Эрдешир *,
Недолго был трон бесприютен и сир.
Хомай возложила венец на чело,
И все с той поры по-иному пошло.
Дверь каждому витязю отворена,
Для щедрых даяний открыта казна.
Умом и Бехмена Хомай превзошла,
Рачительна и справедлива была.
Собранье созвав, обратилась к мужам:
«Да блещет венец наш на зависть врагам!
Лишь добрые будем деянья вершить,
Вреда и насилья не станем чинить.
Мы всех, кто трудом добывает своим
Себе пропитание, обогатим,
И знатные, те, что владеют казной,
Обиды не примут от нас ни одной».
Уж близится время родин, но народ
Не знает, когда это время придет.

По нраву царице на троне сидеть,
Великой и славной державой владеть.
Вот сына на свет народила она *,
Но весть эту добрую скрыла она.
Достойную сына кормилицу мать
Спешит средь прислужниц своих отыскать,
И вверен заботам кормилицы той
Державного древа побег молодой.
А всем на вопросы ответ лишь один:
«Родился, но умер в младенчестве сын».
Сама же царит, увенчавши чело,
Звезда венценосной сияет светло.
Лишь только вражду к ней чужая страна
Проявит — в бой рать посылает она.
В пределах огромного царства всего
Не скрыто от взоров ее ничего.
Умна, прозорлива на диво Хомай,
И правит страной справедливо Хомай.
Сердцам стали чужды унынье и страх,
Владычицы имя у всех на устах.
Но сыну девятый уж месяц, лицом
Стал схож он с Бехменом, венчанным отцом.
Царица призвать древодела спешит,
Сыскать ему доски посуше велит,
Сундук из досок смастерить попрочней
И щели меж них залепить поплотней
Растопленным воском, душистой смолой,
Внутри обтянуть златотканной парчой.
Вот постлано мягкое ложе, потом
Рубины и яхонты спрятала в нем
Царица и много монет золотых,
Смешав с изумрудами, с жемчугом их,
И царский к руке прикрепила алмаз
Младенцу. Веленью Хомай покорясь,

Кормилица добрая, плача, грустя,
Выносит объятое дремой дитя;
С любовью склонясь, уложила его,
Китайской тафтою укрыла его.
Захлопнули крышку, скрепили смолой,
Смешав с нею мускус и воск, и алой.
Лишь только погас светоч ясного дня,
В путь двинулись тайно, молчанье храня.
И вот уже воды Евфрата близки,
И брошен младенец в объятья реки.
Два стража шли берегом невдалеке,
Следили, что станет с младенцем в реке,
Едва поспевали они: словно челн,
Стремительно несся сундук среди волн.
Заря над горой уж вставала, как вдруг
Застрял, на преграду наткнувшись, сундук.
Газеры, затеяв одежды мытье *
На быстрой реке, запрудили ее.
И некий газер, увидав сундучок *,
Его из воды торопливо извлек.
Раскрыв и покровы откинувши, он
Увиденным ошеломлен, восхищен.
Покров опустив, мчится мойщик одежд
Домой, осчастливлен, исполнен надежд.
Тут стражи вернулись к царице — о том
Поведать, что сталось в реке с сундучком.
Велит им царица, чей разум остер:
«Все втайне храните, что видел ваш взор!»
Меж тем, бережлива, порядку верна,
Газера укором встречает жена:
«К себе с недосохшей одеждой спеша,
Смотри, не получишь за труд ни гроша».
Несчастье пред тем посетило их вдруг —
Унес их младенца смертельный недуг,

И мать удрученная ночью и днем
Все плакала, все убивалась по нем.
«Утешься, — газер отвечает ей, — впредь
Уж в пламени горя не станешь гореть.
Поведаю тайну — ее обещай
Хранить. О супруга, рассказу внимай:
То место привычное знаешь ведь ты,
Где бьем мы, газеры, о камень холсты.
Вот там я сундук проплывавший в реке
Поймал и увидел дитя в сундуке.
Как только малютку увидишь сама,
Ты будешь, поверь, от него без ума.
Теперь уж погибшего сына грешно
Оплакивать нам. Видно, так суждено!
И сын тебе послан нежданно судьбой,
И клад, что заблещет сейчас пред тобой».
Одежды сырые он наземь сложил,
Заветный сундук пред женою раскрыл,
И небо возблагодарила она,
Найденыша прелестью поражена.
Сиял его лик на китайской тафте,
С Бехменовым схожий в своей красоте.
Осыпали ложе и радуют глаз
Где — жемчуг, где — яхонт, где — ясный алмаз,
Червонное золото тут же блестит
И алого лала сиянье слепит.
И женщина ласково кормит дитя,
Души утешение вновь обретя, —
Ведь был богоданный младенец ей мил,
А клад благоденствие дому сулил.
Сказал ей супруг: «До скончания дней
Да будет сей отрок нам сына родней
И жизни дороже! Кто б тайну постиг?
Быть может, он отпрыск венчанных владык».

И стала жена за младенцем ходить,
Лелеять его, как родного растить.
День третий настал, и дитя нарекли *
Дарабом — его ведь из волн извлекли.
Однажды к газеру подходит жена,
И речь с ним такую заводит она:
«Что делать с алмазами станешь? Хранить
Их где? У кого бы совета спросить?»
Ответ был: «По мне, дорогая жена,
Сокрытому кладу горсть праха цена.
В края, где никто нас не знает, уйдем *,
В достатке и радости там заживем!»
Наутро газер вместе с верной женой
Без грусти покинул свой город родной;
Приемного сына с собой он берет
И груз драгоценностей тайно везет.
Фарсангов отъехавши за шестьдесят
И первый избрав приглянувшийся град,
Газер в этом граде возвел себе дом
И стал с домочадцами жить богачом.
По замкам окрестным и по городам
Алмазы свои рассылал он князьям,
Одежды и злато в обмен получал,
И таять уж клад драгоценностей стал.
Лишь царский алмаз, что блестел на руке
Младенца, хранился еще в сундуке.
Дом — полная чаша, довольна жена,
Газеру однажды сказала она:
«Богатство большое к нам в руки пришло,
К чему же трудиться? Оставь ремесло!»
На то отвечает ей дома глава:
«О мудрая, эти запомни слова:
В умелых руках лучший клад — ремесло,
Что с ним в целом мире сравниться б могло?

Дараба расти среди нежных забот, —
Быть может, награду судьба нам пошлет».
В газеровом доме Дараб расцветал,
Коснуться и ветер его не дерзал.
И вот уже несколько лет пронеслось,
Он отроком сильным и смелым возрос.
Невмочь было сверстнику ни одному
В борьбе нанести пораженье ему.
Однажды от всех он отбиться сумел,
Противников многих один одолел.
Газер недоволен питомцем своим
И часто, невольной тревогой томим,
Ему говорит: «Мыть одежды учись,
Свой хлеб ремеслом добывать не стыдись!»
Но склонности отрок к труду не являл,
И горькие слезы газер проливал.
То в городе, то на просторе степном
Искал его, спрашивал встречных о нем.
Однажды застал его с луком в руке,
В нем все говорило о метком стрелке.
Лук вырвал газер, стал Дараба бранить:
«Мне впору тебя лишь с волчонком сравнить!
Что к луку и стрелам с младенческих лет
Ты рвешься, ужель в тебе разума нет?»
«Отец! — слышен отрока-богатыря
Ответ, — честь мою умаляешь ты зря.
К ученым сведи меня, в храме Огня
Пускай Зенд-Авесте обучат меня.
С тобою тогда длить не стану я спор,
Подмоги не жди от меня до тех пор.»
Газер укорять стал Дараба, а сам
Отвел его все же к ученым мужам.
Вот юноша знаньями обогащен,
Попреков не слышит уж более он.

«Отец, — говорит он, — тебе не солгу,
Газером я быть все равно не смогу.
О будущем ты не печалься моем,
Дозволь, стану всадником, храбрым бойцом.»
Наставник для отрока найден благой,
Муж славный, искусный в езде верховой.
И долго Дараба учил он всему,
Что в битвах могло пригодиться ему:
С копьем и щитом, опершись на луку,
Поводья коня повернуть на скаку,
Спастись от врагов, их в бою одолеть,
Човганом и луком искусно владеть,
И вскоре воителем стал он таким,
Что в битве и барсу не сладить бы с ним.

[Дараб узнает от жены газера
о своем происхождении
и вступает в войну с Румом]

Однажды газер слышит юноши речь:
«Хоть это стараюсь я втайне сберечь,
Любви не питаю к тебе и лицом
С тобою не схож, хоть слывешь ты отцом.
Дивлюсь, когда сыном зовешь ты меня
И в лавку ведешь с наступлением дня».
«Так вот благодарность! — он слышит в ответ, —
Как жаль, что трудился я зря столько лет!
Коль выше твой род, — принимайся искать
Отца! Тайной этой владеет лишь мать.»
Однажды, при утреннем встав холодке,
Стиральщик одежд устремился к реке.
Дараб, тут же накрепко двери замкнув
И руку к мечу своему протянув,
Сурово газеровой молвит жене:
«Признайся, всю правду поведай ты мне!

Рожден от кого я, вам кем прихожусь,
Почто у газера в дому нахожусь?»
И просит пощады газера жена,
К защите Йездана взывает она,
И слышит Дараб: «Если жизнь посулишь
Оставить, — признаюсь во всем, как велишь».
Все женщина юноше после того
Поведала, не утаив ничего,
Про то, как сундук им попался в реке,
Про спрятанный клад и дитя в сундуке.
Сказала: «Мы жили трудом своих рук,
Нам знатных людей недоступен был круг.
Вознесшись от низкой к высокой судьбе
С твоею подмогою, ныне тебе
Душою и телом мы принадлежим,
Готовы внимать повеленьям твоим».
Речь выслушав эту, Дараб изумлен,
О доле своей призадумался он
И просит: «Остаток сокровищ верни,
Когда не истрачены вовсе они, —
Могли б они выручить нынче меня,
Купил бы на них боевого коня».
Ответила: «Нет, не истрачен весь клад —
Остались дирхемы, есть пашни и сад».
Нетронутый жемчуг на свет извлекла,
Сполна все динары она отдала,
И куплен на них был скакун боевой
С арканом, с дешевым седлом, с булавой.
Округою правил в ту пору глава
Достойный, его прославляла молва.
В путь тронулся тотчас Дараб и пред ним
Предстал, неотступною думой томим.
Радушно, с почетом он принят. Живет
При князе, от всех огражденный невзгод.

Но долго покой не пришлось им вкушать —
Напала на город румийская рать.
В сраженье кровавом пал доблестный князь,
В смятенье дружина его разбрелась.
О том, что захвачен румийцами край,
Услышала вскоре царица Хомай.
Зовет предводителя рати своей —
Вождя Рошневада, из рода вождей,
Велит против Рума войною идти,
Врагам разоренье и гибель нести.
Бойцов он скликает и счет им ведет,
И всем снаряженье и мзду раздает.
Услышав об этом, Дараб просиял,
И вождь меж других его имя вписал.
Немало дружин отовсюду сошлось,
Несметное войско из них собралось.
Дворец покидает царица, и с ней
Собранье достойных вождей и князей.
Пред ней, выкликаемым по именам,
Проследовать должно вождям и бойцам.
Лихие дружины одна за одной
Проносятся мимо по шири степной.
А вот и Дараб при копье и мече
Летит с булавою стальной на плече.
Сказал бы, всю степь он собой заслонил,
Всю землю скакун его заполонил.
Хомай загляделась на гордую стать
Дараба — сказал бы, проснулась в ней мать.
Спросила: «Откуда сей витязь благой,
Наездник могучий и ладный такой?
Отвагой и силой затмил бы он всех *,
Но лучший ему подобает доспех».
Вслед смотрит Дарабу, душой смущена.
Окончился смотр, им довольна она.

Согласно знаменьям небесных светил
День выбрав благой, как обычай учил,
Совета спросив у вождей, сипехбед
В поход боевой двинул войско чуть свет.
Лазутчиков выслав, им все разузнать
Велит про румийскую землю и рать.
Печется о нуждах бойцов, и вперед,
На счастье надеясь, он войско ведет.
Идет от стоянки к стоянке оно,
От пыли клубящейся небо черно.

[Рошневад узнает правду о Дарабе]

Нежданно злой вихрь налетел. Рошневад,
Тревогой охваченный, жизни не рад.
Громов грохо̀танье над ширью степной
И молний сверканье, и дождь проливной.
Дружина, защиты ища от дождя,
Разбила шатры по веленью вождя.
Невмочь и Дарабу тут стало, и, рать
Покинув, спешит он приют отыскать.
Решился, развалины видя в пути,
Под аркой высокой приют обрести,
Хоть ветхой от времени стала она,
Ветрами и ливнями источена.
Меж тем Рошневад, свою рать обходя *,
Развалин достиг. Донеслось до вождя
Стенание чье-то. Так скорбен был стон,
Что дух сипехбеда им был омрачен.
Он слышит: «Не падай, ветшающий свод,
Владыку Ирана спаси от невзгод!
Ни друга я здесь, ни шатра не найду,
Лишь ты отведешь от скитальца беду».
«Должно быть, — себе говорит Рошневад, —

Вой ветра я слышу иль грома раскат.»
Но вновь из развалин доносится зов:
«Будь бдительным стражем, о верный мой кров!
Ты сына царя Эрдешира хранишь,
Пред натиском ливня не дрогни, смотри ж!»
И голос тот в третий он раз услыхал,
И сердце таинственный страх ему сжал.
Лазутчиков шлет: «Кто бы мог это быть? —
Сказал. — Поспешите под своды вступить,
Узнайте, кто в бурю под ними лежит,
Кто жизнью бесценною не дорожит?»
Пришли и увидели — муж молодой,
Воитель достойный на вид и благой
Покоится рядом с издрогшим конем,
Промокла — хоть выжми — одежда на нем.
Сказали о том, к Рошневаду придя,
От жалости дрогнуло сердце вождя.
«Зовите! — сказал, — пусть приблизится он!
Нет мочи мне слышать столь горестный стон.»
Вернулись и будят: «Что спишь на земле!
Очнись же!» И вот уж воитель в седле.
Отъехал — и рухнул тут свод вековой,
И витязя минул конец роковой.
Дивится спасенью тому Рошневад,
Бойца разглядев от макушки до пят,
В шатер свой уводит, а сам все глядит.
«Творец! — про себя в изумленье твердит. —
Подобного чуда никто не видал,
От старцев и то о таком не слыхал.»
Велит он покров потеплее достать,
В шатре для спасенного ложе постлать.
Огромный костер развели пред шатром,
Жгут ладан и мускус, и амбру на нем.
Лишь первый успел над горою блеснуть

Луч солнца, — всем велено выступить в путь.
Несет облеченный доверьем мобед
Богатый убор — так велит сипехбед —
И панцирь с булатом в ножнах золотых,
Ведет скакуна в стременах золотых.
Все это Дарабу вручив, вопросил
Потом Рошневад: «Муж, исполненный сил!
Ты кто и свой род от кого ты ведешь?
В ответе твоем не услышать бы ложь».
Поведал Дараб сипехбеду тому
Все то, что открылось ему самому.
Вскормившей его повторяет рассказ,
Ему предводитель внимает, дивясь.
Про золото, жемчуг, покров из парчи,
Алмаз, изливающий чудо-лучи,
Про дом, где младенцем обрел он приют,
Подробно поведал воитель. И тут
Посланцу велят быть готовым к пути;
Наказ ему дан поскорей привезти
Газера Бехрама с женою Зохре;
И рьяный гонец ускакал на заре.

[Битва Дараба с румийцами]

Отправил гонца сипехбед и в поход
На землю румийскую войско ведет.
Дарабу он вверил дозор. Смельчаки
Отравой своей напитали клинки
И к Руму несутся, отваги полны.
Рать вывел навстречу владыка страны.
Два войска на поле широком сошлись,
Над ним темной пыли столбы поднялись.
В неистовой схватке смешались войска,
И хлынула крови багровой река.
Дараб лишь почувствовал боя накал,

В бой ринулся. Вихря быстрей он скакал,
Без счета румийцев кося, — скажешь, рок
Над ними занес смертоносный клинок.
Все дальше он мчится, что лев, разъярен,
В руке его тигр, им оседлан дракон.
И вот он румийского стана достиг,
Десятками губит врагов, что ни миг.
Уж море кровавое плещет кругом,
Воитель в нем путь пролагает мечом.
Назад, одержавший победу, летит,
К прославленному сипехбеду летит.
Его предводитель встречает хвалой:
«Будь войска оплотом, боец молодой!
Как только из Рума в цветущий наш край
Воротимся, — будешь осыпан ты, знай,
Царицы дарами, получишь, храбрец,
Коня и динары, и княжий венец».
Всю ночь сипехбед строил заново рать,
Оружье спешили бойцы отчищать.
Лишь встала заря и вершину зажгла,
И стала земля словно светоч светла,
На поле две рати столкнулись опять,
Вновь солнце за пылью густой не видать.
Примчался Дараб, волю давши коню,
Напал на румийцев, подобно огню, —
Из доблестных витязей стана того
Пред строем не видно уж ни одного.
Что волк, в сердце войска ворвался храбрец,
Огромную рать разгромил он вконец;
До правого вскоре домчался крыла.
Добыче захваченной нет уж числа.
Не в силах пред натиском тем устоять,
В смятенье бойцы обращаются вспять.
Иранцы, свирепее тигров степных,

Преследуют, косят безжалостно их,
В кровавое месиво прах обратив.
Вернулся Дараб, сотни храбрых скосив,
Епископов сорок повергнувши в прах,
Крест, отнятый с бою, сжимая в руках.
Вождь славные подвиги мужа того
Увидел, и в сердце зажглось торжество.
Героя он чествовал и величал,
С почетом, тому подобавшим, встречал.
Стемнело — с небес будто льется смола,
Рать с поля сраженья с победой пришла.
Вступает в захваченный стан Рошневад *
И отдых вкушает, избавясь от лат.
В ночи раздавал он добычу бойцам,
Немало досталось богатств удальцам.
Посланца к Дарабу с наказом он шлет:
«Муж доблести львиной, дружины оплот!
Пожалуй, сокровища все обозри
И все, что угодно душе, отбери.
Побольше возьми, остальное бойцам
В награду раздай по желанию сам.
Дары заслужил ты — ведь Рехша седок,
И тот бы с тобою сравниться не мог».
Рад чести Дараб. но величье свое
Явил он, одно лишь принявши копье,
Все прочее отдал вождю самому,
Отрад и удач пожелавши ему.
Вот к западу ясное солнце плывет,
И вскоре окутался тьмой небосвод.
Уносятся в степь средь ночной темноты
Дозоры и сторожевые посты,
И клики воинственных стражей звучат,
Как тигров рычанье иль грома раскат.
Вот ночь миновала, встал огненный щит,

И стан, пробудясь, сняться с места спешит.
Иранцы, в доспехи свои облачась
И вихрем вослед за врагами помчась,
Косить их булатами не устают,
Румийские грады огню предают.
Румийцы злосчастным постигнуты днем;
Хоть места уж нет им в пределе родном —
Нет мочи покинуть цветущий тот сад,
Рыданья и стоны над Румом стоят.
Кейсар изнемог от кровавой войны,
Бледны его витязи, удручены.
С посланьем летит к Рошневаду гонец:
«Будь милостив, битве положим конец!
Пресытились ею бойцы — навсегда
Померкла, знать, Рума благая звезда.
Коль дани желаешь — бери, сипехбед!
Приносим мы повиновенья обет».
Послал повелитель румийской земли
Невольниц, монет золотых кошели,
Алмазы, что льют ослепительный свет,
И принял богатую дань сипехбед.

[Хомай узнает сына]

С Дарабом благим, одолению рад,
Путь держит на родину вождь Рошневад.
Близ рухнувшей арки, где спящим застал
Дараба, устроил он первый привал.
Туда и газер подоспел второпях
С женою, невольный терзает их страх.
К вождю их зовут. На творца положась,
Явились супруги, при них и алмаз.
Вопросы им стал задавать Рошневад,
И те ему всё рассказали подряд —
Про то, как дитя подобрали в реке,

Про царский алмаз у него на руке,
Про то, как дитя, не жалея трудов,
Растили в течение многих годов.
Им вождь отвечает: «Не знайте невзгод,
Одни пусть удачи создатель вам шлет!
Подобного чуда никто не видал,
От старых мобедов и то не слыхал!»
Спешит Рошневад, возглавляющий рать,
Посланье царице Хомай написать
О том, кто примчался на гребне волны,
Кто ныне сражался на поле войны, —
О славном Дарабе. В письме рассказал
Все то, что из речи газера узнал,
Поведал о том, как услышал он стон
Под аркой, как был этим стоном смущен,
Как рухнула арка, лишь только воссел
Дараб на коня и отъехать успел.
Окончив посланье, зовет Рошневад
Гонца, чье проворство не знает преград.
Вручил ему царский алмаз и велит:
«Пусть вихрем скакун твой к Ирану летит!»
Без устали мчится посланец, и вот
С алмазом он перед Хомай предстает.
Посланье царице владык он вручил
И речь Рошневада пред ней повторил.
Посланье прочла, увидала алмаз,
И жаркие хлынули слезы из глаз.
Царице припомнился лучший из дней,
Когда проносились бойцы перед ней
И ею замечен был муж молодой,
Что дивной своей ослеплял красотой.
Постигнув, что тот молодой исполин —
Властителей отпрыск, родной ее сын,
Посланцу в ответ возглашает Хомай:

«Грядет повелитель возглавить свой край!»
Рыдая, сказала: «На троне своем,
Терзаясь, я думала все об одном —
Как стану я, неблагодарная мать,
Ответ пред владыкой небесным держать?
Мне сына послал, но отринут он был,
Мной в водах Евфрата покинут он был.
Злосчастен лишенный отца! По реке
С алмазом он плыл, прикрепленным к руке.
Теперь мне творец его отдал назад —
Да благословен будет вождь Рошневад!»
И сыплет динары царица держав,
С алмазами, с мускусом перемешав,
Их щедро дарит обездоленным всем;
Из скарбниц дирхемы достала затем
И всюду, где знали Авесту, везде,
Где в храмах Огня чтили праздник Седе,
Теряли уж счет, принимая дары, —
Так были деянья царицы щедры.
Когда же десятый забрезжил рассвет,
Примчался к царице ее сипехбед,
Дараб молодой с ним, и войско, и знать,
Но тайну не стали еще разглашать.

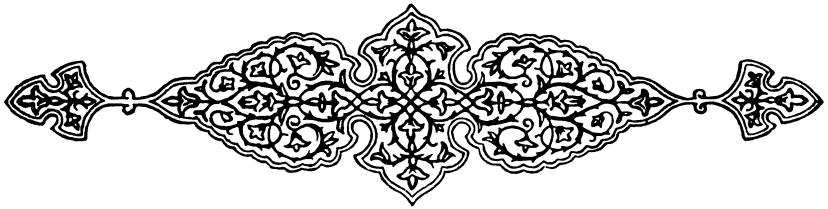
[Хомай возводит на престол Дараба]

На срок семидневный царица царей
Завесу велит опустить у дверей.
Воздвигнут престол золотой, и стоят
Пред ним две скамьи — бирюза и агат.
Готов ослепительный царский венец,
Подвески и цепь из алмазных колец,
Из царской парчи драгоценный убор —
По золоту вьется жемчужный узор.

Зовет звездочета Хомай, у светил
О дне подобающем тот вопросил.
В Бехмен-месяц, в день Шехривера благой *
Был принят царицей Дараб молодой.
Наполнена лалами чаша одна
В дар сыну, другая динаров полна.
И вот уж приблизился славный к дворцу,
С поклоном Хомай подошла к храбрецу.
На сына сокровища льются дождем,
И матери слезы струятся ручьем.
Припала и крепко его обняла,
И нет поцелуям и ласкам числа.
Дарабовой ослеплена красотой,
Возводит его на престол золотой —
Престол озарил молодой шахиншах.
Приблизясь с венцом кеянидов в руках,
Целует и сына венчает Хомай,
И добрая весть облетает весь край.
Когда увенчался на царство Дара,
Просить о прощеньи настала пора.
Сказала Дарабу: «Что было— прошло,
Прошло — словно ветром его унесло.
Была молода и рассудком бедна, —
Царь умер, прельстили престол и казна.
Яви снисхожденье, сдержи свой укор,
Иранским престолом владей с этих пор!»
И слышит от юного богатыря:
«Ты внучка царей, рождена от царя,
Что вспыхнуло сердце твое — мудрено ль?
Лишь раз согрешила — казниться доколь!
Да будет к тебе благосклонен творец,
Врагов твоих злой да постигнет конец!
Предание сложат, запишут о нас,
Вовек не состарится этот рассказ».

«Да будешь,— Хомай отвечает ему, —
Под стать долголетьем венцу своему!»
Велела главе именитых жрецов
Собрать отовсюду благих мудрецов,
Потом созвала меченосных мужей,
Прославленных доблестью богатырей,
Бехмена владыкой велит объявить,
На царство великого благословить.
Венец возложив на царя своего,
Алмазами щедро осыпав его,
Услышали повесть Хомай обо всем,
Что втайне свершила, раскаялась в чем.
Сказала собранию: «Сей исполин —
Бехмена наследник, единственный сын.
Во всем вы ему покоряться должны:
Вы — паства, он — пастырь, владыка страны,
Величьем отмечен, владеет венцом —
Отныне опору ищите лишь в нем!»
Ликующим гулом дворец оглашен:
Взошел молодой повелитель на трон!
Тут выросла груда бесценных камней
Такая, что скрылся лик шаха за ней.
Наполнился счастьем и правдою свет,
Тревог и печалей в помине уж нет.
И слово Хомай услыхали жрецы:
«Пришедшие в мир для добра, мудрецы!
Я тридцать два года копила казну —
Все сыну отдам, и престол, и страну.
С отрадой служите царю своему,
Храня неизменную верность ему!»
Когда, в драгоценной короне, взошел
Счастливый Дара на кеянский престол,
С женою газер появился пред ним,
Сказали, склонясь пред царем молодым:

«Да славишься в гордом сиянье венца,
Врагов твоих да разорвутся сердца!»
Владыка немало монет золотых
Пожаловал им и камней дорогих,
Всех видов парчи — штук по пять — оттого,
Что, сил не жалея, растили его.
С улыбкой сказал: «О газер, с ремеслом
Ты дружен — усердствуй и далее в нем!
Быть может, в реке вновь уловишь ты вдруг
С младенцем, подобным Дарабу, сундук.»
Супруги ушли, славословья творя,
Иранского благословляя царя.
Хоть мойщик одежд высоко вознесен,
К труду своему возвращается он.



ДАРАБ

[Дараб строит Дарабгирд]

Пред тем, как старинную повесть начнем,
Мы благословенье творца призовем
На Абулькасима, чей солнечный лик *
Вселяет любовь к властелину владык.
Влекомый к добру, милосердьем согрет,
Хранит неотступно он правды завет.
Пусть землю Махмудов венец озарит,
Пусть жизнь ему счастье одно лишь дарит!
Да будет он юн, пока юность жива,
11500 В веках его имя да славит молва!
Припомним седого дехкана рассказ —
Как трон Эрдеширу оставил Гоштасп
И как после мудрой царицы Хомай
Дарабом отважным возглавлен был край.
Воссел на престол кеянидов Дара,
Трудов и щедрот наступила пора.
Он с речью такой обратился к мужам,
К мобедам и доблестным богатырям:

«Престол мне за стойкость и рвение дан,
Венец на чело возложил мне Йездан.
Не слышал никто с незапамятных дней
О жизни, чудеснее жизни моей.
Так пусть справедливым я буду царем,
Пусть имя мое поминают добром.
В стране, где обрел я богатства и трон,
Пусть мною не будет никто угнетен.
Украшу и благоустрою Иран,
И радостью будет народ осиян».
И вот уже Рум, а за ним Хиндустан
И много других процветающих стран
Царю подношенья богатые шлют,
Ему угождают, покорность несут.
Однажды собрался владыка страны
В дорогу — свои обозреть табуны.
Равнину проехал и гор он достиг,
И водный простор перед взором возник.
Дараб повелел: «Призовите скорей
Из Хинда и Рума искусных мужей —
Пусть воду ведут, не жалея труда,
Каналами пусть оросят города».
Лишь водам умельцы открыли пути,
Велел новый город Дара возвести.
И вот уж тот город стеной обнесен,
Обрел Дарабгирда название он *.
Святого огня языки вознеслись,
Огонь почитавшие в храм собрались.
Мужи ремесла отовсюду спешат,
Искусством их дивно украсился град.
Потом снарядив закаленную рать,
Послал ее шах рубежи охранять.
Иранцы от недругов защищены
Владыкой, а недруги устрашены.

[Дараб наносит поражение войску Шоэйба]

Так было: сто тысяч арабских бойцов,
Разящих мечом верховых удальцов,
Войною пришли. Вел их грозный Шоэйб,
Чей предок — прославленный витязь Котейб.
Владыка выводит навстречу им рать
Несчетную — взором ее не объять.
Столкнулись два строя рядов боевых,
И мир омрачился от множества их.
Земле уж невмочь это бремя носить,
И на поле брани уж негде ступить.
Дождь копий и стрел, хлещет крови волна —
Степь в море багровое обращена.
Гремят неумолчные клики бойцов,
Кругом громоздятся холмы мертвецов.
Бой длился три дня и три ночи, уж свет
Стал воинам тесен и мочи им нет.
Четвертая ночь наступила, ни зги
Не видно, и в бегство пустились враги.
Шоэйб-предводитель в сражении пал,
И день роковой для арабов настал.
Немало шеломов, кольчуг и мечей,
С богатою сбруей арабских коней
В добычу от рати, покинувшей край,
Досталось венчанному сыну Хомай.
Царь этой добычей бойцов одарил,
Конями, доспехами всех оделил
И мужа, что с речью арабской знаком,
Избрав среди витязей в стане своем,
Правителем в дальнюю степь его шлет,
Дань взять за истекший и нынешний год.

[Дараб сражается с Филькусом
и берет в жены его дочь]

Из степи арабской рать к Руму повел,
Войною сквозь страны цветущие шел.
Вступивши с владыкою русов в союз *,
Румийской державою правил Филькус.
Пришло донесение: с сыном Хомай,
Мол, вторглись несчетные полчища в край.
И вспомнил, лишь выслушал эти слова,
О старых раздорах румийцев глава.
И стал он из Оммурие собирать *
В кровавых боях закаленную рать.
Ворвался Дара с грозной ратью своей, —
Покинуты области у рубежей.
Выходит из Оммурие до зари
Филькус, с ним отважные богатыри.
Три дня смертоносная битва идет,
И солнце четвертого в небе встает.
Пришлось меченосцам Филькуса бежать,
Румийские шлемы в пути побросать.
Их жен и детей захватили в полон
И многих убили, помчавшись вдогон,
И ранили многих — разили сплеча *,
С мечами и копьями следом скача.
Из тех, что на войско Дараба напасть
Решились, вернулась лишь малая часть.
До крепости Оммурие добрались
Одни, а другие иранцам сдались.
Филькус отрядил к шахиншаху посла,
Чей разум был светел, речь плавно текла,
Со множеством царственно́ щедрых даров,
Динаров, алмазов, рабынь и рабов,
С посланьем таким: «Я взываю, стеня,
К творцу, да ведет он ко благу меня!

Я впредь не помыслю сражаться с тобой,
Пусть миром сменится губительный бой!
Пусть реет, рассеяв насилия мрак,
Согласия и милосердия стяг!
Ты Оммурие, мой наследственный град,
Задумал отнять, жизни был я не рад,
Не вынес бесчестия, в ярость пришел,
Позорному плену войну предпочел.
Ты — сын властелина, владыка и сам,
Со мной поступи, как пристало царям».
Послание выслушав, знатных созвал
Дараб, о послании том рассказал,
Спросил их: «Какой мне дадите совет?
Почета достоин Филькус или нет?»
У знати в ответ лишь хвала на устах:
«О царь прозорливый, о праведный шах!
Всех высших ты выше, всех знатных знатней,
В решениях мудрости следуй своей.
Филькусу дочь юная небом дана —
Стройней кипариса, свежей, чем весна,
Меж дев — что алмаз, озаряющий мир,
Такой не сыскался бы в Чине кумир.
Увидев, ты сердцем потянешься к ней,
Покажется тополем вешних полей».
Посланца румийского тут же призвал
Дараб, собираться ему приказал.
«Скачи, — повелел он, — кейсару скажи:
„Коль хочешь почета, его заслужи.
Слыхал я, ты дочери юной отец,
Чья прелесть — красы непорочной венец.
Нахид дал ты имя красавице той,
Ее ты сажаешь на трон золотой.
Пришли ее с данью румийской, тогда
Тебя и престол твой минует беда“».

Речь выслушав, в стан воротился посол,
Посланье до слуха Филькуса довел.
И счастлив Филькус, торжествует и рать —
Высокий, прославленный дан ему зять!
Филькус дал посланцу согласье, и тот
О дани уж переговоры ведет.
На том порешили, что шах каждый год
Брать будет, лишь только Мехр-месяц придет *,
У Рума сто тысяч яиц золотых,
С алмазом отменным при каждом из них,
По сорок мискалей чтоб весил как раз *
И каждый из слитков, и каждый алмаз.
Пощаду, прощение шах даровал
Румийским вождям — всем, кто с ним воевал.
Сановникам Рума веленье дано *
К пути все готовить, как заведено.
За дело, не мешкая, те принялись *
И с дочерью царской в поход собрались.
Шагают верблюды: их десять с парчой —
Алмазный узор на канве золотой,
Три сотни верблюдов — под ношей ковров
И прочих, назначенных шаху даров.
Царевну в носилках везут золотых,
За нею прекрасных рабынь молодых
В богатых уборах, числом шестьдесят,
В руках у них чаши литые блестят.
Аламазами царскими чаши полны.
В серьгах и в короне, прекрасней луны
Царевна. Немало сопутствует ей
Монахов, философов, знатных мужей.
К Дарабу прибыв, с ним её обручил
Епископ, дары ж казначею вручил.
Покинул тут поле войны властелин

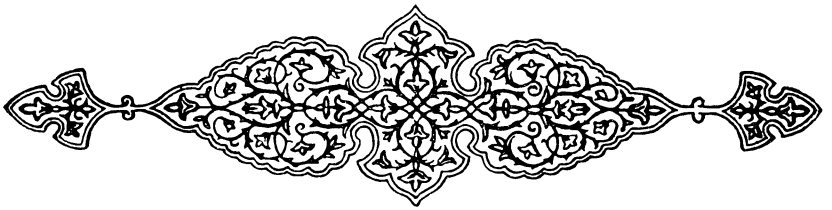
И в Парс воротился со строем дружин,
С женой молодою — на сердце светло;
Воссев на престол, увенчал он чело.

[Дараб отсылает дочь Филькуса в Рум, где она рождает Искендера]

Однажды, украшена, умащена *,
В ночи возлежала с Дарабом жена.
Вздохнула она глубоко, и тотчас
Владыка иранской земли, омрачась,
Отпрянул и к ней повернулся спиной —
В дыханье учуял он запах дурной.
Нахмурились брови Дараба тогда,
И радости в сердце уже ни следа.
Искусных созвать лекарей он велит,
Немедля вести умудренных к Нахид.
Один врачеватель, чей опыт немал,
Ей снадобье надобное отыскал —
Траву, что гортань, словно пламенем, жжет *,
Что звал «искендером» румийский народ.
Вот смазано горло умелой рукой —
У бедной тут хлынули слезы рекой.
Гортань обожгло, стал пурпуровым лик,
А запах недобрый пропал в тот же миг.
Душисто царицы дыхание вновь,
Но поздно — покинула шаха любовь.
Жену с той поры он ласкать перестал
И вскоре к Филькусу ее отослал.
Она уж под сердцем плод брачных утех
Носила, но это скрывала от всех.
Урочное время когда истекло,
Родился младенец: как солнце — чело,
Так складен, так благоуханен, что мать
Его Искендером решила назвать.

Ведь дорог был сердцу ее даже звук
Названья травы, исцелившей недуг.
Всей знати румийской Филькус говорил:
«Престолу наследника я подарил».
Дараба не упоминал властелин:
Филькус был отец, Искендер — его сын.
Кейсар, уязвленный, признаться не мог,
Что чадом родным его шах пренебрег.
В тот миг, как рожден Искендер был на свет,
Услышал известье отрадное дед:
Его кобылице гнедой, что была
Стремительна, неукротима и зла,
В ту ночь довелось жеребенка принесть
Могучего, с львиною гривой. Ту весть
Услышав, в восторг венценосец пришел,
Предзнаменованьем благим это счел.
С зарей привели жеребенка и мать,
Владыка обоих стал гладить, ласкать,
Любуется, новорожденным пленен,
Ведь был Искендеровым сверстником он.
Все так же за годом проносится год,
Свой бег нескончаемый длит небосвод.
Возрос Искендер, стать достоин царем,
Речь гордая, выглядит богатырем.
И доблестью скоро он славиться стал,
С отвагою рвенье и ум сочетал.
Филькус точно сына ласкает его,
В одежды владык облекает его,
Счастливый, с любимца не сводит очей,
Наследником сделал державы своей.
Все то, что познать подобает царю,
Внушили наставники богатырю.
Сказал бы — рожден правосудье творить,
На древнем престоле со славой царить.

Дара же, как только в родную страну
Нахид увезли, взял другую жену.
Был ею рожден — богатырский на вид —
Младенец, он младше младенца Нахид.
Дано ему имя Дара в тот же миг,
Чтоб стал, как отец, и могуч, и велик.
Двенадцать с тех пор только минуло лет —
И хрустнул державного счастья хребет.
Увял, чуть расцветши, сын славной Хомай,
Почуял он — горний зовет его край.
Пред смертью мужей именитых созвал,
Такие слова на прощанье сказал:
«Отныне благим пусть ведет вас путем
Дара, сын Дараба, богатый умом.
Все будьте покорны ему и верны,
И счастьем пребудете озарены.
Увы, ненадолго нам царство дано,
Едва насладимся — уйти суждено.
Живите по правде, согласье храня,
Одним лишь добром поминайте меня».
Умолк и вздохнул, и недвижен лежит, —
Гранатовый цвет обращен в шенбелид.



ДАРА

[Царствование Дары,
сына Дараба,
длилось четырнадцать лет]

Дара, по Дарабу пролив много слез,
До солнца венец кеянидов вознес.
Был молод, но крут, необуздан, гневлив;
Язык свой острее меча отточив,
Воссел на престол и сказал: «Главари,
Могучие, славные богатыри!
Не свергну с высот никого, и на трон
Никто мной не будет со дна вознесен.
Ослушаться воли моей кто дерзнет,
Да знает, что он головы не снесет!
А если кто умысел злой затаит, —
Булат мой изменнику сердце пронзит.
Я буду казною один обладать,
А вам уж накопленных благ не видать.
Не надобен также совет мне ничей,
Все будет свершаться по воле моей.
Дань брать и дарить, и карать буду я,
Мой этот престол и держава — моя».

Дебира искусного царь подозвал,
Велит, чтоб послание тот написал.
Дара, сын Дары, чей отец — Эрдешир,
Речь держит, и пишет премудрый дебир
Князьям и вождям, и любая строка
Посланья царева острее клинка:
«Кто, дерзостный, мне не окажет почет,
Узнает, как головы меч мой сечет!
Когда не склонитесь пред волей моей,
За жизнь трепещите — проститесь вы с ней!»
Подвалы отцовские шах растворить
Велит, чтобы войско свое одарить
Динарами — от четырех до восьми.
На блюдах и в кубках награды несли.
На свет извлекли много злата, клинков
И ратных доспехов, и конских щитков.
Вождей закаленных в боях не забыл,
Уделами княжьими их наделил,
А также бойцов не обидел Дара,
Немало им всякого роздал добра.
Из разных земель со словами хвалы
К владыке владык прибывают послы.
Властители Чина — фагфур и хакан —
И Рума, и прочих прославленных стран —
Все шлют подношенья и щедрую дань,
С владыкой владык не под силу им брань.
Град выстроив новый, Зергушем назвал,
Ахвазу невиданный блеск даровал.
Бедняк ни один не оставлен, дары
Всем розданы щедро по воле Дары.

[Смерть Филькуса и воцарение Искендера]

Недолгое время прошло, и Филькус
Скончался. Лишь Рум сбросил горести груз,
Царить Искендеру настала пора,
И зло обуздал он, взыскуя добра.
Жил в Руме тогда славный муж-доброхот,
Его почитал и любил весь народ.
Тот муж Аристотель прославленный был,
Бесстрашным и правдолюбивым он слыл.
Однажды мудрец к Искендеру вошел,
Воссев перед ним, речь такую повел:
«О царь, одного лишь бесчестья страшись,
Будь мудрым и славы своей не лишись.
Трон этот властителям многим служил,
Но всех он в полете времен пережил.
Коль скажешь: я цели желанной достиг,
В пути уж не надобен мне проводник,
Коль мудрым советам не будешь внимать,
То станут безумцем тебя называть.
Из праха мы вышли, вернемся во прах,
Бессильны у смерти жестокой в тисках.
Твори лишь добро, не покорствуя злу,
И все возносить тебе станут хвалу.
Творящему зло нет покоя и сна,
Да будет душа твоя вечно ясна!
О царь, быть счастливым во власти твоей,
Тебя да минует мрак горестных дней!»
Та речь по душе Искендеру пришлась,
Мудрец ему люб, внятен мудрый наказ.
Лишь с ним совещается с этой поры,
Вступая в войну, возглавляя пиры.
Ласкает и чествует мудрого он,
С собой, лишь увидит, сажает на трон.

Однажды в чертог Искендера вошел
Иранского шаха почтенный посол;
Муж доблестный, знатный, чей светел был ум,
За данью Дарою он послан был в Рум.
Внимая послу, Искендер омрачен,
Не хочет, как прежде, быть данником он.
Сказал он: «Даре передай мой ответ —
Поблек уговор, прежней силы в нем нет.
Та курица, что золотые несла
Яички, устав от трудов, померла».
Посол, это выслушав, страхом объят;
И стольный с зарею покинул он град.
Спешит Искендер меченосцев созвать
И все происшедшее им рассказать.
Сказал он потом: «Как наш ум ни остер,
Напрасен с судьбою всевластною спор.
По свету в поход мне пуститься пора,
Немало изведать и зла, и добра.
В дорогу и вы собирайтесь со мной,
Проститесь надолго с землею родной!»
Сокровищниц дедовских двери раскрыл
И войско большое в поход снарядил.
С зарей оглашается кликами Рум,
Литавры гремят, всюду грохот и шум.
Лазурное знамя несут за царем *,
Багряная надпись сверкает на нем.
Колышутся стяги, грохочет кимвал,
И вот уж до Мисра кейсар доскакал.
Царь Мисра навстречу привел свою рать,
Готовую недругу противостать.
Два войска сошлись, бой все жарче, шумней,
Сраженье кровавое длилось семь дней.
На утро восьмое врагов победил
Кейсар, к избавленью им путь преградил.

Строй воинов Мисра рассеян, сметен,
Румийцы устали уж брать их в полон.
В добычу немало досталось коней
И копий, и палиц, и хиндских мечей,
Серебряных сбруй, золотых кушаков,
В блистающих ножнах мисрийских клинков.
Нет счета парче, драгоценным камням,
Под ношей тяжелой нет мочи коням.
Сдались Искендеру немало вождей,
Прославленных доблестью богатырей.
Из Мисра, победой своей окрылен,
К иранской земле устремляется он.
Дара, услыхав про румийскую рать,
Идет из Истахра набег отражать.
И столько бойцов с ними и копий стальных,
Что ветер и то б не пробился сквозь них.
Клянется он Рум одолеть, покорить,
Ту землю цветущую сжечь, разорить.
К Евфрату с бойцами пришел шахиншах,
Несчетны они, словно травы в лугах.
У берега стан свой раскинула рать,
Уж волн за железной броней не видать.

[Искендер прибывает к Даре под видом своего посла]

Услышал о том Искендер, и с зарей
Рать вывел, готовый сразиться с Дарой.
Меж войск два фарсанга осталось уже,
Привал учинили на том рубеже.
Вожди на совет к Искендеру идут,
О замыслах шаха с ним речи ведут.
Советников речи царь слушать устал;
«Одно мне осталось,— вождям он сказал, —
Явиться под видом посла своего,

Разведать, что в мыслях врага моего.»
Велит он убор принести и кушак
Алмазный — посланца державного знак.
Вот в ножнах сверкающий меч подают,
Коней в ослепительных сбруях ведут.
И десять избрав меж своих удальцов,
Владеющих речью персидской бойцов,
Покинул он стан в блеске первых лучей,
С ним десять испытанных тех толмачей.
Представ пред врагом венценосным своим,
Румийский владыка склонился пред ним.
Послу миродержец почет оказал
И место близ трона ему указал.
Дивясь, на посланца иранцы глядят,
Создателя имя в восторге твердят:
Мол, что за краса, что за сила и стать!
Величье, достоинство — силе под стать.
Воссел он и с места поднялся тотчас,
Царю передал Искендера наказ.
Вначале хвалу венценосцу воздал,
Ему нескончаемых лет пожелал,
Сказал от лица Искендера потом:
«Величьем прославленный в мире земном
Владыка! С тобой не стремлюсь воевать,
В Иране свою не оставлю я рать.
Задумал с бойцами я свет обойти,
Все страны земные увидеть в пути.
Лишь мира ищу, дружелюбьем ведом,
С тех пор, как Иран во владенье твоем.
Но если пройти не дозволишь ты нам, —
О шах, не лететь же нам по небесам!
Еще не изведав, что в сердце таю,
Навстречу дружину привел ты свою.
Что ж, если желаешь ты, — в битву вступай,

Без боя, поверь, не покину твой край.
Решай же, когда нам сраженье начать,
И только не вздумай решенья менять!
Ведь я уклоняться от битв не привык,
Не дрогну пред силой сильнейших владык!»
Посла благородству, осанке, уму
Дивится владыка, внимая ему.
Сказал бы, его величавый двойник
Пред ним появился в уборе владык.
«Из рода чьего ты? — Дара вопросил, —
Властителя свет на тебе опочил.
Слуг царских ты с виду знатней не в пример,
Сдается мне, право, что ты Искендер.
Ведь с речью такою, осанкой, лицом
Для трона ты создан небесным творцом!»
Ответ был: «Ни мирной, ни бранной порой
Того не свершил бы владыка-герой.
Иль мало венчанному служит бойцов,
Блистающих мудростью средь мудрецов?
Наш царь, осененный величьем таким,
Сам мог ли явиться посланцем своим?
Нет, слишком он мудр, чтобы так поступить,
Обычаи предков своих преступить.
Велел мне владыка доставить наказ,
И я устремился к тебе в тот же час».
И вот уж посланцу румийской земли
Ему подобавший покой отвели.
Столы венценосец велит накрывать
Для пира и гостя румийского звать.
Призвали высокого гостя того,
На месте послов усадили его.
Насытясь, певцов, музыкантов зовут,
Под пение струн вина пенные льют.
Посланец до дна чашу первую пьет

И тут же за пазуху чашу кладет.
Вторую потом осушил он и скрыл,
И это еще много раз повторил.
Донес виночерпий: «Пленили посла
Знать, чаши — исчезли они со стола».
И шах повелел обратиться к нему
С вопросом: мол, прячет он чаши к чему?
Сказали: «Ты видом с владыками схож!
Зачем же за пазуху чаши суешь?»
И слышит в ответ: «Царедворцы! Давно
Дарить их посланникам заведено.
Но если Ирана устав не таков,
Я шахской казне возвратить их готов».
Дивясь, посмеялись при этих словах,
И чашу посланнику жалует шах,
Алмазами полную. Солнечно-ал,
Ту чашу венчает невиданный лал.
Из Рума меж тем воротились в Иран
Сбиратели дани. Лишь прибыли в стан —
К Даре поспешили; склонясь до земли,
Они венценосцу хвалу вознесли.
Начальник на лик Искендера глядит,
И шаху вполголоса он говорит:
«Ты дело имеешь с румийским главой.
Его на престоле, в венце, с булавой
Я видел, о славный владыка, в тот час,
Когда снаряжал ты за податью нас.
Румиец разгневанный нас оскорбил,
Тебе, государь, непокорность явил.
Пришлось из румийского царства бежать,
В полуночной тьме без оглядки скакать.
Мы в Руме не видели равных ему.
Он хитростью к трону теперь твоему
Пробрался: знать, тайною целью влеком —

Все вызнать о войске и крае твоем».
Когда ему так сборщик дани шепнул,
Шах пристально на Искендера взглянул,
И понял державы румийской глава,
Какие Даре нашептали слова.
Но ждет, не меняясь в лице, Искендер.
Лишь день отгоревший стал сумрачно-сер,
Шатер он покинул, вскочил на коня
И, вдаль скакуна что есть мочи гоня,
Сказал устремившимся следом за ним
Соратникам неустрашимым своим:
«В ногах у коней наши жизни! Когда
До срока они изнемогут — беда!»
С бойцами летит Искендер все быстрей,
Спасаясь от гнева владыки царей,
А тот оглянулся и видит, что нет
Уж с ним Искендера, исчез сипехбед.
К шатру его тут же скакать повелел,
Но тщетно искали, шатер опустел.
Царя прозорливого минуло зло,
Его недреманое счастье спасло.
Шах тысячу выслал вдогон верховых,
Наездников неутомимых, лихих.
Те вихрем помчались румийцам вослед,
Но тщетно искали утраченный след
И вспять с наступленьем ночной темноты
Вернулись, завидевши вражьи посты.
Меж тем Искендер уже в ставке своей;
Средь высокородных румийских мужей
Сидит он, доволен посольством своим,
И чаша с алмазами блещет пред ним.
«Век здравствовать вам! — говорит он мужам, —
Ликуйте, удача сопутствует нам.
Отныне над звездами властвую я,

Знак добрый — добытая чаша сия.
Успел я и вражьих бойцов сосчитать,
Не столь многочисленна недруга рать.
Пора нам для битвы мечи занести,
Из этой равнины безлюдной уйти.
Пусть ратный исполнен опасностей труд,
Зато вас богатство и почести ждут.
Создатель вселенной — мне щит и оплот,
Судьба неизменно мне милости шлет.»
Владыке мужи отвечают хвалой:
«На благо народам всей властвуй землей!
Мы в верности вечной клянемся, любя,
Не жаль нам и жизни отдать за тебя.
Какой властелин бы сравнился с тобой
Могуществом, доблестью, славной судьбой!»

[Сражение Дары с Искендером]

Вот ясное солнце над миром взошло,
И черного ворона скрылось крыло.
Венчанный Дара двинул воинский строй —
Мир словно оделся в покров смоляной;
Повел от Евфрата огромную рать, —
Ты б травы в степи мог скорей сосчитать.
Услышал о том Искендер и в кимвал
Забить, рать навстречу вести приказал.
Нет счета доспехам, индийским клинкам,
И воинским латам, и конским щиткам.
Сказал бы: равнины безбрежный простор —
Что море, где волны-войска выше гор.
Сошлись и схватились ряды смельчаков,
Расплавилось солнце от блеска клинков.
Войскам на подмогу слонов привели,
Стал Нилу подобен лик грозный земли.
За строем бойцов — строй слонов боевых,

Никто уж не чает остаться в живых.
Скажи — небеса плачут кровью навзрыд,
От слез их земля закипает, бурлит.
От конского ржанья и кликов мужей,
От стука булав и бряцанья мечей,
От гонгов индийских, от воя трубы
Сердца леденеют на поле борьбы.
Равнина завалена грудами тел,
А воздух, как негра лицо, почернел.
На поле семь дней от зари до зари
Сражались неистово богатыри.
На утро восьмое вдруг ветер подул,
Пыль черную к самому небу взметнул,
И свет для иранцев затмился, лишь прах
Стоит у них темною тучей в глазах.
И, дрогнув, Дара обращается вспять,
И следом за ним устрашенная рать.
В смятенье все прочь без оглядки летят,
И вот уж явился их взорам Евфрат.
Вдогон меченосцы румийской страны;
Те в горе, а эти — веселья полны.
До самого берега недругов гнал
Царь Рума — убитым он счет потерял.
Но тут победитель окончил свой путь,
Велел от Евфрата назад повернуть.
И вот уже снова он на поле том,
Где в битве восторжествовал над врагом.

[Второе сражение Дары с Искендером]

Когда от бойцов Искендера бежал
Дара— верховых он гонцов разослал.
Иранских, туранских скликает вождей,
И воинам мзду раздает казначей.
В дни первые месяца рать снарядил

Дара, именитых на брань вдохновил.
И вновь за реку переправясь потом,
Построил бойцов на просторе степном.
Об этом лишь слух к Искендеру дошел,
Немедля он войско навстречу привел.
Со строем столкнулся воинственный строй, —
Сказал бы, вселенная ринулась в бой.
Три дня этот бой смертоносный кипел,
И стало уж на поле тесно от тел.
Иранцы несчетные там полегли,
Покинуло счастье владыку земли.
Бежал он, душой погруженный во тьму,
Светила немилость явили ему.
Как вихрь, Искендер устремился вослед,
В восторге он славит создавшего свет.
Донесся до войска иранского зов:
«Заблудшие! Вас пощадить я готов.
Вернитесь же, зла я не сделаю вам
И войску чинить вам обиды не дам.
Йездану себя поручите и, страх
Забывши, в своих пребывайте шатрах.
Румийцы вам жизнь подарили, хоть вы
Напали и руки омыли в крови».
Бойцы, услыхав, что от смерти спаслись,
Коней повернули, румийцам сдались.
Кейсар Искендер, вновь на поле примчась,
Добычу велел собирать в тот же час;
Воителей щедро своих наградил —
Сказал бы ты, заново рать снарядил.
Иранцы меж тем водворились в шатрах;
Когда отдохнули и войско, и шах,
Венчанный Дара устремился в Чехрем,
Град славный — в нем ключ был к сокровищам всем.
Вот в пламени горя душою горя,

Иранцы стекаются в ставку царя.
Рыдает утративший сына отец,
Отца потерявший, рыдает юнец.
И вопль над Ираном поднялся людской,
Глаза обагрились кровавой росой.
Владыка, покинув Чехрем, отступил
В Истахр, что в ту пору столицею был *.
И тотчас к вождям именитым гонцы
С призывом во все поскакали концы.
Украсился пышно дворец, возведен
Для шаха из чистого золота трон.
Воссел он на трон золотой, и тотчас
Властителя верная рать собралась.
Сказал он: «Ирана мужи, мудрецы,
В сражениях чуждые страха бойцы!
Как быть? До злосчастных мы дожили дней!»
И хлынули слезы из царских очей.
Воскликнул, рыданья сдержав: «Лучше пасть
Со славой, чем Руму отдаться во власть.
Издревле был данником предков моих
Кейсар, признавал властелинами их.
Покорно склонялся пред нами всегда
Рум гордый, но грянула ныне беда.
На царство мое Искендер посягнул,
Себя объявить миродержцем дерзнул,
Но тем не довольствуясь, дальше пойдет,
Весь Парс он безжалостно кровью зальет.
Ни старых, ни юных не милует он —
Тех губит, а этих уводит в полон.
Но если в беде вы готовы помочь,
Захватчика, верю, изгоним мы прочь.
Когда-то добычей иранцев была
Румийская рать, — их сломить не могла.
Мы ныне добыча, а тигры они, —

Дрожа, с поля брани бежим в эти дни.
Коль станете насмерть спиною к спине, —
Осилим, и горе румийской стране!
А если мы дрогнем в кровавом бою,
Отступим, за жизнь устрашившись свою, —
Позор наш отчизну надежды лишит,
Рум станет Зохаком, паду, как Джемшид».
Так молвил, а очи печали полны,
Лик бледен, уста от страданья черны.
Тут все поднялись, как один, и ответ
Такой дал владыке старейшин совет:
«Владыка, тебе мы внимали, скорбя,
Не надо нам жизни самой без тебя.
Мы все, как один, яро в бой поспешим,
Врага в роковые тиски заключим.
Кольчуги мы сцепим румийцам на страх *,
Отчизну спасем иль поляжем во прах!»
Оружье и злато шах роздал мужам,
Бойцам именитым, отважным вождям.

[Третье сражение Искендера с Дарой]

Дара, словно месяц, взошел на престол;
Лишь только тот слух до румийцев дошел,
Рать вышла в поход по веленью вождя;
Глядит он, Йезданово имя твердя, —
Ни края румийским рядам, ни числа!
Знать, горькая участь иранцев ждала.
Но шах уж готов вражье войско встречать,
Такую повел из Истахра он рать,
Что, скажешь, земля это бремя нести
Не в силах и солнцу пути не найти.
Булаты и копья, и палицы сжав,
Построились в поле бойцы двух держав.
Так поле их кликами оглашено,

Что небо, сказал бы ты, оглушено.
Багрова от крови земля, груды тел
Усеяли бранного поля предел.
Для жалости к сыну уж в сердце отца
Нет места, — ты скажешь, застыли сердца.
Не сжалился рок над Ираном, разбит
Дара до заката, враг следом летит.
Но скачет к Керману Дара напрямик,
И меч Искендера его не настиг.
Меж тем устремился румийский герой
В Истахр, украшавший Иран той порой.
Послышался клич у дворцовых ворот:
«Внемлите все те, кто иранцев ведет!
Кто кается в том, что доселе творил,
И хочет, чтоб жизнь я ему подарил,
Кто доброжелатель мой, не лиходей, —
Тот, ведайте все, под защитой моей.
Увечным великую щедрость явлю,
И крови иранской я впредь не пролью,
Не трону я также чужого добра,
Ко благу мне душу направить пора.
Ведь счастье, величье, престол, торжество
Обрел я по воле творца моего.
Но кто супротив моей воли пойдет,
В драконову пасть в тот же миг попадет».
Богатствами теми, что в битве добыл,
Царь воинов рати своей одарил.
Дара же, достигнув Кермана, в живых
Из богатырей и вождей боевых
Лишь горсть увидал. Всюду стоны слышны
И головы горестно обнажены.
Льют славные витязи слезы рекой *,
Пеняют на жребий безжалостный свой.
Собраться соратникам царь приказал,

В печали слова им такие сказал:
«Грешны мы, должно быть! По нашей вине
Нас небо карает. Доселе в войне
Ударов столь тяжких никто не видал,
От старцев и то о таких не слыхал.
Тот скошен стрелой, этот пал от копья,
И царская стонет в неволе семья.
Найдите же средство отмстить ему так,
Чтоб в дерзком набеге раскаялся враг.
Все отнял — престол и венец, и страну,
И власть, и сынов, и войска, и казну.
Коль гнев свой на милость не сменит Йездан,
Бесславно погибнет великий Иран».
Один из вождей, что от смерти спаслись,
Ответил, рыдая: «На нас не гневись,
О славный владыка, мы так же, как ты,
Душой изнываем в тисках маяты.
Уж волны смыкаются над головой,
О битвах ли думать в сей час роковой!
Здесь — сын без отца, там — без сына отец,
Знать, так на роду написал нам творец!
Кто дочери милой лишен, кто жены,
В неволю румийскую уведены
Затворницы юные — те, что, любя,
Лелеяли, оберегали тебя.
Похищены также твоих кладовых
Богатства — наследие предков благих.
От царственных жен до сокровищ, о шах, —
Все нынче у недругов наших в руках.
Царю Искендеру мы противостать
Не сможем, напрасно погибла бы рать.
Исход лишь один — примиренья просить,
Ведь вечно венец никому не носить.
Расстаться с ним — мудрому ясно — придет

Владыке румийскому также черед.
Смирись же! К нему на поклон поспешив,
Покорность являй и в речах будь учтив.
Какой он ответ пожелает нам дать —
Кто знает? Грядущеее как разгадать?
Вначале посланье врагу напиши,
Уму его новые думы внуши.
Украсивший знаньем и мудростью речь
Зло в корне порою умеет пресечь».
И, как подобало владыке, Дара
Внял мужу, искавшему только добра.

[Послание Дары Искендеру с предложением мира]

Писца искушенного шах подозвал,
Пергамент и мускус подать приказал.
И сказывать стал он письмо, и при сем
Льет слезы кровавые, бледен лицом:
«Дара, сын Дары, чей отец Эрдешир, —
Царю Искендеру, дивящему мир».
Восславлен им далее мира оплот,
Что блага и бедствия смертному шлет,
А дальше писал он: «Кто сердцем не слеп,
Тот спорить не станет с веленьем судеб.
То нас вознесут, то низвергнут на дно,
Нам то ликовать, то рыдать суждено.
Не доблесть бойцов, не кипение сил
Решили наш спор, а веленье светил.
Что сталось — то сталось, уж так суждено,
На жребий пенять ни к чему все равно.
Теперь, коль раскаешься в этой войне
И дашь ты обет примирения мне, —
Казной Исфендьяра, Гоштаспа казной
Тебя одарю. Из наполненных мной

Сокровищниц все, что угодно тебе,
Пришлю я. К тому же в кровавой борьбе
Союзником стану твоим с этих пор,
Не дрогнув, врагам твоим дам я отпор.
Ты ж всех, кто в неволе томится твоей, —
Плененных затворниц моих и детей,
Я чаю, домой повелишь отпустить,
Негоже властителю мстительным быть.
Коль жен похищает державы глава,
Вовек не сочтет его правым молва.
Лишь только, о мудрый, посланье прочтешь,
Ответ подобающий, верю, пришлешь».
На быстром коне в неприятельский стан
Гонец устремился, покинув Керман.
Посланье прочтя, отвечал Искендер:
«Премудрый Дара — всем великим пример.
Любой, кто ослушаться шаха дерзнет,
На жен его иль дочерей посягнет, —
Не трон обретет — гробовую доску
Иль в петле повиснет на первом суку.
Никто из иранцев обижен, клянусь,
Не будет, на золото их не польщусь.
Вернуться ты можешь в Иран. С этих дней
Все царство, как прежде, во власти твоей.
Вовек не покину покорности путь,
Без воли твоей не дерзну и вздохнуть».
Посланье гонец мчит быстрее челна —
Душа падишаха печали полна.

[Дара погибает от руки своих везиров]

Дара, Искендера ответ прочитав,
Воскликнул: «О рока изменчивый нрав!»
Решил, поразмыслив: «Нет, лучше не жить,

Чем Рума владыке покорно служить!
Клянусь, мне гробница позора милей.
Я слышал не раз от достойных мужей:
Когда подступает морская волна,
За нею уж капля дождя не видна.
Союзником многих бывал я в войне,
Когда же нагрянуло горе ко мне,
Никто на подмогу мне рати не шлет,
Изед лишь один мой последний оплот».
Друзей ни вблизи, ни вдали не найдя,
Владыка готовит для Фура-вождя
Послание, полное жаркой мольбой.
Восславив воздвигшего свод голубой,
Так пишет потом: «О индийцев глава,
Чью мудрость и мощь прославляет молва!
Должно быть, уже ты услышал о том,
Что горьким, злосчастным постигнут я днем.
Из Рума набег Искендер совершил,
Меня всех владений исконных лишил.
Все отнял — сынов и престол, и страну,
И царский венец, и войска, и казну.
Когда согласишься на помощь прийти,
Поможешь беду от меня отвести, —
Ни в чем недостатка не будешь ты знать —
Так много даров поспешу я прислать.
Отвагой прославишься в мире к тому ж,
Чтить станет тебя каждый доблестный муж».
И к Фуру, чьи правили дед и отец,
Понесся, как вихрь, шахиншахский гонец.
О том, что содеяно было Дарой,
В Истахре узнал Искендер той порой,
И в медные трубы велел он трубить,
В литавры и гонги индийские бить.
Спешит из Истахра он рать повести

Такую, что сбилось и солнце с пути.
Вот грянули клики, два войска сошлись,
Сердца удальцов встрепенулись, зажглись.
Ведет Искендер неохватную рать,
Высь разом померкла, земли не видать.
Но шли неохотно в тот гибельный бой
Дружины, что собраны были Дарой.
Иранцы утратили силу свою,
Удача от них отвернулась в бою.
Львы прежние стали трусливее лис,
Не стали сражаться, румийцам сдались.
С вершины величия в бездну стыда
Вожди боевые низверглись тогда.
Не в силах судьбине противостоять,
Владыка в отчаянье кинулся вспять.
С ним вместе бежали три сотни мужей,
Ирана прославленных богатырей.
Двоих он везиров имел, мудрецов *,
Что были с ним рядом в разгаре боев.
Один из везиров тех звался Махьяр,
Другой был по имени Джанусияр.
Поняв, что надежды уж нет для Дары,
Что славы не знать ему с этой поры,
Один из везиров другому сказал:
«Злосчастный навеки престол потерял.
Не лучше ль его обезглавить иль грудь
Ему закаленным кинжалом проткнуть?
Тогда Искендер не замедлит вручить
Нам царство, престолом, венцом наградить».
Все дальше спешат, черных мыслей полны,
Везиры, хранители царской казны,
И едет меж ними печальный Дара.
Пришла грозовая ночная пора.
Кинжал свой тут выхватил Джанусияр

И в грудь венценосцу наносит удар.
Владыка, столь гордый и славный, поник, —
Предатели прочь унеслись в тот же миг.

[Предсмертное завещание Дары Искендеру]

Примчавшись, сказал Искендеру везир:
«О царь, чьим победам дивится весь мир!
Твой недруг венца и престола лишен,
Знай, нами безжалостно он умерщвлен».
Лишь выслушал Джанусияра слова,
Охвачен печалью, румийцев глава
Спросил: «Где же вами поверженный враг?
Туда я направлюсь, мне нужен вожак».
Вперед устремляются проводники,
Душа Искендера во власти тоски.
Домчались: Дара, недвижимый, лежит,
Кровь — маков алее, лицо — шенбелид.
Коня Искендер придержать повелел
Везирам, с седла легче ветра слетел
И голову шахскую, скорбью томясь,
Прижал он к груди. Над Дарой наклонясь,
Зов слабый его Искендер услыхал
И гладить руками лицо его стал.
С его головы снял венец золотой,
Сорвал с него панцирь тяжелый литой.
Поняв, что сраженного не исцелить,
Не в силах он горькие слезы не лить,
Вскричал: «Муки пусть облегчатся твои
И недруги пусть устрашатся твои!
Подать золотой паланкин прикажу,
А если ты в силах — в седло усажу.
Из Рума и Хинда я скликну врачей,
Гляжу на тебя — льется кровь из очей!

Лишь ты исцелишься, отсюда уйдем,
Владыкой в краю ты пребудешь родном.
Твоих зложелателей не пощажу,
Повесить их вниз головой прикажу.
Такое услышать вчера привелось,
Что кровью, верь, сердце мое облилось.
Сказали мне старцы — мы братья с тобой.
Не горько ли род выкорчевывать свой!»
Дара, это выслушав, молвит в ответ:
«Да будет с тобой вечный разума свет!
За то, что сейчас говорил ты, любя,
Да вознаградит наш создатель тебя.
Сказал, что под власть отдаешь мне Иран,
Возглавить дозволил воителей стан.
Но ближе я к гробу, чем к трону! Тому,
Кто счастьем покинут, престол ни к чему.
Так нами играет изменчивый рок:
Сегодня он милостив, завтра жесток.
В душе своей мыслей тщеславных не сей:
Мол, всех превзошел я отвагой своей!
Йездан лишь ведет нас ко благу и злу,
Ему возноси неустанно хвалу!
Сему подтвержденье найдешь, Искендер,
В судьбине моей — всем мой жребий пример.
Верховным владыкой был краю всему,
И не причинял я обид никому,
Казна моя неистощима была,
Коням и доспехам не знал я числа.
Я радостно жил среди близких и жен,
Заботами нежными их окружен.
Племен и времен я владыкою был, —
Так было, пока я с удачей дружил.
А ныне всех благ я лишился былых,
Стал жертвой предательства недругов злых,

И жен и потомства лишиться пришлось,
Затмился мой день, и ослеп я от слез.
Никто из родных мне помочь не придет,
Йездан — мой единственный щит и оплот.
Томлюсь у безжалостной смерти в тисках,
И кровью моей орошается прах.
Вот жребий живущего! Будь он царем
Иль славным, воинственным богатырем,
Конец его славе придет все равно,
Стать смерти добычей ему суждено».
Над шахом, простертым во прахе, в крови,
Брат плачет в тоске неутешной любви.
Увидев те слезы и бледность ланит,
Поняв, что всем сердцем великий скорбит,
Шах молвит: «Не мучь меня горем своим,
Что проку в огне, приносящем лишь дым?
Такой наделил меня долей творец,
Таков моих дней отсверкавших конец!
Внемли же завету теперь моему,
Запомни и сердцем будь верен ему».
«Приказывай! — слышен румийца ответ, —
Я твой обещаю исполнить завет.»
И речь продолжает Ирана глава,
Звучат наставлений предсмертных слова:
«О царь, о герой именитый, внемли:
Страшись властелина небес и земли,
Того, кто и время и мир сотворил,
Создателя слабых, подателя сил.
Заботься о чадах родимых моих,
О близких, о женах любимых моих.
Супругом стань дочери юной моей,
Ее от невзгод охраняй и лелей.
Красавицу мать Ровшенек нарекла* —
Свет радости миру она принесла.

Хулы за нее не услышишь вовек,
Лишь славу тебе принесет Ровшенек.
Из древнего царского рода она,
Умом проницательным одарена.
Пусть сына она принесет тебе в дар,
В котором воскреснет герой Исфендьяр.
И пусть он Зердештов огонь вознесет
И в руки святую Авесту возьмет.
Пусть храмы Огня воздвигает везде,
Новруз почитает и праздник Седе *
С днем радостным Мехра, с Хормозовым днем,
Одним только разумом светлым ведом.
Пусть вновь укрепит он Лохраспов закон,
Возвысит священный Гоштаспов закон,
Различье меж высшим и низшим хранит,
Чтит веру святую и благо творит».
На это ответил Даре Искендер:
«Царь чистой души, благочестья пример!
Твое завещанье исполнить клянусь.
С державой твоею теперь распрощусь,
Твоим пожеланиям верность храня.
Пусть разум к добру направляет меня!»
Тогда Искендера царь за руку взял,
Ему, обливаясь слезами, сказал,
К устам поднеся его руку: «Прощай,
Тебе завещаю любимый мой край.
Мне время настало в земле опочить,
Бессмертную душу Йездану вручить».
И с жизнью расстался он, так говоря,
И горько народ весь оплакал царя.
Тут стал Искендер одеяния рвать
И прахом свой царский венец посыпать.
Гробницу для брата воздвиг своего
В согласье с обрядами веры его.

Лишь сном ему вечным уснуть привелось,
Кровь смыли душистою влагою роз,
Одели в богатый парчовый убор —
На золоте чистом алмазный узор.
Засыпали мускусом тело Дары,
Его не увидеть уж с этой поры!
Воздвигли престол в усыпальнице той,
Над ним водрузили венец золотой.
И вот уж Дара в золоченом гробу,
Клянет Искендер удрученный судьбу.
Вот подняли гроб и в печали несут,
И в руки из рук его передают.
Льют горькие слезы герои, вожди,
И, пеший, кейсар Искендер впереди
Шагает, раскаяньем тяжким томим,
И вот усыпальница уж перед ним.
По воле его на престол водружен
Гроб шахский, как требовал древний закон.
Покинув державной гробницы предел,
Воздвигнуть он виселицы повелел.
На первой повешен был Джанусияр,
Висит на другой вероломный Махьяр.
Сразивших властителя в час роковой
Живыми повесили вниз головой.
Бойцы Искендеровой рати сошлись,
Камнями убийц побивать принялись.
Мучительный, страшный конец их постиг —
Пощады не стоят убийцы владык!
Иранцы, узнав обо всем, что свершил
Кейсар Искендер, как Дару он почтил, —
От сердца хваленья ему вознесли,
Признали его властелином земли.

[Искендер пишет послание иранской знати]

Спешит из Кермана посол в Исфаган,
К героям, которыми славен Иран.
Примчавшись, к затворницам шахским вошел
Почтенье внушающий мудрый посол.
Про все, что постигло Дару, рассказал,
Потом Искендера наказ передал:
«Врагов удручает, не только друзей,
Смерть доблестных и справедливых царей!
Угас повелитель иранской земли,
Но знайте, во мне вы Дару обрели.
Дел добрых я больше его совершу,
Отчаянью не предавайтесь, прошу.
Венчанный владыка и храбрый боец —
Всех рано иль поздно постигнет конец.
В Истахр устремитесь, град стольный, родной,
Вам должно гордиться союзом со мной.
Пребудет таким же, как прежде, Иран,
Да будет весельем ваш дух осиян!»
Готовы посланья для всех областей,
Для всех именитых мужей и вождей.
Филькуса великого сын, Искендер,
Гроза супостатов, отваги пример
Всем пишет подвластным Ирану царям,
Воинственным витязям-богатырям,
А также мобедам премудрым, седым
Слов добрых немало написано им.
Что ж пишет вельможам иранской земли
Наследник короны кеянской — внемли.
Лишь амбры коснулся китайский калям,
Хваленья владыка вознес небесам.
Он праведного превознес судию,
Чьей волей возникнуть дано бытию,
Чьей мудростью движется свод голубой,
За кругом свершающий круг над землей:

«Покорно все сущее воле его,
А мы только слуги творца своего.
По милости непревзойденной своей
Да благословит он иранских мужей!
Иранцы! Да славится каждый из вас,
У жизни лишь правде и чести учась!
В час радостный горем я злым удручен,
В разгаре победы бедою сражен.
Творцом, охраняющим солнца накал,
Клянусь я, что смерти Дары не искал.
Не пришлым, домашним убит он врагом,
Погублен своим вероломным рабом.
Сразивший владыку возмездьем сражен,
Постигнут господнею карою он.
Вы ж мирный обет мне должны принести,
Душой поклянитесь мне верность блюсти,
И счастье тогда ниспошлет вам творец.
Дам каждому злато, рабов и венец.
О славном Даре непрестанно крушусь,
Заветы его преступить не решусь,
И, верьте, со щедростью царской приму
Я всех, кто придет ко двору моему.
Кто хочет сберечь родовой свой очаг,
Мне должен быть преданный друг, а не враг.
Все подать платите казне, и тогда
Минует вас гнев мой, минует беда.
Всегда Искендеру пребудьте верны,
Лишь имя мое на монетах страны
Чеканьте, но каждый подвластный мне царь
Пусть градом престольным владеет, как встарь.
Храните, как прежде, свои рубежи,
Усердны и бдительны будьте, мужи!
И стража, свершая базаров обход,
Пусть именем царским порядок блюдет,
Чтоб воры ущерб учинять не могли,

Искендер среди иранцев

Рукопись ГПБ № 334. XVII в.

Чтоб дни вам довольство и счастье несли.
Из каждого града девицу притом,
Прекрасную, чистую, с ясным умом,
Достойную царских чертогов златых,
Готовую чтить веру предков моих —
Коль волей своею пойдет — не под стать
Властителю деву к любви принуждать —
Пришлите в покои мои, где живут
Лишь те, что меня господином зовут.
В краю нашем странников много, они *
Проводят в постах и радениях дни.
Зовут их суфиями, чистых душой,
Счастливых и гордых своей нищетой.
В них, знайте, не нищих вы видеть должны,
Не низших, а высших — для блага страны.
А если кто будет обижен из вас
Сановником несправедливым, тотчас
Постигнет беда нечестивца того:
Я весь его род — не его одного —
За то, что он сбился с пути, истреблю,
На виселицу лиходея пошлю.
Мы смертны, всех ждет неизбежный конец *.
Недолгие дни отсчитал нам творец,
Так щедростью обогащайте сердца
И честью венчайтесь — нет краше венца!
Но знайте, мятежников не пощажу,
Жестокою карою их накажу.»
Наказ разослал он и твердой рукой
Стал править, даруя народам покой.
Покинув Истахр и примчавшись в Керман,
Воссел, кеянидов венцом осиян.
Никто еще в тайны судьбы не проник,
От смертных она укрывает свой лик.
К познанью стремись, не погибнут труды,
[62 628] Там, в мире нездешнем, вкусишь ты плоды.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

В этом томе, так же как и в третьем, при переводе часто использовалась, кроме основного текста (Вуллерс—Нафиси, Тегеран, 1934, в сокращении В.—Н.), старейшая Лондонская рукопись (в сокращении Л., см. том I — Вводный очерк, стр. 475—481). Здесь оговорены следующие виды использования указанной рукописи: перевод по варианту Л., перевод отсутствующих в основном тексте стихов, введенных из Л., и, наконец, пропуск в переводе сомнительных стихов основного текста, отсутствующих в Л. Пометка о пропуске стихов без ссылки на Л. означает, что опущенное место повторяет содержание смежных с ним стихов и является, по мнению переводчика, позднейшей вставкой. Все пропуски обозначены согласно нумерации В.—Н. с указанием бейта (двустишия) и страницы, выделенных жирным шрифтом.

Случаи использования в переводе вариантов, приводимых у В.—Н., обычно не оговариваются.

В комментариях отмечены те места текста, где при идентичном содержании число стихов в переводе не совпадает с числом стихов в подлиннике.

Пометка «перестановка бейтов» указывает на то, что в переводе, соответственно особенностям русского стиха и синтаксиса, допущена перестановка смежных бейтов подлинника. Редкие случаи более отдаленных перестановок выделены особо. В тех случаях, когда в поэтическом переводе оказываются выпавшими какие-либо реалии или когда представляющая интерес идиома подлинника переводится по общему смыслу, в комментариях дается дословный перевод.

Небольшие примечания справочного характера обычно снабжены ссылкой на более подробное примечание, содержащееся в одном из предшествующих томов. В отношении имен и географических названий такие ссылки вынесены в соответствующие указатели.

Как и в прежних томах, на наличие примечания указывает звездочка в конце стихотворной строки. Примечание дается под порядковым номером соответствующего стиха. По поводу транскрипций, условных сокращений и других моментов оформления см. пояснения в томе I, стр. 599—600.

Нумерация перевода дана в четвертом томе заново, т. е. с первого стиха. В квадратных скобках при первом и последнем стихах перевода даны цифры, отражающие суммарное (по четырем томам) количество переведенных строк («полубейтов») поэмы.

1–26 Эти двадцать шесть стихов, помещенные здесь как «Вступление», по В.—Н. являются концовкой предшествующего сказа.

1–4 Имеется в виду султан Махмуд Газневидский (см. том I).

11–24 Стихи 11—12 и 21—24 введены из Л., остальные имеются в основном тексте. Порядок бейтов изменен.

25 Послушай дехканом записанный сказ. — В предшествующем тексте уже не раз встречались аналогичные упоминания о летописцах, собирателях и хранителях древних иранских преданий. Обычно ими были потомки старинных дехканских, т. е. землевладельческих, родов.

39 Предшествующий бейт (7 на стр. 1445) опущен согласно Л.

43–46 Перестановка бейтов.

55–60 Рассказы о создании дворцов и храмов руками умельцев, приглашенных со всего света, имеют весьма давнюю традицию. Так, в средневековой арабо-персидской литературе, посвященной выдающимся памятникам архитектуры Ирана, обычно их возведение приписывается румийским или индийским мастерам. Согласно «Парвезнаме», например («Парвезнаме» — не дошедший до нашей эпохи сказ сасанидского времени, отрывки которого сохранились в сочинениях различных раннемусульманских историков), знаменитые гроты и сады Так-е Бостана с превосходными скульптурами были созданы для царя Хосрова II мастером-греком. Стих 58 дан по вар. Л.

62 Дословно: «От знанья вкусив и соленого, и горького».

65–66 И храмы Огня засияли везде,
Куда собирались на праздник Седе.

Храм Огня — центр зороастрийского культа. Наиболее распространенным типом храма Огня в эпоху канонизированного зороастризма (III—VII вв.) были так называемые «чортаги» (букв. «четыре арки») — тесные, лишенные света помещения, крестообразные в плане, с обходным коридором (армянский историк раннего средневековья Езник называет их «смрадными»), в которых поддерживался неугасимый огонь. Развалин «чортагов» на территории Ирана сохранилось немало. По-видимому, помимо этого типа храмов Огня — самого распространенного (он назывался «Огонь Варахрана»; Варахран — Вретрагна — зоро-

астрийское божество), существовали и иные типы храмов, например царские коронационные храмы (в них священный огонь возжигался в день празднования Ноуруза — иранского Нового года, когда по древней традиции происходила коронация нового царя царей; с этого момента велось и летоисчисление его царствования). Развалины такого храма обнаружены известным французским археологом Р. Гиршманом в г. Бишапуре (датируются III в. н. э.). Они представляли собой остатки двух колонн, на которых некогда были утверждены статуи верховного бога зороастризма — Ахура Мазды (Хормоза) и царя царей Ирана. Между колоннами сохранился каменный алтарь огня. О храмах Огня предшествующих эпох данных почти нет.

Праздник Седе — один из основных зороастрийских религиозных праздников, связанных с космогоническими мифами зороастризма. Седе праздновался зимой (в десятый день месяца Бехмен по зороастрийскому календарю; о календаре см. прим. 4924-4937 в томе III) необычайно торжественно и пышно. В этот день праведные зороастрийцы должны были разжигать костры, для того чтобы отогнать злую зиму. Праздник Седе был одним из трех основных зороастрийских религиозных праздников (Ноуруз, Мехрган — праздник осеннего равноденствия и Седе). По Фирдоуси, праздник Седе был установлен Хушенгом (см. 625 в томе I)

67–68 Святилище-диво возвел властелин,
Назвав его именем славным — Борзин.

Согласно «Авесте» (яшт 17, II, комментарии содержатся в «Бундахишне»; об «Авесте» и «Бундахишне» см. ниже), существовало пять священных огней: огонь, возжигаемый в храмах (то же, что и Огонь Варахрана), огонь в телах людей и животных, огонь планет, огонь молнии и огонь рая. Основными храмами первого из этих пяти священных огней считались: храм «Атурфарнбаг», храм «Атур Гушнасп» и храм «Атур Борзин Михр». Именно о последнем и идет речь в этом стихе. В поздних зороастрийских комментариях указывается, что эти три храма были посвящены трем социальным группам общества: «Атурфарнбаг» — жрецам, «Атур Гушнасп» — воинам и их предводителям, «Атур Борзин Михр» — земледельцам (о них, например, говорится в «Карнамаке» — романе, написанном в VI в. и посвященном жизни основателя династии Сасанидов Арташира: Папак (отец Арташира) видит вещий сон о том, что «огонь Фарнбаг, Гушнасп и Борзин Михр горят в доме Сасана (предка династии. — *В. Л.*), и свет их весь мир освещает». Отсюда Папак

узнает, что родичам Сасана предстоит быть повелителями Ирана. Далее разъясняется, кому именно посвящены эти три храма. По источникам III—VII вв., храм Борзин Михр находился к северо-востоку от Нишапура в горах Реванд. Таким образом, строительство Лохраспом храма Огня в Балхе как бы предвосхищает появление пророка новой веры — Заратуштры (Зердешта).

Упоминание об этом религиозном зороастрийском центре, созданном еще отцом Гоштаспа-царя, при котором Заратуштра впервые провозгласил свое учение (об этом см. ниже), быть может, отголосок древних восточноиранских сказаний, не нашедших отражения в официальных зороастрийских текстах.

69–71 Царь двух сыновей луноликих растил...

Первоначальная версия рассказа о двух братьях — Гоштаспе (Гистасп) и Зерире (Зариадр) относится еще к ахеменидской эпохе (Харес Митиленский, Атеней). По этой версии Гистасп — царь Мидии, а его брат Зариадр правит страной от Каспия до Сыр-Дарьи (Танаиса). Харес рассказывает историю любви Зариадра и Отатиды, дочери скифского (?) царя Омарта. Увидев Отатиду во сне и полюбив ее, Зариадр хитростью похитил ее у отца. У Фирдоуси представлена, как мы увидим, совершенно иная версия: Гоштасп (а не Зарир, как у Хареса) отправляется на запад, через море (а не на восток, через Сыр-Дарью, как у Хареса), и женится на дочери императора Рума. В последнее время появилось много специальных исследований, посвященных версиям рассказа о Гоштаспе и Зерире. Этот интерес к рассказу вызван вниманием к более общим вопросам истории сложения и циклизации эпоса иранских народов.

75–76 Введено из Л.

81–82 По варианту Л.

95 Йездан. — У Фирдоуси во всей поэме этот термин употребляется в значении «бог, божество», иногда в значении «верховное божество». По «Авесте» «язата» (букв. «достойный поклонения») — термин, прилагаемый ко всем важнейшим зороастрийским богам, исключая Ахура Мазду (например, яшт X, 6:

Того могучего язата,
Могущественнейшего среди существ
Митру... мы восхвалим).

В зороастризме одной из наиболее распространенных религиозных формул была формула «упование на язатов». Термин «язата» входил и в официальный титул шаханшаха Ирана в III—VII вв.: «поклоняющийся Ахура Мазде, владыка ..., происходящий от (букв. «из семени») язатов»,

161–164 Перестановка бейтов.

180 Стяг слоноголовый. — Вероятно, здесь (и в аналогичных местах) имеются в виду военные штандарты, или «драконы». Описания таких штандартов сохранилось у Аммиана Марцеллина (IV в.): «Вслед за длинным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к верхушкам копий, блиставших золотом и драгоценными камнями; развиваемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами». Такие «драконы» изготовлялись из металла (например, серебра) в виде головы животного, к которой прикреплялся хвост из ткани. Воздух врывался в открытую пасть животного и раздувал хвост. Возможно, одним из таких «драконов» была серебряная голова Сенмурва («собаки-птицы» иранских мифов; о нем подробнее см. ниже), хранящаяся в Государственном Эрмитаже.

190 По варианту Л.

194 «В золотом кушаке исполин». — Золотой пояс, т. е. пояс, украшенный золотыми бляхами, а возможно (по сообщениям армянских историков V—VII вв.), и кованый золотой обруч были отличительными («инвеституриыми») знаками иранской знати.

211 Предшествующие два бейта (**93—94** на стр. **1450**) опущены согласно Л.

214 Звезда его... — Дословно: «Месяц его».

228 Дестур — иранский эквивалент общеизвестного арабского слова «везир».

233 По варианту Л.

259–264 Конюшен Лохрасповых конь вороной
В Гоштасповой сбруе. Порою ночной,
В венце, озаренном Хомая пером,
И в мантии, затканной сплошь серебром,
Динаров и царских алмазов с собой
Взяв вдоволь...

Почти так же собирался в дорогу и еще один царственный беглец — Арташир, будущий повелитель Ирана из династии Сасанидов. Он бежал ночью, прихватив из сокровищницы царя «индийский меч, золотое седло, пояс, украшенный головой барана, золотой венец, золототканое платье, расшитое жемчугом, драхмы и динары, кольчугу, боевое снаряжение, коня и царских скакунов» («Карнамак», III, 14—15). Динар — золотая монета. Хомай — мифическая птица (см. 5327 и 4200 в томе I). Ниже встретится также как два собственных имени.

303 Дебир — ученый писец.

322 Фарсанг — расстояние, равное примерно шести километрам (см. 389 в томе II).

324 Кейсар — в литературе мусульманского Востока титул византийских и римских императоров; цезарь (кесарь).

325–326 Соответствует четырем стихам подлинника.

330 Кейсара диван. — Диван в арабско-персидской исторической литературе — государственное управление, администрация, государственная канцелярия. Глава дивана — в оригинале: *оскоф* — епископ (см. прим. 933).

Дальнейшие «мытарства» Гоштаспа — очень характерный «стандарт» иранских эпических сказаний. Гоштасп принадлежит к роду кеянидов (кави) — мифических царей древнеиранского (вероятно, бактрийского) героического эпоса. В XIX яште «Авесты» («Замьяд-яшт» — гимн земле, где восхваляется хварно — «благодать», «царская предназначенность») перечислены цари, входившие в эту династию. Часть из них находит параллели и у Фирдоуси: Кавата (Кей-Кобад), Апиваху Усадан (Кей-Кавус), Аршан, Писина, Бьяршан, Сьяваршан (Сиавуш), Кава Хаосрава (Кей-Хосров). Все эти цари обладали «хварной» (у Фирдоуси — *фарр*, *фарр-е кейан*) — «благодатью». В дальнейшем хварно сопутствует Заратуштре и Виштаспе (Гоштаспу у Фирдоуси). Гоштасп — царь по рождению, кеянид и потому предназначен к царскому венцу, несмотря на все препятствия. Идея предназначенности (обладания «хварной») вообще одна из основных идей древнеиранского эпоса.

431–432 Соответствует четырем стихам подлинника.

436 Селенья того кедходою он был. — Кедхода у Фирдоуси — староста селения. Исторически глава общины, низшей административной единицы Ирана. Впервые этот титул встречается в надписи сасанидского шаханшаха Нарсе в Пайкули в III в. н. э. В ряде случаев Фирдоуси переносит привычные иранские обозначения в иноземную, здесь румийскую (византийскую) действительность. То же относится к встречающимся в данном сказе словам «дехкан» (землевладелец) и «саларбар» (церемониймейстер).

459–1820 Сказ о Кетаюн, дочери кейсара. — Как уже указывалось (см. прим. к стихам 69—71), этот рассказ существовал в Иране еще в IV в. до н. э. (Харес Митиленский). Рассказ о любви Зариадра (Зарера, брата Гоштаспа) и Отатиды, дочери скифского царя, был очень популярен. Вот что пишет об этом Атеней (II—III вв. н. э., сочинение «Обед софистов», где сохранился рассказ Хареса Митиленского): «Эта любовь пользуется известностью у живущих в Азии и варваров и ставится очень высоко; сказание о ней изображают на картинах в храмах и дворцах, а также и в частных домах, и многие из владетельных лиц дают своим дочерям имя Отатиды».

Легенда о Зариадре и Отатиде вкратце такова. Отатида влюбилась в Зариадра, увидев его во сне. Ее отец, стремясь выдать дочь замуж за одного из своих родичей, по обычаю устроил пир, на котором Отатида должна была отметить выбор отца, передав своему будущему жениху золотую чашу с вином. Отатида предупредила об этом Зариадра, тот проник на пир, и Отатида отдала ему золотую чашу. Зариадру и Отатиде пришлось бежать от разгневанного царя.

По «Авесте» (яшт IX, 26; IV, 35), сестру и жену Гоштаспа (Виштаспы) звали Хутаоса. Таким образом, у Фирдоуси используется совсем иная версия рассказа, чем у Хареса и в «Авесте». Вероятно, сказ о Гоштаспе и Кетаюн (Хутаоса) — еще один след использования несохранившейся восточноиранской версии эпоса, главным героем которого в соответствующем эпизоде выступал не Зерир, а Гоштасп.

473–474 Соответствует четырем стихам подлинника.

478 Дословно: «Многочисленностью собрание было подобно Плеядам».

553–554 Соответствует четырем стихам подлинника.

563–564 Соответствует четырем стихам подлинника.

598 Их водой не разлить. — Дословно: «Сделал (неотделимым от себя), как жилы от кожи».

691 Лал — род рубина.

717–720 Соответствует двум стихам подлинника.

725 Ему сила дивья дана... Див — злой дух, демон (см. прим. 911 в томе I).

729 Эбеновые балки. Эбен — черное дерево, отличающееся особой твердостью.

819–820 Соответствует четырем стихам подлинника.

831–832 Соответствует четырем стихам подлинника.

834 Шенбелид — цветок анемон.

933 Епископа тотчас призвал властелин. — Епископ Рума, кесарь Рума, Рум — это все персонажи и названия времени Фирдоуси (или, точнее, времени написания основного источника Фирдоуси — «Хватав-намак»), но не описываемых им событий. Такого рода анахронизмы характерны, впрочем, для всей поэмы. Интересен, например, тот факт, что, используя восточноиранский (бактрийский) цикл сказаний о Лохраспе—Гоштаспе, Фирдоуси представляет себе царство Лохраспа таким, каким был Иран в эпоху Сасанидов. Именно поэтому и Лохрасп, и Гоштасп имеют свою главную ставку на Западе, хотя и здесь вдруг прорывается рассказ о строительстве основной зороастрийской святыни на Востоке — в Балхе.

В научной литературе делались неоднократные попытки представить «исторический фон» этой части поэмы. Так, Гоштасп (Виштаспа; его имя встречается уже в «Гатах», древнейшей части «Авесты») сопоставляется с отцом царя из династии Ахеменидов Дария I, который при Дарии был наместником областей Парфии (упоминается в «Бехистунской надписи», § 35, столб. II, стк. 93—94). На этой основе конструировались гипотезы о времени жизни Заратуштры и распространения зороастризма в Иране. Неубедительно и отождествление Гоштаспа с парфянским царем Валаршем I, при котором как будто бы был составлен свод «Авесты».

936 Посланья во все полетели концы. — Дословно: «К епископам и патриархам каждой страны».

1009 Калям — тростниковое перо.

1059–1062 В оригинале помещены тремя бейтами ниже.

1090 По варианту Л.

1105 По варианту Л.

1109 Предшествующий бейт (**550** на стр. **1474**) опущен согласно Л.

1150 Гоштасп, с одной стороны, продолжая хранить свое инкогнито, хочет сказать, что он не привычен к битвам с витязями, с другой — из скромности преуменьшает свой подвиг.

1188 Ахриман — олицетворение зла (см. прим. 1899).

1213–1332 Гоштасп отличается на ристалище. — Этот сюжет узнавания знатного (обычно царского рода) героя по его достижениям в рыцарских забавах встречается, например, в арабо-персидской литературе, использовавшей иранские сказания. Так, сасанидский царь Арташир (согласно Табари — Балами) узнает своего внука — Хормизда во время игры в човган.

1293–1294 В оригинале помещены двумя бейтами ниже.

1246 Човган — клюшка для игры в конное поло.

1333–1336 Тревожил кейсара хазарский сосед,
Источником был огорчений и бед.
В ту пору владыкой хазар был Ильяс,
Потомок царей, чей родитель — Мехрас.

Образование Хазарского царства относится к середине VII в. н. э., а византийско(румийско)-хазарские войны — к VIII—IX вв. Имена Ильяс и Мехрас в источниках, повествующих об исторических хазарах, не встречаются. Таким образом, здесь мы опять сталкиваемся с явным анахронизмом.

1435–1436 Дословно: «Ночь пришла, эбеновую завесу накинула на сандаловый лик».

1437–1440 Соответствует двум стихам подлинника.

1445–1448 Соответствует двум стихам подлинника.

1454 Дракон в его длани, слон грозный под ним. — Образное обозначение меча Гоштаспа и его коня. Аналогичные сравнения уже встречались в тексте. (Об этом см. «Предисловие переводчика» в томе I, стр. 595). Слон грозный... — В оригинале: «наханг», водяное чудовище.

1490 По варианту Л.

1601–1606 Соответствует четырем стихам подлинника.

1621–1624 Перестановка бейтов.

1638 Саларбар — церемониймейстер.

1654 По варианту Л.

1655–1656 Соответствует четырем стихам подлинника.

1657–1660 Соответствует двум стихам подлинника.

1663–1664 По варианту Л.

1719–1726 Порядок бейтов изменен, причем стих 1720 переведен по варианту Л.

1725–1726 На царство они увенчали его,
Владыкой земли величали его.

Гоштаспа, согласно древнему иранскому обычаю, венчает на царствование совет знати, состоящий из представителей знатнейших родов Ирана. В эпоху Ахеменидов было шесть знатнейших родов, чьи представители составляли не только совет, но и занимали крупнейшие должности в государстве. Тот же обычай сохранялся в парфянскую и сасанидскую эпохи.

1737–1738 Соответствует четырем стихам подлинника.

1745–1746 В оригинале помещено двумя бейтами выше.

1763–1766 Введено из Л.

1795 Дословно: «Из-за произвола небосвода руками за голову взялся».

1815 Предшествующий бейт (902 на стр. 1494) опущен согласно Л.

1823 Дакики Абу Мансур Мухаммед сын Ахмеда — замечательный поэт, сначала он был при дворе эмира Чаганиана Фахр-ад-Даула Абу-л-Музаффара Ахмада сына Мухаммеда, затем эмира Бухары Мансура сына Нуха (правил с 961 по 976 гг.). Кроме знаменитых тысячи двустиший, включенных Фирдоуси в его поэму, от творчества Дакики сохранилось более трехсот двустиший лирического и панегирического характера. Фирдоуси сообщает о том, что Дакики был его непосредственным предшественником в стихотворном изложении так называемой прозаической «Шахнаме», представлявшей собой, вероятно, компиляцию из арабских переводов, прозаических хроник и различных «дастанов», составленную и дополненную четырьмя старцами, знатоками прошлого Ирана: Сиахом сыном Хорасани из г. Герата, Йаздандатом сыном Шапура из Систана, Махуйе Хуршидом из Нишапура и Шаданом сыном Бурзина из г. Туса. Эта компиляция была составлена ими по приказу наместника Туса Абу Мансура Мухаммеда сына Абд ар-Раззака. Дакики не успел завершить свой грандиозный труд, так как был убит своим рабом (около 980 г.).

Абу Райхан Бируни в одном из своих сочинений упоминает о том, что он был знаком со стихотворным текстом «Шахнаме», написанным неким Абу Али Мухаммедом сыном Ахмеда ал-Балхи. В. В. Бартольд предположил, что ал-Балхи и Дакики — одно и то же лицо. Но в таком случае Дакики должен был написать намного более, чем тысяча двустиший, посвященных Гоштаспу, поскольку Бируни упоминает, в частности, стихи ал-Балхи о Кеюмарсе и об Аршакидах. По сообщению средневековых историографов (Хамдаллах Казвини, Ауфи), Дакики написал три тысячи или даже двадцать тысяч двустиший.

Следует добавить, что сам Фирдоуси не был в восторге от стихов Дакики. «Посмотрел я на эти стихи, — пишет он, — слабыми показались мне они. Многие двустишия показались мне неправильно сложенными (букв. «нездоровыми» с точки зрения поэтики)». См. стих 3791 и далее.

1825–1828 Соответствует двум стихам подлинника.

1844 Эрджасп — здесь владыка Турана (см. последующий сказ)

1849 См. прим. 330.

1851–1854 Он двинулся в Балх, к Новбехару, что был
Для тех, кто Йездана бессмертного чтил,

Святыней; в нынешние времена
Так Мекку арабские чтут племена.

Здесь мы встречаемся с существенной ошибкой Дакики: Новбехар («новая обитель») — древний буддийский монастырь около Балха, одна из его самых знаменитых достопримечательностей. Конечно, буддийское святилище никак не могло быть святыней для тех, кто «чтил Йездана»: борьба зороастрийского жречества с иными религиями и культами, в частности с буддизмом, была весьма жестокой. Так, в III в. н. э. верховный жрец Ирана (магупат Ахура Мазды) Картир в своих надписях особенно подчеркивает, что по его повелению «по всей земле иранской» были уничтожены буддисты и брахманы. Впрочем, в X в., когда Фирдоуси писал свою поэму, Новбехар уже давно лежал в развалинах. Сохранившиеся описания этого знаменитого монастыря говорят о том, что некогда он представлял собой величественное здание с громадным куполом, портиками и 360 кельями для монахов. Сюан-Цзян, китайский путешественник, посетивший Новбехар в VII в. н. э., описал его, сообщив, что к северу от храма находилась ступа (культовое буддийское сооружение), а к юго-западу еще один буддийский храм, который в VII в. уже был заброшен. По сообщению Сюан-Цзяна, в районе Балха в VII в. было 100 буддийских монастырей и 3000 буддийских монахов.

1856 Хейкель — широкая лента через плечо, ношение которой было установлено для зороастрийцев.

1881–1883 Гоштаспа жена — дочь кейсара Нахид —
Так имя царицы для мира звучит, —
Но шах ее звал Кетаюн, как и встарь.

Новое имя Кетаюн — Нахид (Анахита) было дано ей потому, что Гоштасп стал повелителем Ирана. Согласно обычаю, главная жена царя царей Ирана отождествлялась с Ардвисурой-Анахитой — богиней любви, земли и плодородия, одной из главных богинь зороастрийского пантеона. Во всяком случае уже для позднепарфянского — раннесасанидского времени (III в.) этот обычай зафиксирован источниками.

1899 и далее Появление Зердешта и принятие Гоштаспом его веры. — Зердешт — Заратуштра (в грецизированной форме и последующей европейской передаче это имя звучит Зороастр) — скорее всего реальный исторический персонаж, живший и действовавший в VIII или VII вв. до н. э. Заратуштра (его имя переводится «обладающий золотистыми (?) или старыми верблюдами»)

проповедовал новую религию «ден маздаясн» («вера поклоняющихся Ахура Мазде»), или зороастризм (названа по имени пророка). Основными богами этой религии являлись Ахура Мазда (Хормузд, букв. «владыка разума») — божество света и добра и Ангхро Майнью (Ахриман, букв. «злой помысел») — божество зла и мрака. Между этими двумя богами происходит длительная борьба, конечный результат которой — победа бога добра и света над силами мрака, при условии активного содействия этому «праведных» — последователей зороастрийского учения.

Вероятно, местом создания этого учения были области Хорезма и Восточного Ирана, однако сохранилась религиозная традиция (напр., Ясна XIX, 18), которая считает местом рождения Заратуштры и первого провозглашения им своей проповеди Азербайджан (древняя Мидия) или г. Рагу (Рей, недалеко от современного Тегерана). Традиция, связывающая Заратуштру с Балхом и повелителем Ирана Гоштаспом, т. е. та, что изложена Дакики, вероятнее всего, возникла сравнительно поздно, быть может, в конце сасанидской эпохи (V—VII в. н. э.). Имя Гоштасп (букв. «обладающий боевыми (или дикими?) конями») встречается, правда, в древнейшей части священной книги — «писания» зороастрийцев «Авесте» — в так называемых «Гатах», проповедях, принадлежавших, видимо, самому Заратуштре; в этом месте изложена близкая к Дакики версия рассказа о принятии зороастризма царем (кави) Виштаспой, сыном Арватаспы из рода Наватара. Однако здесь же врагами Заратуштры и Виштаспы названы хиониты — народ, который известен на Востоке во всяком случае не ранее, чем в IV в. н. э. Это, а также ряд других обстоятельств позволяют думать, что рассказ о Заратуштре и Виштаспе — поздняя (эпохи раннего средневековья) интерполяция в древний текст. О возможности таких интерполяций говорит то обстоятельство, что письменный, канонический текст «Авесты» был создан зороастрийскими жрецами не ранее, чем в V в. н. э. (об этом подробнее см. ниже).

О Гоштаспе и Заратуштре сообщает также Аммиан Марцеллин (IV в. н. э., «История», XXIII, 6, 32), впервые отождествляя Гоштаспа с отцом ахеменидского царя Дария I (подробнее см. прим. 933). Деятельность Заратуштры относит к Бактрии (Балху) и автор поэмы «Зардуштнаме» Зардушт сын Бахрама (поэма написана около 1278 г.). В поэме подробно излагается биография Заратуштры и используются весьма древние, не сохранившиеся до нашего времени источники, быть мо-

жет, утерянный наск (часть) «Авесты» «Виштасп-саст». Но и этот наск должен был быть включен в «Авесту» сравнительно поздно. Итак, в «Шахнаме» отражена довольно поздняя и, видимо, легендарная версия о принятии зороастризма, но и она заслуживает пристального внимания, поскольку до сих пор неясным остается время ее возникновения, а также причины ее проникновения (очевидно, в V—VI вв. н. э.) в зороастрийский канон, где она с этого времени утвердилась в качестве официальной версии, принятой зороастрийским жречеством. В. В. Бартольд, по-видимому, допускал, что версия эта проникла в «Авесту» еще при парфянах.

1929 Предшествующие бейты (54—55—56 на стр. 1498) опущены согласно Л.

1935 Мобеды — здесь зороастрийские жрецы, но чаще употребляется в смысле мудрые советники (см. прим. 267 в томе I).

1937–1938 Построив блистательный Мехри-Борзин,
Прославил себя на века властелин.

Мехри-Борзин — храм огня Борзин Михр (см. выше прим. к 67—68).

1939 Могучее древо, прообраз надежд. — Кешмарский кипарис (точнее, два кипариса в селениях Кешмар и Фарьюмад в Хорасане), якобы посаженный самим Заратуштрой, упоминается в нескольких средневековых источниках (Бейхаки, Саалиби и др.). Кипарис в селении Кешмар был срублен по приказу халифа Муттеваккиля в 847 г. Источники сообщают, что кипарис этот был столь велик, что под его сенью могли поместиться 10 тыс. баранов. «Древо Зороастра» должно было быть привезено в Багдад и показано халифу, но за день до его прибытия халиф был умерщвлен своей гвардией, что, конечно же, было истолковано как «божья кара». Кипарис в Фарьюмаде был сожжен хорезмийским царевичем Янал-тегином в 1143 г. Бейхаки в своем сочинении вычисляет даже, используя метод дендрохронологии, время деятельности Гоштаспа и Заратуштры: по мнению Бейхаки, кипарис простоял 1405 лет, т. е. был посажен в 559 г. до н. э.

1951 Раш — мера длины (см. том I).

1955–1956 В подлиннике помещено тремя бейтами ниже.

1966 Кешмарское древо — см. прим. 1939.

1973–1976 Перестановка бейтов.

2028 Зенд-Авеста — искаженное средневековое название, объединяющее две основные религиозные книги зороастризма — «Авесту» («упаста» — основание, т. е. установление, религиозный закон) и

«Зенд» — комментарий, толкование к ней. «Авеста» написана на так называемом «авестийском языке», специальным «авестийским» письмом, созданным зороастрийскими жрецами на основе курсивного письма сасанидской эпохи, вероятно, в V или VI вв. н. э. «Зенд» написан на среднеперсидском языке.

2039–2042 Перестановка бейтов.

2063 и далее Послание Эрджаспа Гоштаспу. — В сущности, с этого эпизода начинается сохранившаяся до нашего времени парфянская поэма (в версии, относящейся к более поздней, сасанидской эпохе) «Аяткар-е Зареран» («Память (или «предание») о Зарере»), повторенная в некоторых случаях почти текстуально и у Дакики. «Аяткар-е Зареран» — это лишь часть существовавшей некогда парфянской поэмы «Зарер-намак», отдельного литературного произведения, весьма популярного в сасанидскую эпоху, но не входившего в официальную летопись сасанидских царей. Возможно, оригинальный текст поэмы начинался с эпизода принятия Гоштаспом веры Заратуштры. Дакики, следуя «Аяткар-е Зареран», изложил ее в эпизодах от «Послания Эрджаспа Гоштаспу» до «Возвращения Гоштаспа в Балх».

Краткое содержание сохранившейся части «Аяткар-е Зареран» следующее: Арджасп посылает к Виштаспе (Гоштаспу) посольство колдунов Видрафша и Намхваста со свитком-письмом Арджаспа, где говорится, что если Виштаспа будет исповедовать «непорочную религию Ахура Мазды», то Арджасп пошлет войско, которое победит Виштаспу, «сожжет все, что может гореть, съест все земное». Виштаспа напуган угрозами, но богатырь Зарер сам дает ответ Арджаспу: «У Белого Леса, у Мерва зороастрийского, где нет ни горы, ни реки, на ту равнину Хамун, где раздолье конскому бегу, придите вы туда... и тогда мы вам покажем, как убивают дэва».

Виштаспа приказывает зажечь священные огни, молится Ахура Мазде и приказывает всем мужам, от десяти до восьмидесяти лет, собраться к нему. Затем он призывает к себе мудреца Джамаспа и просит его предсказать, «что завтра будет: из сыновей и братьев кто умрет?» Джамасп предсказывает, что колдун Видрафш убьет Зарера; Виштаспа в гневе проклинает Джамаспа. Но Джамасп говорит царю: «Ведь должно случиться то, чему надлежит, то, что я сказал» (эти стихи, как и некоторые другие, переведены Дакики буквально). Далее Джамасп предсказывает, что и у врагов (в тексте — хионитов, в дан-

ном случае это переосмысление сасанидского времени; в оригинальном тексте, возможно, *тура*) погибнут многие, Арджаспа «возьмет Спендидат (у Дакики — Исфендиар), ему руки, ноги и уши отрубит, глаза выбьет и его на бесхвостом коне назад отправит».

Начинается бой. Арджасп, видя, как бьется Зарер, обещает отдать в жены свою дочь Зарстан тому, кто победит Зарера. Колдун Видрафш сражает Зарера ударом в спину (в этом отрывке Дакики почти текстуально следует поэме).

Виштаспа взывает к мстителям: он обещает за жизнь Видрафша свою дочь. Сын Зарера Баствар, тайно от Виштаспы, который жалеет его молодость, решает сразиться с Видрафшем.

Баствар оплакивает труп отца, затем бьется с хионитами. Арджасп поражен его молодостью (ему всего десять лет) и храбростью. Видрафш вступает в единоборство с Бастваром, и Баствар побеждает его. На этом эпизоде текст сохранившейся части поэмы обрывается.

Первый перевод поэмы «Аяткар-е Зареран» на европейские языки появился еще в 1890 г. Но лишь много лет спустя было доказано (Э. Бенвенист), что мы имеем дело со стихотворным текстом парфянского времени, написанным шестисложным стихом с элементами рифмы.

«Аяткар-е Зареран», пожалуй, наиболее ранняя из сохранившихся эпических иранских поэм.

2081-2082 Так сказано было в послании том,
Что тюркским Эрджасп написал языком.

В тексте «Шахнаме» в результате позднейшего переосмысления постоянно смешиваются понятия: язык туранцев и тюркский — *торки* (так же как понятия Туран и земля тюрок — *туркан*) (см. в томе I Вводный очерк, стр. 565—566).

Как уже говорилось, в «Аяткар-е Зареран» Арджасп не тюрок, а хионит. В «Аяткар-е Зареран» свиток Арджаспа читает Виштаспе «Авраам-писец».

2097 Священный завет. — Дословно: «Пехлевийскую веру».

2167-2168 Соответствует четырем стихам подлинника.

2201 Джехан-пехлеван. — Дословно: «мировой богатырь» — титул первого богатыря Ирана.

2211 Посланье. — Дословно: «Гнусные слова».

2241 Пред людьми. — Дословно: «Перед знатными (вождями) Халлоха».

2245-2246 Соответствует четырем стихам подлинника.

2248 Сипехбед — предводитель войска.

2249–2250 Соответствует четырем стихам подлинника.

2267 Дей — десятый месяц солнечного персидского года, соответствующий декабрю—январю.

2275–2276 Соответствует четырем стихам подлинника.

2299–2300 По варианту Л.

2311–2312 В подлиннике помещено одним бейтом ниже.

2362 Стяг волчьеголовый — см. выше: стяг слоноголовый (прим. 180).

2369–2370 Соответствует четырем стихам подлинника.

2393–2394 Соответствует шести стихам подлинника.

2413–2414 Пестреют знамена несметных полков.
И копья вздымаются до облаков...

Как позволяют выяснить источники, помимо военных штандартов с металлическими навершиями (о них см. прим. к стиху 180), в иранской армии были знамена войсковых соединений, а также значки отдельных знатных воинов. Так, например, армянский историк V в. н. э. Фавст Бузанд, рассказывая о битве персидских войск с армянскими (битва происходила в эпоху царствования в Иране шаханшаха Шапура II, т. е. в IV в.), упоминает о том, что каждый предводитель персидского войска и знатные воины имели «свои украшения и знаки щита и шлема», а также флажки на концах копий.

2461–2464 Перестановка бейтов.

2497–2514 Герами. — В «Аяткар-е Зареран» — Герамиккарт; Нестур — в «Аяткар-е Зареран» — Баствар. Здесь, вероятно, ошибка при переписке: Нестур вм. Бастур.

2507–2508 Соответствует четырем стихам подлинника.

2536 Воск — в оригинале *зйрир* — желтая краска, которую получают из корней дерева, носящего то же название.

2540 Хакан — титул владык Турана и Чина (см. прим. 369 в томе II).

2543–2546 Перестановка бейтов.

2551–2554 Перестановка бейтов.

2562 По варианту Л.

2654 Туранский — в оригинале «чигильский».

2659–2662 Перестановка бейтов.

2679 Призвал Исфендьяра, главу удальцов. — В «Аяткар-е Зареран» — Спендидат (теофорное зороастрийское имя: «данный Спента Армаити», «святое смирение», в поздней передаче — Исфендармат). Спента Армаити — один из шести «амшаспентов» («бессмертных,

благодетельных») — духов-помощников, персонифицированных качеств Ахура Мазды.

2701 Карлуки — тюркские племена (см. Географический указатель в томе III).

2717 По варианту Л.

2717–2720 Соответствует шести стихам подлинника.

Дестан — он же Заль, отец богатыря Ростема. В дальнейшем тексте будут встречаться оба эти имени.

2757–2770 В предсказании Джамаспа (см. стихи 2457 и далее) упоминание о Шируе отсутствует. Судя по построению всего эпизода, текст мог выпасть случайно.

2798 По варианту Л.

2884 Как вдаль подгоняемый ветром огонь. — Почти дословный перевод из «Аяткар-е Зареран». В парфянской поэме Зарер летит на врагов:

как божественный огонь,
когда налетает он на тростниковые заросли
И раздувает его ветер.

2912 Дословно: «Устрашилось войско того вепря».

2924 Ареша стрела. — Ареш (Араш) — один из героев древнеиранского эпоса, упоминаемый в «Авесте», знаменитый лучник («искуснейший стрелок среди иранцев»). Он должен был определить границы иранских владений, метнув стрелу «от горы Арьехшута до горы Хванванта». Совершив этот подвиг, Ареш погиб, но в память о нем устраивали обрядовые танцы и метали стрелы. О том, что праздники в честь Ареша сохранялись долгое время, упоминает Бируни. Вероятно, с этим обрядом связано «метание стрелы» от одной горной цепи до другой, которое описано в двуязычной (на парфянском и среднеперсидском языках) надписи шаханшаха из династии Сасанидов Шапура I (243—273), выбитой на скалах в Хаджиабаде (юг Ирана). Предания об Ареше относятся к циклу восточноиранских героических преданий.

2959 «Ядом напитанный меч» — в оригинале: *зупин* — дротик. То же в стихе 3201.

2977–2978 Соответствует четырем стихам подлинника.

2999 Предшествующий бейт (601 на стр. 1530) опущен согласно Л.

3014 Вождей и владык. — Дословно: «Праведных и знатных».

3025 Предшествующий бейт (615 на стр. 1531) опущен.

3025–3028 Перестановка бейтов.

3079–3082 Перестановка бейтов.

3089–3092 Соответствует двум стихам подлинника.

3097–3100 Соответствует двум стихам подлинника.

3121–3134 Очнувшись, воззвал: «Месяц мой золотой...» — Плач Баствара (Нестура у Дакики) над трупом своего отца, вероятно, — самое впечатляющее место в поэме «Аяткар-е Зареран». Привожу его в переводе Э. Бенвениста (Le Mémorial de Zarêr. «Journal Asiatique», 1932; p. 259—260).

Увы, опора жизни (моей),
Силу твою кто похитил?
Увы, благородный отец,
Кровь твою кто похитил?
Увы, сенмурвоподобный,
Скакуна твоего кто похитил?
Из-за твоего желания
Вести сражение с хионитами
Теперь ты убитым лежишь на поле битвы,
Подобно нищему (или «как простой воин»).
Твои вьющиеся волосы и бороду
Ветер шевелит,
А тело чистое топтали кони копытами,
И прах (пыль) на затылке твоем...
Что же мне теперь делать?
Вот сейчас слезу я с коня
И твою, отец, голову
Обниму,
Прах с затылка стряхну,
И после этого на коня
Не смогу я быстро вскочить.

Здесь много совпадений со стихами Дакики даже в отдельных поэтических образах (напр., у Дакики: «На черных кудрях вместо мускуса — прах»).

3139 Предшествующий бейт (672 на стр. 1534) опущен согласно Л.

3161–3162 Сказал умудренный советник ему:
«Сражаться тебе не под стать самому...»

Здесь, возможно, отражен «рыцарский» обычай иранской знати: сражаться можно лишь с равным себе по знатности. Поскольку Гоштасп — повелитель Ирана, то он (или его сын Исфендиар, как у Дакики) может иметь своим противником лишь самого Эрджаспа.

Вот, например, как отражен этот обычай в «Истории» Фавста Бузанда (V в., в Армении и Иране в то время обычаи знати были сходными): царь Армении Пап бранил своего полководца

Мушега за то, что тот отпустил во время сражения царя албан. «А полководец Мушег отвечал царю Папу и говорил: «Я перебил всех тех, кто ровня мне, а те, кто носит венец, — не мои, а твои... Я на царя, на венценосца не поднимал, не поднимаю и не подниму руки... Если в руки мне попадется царь, как часто случалось, не убью царя, венценосца, если бы даже меня убили» («История Армении Фавстоса Бузанда». Ереван, 1953, стр. 153).

3205–3207 Как только об этом узнал Исфендьяр...
Нестуру на выручку ринулся он.

В «Аяткар-е Зареран» Видрафша (Бидрефша) поражает Баствар (Нестур) и захватывает коня своего отца. У Дакики же мстителем за Зерира выведен не его сын Баствар (Нестур), а Исфендиар. Таким образом, у Дакики Исфендиар — намного более значительное действующее лицо, чем Спендидат в «Аяткар е Зареран». Вероятно, это связано с сюжетными задачами всего дастана о Гоштаспе и Исфендиаре. В этом месте поэмы как бы подготавливается будущая выдающаяся роль Исфендиара и его знаменитые «семь привалов», как бы уравновешивающие «семь подвигов» Ростема.

3244 Нестур-богатырь и храбрец Нуш-Азер. — Нуш-Азер — сын Исфендиара. Это место у Дакики также соответствует тексту «Аяткар-е Зареран», с тем, однако, отличием, что в парфянской поэме правое крыло войска ведет Герамиккарт (Герами), левое — Спендидат (Исфендиар), а Баствар, отомстив за своего отца, помогает им обоим окончательно разбить хионитов. У Дакики Герами был сражен в начале боя, в единоборстве с туранцем Намхастом (этого эпизода в «Аяткар-е Зареран» нет). Здесь опять изменения, связанные с сюжетными задачами: у Дакики погибают и Зерир, и Герами, сын Джамаспа — советника Гоштаспа. Задачами дальнейшего сюжетного построения определяется, вероятно, и то, что у Дакики Эрджасп бежит с поля сражения, тогда как в «Аяткар-е Зареран» Арджасп захвачен в плен Спендидатом (Исфендиаром), ему отрезают руки, ноги и уши, выкалывают глаза, и на бесхвостом осле Спендидат отправляет его назад к хионитам, говоря ему: «Ступай и скажи, что́ тебя постигло от моей руки». Этого эпизода в сохранившейся части «Аяткар-е Зареран» нет, но именно так предсказывал конец Арджаспа Джамасп, а все действия в парфянской поэме следуют точно по предсказанию Джамаспа.

3249 По варианту Л.

3309 Ростема достойной победа была. — В «Аяткар-е Зареран» упоминаются «топоры Рустамовы» (по переводу Э. Бенвениста, «богатырские топоры»). Это упоминание весьма интересно: парфянскому автору (или сасанидскому переписчику?) был, следовательно, известен сказ о Ростеме. Быть может, в «Аяткар-е Зареран» мы встречаемся с самым ранним (из сохранившихся до нашего времени) упоминанием имени этого героя сакского народного эпоса, что важно для выяснения времени включения этого эпоса в цикл иранских эпических сказаний. «Ростам сегзиец», и сказания о нем упоминаются также в «Истории Армении» Моисея Хоренского (V или VII вв. н. э.), два согдийских отрывка о Ростаме (не имеющие параллелей в «Шахнаме») также относятся, видимо, к VII в. Ростем в «Бахман-яште» выступает как борец против нашествия арабов; упоминание о Ростеме в среднеперсидской рукописи «Шахрестанеха-йе Иран» (согласно этому сочинению Ростем, царь Сакастана, основал г. Фарьяб в Забулистане) также относится к VIII в. или IX в. В это время эпические сказания о Ростеме были уже широко популярны, их рассказывали даже в Аравии. Известна история о том, как один из народных сказителей завораживал слушателей сказаниями о Ростеме, отвлекая их от проповедей пророка Мухаммеда (Ибн Хишам).

3339–3343 Иранских легло тридцать тысяч бойцов...
Туранских сто тысяч бойцов полегло. — У Дакики эти цифры как бы придают эпическому сказанию характер реального рассказа. В «Аяткар-е Зареран» хионитов должно было быть убито «сто тридцать две мириады» (по предсказанию Джамаспа).

3340 По варианту Л.

3355–3356 Соответствует четырем стихам подлинника.

3358 Он дал победителю в жены Хомай. — Дословно: «Дал благородному (старшему) сыну в жены Хомай». В «Аяткар-е Зареран» Баствару была обещана в жены дочь Виштаспы Вехстан.

3377–3378 Одним дал он земли, царями назвал,
В награду другим княжий сан даровал.

Здесь точно выражен «табель о рангах» парфянской и сасанидской эпох: первыми после царя царей были шахрдары, владевшие шахрами — царствами; вторыми — вазурги — вельможи, великие.

3444 Хейкель повязали мы, в садж облачась. — По контексту поэмы — стали зороастрийцами. Хейкель — см. прим. 1856; садж — специальное платье, которые во времена ислама должны были носить «неверные».

Обычай ношения специального пояса и платья известен и в зороастризме. Согласно специальному зороастрийскому обряду, по достижении 15 лет юноша и девушка посвящались в религию Заратуштры (как бы рождались заново). При этом им повязывался пояс — *кустӣк*, который они были обязаны носить всю жизнь, и одевалась рубаха — *пӣрахӑн*. С этого момента они считались совершеннолетними: могли вступать в брак, совершать сделки, отвечать перед судом и т. д.

3479–3480 По варианту Л.

3489 Предшествующие два бейта (**849** и **850** на стр. **1544**) опущены согласно Л.

3508 По варианту Л.

3593–3594 Соответствует четырем стихам подлинника.

3643–3644 Соответствует четырем стихам подлинника.

3655–3656 Соответствует четырем стихам подлинника.

3675–3676 Соответствует четырем стихам подлинника.

3691–3694 Соответствует двум стихам подлинника. Гонбедан-деж — мифический «многобашенный замок».

3717–3720 Перестановка бейтов.

3745–3748 Соответствует двум стихам подлинника.

3787–3790 Предшествующий бейт (**1002** на стр. **1554**) и последующие четыре бейта (**1004—1005** на стр. **1554**) опущены.

3789–3790 Дословно: «Когда эта тетрадь (книга) попала в мои руки, к рыбине устремился (приблизился) мой крючок».

3807–3808 В подлиннике помещены одним бейтом ниже.

3855–3856 Предшествующий бейт (**1041** на стр. **1556**) опущен согласно Л.

3885 Предшествующий бейт (**1057** на стр. **1557**) опущен согласно Л.

3887–3890 Перестановка бейтов.

3902 По варианту Л.

3956 По варианту Л.

3961 В огне сожжена Зенд-Авеста была. — Об Авесте и Зенде см. примечания 1899 и 2028.

История «Авесты» до сих пор окончательно не выяснена. Согласно сообщению античных авторов (Плиний, Страбон, Павзаний и др.), в Иране существовали священные книги, приписывавшиеся самому Заратуштре (по Плинию, в них содержалось два миллиона стихов). Об «Авесте» существует и стойкая зороастрийская традиция («Шахрестаниха-йе Иран», «Денкарт», «Бундахишн», «Артак-Вираф-намак» — все эти произведения были созданы в VIII—IX вв.). По этой традиции, Виштасна приказал записать учение Заратуштры («Апастак у Занд»), разбитое на 12 тысяч фаргардов

(глав), на золотых досках или золотом на бычьих кожах. (Иной вариант этой традиции приписывает запись «Авесты» царю Даре, сыну Дары, т. е. одному из царей династии Ахеменидов.) Два экземпляра этой книги были помещены в разные храмы. Один — в храм «Атур Гушнасп» в Шизе. Этот храм имел название «Сокровищница царей»; некоторые ученые переводят этот термин «Ганджа Шизская», другие полагают, что имеется в виду не Шиз в Азербайджане, а Мерв в Хорасане, в сасанидское время называвшийся «царственным». В последнее время немецкая археологическая экспедиция ведет успешные раскопки в храме «Атур Гушнасп» в Шизе (совр. название — Тахт-и Сулейман). По последним данным храм этот был возведен лишь в позднесасанидское время (V—VI вв.). Другой экземпляр «Авесты» был помещен в царский архив в Истахре, — «Дез-и набишт» (букв. «замок надписей»). Возможно, этим зданием была так называемая «Кааба Зороастра» — постройка еще доахеменидской эпохи, сохранившаяся до сих пор. В одной из надписей раннесасанидского времени это здание названо «дом основ», «дом законоположений». Быть может, также «Замок Джисс» в округе Шапура, где, по сообщениям Масуди и Истахри, еще в X в. сохранились древнеперсидские архивы, и есть та самая «Кааба Зороастра».

Книга «Авеста» названа в «Денкарте» «священной книгой семи царей», т. е. семи представителей династии Кеянидов. Далее, согласно зороастрийской традиции, копия, хранившаяся в «Дез-и набишт», была сожжена Александром Македонским, а копия в Шизе попала к грекам и была ими переведена на греческий язык. При Валарше Ашканиде (одном из парфянских царей, носивших имя Валарш, т. е. между I—III вв. н. э.) были собраны все оставшиеся фрагменты, а также то, что передавалось изустно, и был составлен новый текст. Этот текст был кодифицирован при сасанидском монархе Арташире I (226—243), дополнен фрагментами астрологического, математического, философского характера при Шапуре I (243—273), отредактирован при Шапуре II (309—379) и еще раз отредактирован при Хосрове II (590—628).

Эта традиция в основном и известна авторам мусульманского времени.

Сейчас трудно установить, что именно в этой традиции соответствует действительности. Большинство ученых относят первую письменную фиксацию «Авесты» только к VI в. н. э., когда ее содержание, долгое время передававшееся изустно, было запи-

сано специально для этой цели придуманным «авестийским» письмом. На столь позднюю дату записи указывает, в частности, то обстоятельство, что «авестийское» письмо было создано на основе позднего сасанидского курсива, а также искажения в языке и различные поздние интерполяции. Можно думать, что в этой «Авесте» содержатся, по крайней мере, три «пласта» различных кодификаций: проведенной верховным жрецом Ирана Картиром в конце III в.; проведенной верховным жрецом Ирана Атурпатом Михраспанданом в середине IV в.; и редакция, относящаяся к середине VI в., предпринятая по повелению шаханшаха Хосрова I после подавления им восстания крестьян и городской бедноты, поднятого жрецом Маздаком (Маздак одно время был верховным жрецом Ирана и внес в «Авесту» существенные исправления).

Итак, Фирдоуси относит время создания «Авесты» к эпохе Гоштаспа (что согласуется с зороастрийской традицией).

4013 Что б ни делали вы. — Дословно: «Никто из вас с головы пусть не смоет глины», т. е. даже тот, кого это послание застанет за мытьем головы, пусть прервет его.

4043–4046 Соответствует двум стихам подлинника.

4072 По варианту Л.

4353–4357 Сто храмов Огня здесь воздвигнуть... — Здесь и далее Исфендиар перечисляет «благие дела», которые должен был совершать истинно верующий: основывать храмы, воздвигать в пустынных и труднодоступных местах гостиницы или постоялые дворы для странников (слово «ребат» здесь употреблено именно в этом значении), копать колодцы, сажать деревья и раздавать деньги нищим. Вся эта программа «благочестивых дел», впрочем, более характерна для ислама, чем для зороастризма.

4361 Дирхем — серебряная монета (см. 5214 в томе I).

4409–4412 Соответствует двум стихам подлинника.

4449–4452 Соответствует двум стихам подлинника.

4472 Дословно: «Поцеловал и погладил лицо его рукой».

4580 Дословно: «Темная ночь (от страха перед ним) схватилась руками за голову».

4673 Дословно: «Хомаюна, носящего золотой венец».

4681 Введено из Л.

4691 Предшествующий бейт (1456 на стр. 1580) опущен согласно Л.

4694 Верблюдов проворных... Дословно: *хеюнане мäст* — буйные верблюды.

4703–4706 Соответствует двум стихам подлинника.

4735–4736 Соответствует четырем стихам подлинника.

4769 В оригинале допущена ошибка в счете: на стр. 1582 за бейтом 1495 следует бейт 1500.

4803–6506 Сказ о семи привалах Исфендиара. — Как и каждый богатырь, обладающий кеянидским «фарром» (см. прим. 330), Гоштасп, по стандарту иранских мифов, должен совершить несколько выдающихся подвигов — победить драконов. Описанные Фирдоуси драконы не представлены на сохранившихся памятниках иранского искусства, но есть, например, в стенных росписях Средней Азии (в согдийском городе Пенджикенте в сцене «битвы Рустама», открытой таджикской археологической экспедицией в 1957 г. и в настоящее время экспонирующейся в Государственном Эрмитаже). Иранские мифологические сказания наполнены описаниями драконов («дахака»). Мифы о них и их описания были популярны и в средневековье.

Знатные предки Гоштаспа (цари из династий Пишдадидов и Кеянидов) неоднократно вступали в бой с драконами. Эти мифы имели своей основной идеей показать наличие «фарра» — героической и царской предназначенности у этих персонажей. «Хварно» («фарр») всегда помогала царям и героям победить чудовищ. Так, Керсаспа (Гершасп по «Шахнаме»), согласно «Авесте», «убил чудище Срувар (т. е. рогатое), коней пожиравшее, людей глотавшее, полное яда желтого цвета» (яшты, 39—44). Траетаона (Феридун) «убил чудище Дахака, имевшего три пасти, три головы, шесть глаз». В «Бундахишне», где древнеиранские мифы о царях приобретают некоторую генеалогическую стройность, проводится идея «семи царей»: Джемшид—Феридун—Менучихр—Кавус—Кей Хосров—Лохрасп—Гоштасп. Эти «праведные цари» сражались с «силами зла», причем Лохрасп характеризуется как царь, который «хорошо правил», а Гоштасп как царь, победивший злого демона Ажи Дахаку и туранца Афрасиаба (Фрасйак Тур), т. е., как и его предки, сражавшийся с «силами зла». Эти идеи «божественности власти» были особенно важны для позднезороастрийской традиции потому, что именно при Гоштаспе, согласно этой традиции, восторжествовала вера в Ахура Мазду и действовал пророк этой веры Заратуштра (подробнее об этом см. выше). Именно поэтому в мифических преданиях, систематизированных лишь в эпоху канонизированного зороастризма и вошедших в состав официальной летописи иранских царей («Хватав-намак»), придавалось особенное значение «хварне Кавиев», которая сопутствует Гоштаспу.

Данный сказ Фирдоуси — еще один пример использования древнеиранских эпических сказаний, включенных, очевидно, в весьма поздней (не ранее VI в.) переработке в цикл «Хватавнамак». «Три подвига Гоштаспа» весьма интересны и с точки зрения теории «волшебной сказки», и развития ее основных компонентов.

4809–4812 Перестановка бейтов.

4813–4814 Введено из Л.

4828 Что это — парча иль творенье Мани? — Мани (216—276) — пророк «мировой религии» — манихейства, эклектического учения, близкого к гностическим школам, некоторым идеям раннего христианства, буддизма и зороастризма. Учение Мани — типичная позднеэллинистическая «религия», пытавшаяся объединить многие религиозно-философские системы, столь популярные на Востоке в эпоху кризиса рабовладельческих отношений. В распоряжении ученых сейчас имеется громадный «фонд» манихейских сочинений, в том числе и произведения самого Мани («Кефалайа» — известна в позднем коптском переводе, письма Мани к его ученикам и проч.) Эти документы обнаружены археологическими экспедициями в Восточном Туркестане и в Египте. Они написаны, в частности, на срéднеиранских языках (парфянском, среднеперсидском, согдийском), а также на уйгурском (например, «покаянная молитва» манихеев — «Хвастуванифт») и китайском. Самому Мани было разрешено проповедовать в Иране при шаханшахе Шапуре I (243—273), но затем он был казнен, а его учение было объявлено еретическим. Ересью эти идеи считались и в христианстве (опровержению идей Мани посвящено немало сочинений христианских «ересеологов» уже начиная с IV в.). Однако учение Мани было долгое время популярно и в Месопотамии, и в Египте, и на востоке Ирана, и даже в Риме. Приверженцем учения Мани был одно время основатель католичества, «отец церкви» Блаженный Августин. Позже (в VIII в.) учение Мани было официальной религией государства уйгуров. Манихейство явилось основой многих «еретических» школ, бывших идеологическим знаменем крестьянских восстаний в эпоху средневековья (в Иране — маздакизм, на Западе — богумильство, каттарство, альбигойская ересь и др.).

Для средневековой восточной литературы Мани прежде всего — знаменитый художник (в манихействе, по всей вероятности, большое значение придавалось изобразительности, «ико-

нам», что, в частности, отличало его и от зороастризма, и от ислама). В данном случае именно к этой славе Мани и апеллирует Фирдоуси. Подробно о Мани и манихействе Фирдоуси рассказывает в сасанидской части «Шахнаме».

4839–4842 Соответствует двум стихам подлинника.

4845–4848 Перестановка бейтов.

4855 Но выслушай о Руин-деже рассказ. — Руин-деж (Диз-и Руин) — мифический «медный замок». О нем упоминается в арабско-персидской литературе уже в VIII в., причем уже в то время он отождествлялся с Пайкендом.

4909–4912 Соответствует двум стихам подлинника.

4940–4941 Дословно по варианту Л.: «Эти (семь привалов) никогда еще, о царь, никто, как бы он ни был силен и прославлен, досель не прошел».

4977–4978 Соответствует четырем стихам подлинника.

4985–4986 Соответствует четырем стихам подлинника.

4991–4992 Соответствует четырем стихам подлинника.

5028 По варианту Л.

5204 Лютня — здесь в подлиннике «тунбур», но ниже (в оригинале стихов 5225 и 5238) тот же музыкальный инструмент именуется «руд».

5327 Симорг (Сенмурв). — В «Авесте» (яшт XIV, 41) — «священная птица». В источниках сасанидского времени и послесасанидского времени («Менок-е Храт», «Бундахишн») — Сенмурв, «собака-птица», благостное существо, отразившее, вероятно, очень древние (космогонические) представления иранцев и сочетающее в себе символы всего животного мира: крыло птицы, морду собаки, хвост рыбы. В сасанидскую эпоху Сенмурв был, возможно, царской эмблемой. Изображения Сенмурва (наиболее раннее датируется III в. н. э.) часто встречаются на памятниках сасанидского и более позднего искусства. В иранских литературных произведениях и эпических преданиях Сенмурв часто является символом (точнее, ипостасью) божества Хварено (ср., например, эпитет Зарерова коня в «Аяткар-е Зареран» — «сенмурвоподобный»).

Во всей этой части поэмы в роли Сенмурва выступает птица Хомай (эта священная птица, приносящая на землю плоды священного растения — хомы, упоминается еще в «Риг-веде»), Сенмурв же превращен в злого дракона.

5403–5406 Перестановка бейтов.

5425–5426 Соответствует четырем стихам подлинника.

5524 Ближе к варианту Л., который дословно означает: «Не ходить никому из нас по земле».

5577–5578 Соответствует четырем стихам подлинника.

5739 5740 Дословно: «Дозволил ему сесть рядом с Пешутеном». Саребан — караванщик.

5758 Кафши — род обуви.

5759–5760 Соответствует четырем стихам подлинника.

5785–5788 Соответствует двум стихам подлинника.

5873–5876 Соответствует двум стихам подлинника.

5893–5896 Соответствует двум стихам подлинника.

5953–5954 Соответствует четырем стихам подлинника.

5983–5984 Соответствует четырем стихам подлинника.

5993–5996 Соответствует двум стихам подлинника.

6000 Дословно: «Тер рукой руку, раздумывая о войне».

6061 Кебаб — мясо, жаренное на вертеле.

6327–6330 Перестановка бейтов.

6342 Коней. — В оригинале: *хеюнан*; можно понимать и как «верблюды».

6357 Предшествующий бейт (2295 на стр. 1626) опущен.

6361–6364 Перестановка бейтов.

6399–6402 Перестановка бейтов.

6413–6414 Соответствует четырем стихам подлинника.

6504 По варианту Л.

6507–6538 Эти тридцать два стиха в оригинале (по В.—Н.) представляют собой концовку предыдущего сказа.

6654 Соруш — одно из авестийских божеств; вестник, ангел (см. прим. 533 в томе I).

6738 Два последующих бейта (2488, 2489 на стр. 1637) опущены.

6749 Бост (Буст, Кала-и Бист) — город на р. Хильменд (Систан), в X в. — крупный торговый центр на пути в Индию, имевший мост для переправы, знаменитый своими торговыми складами. Газна — ныне небольшой город в юго-восточной части Афганистана, в X в. — столица государства Газневидов, основанного саманидским военачальником Алп-тегином. Город особенно расцвел при эмире Махмуде (998—1030), став центром литературы, науки и искусств.

6753 Предшествующий бейт (2497 на стр. 1637) опущен.

6767 Предшествующий бейт (2505 на стр. 1638) опущен.

6789–6792 Соответствует двум стихам подлинника.

6796 Сари — город в Гиляне, недалеко от побережья Каспийского моря.

6851–6854 Соответствует двум стихам подлинника.

6867–6870 Соответствует двум стихам подлинника.

6934 Хирменд (Хильменд) — река в Систане.

6937–6942 Соответствует четырем стихам подлинника. Стих 6938 по варианту Л.

6944 По варианту Л.

7073 Соответствует двум стихам подлинника.

7150 Руинтен — прозвище Исфендиара, дословно: «меднотелый».

7171 Онагр — дикий осел.

7189–7192 Соответствует двум стихам подлинника.

7239–7244 Порядок бейтов и строк изменен.

7250 По варианту Л.

7269–7272 Соответствует двум стихам подлинника.

7289–7292 Перестановка бейтов.

7307–7308 В подлиннике помещено двумя бейтами выше.

7343–7346 Соответствует двум стихам подлинника.

7369 В оригинале допущена ошибка в счете: за бейтом **2799** следует бейт **2805** (стр. **1655**).

7397 Айван — портик, крытая галерея; чертог.

7419–7422 Перестановка бейтов.

7454 По варианту Л.

7477–7480 Перестановка бейтов.

7539 Предшествующий бейт (**2889** на стр. **1659**) опущен.

7577 Предшествующий бейт (**2909** на стр. **1660**) опущен.

7671 Три предшествующих бейта (**2957**, **2958**, **2959** на стр. **1663**) опущены.

7674 По варианту Л.

7689–7692 Перестановка бейтов.

7700 По варианту Л.

7755–7758 Соответствует двум стихам подлинника.

7753 и далее Здесь отражен этикет восточного двора, известный, во всяком случае, для сасанидской эпохи. Место по левую руку государя на пиру или на царском совете считалось наиболее почетным. Но иранская знать имела строго установленные места, особые «поду́шки» и драгоценные та́хты (троны); эти места были наследственной прерогативой (об обычаях двора сообщает, например, армянский историк V в. Фавст Бузанд). Смысл замечания Бехмена: «Усади его (Ростема. — *В. Л.*) по правую руку, если он не хочет сидеть по левую руку» — оскорбителен для Ростема, поскольку ему предлагают самое последнее место на пиру.

7770 Торонч — плод, разновидность цитрусовых, очевидно, применялся для вдыхания аромата.

7775 Заль — отец Ростема (см. том I).

7785–7788 Соответствует восьми стихам подлинника.

7791 Предшествующий бейт (**3021** на стр. **1666**) опущен.

7819 Предшествующий бейт (**3036** на стр. **1667**) опущен.

7859–7862 Соответствует двум стихам подлинника.

7864 По варианту Л.

7875 Здесь и ниже упоминаются мифологические сроки жизни героев, обычные для былинной части «Шахнаме».

7879 По варианту Л.

7886 Кеи — Кеяниды (см. прим. 330).

7971–7974 Перестановка бейтов.

7987–7990 Соответствует двум стихам подлинника.

7999 Предшествующий бейт (**8125** на стр. **1673**) опущен. согласно Л.

8013–8014 В подлиннике помещены одним бейтом ниже.

8043 По варианту Л.

8127–8130 Соответствует шести стихам подлинника.

8175 Предшествующий бейт (**3215** на стр. **1679**) опущен.

8193 Предшествующий бейт (**3225** на стр. **1679**) опущен согласно Л.

8202 По варианту Л.

8218 По варианту Л.

8245 Предшествующий бейт (**3252** на стр. **1681**) опущен.

8320 Дословно: «Пришедший из рая с Зенд-Авестой».

8322 По варианту Л.

8372 По варианту Л.

8461 Два предшествующих бейта (**3361**, **3362** на стр. **1687**) опущены.

8475 Предшествующий бейт (**3370** на стр. **1687**) опущен согласно Л.

8483–8484 Соответствует четырем стихам подлинника.

8489–8492 Перестановка бейтов.

8495 Предшествующий бейт (**3382** на стр. **1688**) опущен.

8511 Предшествующий бейт (**3391** на стр. **1688**) опущен.

8539 Предшествующий бейт (**3406** на стр. **1689**) опущен.

8586 По варианту Л.

8631 Два предшествующих бейта (**3453**, **3454** на стр. **1692**) опущены согласно Л.

8637 Два предшествующих бейта (**3458**, **3459** на стр. **1692**) опущены согласно Л.

8655–8658 Перестановка бейтов.

8657–8658 Соответствует четырем стихам подлинника.

8675 Предшествующий бейт (**3482** на стр. **1693**) опущен.

8748 Лебедей, дословно: «павлинов».

8777 Три предшествующих бейта (3535, 3536, 3537 на стр. 1697) опущены согласно Л.

8799 Предшествующий бейт (3549 на стр. 1697) опущен согласно Л.

8861 Предшествующий бейт (3581 на стр. 1699) опущен.

8895 Дословно: «(Это) ты пустил судно по волнам».

8899 Дословно: «Еще в шкуре бык Исфендьяра».
Та же пословица встречалась и раньше в буквальном переводе (см. 780—781 в томе III).

8921–8922 Дословно: «Думается мне, когда достигнет он своего айвана, душа его от айвана полетит к Кейвану (Сатурну)».

8945 Два предшествующих бейта (3624, 3625, стр. 1701) опущены согласно Л.

8952 Шелк даже на шлеме врага моего. — По-видимому, речь идет о султане или другом виде украшения (см. прим. 2413—2414).

9035 Предшествующий бейт (3672 на стр. 1704) опущен согласно Л.

9051 Предшествующий бейт (3683 на стр. 1705) опущен согласно Л.

9053–9056 Введено из Л.

9056 См. главу «Исфендьяр убивает Симорга».

9067–9070 По варианту Л.

9087–9096 По варианту Л.

9103 Предшествующий бейт (9703 на стр. 1706) опущен.

9111–9114 Соответствует двум стихам подлинника.

9136 Дословно: «Себя обратил в основу, а его в уток».

9231–9232 Дословно: «Двери сокровищниц Сама, сына Неримана и Заля*, раскрою перед тобой, о несравненный!»

9268 Дословно: «Ты, о создатель Луны и Тира (Меркурия)».

9364 По варианту Л.

9375–9378 Соответствует шести стихам подлинника.

9391–9394 Перестановка бейтов.

9402 По варианту Л.

9419–9422 Введено из Л.

9445 Исфендиар проклинает Джамаспа, т. к. считает его виновником своего столкновения с Ростемом. Ниже в этом упрекает Джамаспа и брат Исфендиара — Пешутен (см. 9642 и далее).

9449 Предшествующий бейт (3876 на стр. 1717) опущен согласно Л.

9460 По варианту Л.

9463 По варианту Л.

9473–9476 Соответствует двум стихам подлинника.

9529 Три предшествующих бейта (3916, 3917, 3918 на стр. 1719) опущены согласно Л.

9554 Дословно: «Велит принести попону из китайской парчи».

9592 По варианту Л.

9613 Предшествующий бейт (3961 на стр. 1722) опущен согласно Л.

9619 Предшествующий бейт (3965 на стр. 1722) опущен согласно Л.

9630 По варианту Л.

9718 По варианту Л.

9738 Хормоз (Хормузд) — см. прим. 1899 (см. 12510—12511 в томе I).

9805 Конские щитки, или фалары, как их обычно называют, — это орнаментированные бляхи конской сбруи, очень распространенное в древности и раннем средневековье украшение коня. Известны фалары из золота, серебра, бронзы (например, золотые и серебряные фалары III—II вв. до н. э. с изображением слонов и драконов хранятся в Государственном Эрмитаже). Первоначально они служили для защиты коня.

9807–9814 Соответствует шести стихам подлинника.

9824 И стал Эрдеширом с тех пор его звать. — Имя «Эрдешир» происходит от ав. Арта-шастра, букв. «справедливый государь».

9844 Конец сказа о Ростеме и Исфендиаре. — Смертью Исфендиара и началом царствования Бехмена заканчивается история «второй династии» древних царей Ирана — Кеянидов (Бехмен уже не носит этого титула), так называемый цикл «рода Виштаспы».

Как уже указывалось, вся эта часть поэмы разбивается на три сказания: сказание о Гоштаспе и принятии зороастризма, сказание о Зерире и сказание о Ростеме и Исфендиаре. Если два первых сказания точно следуют известной зороастрийской традиции и непосредственно связаны с историей иранских царей так, как она изложена в «исторических» яштах «Авесты» (XIV, XIX и др.), то сказание о Ростеме и Исфендиаре и следующий за ним «Сказ о Ростеме и Шегаде» принадлежат, строго говоря, не к циклу «рода Виштаспы», а к циклу сакских сказаний о Ростаме. Выше уже упоминалось, что в «Сказе о Зерире» (по сравнению с дошедшей до нас подлинной парфянской поэмой) роль Исфендиара преувеличена и что сказание о семи привалах Исфендиара, возможно, было создано для связи цикла «рода Виштаспы» с циклом сакских сказаний, как бы в параллель к «семи подвигам» Ростема.

Известно, что в VIII в. в Иране была переведена на арабский язык (со среднеперсидского) поэма «Ростам и Спендидат (Исфендиар)» (ее перевел некий Джабала ибн Салим) и эпизоды из этой поэмы рассказывались даже в Медине. Уже говорилось о популярности поэмы «Предание о Зарере»; известна поэма «Бахман-наме», изложенная в персидских стихах неким Ираншa-

хом ибн Абу-ль Хайр Низамом (действие ее доведено до царствования Дария), однако не сохранилось никаких свидетельств о поэме «Семь привалов Исфендиара». Примечательно также, что все перечисленные выше поэмы являлись отдельными литературными произведениями и не входили, по всей вероятности, в ту прозаическую «Шахнаме», которая служила Фирдоуси основным источником.

9847 Ахмед — Вероятно, имеется в виду везир Махмуда Газневи Ахмед ибн Хасан Мейменди.

9849–9852 Перестановка бейтов.

9861–9904 В оригинале обращение к царю везде дано в третьем лице.

9863–9866 Соответствует двум стихам подлинника.

9945–9948 Соответствует двум стихам подлинника.

10 001–10 004 Соответствует двум стихам подлинника.

10 072 По варианту Л.

10 217–10 220 Соответствует двум стихам подлинника.

10 233–10 236 Соответствует двум стихам подлинника.

10 239 Предшествующий бейт (4269 на стр. 1739) опущен

10 255–10 258 Соответствует двум стихам подлинника.

10 301–10 310 Введено из Л.

10 333 Дословно: «Расчесана борода цвета камфары»

10 337–10 340 Соответствует двум стихам подлинника.

10 473–10 474 Соответствует четырем стихам подлинника

10 541–10 544 Соответствует двум стихам подлинника.

10 562 По варианту Л.

10 584 Дословно: «До сияющего солнца вознес голову»

10 640 По варианту Л.

10 647–10 652 Введено из Л.

10 670 По варианту Л.

10 673 По варианту Л.

10 689 Тазийских — арабских.

10 705–10 716 Порядок бейтов изменен, причем строки 10 705—10 706 введены из Л.

10 734 По варианту Л.

10 807 Дословно: «Когда горы обрели цвет сандала».

10 821–10 822 Решился взять в жены любимицу он,
Как то дозволял пехлевийский закон.

Брак с ближайшими родственниками, по верованиям зороастрийцев, был особо почитаемым, «чистым» браком.

10 851–10 858 В этом эпизоде мы впервые встречаемся со знатным предком четвертой (по зороастрийской традиции) династии царей Ирана —

Сасанидов. Сасаниды, придя к власти в Иране (III в. н. э.), первоначально не «удревняли» своего рода: согласно раннесасанидским надписям, основатель династии Сасан был мелким владетелем в Парсе (в округе Истахра) и, возможно, главным жрецом храма Анахиты в Истахре. В IV в. в результате определенных политических причин возникла тенденция связывать династию Сасанидов с Ахеменидами, —именно тогда (по сообщению Моисея Хоренского) возникла первоначальная версия «Книги о деяниях Арташира, сына Папака» («Карнамак»), по которой Сасан — пастух Папака, но происходит из рода Ахеменидов (сын Дары, сына Дары — последнего ахеменидского царя Дария III). Он скрывался в Парсе, живя с курдскими пастухами, куда бежал от преследований Александра Македонского. Папак, узнав от звездочетов судьбу Сасана и его потомков, дал ему в жены свою дочь, от которой и родился первый царь царей из династии Сасанидов — Арташир I (226—243).

Очень интересно, что этот роман об Арташире вызвал создание в каких-то оппозиционных кругах иранского жречества своеобразного «антиромана» — по сообщению византийского историка VI в. Агафия («О царствовании Юстиниана»), рассказ о рождении Арташира основан на информации некоего переводчика со среднеперсидского языка Сергия. Согласно этой информации Папак — сапожник в Иране, Сасан — простой солдат, случайно зашедший к Папаку на постой. С помощью колдовства Папак узнает о блестящей судьбе потомков Сасана и отдает ему свою жену, от которой и родился Арташир. Сергий уверяет, что этот рассказ он заимствовал из архивов персидских царей.

Официальная версия, по которой Сасан — потомок Ахеменидов, а Папак — царь Парса, связанный с парфянской (аршакидской) династией, впоследствии — в период превращения различных разрозненных иранских сказаний и исторических частей «Авесты» в официальную историю Ирана — была дополнена генеалогиями, связавшими Сасана и Папака с первой и второй династиями — Пишдадидами и Кеянидами. Вот, например, генеалогия Сасанидов из «Фарснаме» Ибн ал-Балхи (XII в.): Арташир, сын Папака, сына младшего Сасана, сына Папака, сына Мехрака, сына Сасана старшего, сына Бахмана, сына Исфендиара, сына Гоштаспа, сына Лохраспа, сына Кей-Хосрова и т. д. до Джемшида. Те же генеалогии даны и в раннемусульманских историях — у Табари, Динавери, Хамзы Исфаганского и др.

10 861 Гударшир — второе имя Бехмена (см. 9824).

1/2 28 Фирдоуси

10 881 и далее Эпизод с Дарабом, сыном Хомай, схож с мидийскими сказаниями об основателе династии Ахеменидов — Кире. Эти сказания в свою очередь повторяют древневосточные сказания о «чудесном спасении» будущего владыки из реки.

10 929 Газер — отбельщик и мойщик холста.

10 983–10 984 ...и дитя нарекли
Дарабом — его ведь из волн извлекли.

«Народная этимология имени Дараб — „дар-аб", т. е. в воде найденный. Ниже неоднократно встретится усеченная форма — Дара. Интересно отметить, что версия, приводимая Фирдоуси, считалась у арабско-персидских историков раннего средневековья недостоверной. Вот, например, сообщение Ибн ал-Балхи: „Когда (Бахман) умер, у него осталось пять детей — сыновья Сасан, Дара (в арабо-персидских источниках, кроме Фирдоуси, нигде не приводится «народная этимология» этого имени) и дочери Хомай, Фаранг, Бахмандухт. Сасан ... не стал царствовать и отправился в горы, а Дара был еще ребенком. И тогда трон поручили Хомай, которая была старшей из дочерей. А некоторые рассказывают, что Дара был сыном Хомай от ее отца Бахмана... но первый рассказ (из приведенных) более правилен».

10 991–10 992 Соответствует четырем стихам подлинника.

11 143 Предшествующий бейт (**143** на стр. **1761**) опущен согласно Л.

11 169 Предшествующий бейт (**157** на стр. **1766**) опущен согласно Л.

11 289–11 290 Вступает в захваченный стан Рошневад
И отдых вкушает, избавясь от лат.

Закованные в броню всадники — катафрактарии были главной ударной силой иранской армии еще в парфянское время. Вот одно из описаний тяжелой иранской кавалерии, оставленное Аммианом Марцеллином (IV в. н. э.): «Железные бляшки (панцырей этих всадников) так тесно охватывали все члены, что связи совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело казалось закованным в железо, и падавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, приходившиеся против глаз, можно было кое-что видеть, или где через ноздри с трудом вырывалось дыхание».

11 411 В Бехмен-месяц, в день Шехривера, т. е. в четвертый день одиннадцатого месяца солнечного иранского года (подробнее см. том III, 557—558).

11 493 Абулькасим — другое имя Махмуда Газневидского (см. том I).

11 534 Обрел Дарабгирда название он. — Дарабгирд — город в провинции Фарс (юг Ирана). Основание Дарабгирда приписывали Дарию I и среднеперсидские сочинения («Шахрестаниха-йе Иран»).

11 575–11 576 Вступивши с владыкою русов в союз
Румийской державою правил Филькус.

«Русы», «владыка (хакан) русов» неоднократно встречаются в арабских географических сочинениях времени Фирдоуси («Худуд ал-Алам», Ибн-Руста, Гардизи и др.). Под термином «русы» арабские географы имели в виду скорее всего среднеднепровских славян, уже в IX в. представлявших значительную политическую силу и ведших войны с Византией. Например, к 860 г. относится поход русов к Константинополю.

Филькус (Фейлекус) — имеется в виду Филипп, царь Македонии, отец Александра Македонского. В 338 г. до н. э. Филипп подчинил себе всю Грецию, объединив ее в так называемый Коринфский союз. В 336 г. до н. э. Филипп готовился к войне с ахеменидским Ираном, для чего в Малую Азию перебрасывались греческие и македонские войска, но в том же году он был убит заговорщиками (в заговоре, очевидно, были замешаны и персы). Вступив на престол, Александр Македонский с первых же дней начал подготовку к восточному походу. Решительная победа Александра над войсками Дария III была одержана в трех битвах: при Гранике (Малая Азия, 334 г. до н. э.), при Иссе (октябрь 333 г. до н. э.) и при Гаугамеле (Месопотамия, 1 октября 331 г. до н. э.). Три битвы Дары с Искендером (Александром) описывает и Фирдоуси (см. ниже).

11 649 Мискал — мера веса около 4,5 г.

11 593–11 596 Перестановка бейтов.

11 646 Мехр — седьмой месяц солнечного персидского года.

11 581 Оммурие (Аммурие) — мифическая крепость в Руме.

11 653–11 654 Эти два стиха соответствуют четырем стихам подлинника.

11 655–11 666 Порядок бейтов изменен. Сановникам — в оригинале: «философам».

11 675 Дараб отсылает дочь Филькуса в Рум, где она рожает Искендера. — Здесь и далее вводятся эпизоды из так называемого «Романа об Александре» — легенд о жизни и походах Александра Мадеконского, оформленных в литературный рассказ, вероятно, в III—IV вв. н. э., когда императоры Рима из династии Северов ввели официальный культ Александра. «Роман об Александре» имеет несколько версий и был переведен на многие языки. Его первоначальное ядро, видимо, составляет легенда о том, что

Александр — сын египетского фараона Нектанеба II, что указывает на место зарождения «Романа» — Александрию в Египте. В основе «Романа» с самого начала имелась ясная политическая тенденция — Александр выступал как законный царь Египта, как освободитель от владычества персов. Время сложения иранского варианта «Романа об Александре» точно установить не удается, но этот вопрос важен для изучения источников поэмы Фирдоуси.

Среднеперсидские переработки «Романа об Александре» неизвестны, если не считать небольшого отрывка об Александре и его учителе Аристотеле в так называемом «Письме Тансара» — псевдоэпиграфе, составленном в VI в. н. э., но сохранившемся в позднейшем персидском переводе (с ранее сделанного арабского перевода, а не со среднеперсидского оригинала) у автора XII в. Ибн-Исфендиара. Во всей же зороастрийской литературе и в исторических преданиях раннесасанидского времени Александр в отличие от «Романа», где он наделен всеми чертами «идеального царя», представлен как разрушитель, угнетатель, «порождение Ахримана» («Артак-вираф-намак», «Кар-намак» и др.). Как и сасанидское жречество, так и раннесасанидские официальные историографы отрицали всякую связь Александра с Ахеменидами. Вообще эта связь с древнеиранскими царями могла появиться в иранской литературе не ранее V в. н. э., когда в официальную сасанидскую историю постепенно начали включать циклы эпических преданий о древнеиранских царях и сасанидские шаханшахи оказались связанными с Пишдадидами и Кеянидами. Но и в это время отрицательное отношение зороастрийского жречества к Александру скорее всего препятствовало бы включению этого образа в официальную историю.

Вероятно, «Роман об Александре» в его иранской версии был создан в послесасанидский период, в шуубидских кругах, кругах иранской аристократии, где идеи «фарра» — божественной царской благодати были особенно популярны. В иранской версии место египетского фараона Нектанеба занял ахеменидский царь Дарий, и политическая тенденция «Романа» осталась той же — Александр объявлялся законным владыкой Ирана, поскольку был старшим сыном Дары, а свержение им младшего брата — Дария III с престола было актом «божественной справедливости». Идея «царской благодати», дарованной богами лишь законным владыкам Ирана, таким образом, не нарушалась.

«Роман об Александре» почти так же, как у Фирдоуси, изложен уже у Динавери (IX в.) — автора, особенно близкого к шуу-

бидским кругам, а также у Табари и Бал'ами.

11 687–11 688 Траву, что гортань, словно пламенем, жжет,
Что звал «искендером» румийский народ.

«Народная этимология» имени Александра. В арабо-персидских исторических сочинениях Александр выступает под именем «Искандар Зул-л-Карнайн» («Искандер Двурогий»), в среднеперсидской литературе — «Александр Румиец».

12 144 В Истахр, что в ту пору столицею был. — Истахр (др. перс. «стахра» — «замок, крепость») — столица полузависимого царства Парс, существовавшего в селевкидскую и парфянскую эпохи (III в. до н. э.—III в. н. э.), был построен у развалин Персеполя уже после падения державы Ахеменидов. У Фирдоуси же имеется в виду Персеполь — знаменитый дворцовый и храмовый комплекс, возведенный на высокой искусственной платформе. Строительство дворцов Персеполя началось при Дарии I и продолжалось длительное время. Персеполь был религиозной столицей Ахеменидов. Он был предназначен для церемоний, связанных с торжественной коронацией царя царей, которая происходила во время празднования Ноуруза. Там же хранились царские сокровища. Захватив Персеполь в 331 г. до н. э., Александр разграбил город (по преданию, Александру досталось 180 тыс. талантов золота) и сжег дворец Ксеркса.

Уже более столетия в Персеполе ведутся археологические раскопки, и его рельефы, скульптура и архитектура получили всемирную известность.

12 187 Кольчуги мы сцепим румийцам на страх. — Имеется в виду сцепление кольчуг у иранских бойцов с целью лишить возможности кого-либо из них обратиться в бегство.

12 235–12 238 Перестановка бейтов.

12 385–12 388 Двоих он везиров имел, мудрецов...
Один из везиров тех звался Махьяр,
Другой был по имени Джанусияр.

Проиграв сражение при Гаугамеле, Дарий III бежал в Мидию (в г. Экбатаны, совр. Хамадан). Его сопровождали сатрапы (правители крупных областей ахеменидского государства) Бесс, Барсаэнт, Сатибарзан и Набарзан. Когда небольшой отряд Александра настиг Дария и его свиту у Дамгана, сатрапы закололи Дария кинжалами, чтобы он не достался живым врагу. Александр приказал похоронить Дария, воздав ему царские почести, и не стал преследовать сатрапов. Впоследствии один из них —

сатрап Бактрии Бесс объявил себя царем Артаксерксом IV и некоторое время сопротивлялся Александру.

12 499 Красавицу мать Ровшенек нарекла.

Роксана (Ровшенек или Рохшан — «блистательная») — дочь согдийского вождя Оксиарта, оказывавшего одно время упорное сопротивление армии Александра. Александр женился на Роксане, стремясь примириться и породниться с родовой знатью покоренной им Согдианы. В дальнейшем Александр привлекал на свою сторону знатных бактрийцев, согдийцев и персов тем, что поощрял браки своих военачальников с представительницами местных знатных родов, вводил юношей из знатных семей в свою личную охрану (агему) и т. д. Сын Александра и Роксаны был объявлен его наследником.

12 510–12 511 Ноуруз, Седе, день Мехра (Мехрган), день Хормоза — древнеиранские праздники (см. том I).

12 645–12 650 В краю нашем странников много, они
Проводят в постах и радениях дни,
Зовут их суфиями, чистых душой,
Счастливых и гордых своей нищетой.
В них, знайте, не нищих вы видеть должны,
Не низших, а высших — для блага страны.

Эта строфа, восхваляющая суфиев — дервишей, своеобразный «монашеский» мусульманский религиозный орден, интерполирована в текст поэмы, вероятно, не ранее XIII в. — в эпоху особенного расцвета идеологии суфизма.

12 657–12 660 Перестановка бейтов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абу Али Мухаммед ибн Ахмед ал-Балхи 412
Абу Мансур Мухаммед ибн Абд-ар-Раззак 412
Августин Блаженный 427
Авлад (I—11931, III) 250
Авраам-писец 417
Агафий (I) 435
Ажи Дахака (I—982—983) 426
Азер, см. Нуш-Азер
Алва (II) 274
Алп-тегин 429
Александр Македонский (Румийский; Искандар Зул-л-Карнайн, Искендер; I) 369, 370, 374—400, 408, 424, 435, 437, 439, 440
Аммиан Марцеллин 407, 414, 436
Ангхро Майнью, см. Ахриман
Апиваху Усадан 408
Арабы 65, 365, 366, 413, 422
Арватаспа 414
Ардвисура-Анахита 413.
Арджасп, см. Эрджасп
Араш (Кей-Ареш; I — 10975, II — 3475, III) 98, 419
Аристотель (I) 374, 438
Арта-шастра, см. Эрдешир
Арташир I 405, 424, 435
Аршан 408
Атеней 406, 409
Атурпат Михраспандан 424
Ауфи Мухаммед (I) 412
Афрасиаб (Афрасьяб; I — 8829, II — 306, III) 79, 99, 250, 254, 333, 426
Ахмед ибн Хасан Мейменди 310, 434
Ахриман (I — 520, 911, II — 3898, III) 44, 49, 67, 70, 80, 161, 221, 244, 295, 414, 438
Ахура-мазда (Хормоз, Хормузд) 306, 405, 406, 410, 413, 414, 416, 419, 426, 433

Бал'ами 410, 439
Барсаэнт 439
Бартольд В. В. 412, 415
Баствар, см. Нестур
Бэхмандухт 436
Бейхаки 415
Белый Див (I — 12029, II — 1911, III) 219, 250, 254, 429
Бенвенист Э. 417, 419, 422
Бесс (Артаксеркс IV) 439, 440
Бехаферид 131, 138, 139, 189, 190, 196, 206, 210, 215, 299, 302, 304
Бехзад (II — 9905, II — 4295) 92, 93, 106
Бехмен (I) 118, 120, 123, 141, 206, 221, 223, 227—235, 237, 247, 273, 275, 293, 294, 297, 300, 301, 304, 305, 307—309, 330—334, 336—344, 346, 361, 430, 433. 435, 436

[1] Именной, географический и предметный указатели составлены Т. Е. Киселевой.

Бехрам, витязь (I — 12140, II, III) 57, 60
Бехрам, газер 354
Бид (I, III) 250
Бидрефш (Видрафш) 71, 72, 74, 75, 80, 86, 87, 92, 97, 99, 100, 106, 107, 416, 417, 421
Бижен (I, II — 9598, III — 6039, 11079) 57, 60
Бируни Абу Райхан 412, 419
Бузанд Фавст 418, 420, 421, 430
Бураб 19
Бьяршан 408

Валарш I 410
Валарш Ашканид 424
Варахран (Вретрагна) 404
Вехстан 422
Видрафш, см. Бидрефш
Виштаспа, см. Гоштасп

Гардизи 437
Герами 84, 85, 95, 96, 421
Герамиккарт 419, 421
Гершасп (I — 3595, 4537, III — 2638) 425
Гив (I, II — 323, III) 57, 254
Гиршман Р. 405
Горазе (I — 12753, II, III) 12
Горгсар 80, 92, 148, 150—153, 158, 160—163, 165, 168, 171, 172, 174, 176, 182, 183
Горезм 88, 115—117, 137, 139, 140, 143, 144, 146, 147, 214, 252
Горуй-Зерех (II — 6942, III — 195) 321
Гостехем (I — 9181, II, III) 12
Гошвад (I — 3597, II, III — 3473) 57
Гоштасп (Виштаспа, Феррохзад; I — 304, II) 9—21, 23—26, 29—35, 42, 45, 46, 48—54, 58—72, 74—78, 81—83, 86, 130—133, 137—139, 141, 143, 145—147, 149, 151, 155, 158, 160, 170, 176, 189—191, 197, 202—205, 207, 208, 210—217, 224—226, 228—230, 235, 236, 238, 240, 245, 251—253, 255, 256, 260—263, 267, 268, 292, 297—301, 303—309, 330, 332, 339, 340, 363, 388, 395, 406—411, 414—417, 420—423, 425, 426, 433, 435
Гудерз (I, II — 325, III — 294) 57, 60, 254
Гул 169—172
Гушдив 81

Дакики Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед (I — 287), 64, 125, 412—414, 416, 419—422
Дара (I) 371—373, 375—398, 423, 435, 436, 438
Дараб (I) 344—352, 354—373, 423, 435—437
Дарий I (I) 410, 414, 434, 437, 439
Дарий III 435, 437—439
Дахака 425
Дестан, см. Заль
Джабала ибн Салим 433
Джамасп 75, 77, 82, 83, 88, 89, 95, 96, 101, 106, 113, 117—120, 135, 137, 139—141, 212, 213, 215, 252, 263, 297, 303, 307, 308, 330, 416, 421, 422, 432
Джанусияр 391, 392, 396, 439
Джемшид (I — 499, 815, II, III — 4530) 65, 68, 73, 82, 263, 294, 321, 333, 385, 426, 435
Динавери 435, 438

Езник 404

Заль (Дестан; I — 4708, II — 986, 4100, 11427, III — 399) 10, 95, 122, 123, 213, 216, 218, 226—229, 236, 237, 242, 243, 246—248, 250, 257, 260, 266, 267, 269, 282—287, 289, 295, 296, 305,

312—316, 323, 324, 328, 329, 332, 334, 336, 338—340, **431**, **432**
Заратуштра, см. Зердешт
Зардушт, см. Зердешт
Зарер, см. Зерир
Зарстан **417**
Зеваре (I — 14193, II, III) 217, 218, 226, 228—232, 236, 237, 266, 270, 273, 278, 279, 282, 296, 300, 317—320, 323, 325
Зердешт (Зороастр, Заратуштра; I, III) 66—69, 73, 86, 114, **119**, 123, 130, 170, 253, 263, 265, 290, **406**, 408, 410, **413**—415, 422, **423**, **426**
Зересп (I — 5047, II, III — 11356, 12609) 57
Зерир (Зарер) 9, 12, 42, 55—60, 62, 67, **71**, 75—79, 83, 85, 86, 88, 90, 96—101, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 132, 149, 212, 213, 226, 237, 304, 406, 409, 416, 417, **419**, **421**, 428, **433**
Зохак (I — 982, 1246, 2047, 4379, 8829, II, III) 224, 249, 250, 333, 385
Зохре 354

Ибн ал-Балхи **435**, 436
Ибн-Исфендиар **438**
Ибн-Руста **437**
Изед, см. Йездан
Ильяс 48—52, 55, 58, **411**
Иредж (I — 2870, II — 2918, III) 76, 79
Искандар Зул-л-Карнайн, см. Александр Македонский
Искендер, см. Александр Македонский
Исфендиар, Исфендьяр, Руинтен; I — 11598, II — 13366) 66, 76, **77**, **79**, 83, 86, 87, 90, 101—103, 106—110, 113—124, 127, 129, 135—158, 160—177, 179—309, 330, 332—335, 339, 340, 388, **395**, **417**, **418**, **420**, **421**, **425**, **426**, **430**—**433**, **435**

Йаздандат **412**
Йездан (Изед, Язата; I — 35, 656, II, III — 2) 10, **13**, 24, 32, 42, 60, 65, 66, 70, **78**, 87, 113, 128, **137**, **138**, 141, **142**, **155**, **163**, **169**, 171, 176—179, 195, **204**, 208, 211, 215, 217, 222—225, 233, 235, 243, 253, 262, **269**, 272, 277, 279, 280, 283, 290—**292**, **298**, 303, **313**, 323, 326, 338, 350, 364, **383**, **387**, 390, 393—**395**, **406**, **412**, **413**

Кава Хаосрава, см. Кей-Хосров
Кавата, см. Кей-Кобад
Каве (I — 1770, II, III) 57
Кавус, см. Кей-Кавус
Казвини Хамдаллах **412**
Камус (II — 14799, III) 54, 55, 245, 268
Картир 413, 425
Кей-Кавус (Кавус; I — 577, 11004, 13919, II, III) 9, **13**—15, 57, 60, 64, 216—218, 236, 250, 254, 255, 258, **263**, **408**, **426**
Кей-Кобад (Кобад, Кавата; I — 577, 3597, 10523, 10975, II, III — 7055) 217, 224, 233, 235, 249, **251**, 257, 269, 321, 339, **408**
Кей-Пешин (Пешин; I — 10975, II, III) 251
Кей-Хосров (Хосров, Кава Хаосрава; I, II — 7553, 10555, 11367, II) 8, 10, 13, 14, 73, 216, 217, 233, 250, 255, 263, 287, 333, 339, **408**, **426**, **435**
Керкуй (I — 6727, III) 149
Кетаюн (Анахита, Нахид) 22—25, 28, 34, 35, 43, 45, 47, 61, 62, 66, 130, 131, 219—221, 293, 299, 302, 305, **409**, **413**
Кеюмарс **412**
Кир **436**

Кондор (II — 16441, III) 132, 153
Котейб 365
Кохрем (II — 8943, II — 9679) 80, 92, 94, 127, 128, 130, 132, 133, 145—149, 152, 182, 193, 194, 198—203

Лохрасп (I, II) 7—11, 14—16, 32, 42, 53—56, 58, 59, 61, 62, 65, 70, 72, 73, 101, 103, 105, 123, 124, 127—131, 136, 138, 142, 143, 150, 154, 182, 197, 198, 200, 203, 204, 210, 212, 215, 224, 227, 228, 251, 252, 255, 292, 299, 304, 333, 395, **406**, **407**, **410**, **426**, **435**

Маздак **425**
Мани (I — 10806) 157, **427**, **428**
Мансур ибн Нух **412**
Мас'уди (I) **424**
Махмуд Газневидский (Абулькасим; I — 383, III) 7, 64, 125, 126, 156, 157, 310, 311, 363, **404**, **429**, **434**, 436
Махуйе Хуршид **412**
Махьяр **391**, 396, **439**
Менучехр (Менучихр, I — 4621, II, III) 217, 301, 333, **426**
Мехраб (I — 5343, 5438, II) 249
Мехрак **435**
Мехрас 48, **411**
Мехр-Нуш 118, 206, 221, 275, 277, 280, 281, 333, 334
Мирин 27—31, 33, 34, 36—40, 47, 49, 50
Митра **406**
Муттеваккиль **415**
Мухаммед (I) **422**
Мушег **421**

Набарзан **439**
Намхаст 72, 75, 92, 95, **416**
Нарсе **408**
Нахид 366—371
Нейрем (Нериман; I — 4697, II — 2921) 242, 245, 248, 310, 315, 339, **432**
Нектанеб (II) **438**
Нериман, см. Нейрем
Нестар 18
Нестур (Бастур, Баствар) 85, 90, 96, 103, 106—108, 111, 112, 132, 147, **417**, **420—422**
Нивзар 85, 95—97
Низам Ираншах ибн Абу-ль Хайр **433**, **434**
Нуш-Азер (Азер) 108, 118, 136, 137, 141, 194, 274, 275, 277, 280, 281, 304, 333, 334, **421**

Оксиарт **439**
Омарт **406**
Отатида **406**, **409**

Павзаний **423**
Пап **421**
Папак (I) **405**, **435**
Пешутен 66, 103, 162—167, 169, 171, 174, 179, 184, 193, 194, 198, 222, 223, 226, 237, 241, 242, 258, 264, 265, 271, 280, 281, 289, 293, 294, 298—303, 306, 307, 330, 338—340, **429**, **432**
Писина **408**
Плиний **423**

Рехш (I — 10197, 12120, 14469, II, III) 217, 229, 238, 242, 244, 245, 254, 255, 262, 267, 277, 282—286, 288, 315, 320, 325, 326, 356
Ривниз (Рив; I, II — 11721, III) 57, 60
Ровшенек (Роксана, Рохшан) 394, 395, **440**
Ростем (Рустам, Могучий; I — 7903. II, III) 10, 16, 84, 110, 122, 123, 210, 216—220, 222—301, 304—308, 310, 312—326, 329, 330, 332, 333, 335, 337, 339, 356, **421**, **422**, **425**, **430—433**

Рошневад 351—359, **436**
Рудабе (I — 5475, II) 226, 229, 262, 282, 328, 329, 339
Руинтен, см. Исфендиар
Рустам, см Ростем

Саалиби **415**
Саве (III — 1222) 60, 198
Сам (I — 4537, 4697, II, III) 10, 95, 98, 99, 122, 242, 244, 246—250, 260, 278, 279, 310, 312, 313, 315, 316, 324, 335, 336, 340, **432**
Сасан **405**, **406**, **435**
Сасан, сын Бехмена 340, 341, **435**, **436**
Сасан, внук Бехмена 342, **435**
Сатибарзан **439**
Секиль 52
Сельм (I—2851, II, III) 17, 29, 30, 252, 333
Сенджер (I — 11394, III) 250
Сенмурв, см. Симорг
Серв (I — 2619, 3857) 310, 312
Сергий **435**
Сиавуш (Сьяваршан; I — 13919, II — 2963, 8470, III) 218, 219, 238, 255, 321, **408**
Сиах **412**
Симорг (Симург, Сенмурв; I — 4786, II, III) 161, **171—174**, 247, 248, 283—288, 292, 295, 297, 305, **407**, 428, **432**
Соруш (I — 533, II — 6729, III) 213, **429**
Сохраб (I, II — 2, III) 250
Спендидат, см. Исфендиар
Срувар **426**
Страбон **423**
Сутух 124
Сьяваршан, см. Сиавуш
Сюан-Цзян **413**

Табари **410**, **435**, **439**
Тархан 193, 194
Тур (I — 2859, 2908, II, III) 76, 333
Тус (I — 9181, II, III) 93, 118, 254

Фаранг **436**
Фахр-ад Даула Абу-л-Музаффар Ахмад **412**
Ферамарз (I, II — 7899, 12081, III) 217, 218, 226, 228, 236, 275, 279, 282, 296, 322—328, 332, 333, 337—339
Феридун (I — 2321, II, III) 21, 66, 68, 96, 204, 224, 242, 250—252, 287, 294, 321, 333, **425**, **426**
Фершид, см. Фершидверд
Фершидверд (Фершид; II — 8029, III) 115, 132, 133, 139, 141—144, 150, 154, 182, 215, 273
Филькус (Фейлекус, Филипп) 366—370, 374, 397, **437**
Фирдоуси 64, 125, **405**, **406**, **408—410**, **412**, **413**, **425**, **428**, **434**, **436**, **437**, **439**
Фрасйак Тур **426**

Хамза Исфаганский **435**
Харес Митиленский **406**, **409**
Хешаш 80, 81
Хишуй 16, **17**, 26, 28, 29, 31—35, 39—41, 43, 47
Хомай (I — 4200, II, III) 15, 115, 155, **407**, **428**
Хомай, дочь Гоштаспа 101, 112, 131, 138, 189—191, 196, 206, 210, 215, 299, 302, 304, **407**, **417**, **422**
Хомай (Чехерзад), дочь Бехмена 340—345, 351, 357—361, 363, 365, 366, 371, **436**
Хомаюн 151, **426**
Хоренский Моисей **422**, **435**
Хормузд, см. Ахура-мазда
Хормоз, см. Ахура-мазда

Хоррад, см. Исфендиар
Хосров, см. Кей-Хосров
Хосров I 425
Хосров II 404, 424
Хутаоса 409
Хушенг (I — 625, II, III) 294, 405

Шадан 412
Шапур (I — 3689, II, III — 3476) 60. 412, 424
Шапур I 419, 424, 427
Шапур II 418, 424
Шегад 310, 312—320, 322, 323, 328
Шидасп (Шейдасп, Шедасп; I — 755) 84, 90, 94
Шируйе (I — 3594) 57, 93
Ширхун 229
Шоэйб 365

Эндериман (II — 5782, III — 6707) 80. 182, 199, 202
Эрвенд 251
Эрдешир (Арташир; I) 57, 84, 86, 93, 104, 343, 353, 363, 388, 405, 407, 410, 424, 433
Эрджасп (II — 5782, III — 6707) 65, 66, 69, 71, 72, 74, 76—79, 81, 86, 92, 97—100, 103, 106, 108, 109, 113, 122—124, 127, 132, 134, 137, 138, 142, 143, 146—155, 182, 184, 187—189, 192—198, 200, 203, 205, 206, 210, 214, 215, 225, 253, 304, 412, 416—418, 421
Эрженг (I — 11462, II — 13621, III — 4212) 250
Эхран 37—41, 43, 44, 47

Язата, см. Йездан
Янал-тегин 415

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азербайджан 414, 424
Азия 409
Александрия 438
Аму (III — 12730) 333
Аравия 422
Армения 420
Арьехшута-гора 419
Ахваз (I — 627) 373
Ахеменидское государство 439

Багдад 415
Бактрия 440
Балх (I, II — 4314, III) 8, 9, 65, 75, 78, 82, 111, 123, 124, 127, 128, 130—132, 143, 147, 158, 215, 304, 406, 410, 412—414
Белый Лес 416
Берберия (I — 12996, III) 113
Бисотун-гора (I — 8293, II, III) 93, 229, 277
Бишапур 405
Бост (Буст, Кала-и Бист; I, III) 216, 328, 337, 429
Бухара 412

Византия 437
Восток 225, 410, 414, 427
Восточный Иран 414
Восточный Туркестан 427

Газна (I, III) 216, 429
Газневидов государство 429
Гаугамел 437, 439
Герат 412
Гонбедан-Деж, см. Деж-Гонбедан
Граника 437
Греция 437
Гурабе (I — 8161, 9467) 337

Дамган 439
Дарабгирд 363, 364, 366, 437
Деж-Гонбедан 122, 136, 194, 214, 221, 252, 423
Джейхун-река (I — 3897, 9951, II, III) 74, 80, 82, 250, 324

Евфрат 343, 345, 359, 376, 381, 382
Египет 427, 438

Забул (Забулистан; I, II, III) 123, 124, 213, 215, 216, 219—221, 226, 227, 236, 240, 241, 259, 260, 263, 267, 268, 283, 297, 300, 301, 304, 305, 308, 314, 316, 317, 323, 325, 327, 328, 333—336, 339, 340, 422
Запад 28, 225, 356, 406, 410, 427
Зергуш 373

Индия, см. Хинд
Иран (Ираншехр; I, II, III) 9, 13, 16, 17, 28, 35, 53, 54, 59, 60, 62, 69—71, 73, 75, 76, 78, 81, 86, 100, 105, 108, 111, 112, 114, 124, 128, 131, 132, 137, 144, 147, 148, 152, 160, 176, 184, 187, 194, 198, 206, 207, 211, 214, 216, 217, 220, 224, 226, 230, 234, 235, 238, 240, 243, 248, 253—255, 257, 259, 263, 264, 269, 291, 298, 303—305, 311, 313, 314, 335, 337, 338, 340, 341, 352, 358, 364, 376, 379, 384, 386, 387, 389, 391, 393, 394, 397, 404—414, 417—420, 423, 425—427, 434, 435, 437, 438
Ираншехр, см. Иран
Исс 437
Истахр 376, 384—386, 390, 397, 400, 424, 435, 439
Исфаган 397

Кабул (I — 5191, II — 6037, III) 12, 213, 216, 300, 312—319, 321, 323—328, 333, 337, 339
Канг-гора (I — 5651, 5652, III) 264
Каннудж (I — 414, II, III) 307
Карен-гора 152
Каспий 406
Кашмир 312
Кергесаран (I — 5236, III) 78
Кешмар 415
Константинополь 437
Кушан (II — 16455, III) 73

Мазендеран (I — 5235, II, III) 250, 254, 268
Македония 437
Малая Азия 437
Мачин (II — 9265, 10693, III) 184, 187
Медина 433
Мекка (I — 512, 634) 65, 413
Мерв (I — 13785, II) 310, 312, 416, 424
Месопотамия 427, 437
Мидия 406, 414, 439
Миср (I — 641) 375, 376

Нил (I — 5496, II — 907) 27, 219, 234, 237, 245, 294, 381
Нимруз (I — 5207, II) 297
Нишапур 341, 342, 406, 412

Оммурие (Аммурие) 366, 367, 437

Пайкули 408
Парс (I — 9196, 9959, 13785, II, III) 10, 369, 384, 435, 439
Парфия 410
Пенджикент 425
Персеполь 439

Рага (Рей) 414
Реванд 406
Рим 427, 437
Руин-деж (Диз-и Руин) 153, 158, 160, 161, 175, 182—184, 193, 203, 206, 211, 253, 304, 428
Рум (Румийская земля; I, II, III) 9, 12, 15—17, 23, 24, 27, 28, 34, 37, 44, 46, 48, 52—58, 61, 62, 114, 216, 225, 233, 252, 312, 349, 351, 352, 354, 355, 357, 364, 366, 368, 369, 373—376, 378, 379, 384, 385, 390, 392, 406, 437

Сакастан 422
Сари (I) 218, 429
Сейстан, см. Систан
Синд (I — 414, II, III) 113, 225, 249
Систан (Сейстан; I — 5211, II, III) 122, 127, 130, 132, 217, 218, 220, 221, 248, 268, 297, 313, 316, 328, 334, 430
Согдиана 440
Сокейла-гора 37, 41
Средняя Азия 425

Степь копьеносных бойцов (Страна копьеносцев; I — 2918, III — 11406), 225
Сыр-Дарья 406

Так-е Бостан 404
Танаис 406
Тегеран 414
Тераз (I — 5395, II, III) 201
Туран (Туранская земля; I — 2908, II, III) 66, 69, 70, 73, 74, 76—78, 80, 81, 87, 90, 96—98, 107, 123—125, 131, 132, 143, 146—148, 154, 155, 158, 160, 162, 176, 182, 187, 189, 200, 202, 203, 205, 216, 225, 233, 250, 252, 311, 412, 417
Тус-город (I — 6962, III) 249, 412

Уйгуров государство 427

Фарс 437
Фарьюмад 415
Фарьяб 422
Фаскунская чаща (лес, Фаскун) 27, 30, 31, 43

Хаджиабад 419
Хазарский край (III) 48, 49, 411
Халеб 57
Халлох (III) 78, 98, 112, 127, 146, 152, 201, 304, 417
Хамаверан (I — 13063, II, III) 218, 219, 254, 268
Хамун 416
Хванванта-гора 419
Хильменд, см. Хирменд
Хинд (Индия, Хиндустан; I — 413, 414, 2021, II, III) 9, 11—13, 61, 113, 114, 233, 275, 307, 311, 314, 364, 393
Хирменд-река (Хильменд; I — 5211, 9465, III) 222, 227, 231, 237, 238, 270, 280, 334, 430
Хорасан (I, II, III) 115, 412, 415, 424
Хорезм 414

Чаганиан 412
Чехрем 383, 384
Чигильский край 149
Чин (I — 412, II — 4440, III) 4, 12, 61, 64, 70, 73, 74, 76, 80, 84, 89, 90, 98, 131, 146, 148, 184, 185, 187, 202, 205, 206, 245, 250, 255, 268, 269, 333, 367, 373
Чин-море (I — 1219, II, III) 148, 249, 281

Шиз (Тахт-и Сулейман) 424

Эйяс 98, 112, 146
Экбатаны (Хамадан) 439
Эльборз (Эльбурс; I, II) 249

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«Авеста» (Зенд-Авеста) 70, 75, 77, 86, 114, 120, 122, 123, 126, 130, 138, 220, 290, 348, 359, 395, 405, 408—410, 414—416, 423—425, 428, 431, 433, 435
— «Виштасп-саст» 415
— «Гаты» 410, 414
— «Сказ о Ростеме и Шегаде» 433
Авестийский язык («Авестийское» письмо) 416, 425
Айван 236, 430, 432
Алой 325, 336, 345
Альбигойская ересь 427
Анахиты храм 435
Анчар 193
«Апастак у Занд» 423
Арабские (тазийские) кони 336, 365, 434
Арабо-персидская литература 404, 410, 428, 436, 438
Арабский язык 433
Арабы 65, 365, 366, 413, 422
Ареша стрела 98, 419
Армянские войска 418
«Артак-вираф-намак» 423, 438
Аршакиды 412
«Атур Борзин Михр» (Борзин, Мехри-Борзин) 9, 68, 405, 406, 415
«Атур Гушнасп» («Ганджа Шизская») 405, 424
«Атурфарнбаг» 405
Ахеменидская эпоха (ахемениды) 406, 410, 411, 423, 435, 437, 439
«Аяткар-е Зареран» («Память (или «предание») о Зарире») 416—419, 421, 422, 428, 433

Бактрийцы 440
«Бахман-наме» 433
«Бахман-яшта» 422
Берберийский конь 141
«Бехистунская надпись» 410
Бехмен-месяц 360, 405, 436
Богумильство 427
Борзин, см. «Атур Борзин Михр»
Брахманы 253, 413
Буддизм 413, 427
«Бундахишн» 423, 425, 428
Бычьеголовая булава (палица) 50, 68, 129, 149, 150, 271

Вазурги 422
Везир 54, 77, 117, 252, 336, 389, 391, 407
Византийско(румийско)-хазарская война 411

Восточно-иранские сказания (эпос) 406, 409, 410, 419

Газер 345—350, 354, 357, 358, 361, 362, **436**
Гоштаспов дворец 127
Греки **424**, **437**

Дебир 16, 17, 78, 202, 308, 373, **408**
«Дез-и набишт» **424**
«Денкарт» **423**, **424**
Дестур 14, 24, 90, 141, **338**, 339, **407**
Дехкан 8, 20, 25, 158, 228, 363, **404**, **408**
Джехан-пехлеван 76, **417**
Див (дэв) 36, **37**, 66, 69, 70, 72, 77, 92, 95, 99, **103**, 109, **127**, **147**, 218, 234, 240, 241, 243, 245, 247—250, 253, 260, 268, 278, 326, **409**, 416
Диван 17, 18, **408**
Динар 15, 17, 26, 43, 127, 186, 189, 196, 269, 312, 326, 332, 350, 355, 359, 360, 366, 373, **407**
Дирхем 142, 186, 189, 350, 359, **426**
Доахеменидская эпоха **424**
Драхма **407**
Древневосточные сказания **435**
Древнеиранский (бактрийский) героический эпос **408**, **419**, **426**
Дэв, см. Див
Дэй-месяц 78, **418**

Епископ (*öскöф*) 36, 44, 356, 368, **408**, **409**

Забульцы 213, 270, 272, 319, 326, 328, **337**, **338**
«Замок Джисс» **424**
«Замьяд-яшт» **408**
«Зарер-намак» **416**
Зенд-Авеста, см. «Авеста»
Зердештов огонь 395
Золотой кушак (пояс) 13, 121, **407**
Зороастрийская вера (зороастризм) **113**, **404—406**, **410**, **413—416**, **422**, **424—427**, **433**, **434**, **438**
Зороастрийская литература **438**
Зороастрийцы **416**, **422**

Индийский булат (клинок) 87, 141, 172, 183, 196, 197, 274, 308, 381
Индийский гонг 327, 337, 382, 390
Индийский меч 266, 336, **407**
Индийский убор 318
Иранская война 272
Иранские эпические сказания **404**, **410**, **417**, **422**, **425**, **426**, **435**, **438**
Иранский год (персидский год) **436**, **437**
Иранского искусства памятники **425**
Иранцы 57, 58, 60, 68, 70, 74, 79, 88, 91, 92, 95, 104, 109—111, 115, 134, 137, 144, 151, 152, 164, 176, 177, 179, 182, 183, 187, 188, 195, 200, 202, 205, 211, 222, 231, 232, 234, 245, 266, 267, 270, 272—274, 288, 301, 321, 334, 335, 337, 339, 355, 357, 362, 364, 366, 377, 382—386, 389, 391, 396—399, **406—408**, **417**, **419**, **422**, **426**, **428**, **430**, **433**, **436**, **438**, **439**
Искендер, трава 369, 370, **439**
Ислам **426**, **427**
«История Армении» Фавстоса Бузанда **420**, **421**
«История Армении» М. Хоренского **422**

«Кааба Зороастра» **424**
Кабульская война 272
Кабульская кольчуга 272
Кабульский меч 166
Кабульцы 219, 313—319, 321, 323, 324, 326—328, 337

Каве стяг 57, 85, 95, 96, 100, 102, 106, 108
Калям 39, 203, 397, **410**
Камфара **434**
Карлуки (тюркские племена) 92, 291, **419**
«Карнамак» («Книга о деяниях Арташира, сына Папака») **405**, **407**, **435**, **438**
Катакватайства владения 408
Католичество **427**
Каттарство **427**
Кафши 186, **429**
Кебаб 195, **429**
Кедхода 20, 21, 26, 28, **408**
Кей, см. Кеяниды
Кейван (планета Сатурн) **432**
Кейсар (кесарь Рума) 17, 19, 23—25, 27, 30, 34—40, 44—48, 50—56, 58—60, 62, 113, 383, 396, **408—410**
«Кефалайа» Мани **427**
Кешмарское дерево (кипарис) 66—69, **415**
Кеянидов престол 64, 65, 113, 121, 214, 216, 218, 219, 311, 341, 359, 361, 363, 384, 397
Кеяниды (Кави, Кей) 89, 136, 218, 224, 257, 341, **408**, **412**, **424—426**, **431**, **433**, **435**, **438**
Кеянский венец 60, 65, 66, 101, 121, 131, 211—213, 216—221, 260, 261, 269, 271, 304, 359, 360, 372, 390, 392, **400**, **407**
Кеянский шлем 256
Кимвал 52, 57, 62, 79, 80, 82, 92, 110, 133, 173, 221, 256, 334, 375, 381
Китайская парча 186, 223, **432**
Китайская тафта 143, 169, 187, 267, 345
Китайский шелк 203
Китайский язык **427**
Коринфский союз **437**
Ксеркса дворец **439**

Лал 61, 142, 186, 346, 360, 379. **409**
Лютня (руд, тунбур) 169, **428**

Магупат **413**
Маздакизм **427**
Македонские войска **437**
Манихейство **427**, **428**
«Менок-е Храт» **428**
Мехр-месяц 368, 395, **437**
Мехрган (Мехра) **405**, **440**
Мидийские сказания **435**
Мискал 368, **437**
Мисрийские клинки 376
Мобед 68, 70, 75, 80, 82, 116, 120, 122, 155, 192, 207, 214, 223, 230, 296, 354, 358, 363, 397, **415**
Мускус 35, 105, 187, 207, 308, 326, 336, 345, 353, 359, 396, **420**

Наватара род **414**
Новбехар 65, **412**, **413**
Новруз (Ноуруз) 395, **405**, **439**, 440
Нуш-Азер, Храм Огня 8, 9, 69, 118, 131, 142, 359, 395, **404**, **406**, **426**

«О царствовании Юстиниана» Агафия **435**
«Обед софистов» Атенея **409**
Овна созвездие **73**, 149, 156, 157. 166, 169
«Огонь Варахрана» **404**, **405**
Онагр 229—231, 242, 253, 304, 319, **430**

Падишах, см. Шах
Пайкенд **428**
«Парвезнаме» **404**
Парфяне **415**, **424**, **435**

Парфянская эпоха **411**, **417**, 422. 436, **439**
Парфянский язык 419, 427
Перо Симорга 285
Перо Хомай 15
Персеполь, дворец **438**
Персидский год, см. Иранский год
Персидский язык 377, **419**, **433**, **437**
Пехлевийский закон 341, **417**, **434**
«Письмо Тансара» **438**
Пишдадидов династия **425**, **435**, **438**
Плеяды 150, 172, **409**
Позднесасанидское время **424**, 428, 438

Раджа 13
Раннее средневековье **414**, 436
Раш 68, **415**
Ребат 142
Риг-веда 428
«Роман об Александре» 437. 438
«Ростан и Спендидат (Исфендиар)» **433**
Руд, см. Лютня
Румийская ткань 311
Румийский шлем 153, 196, 266, 366
Румийцы 22, 27, 28, 37, 40, 46, 49, 51—54, 56, **61**, 251, 252, 351, 352, 354, 355, 357, 366—370, 376, 380—383, 385, 387, 388, 391, 392, 394, **438**, **439**
Русов владыка 366, **437**
Рыбы созвездие 62

Садж 114, **422**
Сакские сказания **433**
Саларбар 58, **408**, **411**
Саребан **184**, 186—188, 221, **429**
Сасанидского искусства памятники **428**
Сасанидское время **404**, **411**, **414**, **416**, 422. **424**. 428
Сасаниды **404**, **405**, **407**, **408**, **410**, **416**, **419**, **424**, **428**, **435**, **438**
Северов династия **437**
Сегзийский богатырь 274, 276
Сегзийцы 276, 289
Седе 9, 359, 395, **404**, **405**, **440**
Селевкидская эпоха **439**
«Семь подвигов» **421**, **433**
«Семь привалов» 189, 208, 215, 253, **421**, **425**, **428**, **434**
Сенмурв **407**
Сепехбед 77, 78, 80—82, 93, 102, 120, 164, 166, 168, 177, 179, 184, 192, 214, 237, 241, 243, 246, 261, 262, 293, 313, 327, 354, 357, 359, 380, **418**
Скифский царь **406**, **409**
Согдийский язык **427**
Согдийцы **440**
Среднеперсидская литература 422, **423**, **437**—**439**
Среднеперсидский язык **416**, **421**, **427**, **433**, **435**
Стрельца созвездие 52
Ступа **413**
Стяг волчьеголовый 80, 152, **418**
Стяг золотой 92
Стяг желто-багряно-лиловый 80
Стяг слоноголовый 13, **407**, **418**
Стяг черный (темный) 78, 86, 100, **104**, 166, 194
Суфии (суфизм) **400**, **440**

Тигровая шкура 234, 266—269, 279, 282
Тир (Меркурий) **432**
Торонч 247, **430**
Трон из слоновой кости 257
Тунбур, см. Лютня
Туранцы 70—73, 80, 84—87, 90, 91, 93, 94, 96—98, 101, 106, **109**—112, 128, 129. 132, 136, 139, 144, 145, 147,

148, 150, 152, 162, 176, 182, 183, 187, 195, 198—201, 204, 252, 333, 304, 382, 417, 421, 422, 425, 426
Тюрки, тюркские племена 148, 198, 417, 419
Тюркский язык 72, 75, 417

Уйгурский язык 427

Фарр, см. Хварно
Фарсанг 17, 145, 160, 175, 182, 183, 347, 408
«Фарснаме» Ибн ал-Балхи 435

Хазары 48, 50, 53, 55, 58, 411
Хакан 86, 109, 245, 373, 437
Халиф 415
Хамаверанская война 250
Хамаверанский престол 254
Хварно (фарр) 408, 425, 426, 428
«Хвастуванифт» 427
«Хватав-намак» Фирдоуси 410, 426
Хейкель 65, 69, 71, 114, 413, 422
Хиндские мечи 376
Хиониты 414, 417, 421, 422
Хормоза день 395, 440

Христианство 427
«Худуд ал-Алам» 437

Черное дерево, см. Эбен
Човган 46, 349, 410
Чортаги 404

Шах (шахиншах, падишах) 13, 15, 58 62, 66, 67, 70—72, 75, 77, 78, 87, 89, 101, 102, 116, 118, 120, 123, 125, 131, 132. 134, 135, 137, 144, 150, 151, 155, 188. 190, 203, 212, 222, 224, 226, 233, 254 257, 262, 271, 279, 291, 299, 303, 306. 330, 361, 364, 367—370, 376, 379, 380. 383—385, 388, 394, 396, 406, 413
«Шахрестанеха-йе Иран» 422 423. 437
Шенбелид 33, 371, 392, 409
Шехр 422
Шехрдар 422
Шехривер 360, 436
Шуубиды 438, 439

Щитки конские (фалары) 308, 373. 381, 433

Эбен 30, 133, 162, 409. 411
Эфиоп 128

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Лохрасп 7

Лохрасп строит храм Огня в Балхе 8

Гоштасп в гневе покидает Лохраспа 9

Встреча Гоштаспа с Зериром 12

Бегство Гоштаспа в Рум 15

Прибытие Гоштаспа в Рум 16

Дехкан уводит Гоштаспа в свой дом 20

Сказ о Кетаюн, дочери кейсара 22

Кейсар отдает Кетаюн в жены Гоштаспу 25

Мирин просит у кейсара в жены его вторую дочь 27

Гоштасп убивает волка 31

Эхран просит в жены третью дочь кейсара 37

Гоштасп убивает дракона 41

Гоштасп отличается на ристалище 45

Кейсар требует дани от Ильяса 48

Битва Гоштаспа с Ильясом 52

Кейсар требует дани от Лохраспа 53

Зерир едет к кейсару послом от Лохраспа 56

Гоштасп возвращается с Зериром в Иран 59

Гоштасп 64

Фирдоуси видит во сне Дакики 64

Начало стихов Дакики. Уход Лохраспа в Балх и воцарение Гоштаспа 65

Появление Зердешта и принятие Гоштаспом его веры 66

Гоштасп отказывается платить дань Эрджаспу 69

Послание Эрджаспа Гоштаспу 71

Посольство Эрджаспа к Гоштаспу 74
Ответ Зерира Эрджаспу 76
Возвращение посланцев Эрджаспа с ответом Гоштаспа 78
Гоштасп собирает войско 81
Джамасп предсказывает Гоштаспу исход сражения 82
Гоштасп и Эрджасп строят свои войска 89
Начало сражения иранцев с туранцами 92
Гибель Герами, сына Джамаспа, и гибель Нивзара 95
Гибель Зерира от руки Бидрефша 97
Исфендиар узнает о гибели Зерира 101
Битва Исфендиара с Эрджаспом 103
Гибель Бидрефша в бою с Нестуром и Исфендиаром 106
Бегство Эрджаспа с поля сражения 108
Исфендиар дарит жизнь туранцам 109
Возвращение Гоштаспа в Балх 111
Гоштасп посылает Исфендиара обращать народы в зороастрийскую веру 113
Навет Горезма на Исфендиара 115
Прибытие Джамаспа к Исфендиару 118
Гоштасп заточает Исфендиара 120
Отбытие Гоштаспа в Систан и новое нападение Эрджаспа . . . 122
Окончание стихов Дакики и возобновление стихов Фирдоуси.
Восхваление царя Махмуда и порицание стихов Дакики 125
Нападение Эрджаспа на Балх и гибель Лохраспа 127
Гоштасп узнает о гибели Лохраспа и идет в поход на Балх 130
Гоштасп обращается в бегство от Эрджаспа 134
Встреча Джамаспа с Исфендиаром 136
Исфендиар видит своего брата Фершидверда 141
Исфендиар достигает горы, где укрывается Гоштасп 145
Гоштасп во второй раз посылает Исфендиара на бой с Эрджаспом 154

Сказ о семи привалах Исфендиара 156
Восхваление царя Махмуда 156
Первый привал. Исфендиар убивает двух волков 158
Второй привал. Исфендиар убивает львов 163
Третий привал. Битва Исфендиара с драконом 165
Четвертый привал. Исфендиар убивает колдунью 168
Пятый привал. Исфендиар убивает Симорга 171
Шестой привал. Исфендиар проходит через снежный занос . . . 174
Седьмой привал. Исфендиар переправляется через реку и убивает Горгсара 180
Исфендиар проникает в Руин-деж под видом купца 184

Исфендиар узнан своими сестрами 189
Нападение Пешутена на Руин-деж 193
Гибель Эрджаспа от руки Исфендиара 195
Гибель Кохрема от руки Исфендиара 198
Послание Исфендиара Гоштаспу и ответ Гоштаспа 202
Возвращение Исфендиара к Гоштаспу 205

Сказ о битве Исфендиара с Ростемом 209

Начало сказа 210
Исфендиар просит царство у отца 214
Ответ Гоштаспа сыну 216
Кетаюн наставляет Исфендиара 219
Поход Исфендиара в Забул 221
Исфендиар посылает к Ростему Бехмена 223
Прибытие Бехмена к Залю 227
Бехмен передает Ростему наказ от Исфендиара 229
Ответ Ростема Бехмену 232
Возвращение Бехмена к Исфендиару 236
Встреча Ростема с Исфендиаром 238
Исфендиар не зовет Ростема на пир 242
Исфендиар просит прощения у Ростема 244
Исфендиар поносит происхождение Ростема 247
Ответ Ростема Исфендиару 248
Исфендиар восхваляет своих предков 251
Ростем рассказывает о своих подвигах 254
Ростем пьет вино с Исфендиаром 257
Ростем возвращается домой 263
Заль увещевает Ростема 266
Битва Ростема с Исфендиаром 269
Гибель сыновей Исфендиара в бою с Зеваре и Ферамарзом . . . 273
Ростем бежит на вершину горы 277
Ростем советуется с родичами 282
Симорг внушает Ростему уловку 283
Ростем возвращается для новой битвы с Исфендиаром 288
Ростем стреляет в глаза Исфендиару 292
Пешутен везет к Гоштаспу тело Исфендиара 300
Ростем отсылает Бехмена в Иран 305

Сказ о Ростеме и Шегаде 310

Начало сказа 310
Ростем направляется в Кабул к своему брату Шегаду 312
Владыка Кабула велит вырыть ямы на пути у Ростема и Зеваре 318

Ростем убивает Шегада и умирает 320
Заль узнает о смерти Ростема и Зеваре, Ферамарз привозит их тела для погребения 323
Ферамарз выступает с войском на месть за Ростема и убивает владыку Кабула 326
Рудабе оплакивает Ростема 328
Гоштасп передает царство Бехмену и умирает 330
Бехмен 332
Бехмен заковывает в цепи Заля 334
Битва Ферамарза с Бехменом и гибель Ферамарза 337
Бехмен освобождает Заля и возвращается в Иран 338
Бехмен берет в жены дочь свою Хомай и назначает ее престолонаследницей 340
Хомай 343
Хомай вверяет своего сына водам Евфрата 343
Дараб узнает от жены газера о своем происхождении и вступает в войну с Румом 349
Рошневад узнает правду о Дарабе 352
Битва Дараба с румийцами 354
Хомай узнает сына 357
Хомай возводит на престол Дараба 359
Дараб 363
Дараб строит Дарабгирд 363
Дараб наносит поражение войску Шоэйба 365
Дараб сражается с Филькусом и берет в жены его дочь 366
Дараб отсылает дочь Филькуса в Рум, где она рождает Искендера 369
Дара 372
Смерть Филькуса и воцарение Искендера 374
Искендер прибывает к Даре под видом своего посла 376
Сражение Дары с Искендером 381
Второе сражение Дары с Искендером 382
Третье сражение Искендера с Дарой 385
Послание Дары Искендеру с предложением мира 388
Дара погибает от руки своих везиров 389
Предсмертное завещание Дары Искендеру 392
Искендер пишет послание иранской знати 397
Приложения
Комментарии 403
Именной указатель 441
Географический указатель 447
Предметный указатель 450

А. Фирдоуси. «Шахнаме», т. IV

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
АН СССР

*

Редактор издательства *Д. П. Лбова*
Технические редакторы *В. И. Зудина, Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 4/II 1969 г. Подписано к печати 28/V 1969 г.
Формат 70×90$^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 34,5
Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 10000.
Тип. зак. № 69.

Цена 1 р. 56 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ФИРДОУСИ · ШАХНАМЕ

ФИРДОУСИ
ШАХНАМЕ